

З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузії

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS

1924

*Il a été tiré
de cet ouvrage
vingt exemplaires hors commerce
sur papier pur fil Lafuma
numérotés de 1 à 20.*

Tous droits réservés,

З. АВАЛОВЪ.

X

Независимость Грузіи

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS

—
1924

საქართველოს იუსტიციის
მინისტრი

ზეოგნას

ქადაგის
აზალთ საიმედოვ

1517
Q5

MORTUIS PRO GEORGIA
IN MEMORIAM

JUNIORIBUS.
IN SPEM

POST-SCRIPTUM вмѣсто ПРЕДИСЛОВІЯ

«Я-бы желалъ, чтобы Грузіи вернулась былая сила; чтобъ она не нуждалась въ чужеземной помощи; и была вполнѣ самостоятельна, въ мирное и военное время...

Но такъ какъ мы или теченіемъ времени, или превратностями судьбы, а, можетъ быть, вслѣдствіе того и другого, дошли до такой слабости, что должны подчиняться другимъ, то я считаю самымъ разумнымъ быть въ зависимости отъ тѣхъ, въ комъ большие умѣренности и справедливости, и кто прочно хранить дружбу со своими союзниками»...

Слова эти произнесены не вчера. Но сказаны они могли быть и въ наши дни; и сто лѣть тому назадъ; и, вообще, всякий разъ когда Грузія вынуждалась избирать политическую связь съ какой либо изъ сосѣднихъ Имперій, вершавшихъ судьбы народовъ.

Приведенная полновѣсная тирада взята изъ рѣчи, вкладываемой раннимъ византійскимъ историкомъ въ уста оратору Айету, «знатному человѣку... ненавидѣвшему все римское, всегда тяготѣвшему къ персамъ». Произнесены-же были эти слова (въ которыхъ Грузія поставлена на мѣсто Лазики-Колхида, точнѣе: государства или республики колхозъ) въ 554 г. по Р. Х., передъ собраніемъ народа, тайно обсуждавшимъ въ какой-то горной трущобѣ политическую злобу дня: то былъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ для тогдашняго Закавказья историческихъ моментовъ, когда изъ за него и на его земль шла борьба между персами и римлянами т. е. византійцами, не безъ участія мѣстныхъ народовъ.

Въ словахъ Айета выражено удивительное, по краткости и ясности, обоснованіе того, что нынѣ именуютъ политическою ориентациею—Грузіи или любого изъ такъ называемыхъ малыхъ

народовъ, отстаивающихъ, въ аналогичныхъ условіяхъ, свою независимость въ борьбѣ могущественныхъ имперій.*)

Въ серединѣ VI вѣка народамъ Кавказа приходилось выбирать между давленіемъ Восточной Римской Имперіи и сассанидской реакцией Ирана. Но, оглядываясь назадъ, дѣятели той эпохи могли припомнить не одну, совершившуюся въ прошломъ смѣну ориентаций. Чѣмъ инымъ, какъ не надлежаще избраннымъ направлениемъ являлась связь, союзничество съ державнымъ и благопріятно далекимъ Римомъ, о чёмъ память, навѣрное, была еще свѣжа, и о чёмъ до сихъ поръ сохранилось лапидарное свидѣтельство на знаменитомъ ангорскомъ монументѣ (*Monumentum Ancyranum*) Августовыхъ дѣяній (*Index rerum gestarum divi Augusti*: *Черезъ своихъ депутатовъ цари иберовъ, албановъ... просили о дружбѣ римскаго народа*), не говоря объ извѣстной мѣхетской надписи Беспакана?

Въ предыдущемъ же столѣтіи, въ дни Помпеевъ и Лукулловъ, во время борьбы Республики съ Митридитомъ Евпаторомъ Понтійскимъ, не ставилъ-ли Кавказъ своей ставки на «плохую лошадь» и не пострадалъ-ли отъ неправильной «орієнтації»? Далеко, вглубь вѣковъ, могъ озираться патріотъ Колхиды - Лазики или Иберіи VI-го вѣка и многое могъ-бы припомнить. Онъ не зналъ, однако, того, что было впереди, что готовилось въ приближавшемся будущемъ: ни вѣковыхъ тяготъ положенія Кавказа между мірами воинствующаго ислама и столь-же нетерпимаго христолюбія; ни судьбы этихъ странъ, какъ наковалъни подъ молотомъ непрестанныхъ вторженій; ни всѣхъ превратностей послѣдующихъ вѣковъ, которая приводили Грузію, послѣ Багдада халифовъ и Константинополя багрянородныхъ, — и въ Испаганъ персидского Возрожденія, и въ Стамбуль Амуратовъ, и въ Москву «тишайшихъ» царей; а въ наше время, послѣ вѣковой связи съ петербургской Имперіей Романовыхъ, направлять ее въ 1918 г. къ Берлину, въ 1919 — къ Лондону, а въ 1921 г. опять приведутъ подъ власть Москвы, въ этотъ разъ Москвы Ленина.

*) Ср. подлинные слова, приписанныя Айтту: *A g a t h i a e Historiarum III. 9.* Стр. 156 изд. 1828. *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Русскій переводъ въ текстѣ — по сборнику: *Лазика и Иберія (К. Ганъ. Извѣстій древнихъ писателей о Кавказѣ. Ч. II. Тифлісъ. 1890 г.)*, но слегка мною подшлифованъ: У Гана *κολχικε πολιτεῖα* греческаго подлинника неправильно передано «царствомъ Колховъ».

Не могли тогда, въ VI-мъ столѣтіи, предвидѣть и того, что должна была осуществиться мечта и о полной независимости, самостоятельности Грузіи — о томъ, что привлекало Айэта въ прошломъ. Наступилъ, дѣйствительно, моментъ, когда трудами народа, благоразуміемъ правителей и напряженіемъ національныхъ энергій, Грузія, благопріятствуемая виѣшними обстоятельствами, правильно оцѣненными и искусно использованными, не нуждалась въ выборѣ «орієнтацій», но зажила вольною жизнью въ бореніи и труда: отъ Давида Строителя до Тамары (XI-XIII ст.), на протяженіи, примѣрно, срока, положенного Ибнъ-Калдуномъ для расцвѣта государства, и Грузія пережила радость и плодотворное броженіе великихъ эпохъ. Заботливой рукой новыхъ поколѣній ученыхъ и писателей, сметается постепенно прахъ забвенія съ заброшенной, забытой было страницы прошлаго; и это прошлое, подобно фрескѣ, очищенной отъ копоти вѣковъ, начинаетъ блестать 'всѣмъ' богатствомъ благородныхъ красокъ для прозрѣвающихъ глазъ. Возстановляется старая традиція, которая всегда была традиціей культуры и гуманности.

Въ этой связи и въ такой перспективѣ было бы тщетно и суетно въ современномъ политическомъ движениі Грузіи и другихъ народовъ Кавказа видѣть случайное порожденіе виѣшнихъ обстоятельствъ, честолюбій и интригъ. Это, очевидно — новый отпрыскъ на старомъ деревѣ съ корнемъ уходящимъ глубоко въ почву.

Намекая на этотъ корень и приглашая оглянуться на мгновеніе назадъ, авторъ нисколько не собирается отвлекать читателя отъ политическихъ запросовъ нашихъ дней. Предлежащая книга пытается закрѣпить передъ его вниманіемъ нѣсколько лишь нитей въ безконечно сложной ткани жизненныхъ отношеній, которую Исторія, неустанный ткачъ, развертываетъ передъ нами. И если полезно разсказу о событияхъ и впечатлѣніяхъ, обнимающихъ 1918-1921 г. г., предложить нѣсколько словъ напоминанія о прошломъ, далекомъ — однако, вовсе не столь далекомъ, — то какъ же оставить безъ краткаго хотя-бы послѣсловія повѣсть, законченную такимъ важнымъ для Грузіи событиемъ, какъ возвращеніе въ ней совѣтского строя, послѣ вторженія коммунистовъ въ началѣ 1921 г.?

Это возвращаетъ насъ болѣе спеціально къ куску пережитой исторіи; намѣченному въ этой книгѣ.

Набрасывая эпопею вопроса о независимости Грузии въ международной политикѣ Европы 1918-1921 г.г., авторъ мало или почти вовсе не касался внутренней исторіи самой Грузии за эти годы. Внутреннее ея положеніе всегда какъ-бы постулировалось, преимущественно, въ положительныхъ тонахъ постепенного самоустроенія молодой жизнеспособной демократіи.

Такая, совершенно общая оцѣнка не такъ ужъ далека была отъ дѣйствительности: недаромъ, на основаніи наблюдений и сообщеній представителей державъ, вовсе не всегда и не сильно расположенныхъ въ пользу Грузии, страна эта добилась международного признанія своей независимости, одновременно и наряду съ балтійскими республиками.

Въ виду однако быстрого и полнаго крушения, которому подверглась, для многихъ неожиданно, въ началѣ 1921 г. представительная демократія Грузии подъ ударами совѣтской политики, необходимо, конечно, внести нѣкоторую поправку въ приведенную оцѣнку грузинской демократіи 1918-1921 г. г.

Поправка должна, одновременно, дать ключъ къ уразумѣнію того, чѣмъ облегчились торжество въ Грузии Совѣтовъ. Объ ошибкахъ внѣшней политики нѣть необходимости здѣсь говорить: онѣ указаны въ этой книгѣ. Проистекали-же онѣ въ сущности изъ того-же доктринерского наважденія марксизма, въ нарушение правилъ государственного искусства, которымъ причинялся такой ущербъ Грузии и въ ея внутреннихъ дѣлахъ.

Правительство Грузии мыслилось ея вождями какъ демократическое — въ отличіе отъ строя совѣтского.

На дѣлѣ Грузія, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованіямъ представительной демократіи. Внѣшнія формы послѣдней прикрывали здѣсь диктатуру грузинской соц.-дем. партіи.

Въ этомъ не было-бы бѣды. Это было даже полезно въ революціонную эпоху, создавая для правительства на первыхъ порахъ прочную опору въ видѣ хорошо организованной, вліятельной партіи. Но достаточно, по обстоятельствамъ, крѣпкая государственная власть осуществлялась съ чрезмѣрнымъ уклономъ въ сторону партійной доктрины, съ чрезмѣрными нарушеніями неписанныхъ, интуїціей постигаемыхъ, но бо многомъ непреложныхъ правилъ государственного искусства.

Притомъ, постепенно, такой характеръ грузинского правительства не ослаблялся, а усугублялся. Въ ноябрѣ 1917 года грузинскій национальный конгрессъ возвѣщалъ, казалось, картина всенародного единенія и обѣщалъ, думалось, политику национальную. Въ началѣ 1921 года Грузія имѣла и въ лицѣ своего правительства, и въ образѣ Учредительного Собранія простую креатуру партійной организаціи. Неустанно и съ упорствомъ неискусныхъ въ государственныхъ дѣлахъ доктринеровъ, все время съуживали самую основу своего существованія, своей будущности.

Въ концѣ пути правительство Грузіи очутилось на столь узенькомъ карнизе, что сбросить его внизъ оказалось возможнымъ простымъ щелчкомъ.

Происходило-же это не случайно. Вышедшее изъ революціи правительство Грузіи было все-же въ гораздо большей степени правительствомъ соціальной демагогіи, чѣмъ органомъ демократической и національной политики. Ему надлежало и легко было бы сдѣлаться послѣднимъ: этого не произошло.

Расправа съ земельными собственниками была, въ сущности, главною страстью этого правительства.

Аграрная реформа внушалась и дѣйствительными потребностями крестьянъ, и подавляющимъ примѣромъ и вліяніемъ русской революціи; но и приемами демагогической революціонной конкуренціи. Реформа эта была неизбѣжна; вылилась же она въ формы нисколько не соображенія съ условіями сельского хозяйства, съ будущими потребностями и съ укладомъ столь дифференцированной націи, какъ Грузія.

Сознательно наносился уничтожающій ударъ многочисленнымъ группамъ населенія, важной, сравнительно образованной и необходимой части его.*)

А одновременно, послѣ отчужденія въ пользу крестьянъ конфискованной у прежнихъ собственниковъ земли, невольно

*) Имѣются здѣсь въ виду, конечно, не тѣ, сравнительно немногіе, потомки вождей и рыцарей, — политическимъ ничтожествомъ и духовнымъ оскудѣніемъ заплатившіе за отказъ свой отъ народной традиціи, но обширный слой прочно связанныхъ съ землей и народомъ земельныхъ собственниковъ, среднихъ и мелкихъ, важное слагаемое и полезный сотрудникъ грузинской демократіи, пожелай она устроиться по-государственному.

усиливалось въ крестьянской массѣ, вообще присущее ей, равнодушіе къ вопросамъ политического строя, ослаблялся въ ней всякий инстинктъ сопротивленія вторгающейся извнѣ силѣ, разъ отъ послѣдней не ожидалось опасности для совершившагося надѣленія землею.

Словомъ, аграрная политика Грузіи имѣла уклонъ не въ сторону Европы и ея гражданскихъ кодексовъ и не была согласована съ государственнымъ интересомъ независимой Грузіи.

Прямоѣ-же нежеланіе, по малодушію и непониманію, серьезно заняться устройствомъ вооруженной силы (хотя бы по примѣру коммунистовъ съ 1918 г.), на случай всегда возможного вторженія, проистекала изъ той-же основной доктрины грузинского правительства, доктрины классовой борьбы и насилиственного соціального передѣла, которая и помѣщала ему сдѣлаться правительствомъ национальнымъ.

Аграрная реформа, обездоливъ, подавивъ однихъ, надѣливъ другихъ безъ возложенія на нихъ серьезныхъ тяготъ финансовыхъ и въ видѣ дѣйствительной воинской повинности, сдѣлала крайне затруднительнымъ устройство самой даже скромной арміи въ странѣ, столь богатой строевыми офицерами и въ народѣ, на протяженіи долгихъ вѣковъ выковавшимъ себѣ славу воинской доблести.

Когда Грузію довели до столкновенія съ Советской Россіей, не боясь вѣсть какимъ силамъ этой послѣдней не было оказано никакого почти сопротивленія. Все было сдѣлано для того, чтобы наступающая совѣтская армія встрѣтила не «вооруженный народъ» — а группу партійныхъ вожаковъ, общирное сообщество лицъ, причастныхъ къ эксплуатации государственной власти, а съ ними небольшую кучку вѣрныхъ мюридовъ.

Сбросить все это въ Черное море оказалось сущимъ пустякомъ.

Твердое знаніе этой внутренней обстановки — этого коренного отсутствія военной организаціи въ Грузіи — и подсказало московскому правительству мысль о необходимости «покончить съ Грузіей», какъ только вѣшняя обстановка (о чёмъ сообщено въ книгѣ) сложилась для того благопріятно.

Извлечена была при этомъ великая польза и изъ огромнаго соблазна, неизбѣжно вносимаго въ умы «трудящихся массъ»

Грузії, клієнтовъ и мнимой опоры с.-д. правительства —sov'єтскими лозунгами классовой борьбы, отобранія земель и пр. Это было то, на чём массы именно и воспитывались въ Грузії. Какое вліяніе могли имѣть тогда всѣ сколастическія оговорки и разнотолкованія тифлісскихъ начетчиковъ, разъ ихъ-же девизы явственно различались на знаменахъ вторгавшихся войскъ, и привычный престижъ россійского могущества принималъ обличie еще вчера столь горячо лелѣмаго краснаго знамени?

Противопоставить въ послѣдній моментъ страну-націю вторгающемуся въ нее чужеземцу, перейти внезапно съ жаргона международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ на языкъ патріотизма и національной экзальтациі — было дѣломъ запоздалымъ и безнадежнымъ. Если бы съ 1918 года проявлена была въ этомъ отношеніи самая средняя государственная заботливость, не было-бы и надобности въ этихъ внезапныхъ и столь ненужныхъ обращеніяхъ...

Вотъ и произошло, неизбѣжно и неустранимо, крушеніе грузинской демократіи какъ разъ въ моментъ, когда усъвѣвшись самоувѣренno и самодовольно на узкомъ карнізѣ ею облюбованной партійной исключительности, она, послѣ полнаго международного признанія независимости Грузії въ январѣ 1921, предвкушала еще болѣе полное и болѣе спокойное наслажденіе плодами своихъ, во многомъ цѣнныхъ трудовъ. Въ этотъ-то моментъ она и была, какъ сказано, съ большою легкостью сброшена внизъ.

Прибавить-ли то, какъ этому способствовало неумѣніе согласовать темпъ работы по улаженію споровъ съ сосьдями и по устройству нужныхъ съ ними союзовъ съ лихорадочнымъ ритмомъ исторії? Прибавить-ли, какъ послѣ трехъ лѣть вѣнѣшней политики, во многомъ удачной, Грузію поставили въ положеніе полной изолированности, подъ вѣчную угрозу удара — Москвы и Ангоры? Остановиться-ли еще на томъ, какъ однімъ и другимъ воспользовалась Москва, и какъ способствовала своему успѣху на Кавказѣ программою союзного объединенія закавказскихъ республикъ — силою навязавъ имъ то, чего онѣ не пожелали сами сдѣлать на путяхъ свободы и независимости? или на томъ размежеваніи съ Турцией осуществленномъ московскимъ правительствомъ, въ усло-

віяхъ тягостныхъ особенно для Армении (уступка Карса) но и для Грузіи; но которое было все-же разрешениемъ вопроса, вѣроятно къ удовольствію многихъ желавшихъ спокойно работать на прирѣзанной и добытой послѣ революціи землѣ?

Здѣсь достаточно намѣтить эти главныя линіи, чтобы, вернувшись опять къ стилю историческихъ созерцаній, сказать, что грузинская демократія 1918-1921 г., бывшая формой диктатуры с.-д., т. е. марксизма праваго крыла, являлась періодомъ подготовительнымъ къ торжеству въ Грузіи диктатуры совѣтской. Всѣмъ содержаниемъ соціальной политики и духомъ своимъ, демократія эта, вопреки несомнѣнно и ярко пробуждавшемуся въ ней народному сознанію, обращена была на дѣлѣ въ сторону Москвы, а не Европы. И этимъ создавалось коренное противорѣчіе съ той европейской ориентацией ея вѣнѣшней политики, которой Грузія держалась настойчиво до лѣта 1920 г.

Когда въ тяжелые дни февраля-марта 1921 г. Грузію уложили на столъ, и опытный хирургъ, совѣтская власть, произвелъ надъ ней жестокую операцию, онъ зналъ что пациентъ захлороформированъ и подготовленъ къ операциіи не менѣе опытной, хотя и не столь дерзающей рукой грузинскихъ с.-д.

То что политически и субъективно было борьбой и казалось переворотомъ, исторически и объективно оказывалось простымъ раздѣленіемъ труда и чередованіемъ фазъ.

Вотъ и все. Это печально, но такие политические пассажи не кажутся значительными въ эпоху, когда миллионы здоровыхъ цвѣтующихъ людей умерщвлялись какъ ни въ чемъ не бывало!

Исторія человѣчества порою принимаетъ формы сумашедшей пляски. За вѣнѣшними бредовыми формами, за быстрымъ мельканіемъ событий важно видѣть основные темы, постоянно возвращающіяся прочныя нити.

Стремленіе народовъ къ свободѣ, къ творческому независимому существованію въ таинственномъ единеніи наці-

нальныхъ коллективахъ и есть одна изъ такихъ темъ, одна изъ мнимо лишь прерываемыхъ нитей.

Независимость Грузіи и сосѣднихъ ей народовъ Кавказа, несмотря на событія 1920-21 г. г., вовсе не является простымъ эпизодомъ вчерашняго дня, съ такою скоростью уходящаго въ исторію; напротивъ, она есть и останется живой темой и нашихъ дней и близкаго будущаго. Поэтому и книга эта далека отъ настроенія выраженнаго въ знаменитомъ

Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.

И если здѣсь ничего не прибавляется о томъ, въ какихъ условіяхъ и съ какими превращеніями жизнь Грузіи протекаетъ нынѣ въ навязанномъ ей единеніи съ другими государствами совѣтскаго Союза; какъ рисуется политическое и хозяйственное развитіе на Кавказѣ подъ вліяніемъ всего, созданного русскою революціей, положенія; и какъ на дѣлѣ устраиваются взаимоотношенія между кавказскими народами, послѣ отхода къ Турціи значительныхъ территорій по Карскому миру 1921 г.; — то это лишь потому, что здѣсь передъ нами уже новый, сложный отрѣзокъ исторической ткани, еще не вышедший изъ рукъ Ткача, и въ которомъ разбираться было бы преждевременно.

И Грузія, и Арменія, и Азербайджанъ существуютъ; прокатившаяся по нимъ колесница всеобщаго уравненія, не стерла ихъ съ лица земли. Исторія ихъ не прерывается въ 1921 году; она протекаетъ въ новыхъ условіяхъ.

Для книги, основанной на прямомъ опытѣ и непосредственныхъ переживаніяхъ, какъ эта, достаточно такихъ общихъ замѣчаній: о политическихъ судьбахъ нашихъ республикъ съ 1921 г. авторъ могъ бы говорить лишь какъ любопытный читатель, во многомъ неосвѣдомленный.

Итакъ — продолженіе, не перерывъ. И никому не слѣдуетъ цѣпляться за прошедшее. Въ настоящемъ гораздо больше реальности, а въ будущемъ — привлекательности.

Что же касается тѣхъ многихъ, къ которымъ авторъ и себя причисляетъ, и кто, пострадавъ отъ политическихъ сумятицъ (насколько, однако, меньше погибшихъ на войнѣ отъ меча, или растерзанныхъ въ гражданскихъ схваткахъ!) не придаетъ сво-

имъ личнымъ ранамъ значенія, и не смѣшиваетъ ихъ съ судьбой дѣла, которому служилъ, имъ остается припомнить слова умницы, давно писавшаго и за себя, и за нихъ:

«si l'evenement me bat, s'il favorise le party que j'ay refusé, il n'y a remede; je ne m'en prens pas à moy; j'accuse ma fortune, non pas ton ouvrage; cela ne s'appelle pas repentir».
(Montaigne. Essais. Livre III, chap. II.).

Парижъ, сентябрь 1924.

Примѣчаніе. Предполагалось дополнить настоящее сочиненіе вторымъ томомъ, въ который вошли-бы написанные авторомъ и обнимающіе весь періодъ отъ провозглашенія независимости Грузіи вплоть до юридического ея признанія великими державами (1918-1921) ноты и меморандумы, подававшіеся по дѣлу Грузіи, за разными подписями, въ различныхъ столицахъ Европы. Документы эти, представляя какъ-бы небольшое собраніе материаловъ по новѣйшей исторіи Грузіи и Кавказа, являли-бы, въ то-же время, въ совокупности своей, нѣкоторое единство мысли и стиля, будучи составлены однимъ лицомъ. Въ видѣ-же предисловія и комментарія къ этому сборнику французскихъ писаній, имѣлось въ виду дать краткій обзоръ нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ кавказской политики. Отъ мысли этой, къ великому облегченію для читателя и къ еще большему — для автора, пришлось отказатьсѧ.

Нелишнимъ, кажется, будетъ также объяснить, почему книга эта, грузинская и кавказская по существу, издается по-русски: авторъ имѣлъ въ виду, что для разбросанныхъ по Европѣ дѣтей Кавказа и для русскихъ, съ Кавказомъ связанныхъ — т. е. для возможного круга его читателей русскій является наиболѣе понятнымъ общимъ языкомъ.

Настоящее сочиненіе (съ предисловіемъ) было сдано въ печать до полученія извѣстій о возстаніи въ Грузіи (сент. 1924).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

| | Стр. |
|---|------|
| Post-Scriptum, вместо предисловия | VII |
| Оглавление | XVII |
| Вступление. | 1 |
| Глава I. — <i>Съ Россieй!</i> | |
| 1. Свободная Грузія въ свободной Россіи | 3 |
| 2. Къ исторіи россійского федерализма | 5 |
| 3. Въ дни Временного Правительства | 6 |
| Глава II. — <i>Грузинскій комитетъ въ Петроградѣ.</i> | |
| 4. Дѣла обывательскія | 9 |
| 5. Дѣла военные | 10 |
| 6. Нѣчто о мирѣ брестъ-литовскомъ | 11 |
| Глава III. — <i>Санитарный поездъ № 133.</i> | |
| 7. Его удачі | 14 |
| 8. Злоключенія | 16 |
| 9. Привалъ въ Пятигорскѣ | 21 |
| Глава IV. — <i>На Кавказѣ.</i> | |
| 10. Снова въ путь | 23 |
| 11. По Военно-Грузинской дорогѣ | 24 |
| 12. Въ Тифліссъ весною 1918 г. | 26 |
| Глава V. — <i>Въ Батумъ къ туркамъ.</i> | |
| 13. Какъ это случилось | 30 |
| 14. Съ «делегатскимъ» поѣздомъ | 33 |
| 15. Чувства и лица. | 35 |
| Глава VI. — <i>Конференція.</i> | |
| 16. Засѣданіе 11-го мая | 40 |
| 17. Турецкія предложения | 41 |
| 18. Какъ быть? | 43 |
| 19. Чернильная война. | 45 |
| Глава VII. — <i>Развалъ Закавказья.</i> | |
| 20. Подъ прессомъ исторіи | 48 |
| 21. Изъ батумскаго дневника. | 50 |
| 22. А Россія? | 51 |

XVIII

| | |
|---|-----|
| Глава VIII. — Новый путь. | |
| 23. Независимость Грузии. | 54 |
| 24. Дни решения. | 57 |
| Глава IX. — Курсъ на Германію! | |
| 25. Изъ Батума въ Поти. | 63 |
| 26. Потійское соглашение 28-го мая 1918 г. | 65 |
| Глава X. — Quo vadis, Georgia? | |
| 27. Изъ Поти въ Берлинъ. | 70 |
| 28. Наши задачи | 74 |
| Глава XI. — Въ Берлинъ, лѣтомъ 1918 г. | |
| 29. Первые встречи | 77 |
| 30. Затрудненія и достиженія | 83 |
| Глава XII. — Турція торжествуетъ. | |
| 31. Батумскіе акты 4-го июня 1918 г. | 92 |
| 32. Подкопъ подъ нихъ въ Берлинѣ | 96 |
| 33. Въ треугольникѣ: Берлинъ-Москва-Константино- поль | 99 |
| Глава XIII. — Ставка на Германію. | |
| 34. Основанія «германской оріентаціи» | 101 |
| 35. «На черномъ камнѣ» | 105 |
| 36. Германо-русское соглашение 27-го авг. 1918 г.... | 109 |
| 37. Турецкая канитель | 112 |
| Глава XIV. — Береженаго и Богъ бережетъ! | |
| 38. Четь или нечетъ? | 114 |
| 39. Въ Христіаніи | 116 |
| Глава XV. — На поворотъ. | |
| 40. Талаатъ-паша въ Берлинѣ | 121 |
| 41. Проектъ грузино-германского договора | 124 |
| 42. Переломъ | 126 |
| Глава XVI. — Посреди крушений. | |
| 43. Съ послѣднимъ «Балканскимъ поѣздомъ» | 129 |
| 44. Въ Константинополь, октябрь 1918 г.... | 133 |
| 45. По развалинамъ «Срединной Европы» | 145 |
| Глава XVII. — Конецъ «германской оріентаціи». | |
| 46. Въ Берлинѣ, ноябрь 1918 г.... | 152 |
| 47. Мудросское перемирие | 154 |
| Глава XVIII. — Курсъ на Западъ! | |
| 48. Берлинъ-Лондонъ | 159 |
| 49. На новыхъ рельсахъ | 168 |

XIX

| | |
|--|-----|
| Глава XIX. — <i>Новая вариация на прежнюю тему.</i> | |
| 50. Закавказская распри | 165 |
| 51. Программа Великой Армении | 168 |
| 52. Теория буферного государства | 170 |
| Глава XX.— Въ Лондонъ, на канунъ Парижской конференции. | |
| 53. Европа и Кавказъ | 173 |
| 54. Ложный маякъ | 175 |
| Глава XXI. — Подъ солнцемъ Конференции. | |
| 55. Первая радости | 178 |
| 56. Принципо | 180 |
| 57. Чхеидзе и Церетели | 182 |
| Глава XXII. — Тѣнь Россіи. | |
| 58. Грузинская делегація въ Парижъ | 188 |
| 59. Единая Россія и окраины | 191 |
| 60. Великія державы и Единая Россія | 192 |
| Глава XXIII. — Грузія и Добровольческая Армія. | |
| 61. Отъ худого мира къ доброй ссорѣ | 196 |
| 62. «Демаркаціонная линія» | 199 |
| Глава XXIV. — Англія между Россіей и Кавказомъ. | |
| 63. Каждому свое | 204 |
| 64. Интернаціональ и Имперіалисты | 207 |
| Глава XXV. — Три сосѣда. | |
| 65. Грузія, Азербайджанъ, Арmenія | 209 |
| 66. Борчалинский вопросъ передъ судомъ Интернаціонала | 212 |
| Глава XXVI. — Въ поискахъ мандатарія. | |
| 67. Мандатъ и независимость | 214 |
| 68. Англія? | 220 |
| 69. Италія? | 221 |
| Глава XXVII. — Американскій миражъ. | |
| 70. Надежды и предположенія | 225 |
| 71. Миссія генерала Харборда | 228 |
| Глава XXVIII. — Въ концѣ года (1919). | |
| 72. Послѣднія предубѣжденія | 234 |
| 73. Наканунѣ признанія | 236 |
| Глава XXIX. — «Фактическое» признаніе (январь 1920 г.). | |
| 74. Верховный Совѣтъ и Закавказская республики | 238 |
| 75. Передъ «красной» опасностью | 243 |
| 76. Признаніе добровольцевъ | 247 |

| | |
|---|-----|
| Глава XXX. — Верховный Советъ въ Лондонѣ. | |
| 77. Русская политика державъ (февраль-мартъ 1920 г.) | 250 |
| 78. Въ комиссіи о границахъ Арmenіи | 253 |
| 79. Борьба за Батумъ и выходъ Арmenіи къ морю... | 257 |
| 80. Между сосѣдями | 260 |
| Глава XXXI. — Кавказскія республики и конференція въ Санъ-Ремо (апрѣль 1920 г.). | |
| 81. Парижское предисловіе | 265 |
| 82. Anglo-кавказскіе переговоры и испытаніе кавказ- ской солидарности | 271 |
| 83. Крушеніе британскаго плана | 280 |
| Глава XXXII. — Уходъ Европы и возвращеніе Россіи. | |
| 84. Паденіе Баку; грузино-русское соглашеніе.... | 283 |
| 85. Грузинскій Батумъ и Севрскій договоръ | 288 |
| 86. Западническія иллюзіи и восточная дѣйствитель- ность | 291 |
| Глава XXXIII. — Лига Націй или «оставьте все надежды». | |
| 87. На первой «ассамблѣи народовъ» (нояб.-дек. 1920) | 294 |
| 88. Паденіе Арmenіи | 301 |
| Глава XXXIV. — Признаніе Грузіи de jure (январь 1921). | |
| 89. «Нынѣ отпущаеши раба твоего» | 307 |
| 90. Паденіе Грузіи (февраль 1921 г.) | 311 |
| Указатель имёнъ. | |
| Исправленіе погрѣшностей. | |

*НЕЗАВИСИМОСТЬ
ГРУЗИИ
въ международной политикѣ
1918-21 г.г.*

გამარჯვება გათი აგენაზი
ვითა სიციარი დაგინა.

RUSTHAVELI

ВСТУПЛЕНИЕ.

Стремленіе къ независимости обнаружилось въ Грузіи съ первыхъ же дней россійской революції. Иначе не могло и быть.

Условія присоединенія Грузіи къ Россіи были ненормальны; произошло оно, въ свое время (1801 и сл.), далеко не безболѣз-ненно.*)

Несмотря на значительную энергію и впльшній успѣхъ russификаторской политики, несмотря на полную невозможность для Грузіи организовать свою национальную жизнь, достаточного сліянія, сращенія съ Россіею все-же не произошло.

Вліяніе russской культуры, отчасти разрушительное, въ другихъ отношеніяхъ благотворное, было здѣсь во всякомъ случаѣ глубокимъ и разностороннимъ; политическая лояльность Грузіи по отношенію къ Россійской имперіи оставалась въ теченіе доброго столѣтія прочной, непоколебимой — а все-же russификація Грузіи въ смыслѣ окончательнаго ея отказа отъ всякихъ собственныхъ национальныхъ стремлѣній была такъ-же мало достигнута въ Грузіи, какъ на другихъ «инородческихъ» окраинахъ. Правду сказать, сама эта программа russификаціи говорила лишь о скучности государственного,

*) См. обѣ этомъ З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2-ое изд. 1906. Имѣется еще старая книга Н. Дубровин а хорошее небольшое изслѣдованіе Хелтулишивили (въ московскомъ Юридич. Вѣстникѣ 1890-хъ г. г.) и т. д., но предметъ не получилъ еще полной обработки.

творчества, о высыханіи живыхъ источниковъ «имперскаго строительства» въ самомъ государственномъ центрѣ Россіи.*)

Конечно: только революція 1917 года давала серьезную возможность выдвинуть грузинскій вопросъ какъ въ просьбѣ публичнаго права въ Россіи. Но только большевицкій переворотъ и политическая конъюнктура великой войны послѣ Брестъ-Литовскаго мира въ 1918 году сдѣлала возможнымъ — но и необходимымъ — разрѣшеніе этого вопроса (для многихъ неожиданное), въ смыслѣ полной государственной независимости Грузіи, слѣдовательно, уже на почвѣ права международнаго.

Собственно къ этой международной стадіи въ развитіи грузинскаго вопроса (1918-1921 г. г.) и относятся излагаемые здѣсь факты, наблюденія, воспоминанія. Но для ясности придется начать съ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ эпизодовъ (преимущественно 1917 г.) — то политического значенія, а то и просто бытовыхъ, имѣющихъ, однако, всегда прямое отношеніе къ главной, чисто политической темѣ этой книги.

*) Общий очеркъ национального вопроса въ Грузіи наканунѣ войны и революціи сдѣланъ былъ мною для сборника: *Формы национального движенія въ Европѣ и Россіи*, изданного въ 1909 году (Спб. «Общественная Польза»). Другой мой этюдъ о политическихъ проблемахъ Кавказа былъ напечатанъ въ *«Русской Мысли»* П. Б. Струве (1911 г.). Возможно, что въ этихъ работахъ освѣщены тѣ корни, изъ которыхъ — въ нѣсколько тепличной атмосфѣрѣ 1918 года столь стремительно произросло древо независимости Грузіи.

ГЛАВА I. СЪ РОССИЕЙ!

1.

Когда въ Петроградѣ разразилась февральская революція, т. е. иными словами, когда начала рушиться и распадаться держава Романовыхъ, никто въ Грузіи (исключеній здѣсь было немного) не подумалъ и не сказалъ: «пришло время сбросить русское иго». Однако, понимали, что насталъ конецъ всей системѣ управлѣнія Кавказомъ посредствомъ традиціонной военно-полицейской диктатуры; что, вмѣстѣ съ властью Императоровъ, падаетъ кавказское проконсульство, какъ оно сложилось за вѣкъ русского владычества. Государственное самоуправлѣніе народовъ Кавказа, еще вчера казавшееся недосягаемою мечтою, вдругъ показалось дѣломъ предрѣшеннымъ, непререкаемымъ.

Но Временное Правительство (перваго состава) вовсе не собиралось отказываться отъ русскихъ владѣній на Кавказѣ — или отъ какой-либо другой части исторического наслѣдія Россіи: оно скорѣе не прочь было это наслѣдіе пріумножить. Съ другой стороны, ни Грузія, ни какая другая часть Кавказа вовсе и не думала тогда отдѣляться отъ Русской Имперіи. (Императоровъ больше не было, Имперія, думалось, продолжала быть). Казалось, что революція дастъ всѣмъ возможность соединиться воедино на началахъ, на этотъ разъ, для всѣхъ пріятныхъ и благопріятныхъ. Съ такимъ, повидимому, чувствомъ и Временное Правительство отправляло въ Тифлисъ «Особый Закавказскій Комитетъ» (о которомъ скажу нѣсколько словъ ниже).

Но въ духѣ единенія съ Россіей надо разумѣть и тѣ заявленія о независимости Грузіи, которыя дѣлались, начиная съ марта 1917 года, и въ Грузіи, и за ея предѣлами.

Заявленія эти можетъ быть и не имѣли прямого практическаго значенія: однако, по нимъ легко было видѣть, какъ естественно протекала политическая кристаллизациѣ общественнаго мнѣнія въ самой Грузіи и въ разсѣянныхъ по всей Россіи грузинскихъ колоніяхъ. Стержнемъ этой кристаллизациѣ была именно идея независимой Грузіи, т. е. созданіе въ ней собственного государственного правопорядка, съ тѣмъ, однако, чтобы Грузія оставалась въ предѣлахъ общероссійскаго государственного союза.

Основанная на этой мысли резолюція, была, напримѣръ, единогласно принята общимъ собраніемъ проживавшихъ въ Петербургѣ грузинъ еще въ мартѣ 1917 года, гдѣ вдохновенную рѣчъ произнесъ будущій основоположникъ тифліссскаго университета, извѣстный грузинскій историкъ И. Джавахишвили: устами его вдругъ заговорила какъ-то по-новому тысячетѣтняя политическая традиція Грузіи.*)

Впрочемъ, въ самые первыя мѣсяцы революціонной эпохи наиболѣе организованная и численная въ Грузіи политическая партія (соц.-дем.) еще какъ-то чуждалась этого общаго русла народныхъ стремлений и надеждъ — столь простыхъ и естественныхъ. Грузинскіе соціалъ-демократы пребывали всегда въ составѣ россійской с.-д. партіи; въ Грузіи они жестоко и, большую частью, побѣдоносно, — такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось — боролись со сторонниками автономіи Грузіи, за «централизмъ».

Такая позиція, естественно, была сохранена ими, при Временномъ Правительствѣ, пока россійскій «меньшевизмъ», политическими послѣдователями и пайщиками котораго они были, занималъ вліятельное положеніе въ руководствѣ революціей; въ это время они не очень-то одобрительно смотрѣли на успѣхи лозунга «независимости» въ Грузіи и на другихъ окраинахъ Россіи.

Все это имѣло свои причины и объясненіе, которыхъ было бы не къ мѣсту здѣсь приводить. Упоминаю обѣ этомъ только чтобы пояснить, что стремленіе къ независимости обнаружилось въ грузинскомъ обществѣ съ первыхъ же дней революціи; но что именно послѣ октября (совѣтскаго) переворота и послѣ вызванного имъ отхода грузинскихъ с.-д. на позицію грузинской национальной программы, подкрѣпленную за-

*) Я имѣлъ честь предсѣдательствовать въ этомъ собраніи

кавказскимъ (временнымъ: «до Учредительного!») сепаратизомъ, «кристаллизацией» грузинскихъ народныхъ стремлений достигла всей желательной полноты. Это достижение связано с грузинскимъ национальнымъ конгрессомъ ноября 1917 года (въ Тифлисѣ), где явлено было действительное и, если угодно, «священное» единение всѣхъ классовъ и группъ грузинского народа.*)

2.

Но о томъ чтобы порвать государственную связь съ Россией, никто не думалъ; такъ же какъ не думали объ этомъ въ Эстоніи, Латвіи, на Литвѣ и на другихъ россійскихъ окраинахъ. Грузія шла въ этомъ отношеніи, можно сказать, въ ногу съ другими.

Мнѣ было тѣмъ легче судить объ этомъ, что въ 1917 году (какъ раньше въ 1905-6 г.г.) мнѣ пришлось принять участіе въ петербургскихъ совѣщаніяхъ окраинныхъ деятелей, сторонниковъ федеративного переустройства Имперіи. По порученію этого совѣщенія — оно собиралось обыкновенно въ помѣщеніи одного эстонскаго кредитн. общества, на Б. Конюшеннай — мною былъ даже составленъ схематический проектъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній этого устройства: изъ обсуждавшихъ его лицъ, иныхъ и слѣда нѣть, другіе стали государственными деятелями независимыхъ республикъ, какъ напр. Піппъ, позже — премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи.

Эти совѣщанія 1917 года являлись въ свою очередь прямымъ продолженіемъ такихъ-же совѣщаній 1905-6 г. г., особенно конференціи «автономистовъ», созванной осенью 1905 года въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи курсовъ Лесгата. Предсѣдателемъ ея былъ известный лингвистъ проф. Бодуэн-де-Куртенэ и закончилась она принятіемъ составленной мною

*) При этомъ одни, вполнѣ естественно, дорожили прежде всего фактомъ национального объединенія, какъ необходимой основой для созданія государственныхъ формъ; другіе, главнымъ образомъ, стремились къ укрепленію или обереганію — въ рамкахъ Грузіи или всего Закавказья того, что называли «завоеваніями революціи». На дѣлѣ эти двѣ вещи были тѣсно между собою связаны.

по порученію бюро резолюції объ автономномъ устройствѣ окраинъ Россіи.*)

Совѣщаніе, созвавшее эту конференцію, позже, въ 1906 г., стремилось къ организаціи особаго Союза автономистовъ въ 1-й Государственной Думѣ. «Совѣщаніе» устроило пріемъ зараженнымъ этою ересью членамъ Гос. Думы, на квартире всѣми уважаемаго эстонскаго дѣятеля, нынѣ покойного, — д-ра Геллать. «Союзъ автономистовъ» при 1-й Государственной Думѣ дѣйствительно образовался (предсѣдателемъ его былъ А. И. Ледницкій, секретаремъ В. Л. Геловани), но ничѣмъ себя не успѣлъ ознаменовать.

Однако, я вовсе не собираюсь писать исторіи лозунговъ автономіи и федераціи въ годы, предшествующіе революціі 1917 года. Многіе въ Россіи, считавшиѣ раньше эти идеи преступленіемъ, въ лучшемъ-же случаѣ, вздоромъ или чудачествомъ, прониклись ими послѣ 1917-20 г. г. Къ сожалѣнію, ко времени ихъ обращенія уже не существовало главной предпосылки федеративнаго переустройства Россійской Имперіи: не существовало болѣе этой Имперіи. Въ новыхъ-же условіяхъ, т. е. послѣ большевицкаго переворота — лозунгъ автономіи чуть не автоматически превращался въ лозунгъ независимости. Такъ было, въ частности, съ Грузіей, да и съ цѣлымъ Закавказьемъ, не говоря о другихъ окраинахъ.

Но, возвращаюсь къ эпохѣ Временнаго Правительства.

3.

Въ началѣ марта 1917 года (еще по старому стилю) меня какъ-то вызвали по телефону въ Министерство юстиціи къ А. Ф. Керенскому. «Только, ради Бога, не оставайтесь долго — увѣщивали въ приемной дамы, радѣвшіе о молодомъ министрѣ: ему надо завтракать, и онъ совсѣмъ выбился изъ силъ».

Дѣйствительно, Керенскій былъ въ полномъ изнеможеніи (и было отъ чего!). «Мы рѣшили, заговорилъ онъ наконецъ осипшимъ за эти первые, боевые дни переворота, голосомъ, поставить во главѣ Закавказья комитетъ, куда войдутъ члены Г. Думы. Съ ними же я прошу отправиться Переверзева.**) Мы хотѣли-бы включить въ этотъ комитетъ и Васъ. Согласны-ли

*.) Нѣсколько раньше, въ томъ-же 1905 году, мною напечатанъ былъ этюдъ «Областные Сеймы. Федерализмъ» въ сборникѣ «Конституціонное Государство», изданномъ въ Спб. И. В. Гесеномъ и А. И. Каминка.

**) Извѣстный присяжный повѣренный, позже, въ свою очередь, министръ юстиціи (Времен. Правит.).

Вы? Или Вы считаете — скажите откровенно — что лучше сдѣлать членомъ этого комитета Кита Абашидзе?*)

Близко связанный съ погившимъ въ 1915 году на Кавказскомъ фронтѣ членомъ Гос. Думы В. Л. Геловани и нѣкоторыми другими грузинскими дѣятелями, А. Ф. Керенскій былъ знакомъ съ политическими течениями и вопросами Кавказа.

Я высказался за кандидатуру К. Абашидзе. У Керенского были нѣкоторыя колебанія. Но они разсѣялись, и онъ согласился съ желательностью этого выбора (вопросъ затѣмъ такъ и былъ рѣшенъ Временнымъ Правительствомъ). Я откланялся будущему диктатору.

«Особый Закавказскій Комитетъ» былъ въ сущности delegacіей, для управлениія Закавказьемъ, россійскаго Временного Правительства. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ свои полномочія — но и свою слабость. На Кавказѣ возникли очень скоро революціонныя организаціи по русскому образцу: совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ и др. Благодаря ихъ «засилью» и по разнымъ другимъ причинамъ О. З. Комитетъ никогда не могъ стать на дѣлѣ тѣмъ «Закавказскимъ Правительствомъ по назначенію изъ Петрограда», какимъ онъ въ сущности являлся.**)

Временное правительство едва-ли имѣло досугъ чтобы подумать болѣе основательно о взаимоотношеніяхъ Кавказа и Россіи.

Отправивъ въ Тифлісъ «озакомъ»***), оно считало, что снабдило Закавказье временнымъ органомъ, ему нужнымъ. Былъ-ли какой-нибудь дальний планъ? Не знаю. По инерції, по рутинѣ многія «кавказскія» дѣла продолжали «восходить» на разсмотрѣніе «подлежащихъ центральныхъ вѣдомствъ и учрежденій». Нѣкоторые отдѣльные важные

*) Кита (собственно Иванъ) Абашидзе, видный грузинскій литераторъ, одинъ изъ руководителей партіи соц.-федералистовъ. Умеръ въ 1917 году, на посту члена Особаго Закавказскаго Комитета.

**) Предсѣдателемъ его былъ членъ Гос. Думы Харламовъ (к.-д.), а членами — А. Чхенкели, И. Абашидзе, М. Нападжановъ, М. Джабаровъ. Собственно, какъ бы образъ грузино-армяно-татарскаго единенія подъ руководствомъ Россіи. Но этотъ «символизмъ» былъ, кажется, единственнымъ достоинствомъ этого комитета.

***) Сокращенное обозначеніе Особаго Закавк. Комитета.

вопросы обсуждались Временнымъ Правительствомъ: напримѣръ, автокефалія грузинской церкви; позже — введеніе земскихъ учрежденій въ Закавказіи.*)

По основному же вопросу обь организаціи управлениія Кавказомъ, въ условіяхъ, созданныхъ февральскою революціею, ограничились, какъ сказано, созданіемъ «озакома».

Но, повидимому, нѣкоторымъ казалось, что связь Закавказья съ Россіей, съ правительстvenнымъ ея центромъ въ Петроградѣ, недостаточна обеспечивалась этимъ «озакомомъ», и что, кромѣ того, желательно было вновь (какъ до революціи) объединить высшее управлениe Южнаго и Сѣвернаго Кавказа (разъединенныхъ системою «озакома»).

Для всего этого надъ двумя Кавказами думали поставить особаго *верховнаго комиссара*. Возстановленное, такимъ образомъ, въ новыхъ формахъ, намѣстничество думали, кажется, ввѣрить Ф. А. Головину, б. предсѣдателю 2-ой Государственной Думы, а въ этотъ моментъ — комиссару Министерства Императорскаго Двора. Планъ былъ неясный, зачаточный. Но о немъ шла рѣчь въ одномъ частномъ совѣщаніи у Ф. А. Головина (въ Зимнемъ Дворцѣ), куда и я былъ призванъ въ качествѣ «свѣдущаго лица». Другое совѣщаніе на эту тему, съ меньшимъ числомъ участвующихъ и безъ Головина, имѣло мѣсто у В. Д. Набокова, который въ качествѣ управляющаго дѣлами временнаго Правительства, обеспечивалъ формально и связь его съ Кавказомъ. Совѣщаніе это не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Все это были въ данный моментъ иллюзіи и мечты кончавшейся эпохи.

Болѣе авторитетное (все относительно!) Закавказское правительство создано было нѣсколько позже *снизу*, а именно совокупностью мѣстныхъ организацій революціоннаго происхожденія (оставшихся вѣрными Учредительному Собранию и не признавшихъ власти Советовъ) — подъ названіемъ «Закавказскій комиссаріатъ» (ноябрь 1917 года). Послѣ этого формальное обособленіе отъ Россіи и созданіе особой Закавказской республики зависѣло только отъ виѣшнихъ обстоятельствъ.

*.) Я вовсе не коснусь здѣсь этихъ двухъ предметовъ, хоть и привлекался къ ихъ обсужденію весною и лѣтомъ 1917 г. въ Петроградѣ..

ГЛАВА II.

ГРУЗИНСКИЙ КОМИТЕТ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

4.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. мнѣ довелось быть членомъ «национального комитета» грузинской колоніи въ Петроградѣ. Послѣ революціи такие комитеты сразу, какъ грибы, появились всюду въ предѣлахъ бывшей Имперіи, отъ Польши до Тихаго океана — гдѣ только имѣлась хотя-бы небольшая горсточка людей грузинской породы. И возникли эти организаціи одновременно, самопроизвольно, свидѣтельствуя, пожалуй, о жизненности и безыскусственности грузинского национального движенія.

Петроградскій комитетъ занималъ, по соглашенію съ владѣлицей, особнякъ графини Паниной, что на Фурштатской.

Обычныя его функции — не особняка, а комитета — носили характеръ консульской (вещь важная при недостаткѣ законной охраны лицъ и имуществъ) и продовольственный (вещь полезная, когда хлѣбъ дѣлался рѣдкостью). Здѣсь, въ комитетѣ, было средоточіе скучныхъ извѣстій, получавшихся изъ Грузіи; здѣсь же попросту сходились, какъ въ клубѣ, чтобы поболтать — эпоха къ тому располагала — нерѣдко за чашкою чая. Въ особыхъ случаяхъ, созывались общія собранія грузинской колоніи.*)

*) На первыхъ порахъ совѣтскія власти относились съ достаточной терпимостью къ этимъ национальнымъ комитетамъ. Позже, съ развитіемъ террора, пошли стѣсненія разнаго рода. Предсѣдателемъ нашего комитета былъ сначала А. Коркіа, затѣмъ А. Черкезовъ, долговременный членъ редакціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (+).

Практическая полезность этой организаціи не вызывала сомнѣній: неоднократно комитету удавалось выручать изъ рукъ совѣтской полиціи лицъ зря арестованныхъ; не разъ онъ накормилъ своихъ «подопечныхъ» разными, льготно полученными, припасами. Однажды, по его милости, мы всѣ питались въ теченіе долгихъ дней... телячьими мозгами! Была, затѣмъ, недѣля «гречневая» и т. д.

Боюсь, что наше политическое заданіе — содѣйствовать насколько это было возможно изъ Петрограда и въ Петроградѣ — государственному «строительству» Закавказья (не пріявшаго, какъ извѣстно, совѣтского переворота 25 октября 1917 г.) удавалось намъ меньше, чѣмъ эта скромная «обывательская» работа для нуждъ нашей общины. Правильныхъ сообщеній съ Тифлисомъ не существовало. Исторические пути Россіи и Закавказья явно расходились.

Мы знали, конечно, и объ образованіи въ Закавказье фактически независимой власти («коміссаріата»), и о програмѣ, всенародно принятой въ ноябрѣ 1917 года грузинскимъ национальнымъ конгрессомъ въ Тифлісѣ; а, главное, знали, какъ Закавказье было отягощено незавиднымъ наслѣдіемъ бывшаго русско-турецкаго фронта, который, съ распадениемъ русскихъ армій, приходилось принимать теперь на свои плечи новымъ краевымъ и национальнымъ организаціямъ. Но пріести въ этомъ отношеніи какую нибудь пользу изъ Петербурга было мудрено.

5.

Въ грузинскихъ, а особенно въ армянскихъ кругахъ Петрограда и Москвы распространены были преувеличенны и сбивчивыя представленія о численности воиновъ закавказскаго происхожденія, освободившихся отъ службы на российскихъ фронтахъ и стремившихся обратно на родину — съ готовностью будто бы ее, т. е. эту мѣстную родину «тамъ» отстаивать отъ вѣнчаного врага.

Помню одно посѣщеніе «Смольного» вмѣстѣ съ генераломъ Л. Ф. Тиграновымъ, уполномоченнымъ армянского комитета. Мы были приняты лицомъ «отъ котораго все зависѣло» — А. Енукидзѣ; онъ обѣщалъ «содѣйствовать» скорому возвращенію домой освобождавшихся на европейскомъ фронте армянъ и грузинъ; а также отпуску разныхъ предметовъ военного снаряженія, до крайности необходимыхъ кавказскому фронту.

Ни эти наши шаги, ни даваемая намъ обѣщанія не имѣли, разумѣется, ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Подготавлившійся тогда миръ между Россіей и германскю коалиціей быль въ этотъ моментъ единственной дѣйствительной «сферой вліянія» совѣтскаго правительства и здѣсь его работа имѣла чрезвычайное значеніе. Закавказье-же было фактически предоставлено самому себѣ.

«Объединись, какъ слѣдуетъ, Грузія и Арменія — говорилъ Тиграновъ (б. офицеръ генерального штаба) на обратномъ пути изъ Смольнаго, — они смогли-бы и теперь съ турками справиться, и, въ будущемъ, создать неприступный бастионъ, оплотъ ихъ независимости. Припомните карту» и т. д.

Узы! и Грузія, и Арменія оставались до послѣдняго момента лишь «географическими выраженіями»; Временное правительство противилось формированию национальныхъ частей; да еще вопросъ, можно-ли было ихъ создать такъ скоро и въ такомъ количествѣ, какъ требовалось; несомнѣнно лишь, что некому было стать на мѣсто уходившей съ фронта, разложившейся русской арміи! Не буду, впрочемъ, останавливаться ни на этихъ фактахъ, ни на попыткахъ разныхъ «комитетовъ», «съѣздовъ» и лицъ объединить, въ частности, грузинскій военный элементъ въ Россіи и направлять его въ Грузію. Подчиняясь вліянію среды и «текущаго момента» (нелѣпое, но обиходное выражение русскаго политического жаргона на Кавказѣ!) организаціи эти увлекались и аграрнымъ вопросомъ, и программными спорами партій, а потому мало-что могли сдѣлать для пріумноженія военной силы Грузіи или Кавказа.

6.

Въ дни колебаній, предшествовавшихъ подписанію Брест-Литовскаго договора (январь-мартъ 1918 г.), въ Петербургѣ жилось тревожно. Ожидали иногда чуть ли не со дня на день занятія столицы германскими войсками. Чувства по этому случаю выражались довольно разнообразныя, но «обыватель», кажется, не прочь быль увидѣть на Невскомъ «прусскую каску». Въ чудодѣйственную силу германскаго порядка тогда очень ужъ вѣрили; и не менѣе другихъ тѣ, кто съ особымъ рвениемъ ненавидѣли немцевъ въ 1914-15 г. г.

Положеніе складывалось такое, что «национальныя» общинамъ приходилось думать о томъ, какъ быть въ случаѣ

прихода германцевъ. Грузинскій комитетъ имѣлъ даже совмѣстныя съ армянскимъ совѣщанія по этому поводу. Обсуждались разные формальные вопросы, не получившіе, однако, практическаго значенія, ибо германцы въ Петроградѣ не пришли.*)

Въ это же приблизительно время — печать была тогда еще довольно свободна въ Петроградѣ — я, по просьбѣ проф. Б. Э. Нольде, написалъ для журнала «Международная политика» статью**) специально о постановленіяхъ Брестъ-Литовского договора, касающихся Кавказа.

Разрывъ между закавказскимъ комиссариатомъ и Советскимъ правительствомъ сдѣлался полнымъ послѣ разгона Учредительного Собрания (11 января 1918 г.). Однако точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Тифлисѣ въ первые мѣсяцы 1918 года у насъ въ Петроградѣ не было. Но, зная мысли — а еще больше чувства — грузинъ и армянъ, я могъ въ своей статьѣ высказаться съ достаточнымъ основаніемъ о томъ, какъ они отнесутся къ уступкамъ Батума и Карса туркамъ. Я выразилъ увѣренность, что Брестъ-Литовский договоръ неминуемо приведетъ къ особымъ переговорамъ Закавказья съ Турцией и другими державами и дастъ толчокъ къ формальному, полному отпаденію этого края отъ Россіи — такъ и произошло на самомъ дѣлѣ.***) Но, прибавлялось съ възаключительныхъ строкахъ статьи, если такое рѣшеніе и вытекаетъ изъ сложившейся международной обстановки, оно, можетъ быть, окажется временнымъ: «быть можетъ, писалъ я, путь отъ поглощенія Закавказья (Россіей) къ прочной федеративной связи съ Россіей пройдетъ черезъ отдѣленіе отъ Россіи.»

*) Одно время большевики дѣлали видъ, что готовы, въ случаѣ чего, оказать и сопротивленіе германцамъ; въ виду этого группа офицеровъ затѣяла организацію добровольческаго «иверийскаго» полка (на такие предметы можно было въ этотъ моментъ получить авансъ отъ Советскаго правительства). Изъ предпріятія этого ровно ничего не вышло, и полкъ, еще не сформированнымъ, долженъ былъ «расформироваться», а составъ его (кажется, нѣсколько десятковъ человѣкъ) получилъ разрѣшеніе «вернуться» на Кавказъ особымъ эшелономъ. Грузинскій комитетъ, считая всю эту затѣю весьма легкомысленной, относился къ ней вполнѣ отрицательно. О неожиданной ея и трагической развязкѣ придется рассказать ниже.

**) *Батумъ и Карсъ.* Журналъ далъ въ рядѣ статей полное изложеніе и оцѣнку содержанія и послѣдствій Б.-Л. трактата.

***) Только я не ожидалъ, что Сеймъ Закавказья додумается до «возстановленія состоянія войны» съ Турцией!

Едва пять лѣтъ истекло съ того времени, какъ написаны были эти строки, и вотъ, Грузія и все Закавказье, отдѣлившись дѣйствительно отъ Россіи и утвердивъ свою независимость, уже успѣли подвергнуться вторженію совѣтскихъ войскъ (въ 1920-21 г. г.); а съ начала 1923 года и формально восстановили связь съ Россіей. Связь эта именуется федеративной; будетъ-ли она прочной?

Итакъ гаданіе мое начала 1918 года сбылось, къ сожалѣнію, въ 1922-3 годахъ; мнѣ-же, за это время пришлось поработать, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, чтобы оно... не сбылось; во-всякомъ случаѣ, чтобы не сбылось, ни въ такой формѣ, ни въ этихъ условіяхъ!

Трудно было сидѣть себѣ спокойно въ Петроградѣ въ такое время, когда Грузія и весь Кавказъ оказались въ необходимости выяснить и вести свою политику. Грузія воскресала изъ мертвыхъ. Хотѣлось быть тамъ, видѣть происходящее.

Въ Петроградѣ меня въ эти мѣсяцы*) удерживала только работа въ книгоиздательствѣ «Огни», ставившемъ себѣ очень широкія задачи, съ 1917 года, когда дѣловое руководство имъ перешло въ руки Н. Б. Глазберга. На моемъ специально поученіи была серія книгъ «Кругъ Знанія», въ которой появился въ, 1917-18 г. г. цѣлый рядъ работъ лучшихъ научно-литературныхъ силъ Петрограда. Назову академиковъ и профессоровъ: Зѣлинского, Ростовцева, Бартольда, Карсавина, Прѣснякова, Фармаковскаго и др.

Политическая атмосфера, очевидно, не соотвѣтствовало этимъ занятіямъ. Въ то время, какъ выяснялось безсиліе Учредительного Собрания и созрѣвали жестокія события гражданской войны, мы, въ очередныхъ засѣданіяхъ совѣта «Огней», подъ предсѣдательствомъ Е. А. Ляцкаго, обсуждали вопросы о переизданіи «Книги Маркизы» К. А. Сомова, «Исторіи Русского Искусства» А. Н. Бенуа, объ организаціи печатанія учебниковъ и т. д. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, «несвоевременность» или «несовременность» были здѣсь лишь кажущимися...

Однако надо былоѣхать въ Тифлісъ. И вернуться къ лѣту, для продолженія литературно-издательской работы. Уѣхать я уѣхалъ, а вернуться въ «градъ Св. Петра» ужъ не пришлось.

*) Въ 1917 году я былъ сенаторомъ 1-го (административнаго) Департамента. Правительствующій Сенатъ, гордое иѣкогда дѣтище великаго Петра, былъ упраздненъ 1-го декабря 1917 года.

ГЛАВА III.

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗДЪ № 113.

7.

Весною 1918 года желѣзнодорожное сообщеніе между россійскими столицами и Кавказомъ было далеко не регулярнымъ. Въ сущности, одиночный пассажиръ, необремененный багажомъ, съ исправными бумагами и среднимъ счастьемъ, имѣлъ достаточно шансовъ достигнуть своего назначенія. Гдѣ-то — не-то въ Донской, не то въ Кубанской области — шли военные дѣйствія между большевиками и «корниловцами»; при отсутствії точныхъ свѣдѣній и измѣнчивости событій, все это было какъ-бы закрыто туманомъ и не пугало.

Но ъхать одному, на свой страхъ и рискъ, не было суждено. Грузинскому національному комитету пришлось заботиться объ «эвакуаціи на родину» цѣлаго ряда лицъ, стремившихся въ Тифлисъ, Баку и т. д. по разнымъ основаніямъ; кроме прямыхъ «подданныхъ» просились въ партію «эвакуируемыхъ» отдѣльные лица, довольно таки разношерстныя, которымъ слѣдовало помочь.

Такъ возникъ вопросъ объ отправленіи въ Тифлисъ гражданъ, оказавшихся на попеченіи нашего комитета, и желавшихъ «вернуться на родину», особымъ поѣздомъ. Получено было принципіальное разрѣшеніе властей въ Смольномъ. Но поѣзда намъ дать не могли. Однако сказали: поищите, если найдете сами гдѣ-нибудь подходящій «составъ», приведите его сюда, и мы предоставимъ его въ ваше распоряженіе. Такъ и поступили. Освѣдомившись о томъ, что въ Ярославль задержкался и стоитъ безъ пользы санитарный поѣздъ, обору-

дованный на средства города Баку, комитетъ отправилъ въ Ярославль расторопнаго «толкача», который въ одно прекрасное утро привель этотъ поѣздъ и поставилъ его на какихъ то закоулочныхъ путяхъ петроградскаго желѣзнодорожнаго узла.

Тѣмъ временемъ, получено было формальное разрѣшеніе отправить «санитарный поѣздъ № 133» въ рейсъ Петроградъ-Баку-Тифлісъ, съ доставкою его, за отвѣтственностью комитета, обратно; составлены списки пассажировъ и ихъ болѣзней (къ этому обязывало обозначеніе поѣзда какъ санитарнаго).

28-го марта мы, къ собственному своему изумленію, тронулись таки въ путь — съ Финляндскаго вокзала. До послѣдней минуты боялись, что какое-нибудь вѣдомство, учрежденіе или влиятельное лицо пожелаютъ отнять у насъ этотъ, казавшійся столь драгоценнымъ, Провидѣніемъ ниспосланный поѣздъ!

До Ростова-на-Дону были въ пути одну недѣлю. Странное впечатлѣніе производили пустыя станціи; уже сказывалась во многомъ заброшенность, желѣзныя дороги жили не во-всю, а лишь частично; но чувствовалась еще инерція прежняго уклада. Случались заминки; въ концѣ концовъ всюду проскакивали. Продовольствовались своими запасами; на югъ можно было кое-что покупать; состоявшіе при поѣздѣ, въ качествѣ прислуги, нѣсколько плѣнныхъ австро-венгерцевъ, были намъ довольно полезны.

Въ Ростовѣ задержались сутокъ на двое. Здѣсь отняли у насъ часть вагоновъ, ссылаясь — признаться, не безъ основанія на недостаточную населенность нашего поѣзда. Впереди чуялась гражданская война, въ самомъ Ростовѣ было неспокойно; въ районѣ вокзала то и дѣло возникала паника; ставились и уводились часовые, появлялись пулеметы, и трудно было разобрать, кто усмиряетъ, кого усмиряютъ, гдѣ зѣваки и гдѣ власть. Было, въ общемъ, жутко; «населеніе» поѣзда, довольно таки беспечное и жизнерадостное до сихъ поръ, замѣтно пріуныло.

...Мы приближались, сами того не зная, какъ слѣдуетъ, къ настоящему театру гражданской войны. На станціи Кавказской насъ отказались пропустить дальше. Вступили въ переговоры съ мѣстнымъ совѣтскимъ начальствомъ, безрезультатно. Говорили по проводу съ Екатеринодаромъ, ссылались на Смольный, на наши бумаги — особаго успѣха не имѣли. Оказалось, что ввиду боевъ съ добровольцами въ рай-

онъ Екатеринодара,*) нашъ санитарный поѣздъ (имѣвшій при себѣ свой штатъ и оборудование) былъ истинной находкой для совѣтскихъ властей: рѣшено было его реквизизировать, несмотря на особое назначеніе, данное ему изъ Петрограда. Какъ ни чувствовали мы себя обиженными, но прекословить не могли, да и распоряженіе, правду сказать, вполнѣ оправдавалось жестокими обстоятельствами тѣхъ дней. Разъ были ранены, приходилось, по справедливости, уступить имъ нашъ поѣздъ. Намъ-же, взамѣнъ того, предоставили нѣсколько теплушекъ. Былъ, конечно, произведенъ обыскъ всѣхъ нашихъ вещей. Словомъ, причинены всѣ непріятности, какъ то сразу и такъ позорно вошедшія въ обиходъ русской жизни, послѣ революціи.

Однако нась отправили дальше вслѣдъ за другимъ поѣздомъ, въ составѣ котораго былъ, какъ оказалось на ст. Кавказской, одинъ вагонъ съ эшелономъ расформированнаго «иверійскаго» полка, о которомъ упоминалось выше.**)

Треволненія были такъ велики, что мы не имѣли времени чтобы оцѣнить, какъ надлежало, переходъ отъ отошедшей, обѣднѣвшей уже внутренней Россіи къ тучнымъ полямъ Кубани, еще богатой хлѣбомъ и всякими дарами.

8.

Ст. Тихорѣцкую прошли съ затрудненіями, но безъ особыхъ обидъ. Передъ самой станціей Армавиръ (это было числа 7-8 апрѣля 1918 г.) продолжительная задержка. Можно было видѣть у станціонной платформы другой поѣздъ и огромную толпу народа вокругъ. Что тамъ происходило — нельзя было разобрать.

Когда, наконецъ, путь освободился, и нашъ поѣздъ пошелъ къ вокзалу, толпа, сильно взбудораженная, только начинала расходиться. Тутъ было много, какъ они раньше назывались, «подонковъ общества» — того оборваннаго, обтрепаннаго, малопривлекательнаго люда, которымъ всегда такъ изобиловали желѣзнодорожные центры Кубанской области; цѣлые толпы солдатъ явно сбившихся съ толку и съ

*) 28 марта Екатеринодаръ былъ занятъ добровольцами; 29-го вновь занятъ большевиками. Въ ночь съ 30 на 31 марта былъ убитъ подъ Екатеринодаромъ генераль Корниловъ. Но мы тогда не знали точно этихъ фактовъ.

**) См. стр. 16,

вовсе не привѣтливымъ выраженіемъ лицъ: гораздо меньше казаковъ, коренныхъ кубанцевъ, выглядѣвшихъ довольно таки растерянно. Надвигалось что-то недобroe.

Нашъ поѣздъ немедленно былъ оцѣпленъ, и приказано было не выходить изъ вагоновъ. Слушая изъ дверей теплушки обрывки разговоровъ на платформѣ, мы узнали, что въ переднемъ поѣздѣ найдено было оружіе, и обнаружены «корниловцы» съ «золотыми эполетами» и «печатями».

Поразила меня одна старая крестьянка, особенно напривавшая на эти «печати» и «золотые эполеты», за которые ихъ вотъ, «небось, растрѣляютъ». Заключеніе это представлялось ей совершенно неизбѣжнымъ: какъ-же, вѣдь «кадеты», «корниловцы» — объясняль кто-то рядомъ. Какъ не сказать: *sancta simplicitas!* Но отъ такой святости да упасеть Господь каждого изъ насъ.

Мы попали въ одинъ изъ мѣстныхъ фокусовъ гражданской войны, или порождаемыхъ ею случайныхъ безчинствъ: всѣ вольные, прибывающіе съ сѣвера, считались здѣсь подозрительными по «корниловщинѣ».

Пришли обыскивать нашъ поѣздъ: молодые люди, одни съ претензіей на лихость, другіе съ виноватымъ выраженіемъ простецкихъ лицъ: вмѣстѣ съ ними военные команды со слѣдами недавней еще дисциплины. Были среди насъ люди весьма имущіе, имѣвшіе при себѣ много цѣнныхъ и ненужныхъ вещей: они трепетали, ожидая, что отнимутъ все «до послѣдняго платка» (такіе ходили слухи). На самомъ дѣлѣ, ничего почти ни у кого не отняли. Съ револьверами, конечно, пришлось всѣмъ разстаться. Но теплушки наши продолжали быть подъ стражею, и мы оставались въ полной неизвѣстности.

Несомнѣнно было, что здѣсь, въ Армавирѣ намъ грозить терроръ — быть можетъ, случайный, «иррегулярный» — но тѣмъ болѣе опасный. Какъ, однако, отсюда выбраться? Обсуждая этотъ вопросъ съ А. М. Хоштаріа,* мы быстро нашупали грунтъ. Онъ твердо помнилъ, что одинъ его знакомый, нашъ соотечественникъ Ж., занималъ въ Армавирѣ какую-то должность. Онъ могъ намъ помочь. Но какъ его найти? Очень просто. «Здѣсь имѣется, предположилъ я, буфетъ, а хозяинъ и прислуга въ буфетѣ, навѣрное, грузины. Пошлемъ за «нараномъ», принесть ее лакей, навѣрное, ловкій и «сознатель-

*.) Извѣстный собственикъ концессій въ Сѣверной Персіи, дѣловѣкъ большого почина, «американской складки».

ный», онъ намъ мигомъ разыщетъ вашего спасителя». Проходившій мимо желѣзнодорожникъ согласился, за небольшое вознагражденіе, прислать «минеральной воды» — и вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, вода эта уже пѣнилась въ стаканахъ. Пока она пѣнилась, Хоштаріа успѣлъ сказать все — что слѣдовало, а молодой человѣкъ изъ буфета не замедлилъ смекнуть и отвѣтить, что было нужно.

Стоявшій рядомъ часовой, черноземный сѣрякъ, рявкнулъ: «не вѣльно тутъ говорить по вашему» — едва ли онъ понималъ, что изрекаль цѣлую государственную программу! но буфетный юноша огрызнулся: что, не понимаешь, теперь свобода, каждый можетъ говорить на своемъ языкѣ! (тоже программа!), и съ негодующимъ видомъ побѣжалъ обратно.

Черезъ часъ въ концѣ платформы появился и прошелъ мимо нась, съ видомъ совершенно посторонняго лица, начальникъ желѣзнодорожной милиціи участка: это и былъ Ж.

Ночь провели въ вагонахъ подъ стражею. Утромъ былъ разданъ кипятокъ, а позже объявили, что поведуть въ тюрьму. Суматоха, смятеніе, женскіе вопли. Тогда объяснили: не совсѣмъ въ тюрьму, а въ чрезвычайную комиссию; а ужъ оттуда... Выстроились мы въ ряды, окружили нась цѣпью караульныхъ солдатъ и повели черезъ весь Армавиръ въ комиссию. По улицамъ встрѣчные смотрѣли, какъ на обреченныхъ. Было нась всего человѣкъ, думаю, 50-60, и допроѣ затянулся. Члены комиссіи, такъ себѣ, молодые люди должно-военнаго обличія, выслушивали наши объясненія сравнительно милостию. Ж. уже принялъ свои мѣры, и въ «производствѣ» участвовалъ представитель... мѣстнаго грузинскаго комитета. Вполнѣ либерально. Допроѣ окончился, и намъ объявили, что мы свободны. Чего-же лучше? Мы почувствовали себя совсѣмъ школьниками. Впрочемъ большая часть нашихъ спутниковъ выѣхала въ тотъ же день изъ Армавира въ Туапсе: эти избрали благую часть. Меньшинство (человѣкъ 10-12) осталось въ Армавирѣ: нась приютили на ночь грузины-армавирцы. Мнѣ, вмѣстѣ съ С. Кедіа, выпало воспользоваться гостепріимствомъ одного земляка, служившаго въ Армавирѣ по акцизу, въ грузинской же политикѣ единомышленника національ-демократической партіи: онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ такой чести — предоставить ночлегъ видному лидеру этой партіи, Кедіа, но и мнѣ отъ этого было удобство.

Радовались преждевременно: на слѣдующее-же утро намъ

сообщили въ грузинскомъ комитетѣ, что арестованные въ день нашего прибытия въ Армавиръ офицеры и другіе (числомъ около 40 лицъ) обвиняются въ принадлежности къ добровольческой организаціи, и что ихъ будуть судить на солдатскомъ митингѣ. Армавиръ совершенно въ рукахъ этихъ солдатъ (ушедшихъ съ кавказского фронта). Ни казачьи власти, ни регулярныя большевицкія организаціи ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Какъ говорили, при задержаніи этихъ военныхъ, найдено было оружіе, главнымъ образомъ, винтовки, привязанные подъ вагономъ, и, повидимому, принадлежавшія нѣсколькимъ горцамъ, зачисленнымъ было въ «Иверійскій полкъ», возвращавшимся въ Терскую область. Печати и другія канцелярскія вещи принадлежали этому-же полку. Что касается офицеровъ, то они частью возвращались въ Тифлисъ по дѣламъ службы, напр., тѣ, чтоѣздили въ Петроградъ за бронированными автомобилями для кавказского фронта; другіе-же направлялись во-свояси, въ разные города Закавказья.

Были среди этихъ арестованныхъ лица, совершенно случайно попавшіе въ воинскій вагонъ: напр., двое студентовъ, пересѣвшіе къ офицерамъ — играть въ карты — изъ нашего поѣзда чуть не на ст. Кавказской. Всѣ они, безъ исключенія, числомъ 39, были митингомъ солдатъ въ этотъ же день приговорены къ умерщвленію — несмотря на всѣ старанія грузинскаго комитета (среди осужденныхъ было 13 грузинъ) и другихъ организацій. Расправа была произведена тутъ-же, съ помощью пулемета, и съ жестокостью, которая тогда еще поражала, а теперь никого не удивить.

Казалось, весь Армавиръ оцепенѣлъ: разгулявшійся, спущенный съ цѣпи, звѣрь могъ грозить каждому. Тѣмъ болѣе, мѣсто богатое, торговое.

Мы сидѣли, притихшіе, подавленные въ помѣщеніи грузинскаго комитета; внезапно одинъ изъ членовъ его прибѣгаѣтъ съ извѣстіемъ: нась ищутъ — солдаты кричатъ о вчерашнемъ послабленіи, объ освобожденіи явныхъ «корниловцевъ»; они собираются сами съ нами расправиться; наконецъ, и комитету грозитъ опасность, ибо онъ самъ теперь подъ подозрѣніемъ — словомъ, намъ слѣдуетъ поскорѣе спасаться изъ Армавира.

Благодаря связямъ и толковости Ж., мы немедленно привели въ осуществленіе слѣдующій «планъ»: теплушка съ

нашими вещами будетъ охраняться на станціонныхъ путяхъ милиционерами Ж.; мы, по двоем или по одному, дабы не привлекать вниманія, отправимся на вокзалъ, какъ только стемнѣеть; послѣ полуночи прибудетъ поѣздъ изъ Тихорѣцкой и ночью-же отойдетъ на Минеральныя Воды (послѣдній поѣздъ, такъ какъ на слѣдующій день, за отсутствіемъ топлива, движеніе прекращалось); къ этому то поѣзду и будетъ прицѣплена въ послѣдній моментъ наша теплушка, на-глухо закрытая — подъ видомъ товарного вагона — и, такимъ образомъ, мы выберемся изъ Армавира.

Едва наступилъ вечеръ, мы разными путями направились къ станціи, проникли въ свой вагонъ, и, усѣвшись на вѣщахъ, стали ждать. Стемнѣло. Милиционеръ съ винтовкой, довѣренное лицо Ж., сѣлъ къ намъ «на всякий случай». Другой снаружи, имѣлъ «наблюденіе». Насъ куда-то передвинули; потомъ все смолкло. Сидѣли безъ огня; переговаривались вполголоса. Милиционеръ сталъ разсказывать, монотонно, равнодушно, о казни 39, которую онъ видѣлъ сегодня. «Ничего съ солдатами не подѣлаешь: вотъ и вѣсь, видно, ищутъ. Должно быть скоро будутъ сюда, къ поѣзду... Да врядъ ли отыщутъ...

«А капитанъ не пожелалъ копать, такъ ему прикладомъ локоть перебили»... возвращается къ своему разсказу нашъ охранитель.

Наступаетъ жуткое, безформенное молчаніе. Позже, начинается разсказъ о томъ, какъ «вотъ на прошлой недѣлѣ здѣсь на сестрѣ милосердія пулеметъ нашли. Артилеристъ стоялъ рядомъ — какъ хватить ее саблей по плечу, все плечо разрубилъ; она, какъ ничего, дальше идетъ; тутъ другой ее хвать по другой рукѣ... и т.д. нашъ стражъ передавалъ всѣ подробности съ такимъ равнодушіемъ, будто рѣчь шла о самомъ будничномъ обстоятельствѣ. — Впрочемъ, это и было «будничное обстоятельство». Послышалось чье-то рыданіе, скоро подавленное — «товарный вагонъ» долженъ безмолвствовать.

Длительная тишина. Позже — внезапный свистокъ — другой — грохотъ приближающагося поѣзда, и, затѣмъ, обычный станціонный гулъ, скоро впрочемъ, заглохшій. Снова какая-то возня, громкіе голоса на вокзалѣ. «Должно, вѣсь ищутъ», шепнуль стражникъ.

Слышно было движеніе маневрирующихъ паровозовъ. Толчекъ, и насъ куда-то двинули, перевели на другой путь, къ чему-то прицѣпили. Скоро распознали мы голосъ Ж. говорив-

шаго по сосѣдству съ однимъ изъ милиционеровъ. Затѣмъ, и нашъ стражникъ, отодвинулъ дверь теплушки, неслышно выскользнулъ въ темную ночь; новый свистокъ — и поѣздъ тронулся изъ Армавира, гдѣ 39 замученныхъ людей брошены были въ ими-же вырытый ровъ.

9.

Прибывъ на станцію Минеральныя Воды, узнали, что движение съ часу на часъ должно прерваться, и что едва-ли доберемся до Владикавказа. Пришлось остаться и избрать мѣстопребываніе въ предѣлахъ «группы». Поселились въ Пятигорскѣ, съ крутымъ переходомъ отъ «теплушки» къ комфорту первоклассной гостиницы «Бристоль». Въ это время, т. е. въ серединѣ апрѣля 1918 года въ Пятигорскѣ, да и въ другихъ поселеніяхъ этого района, было сравнительно спокойно. Равновѣсіе общественныхъ силъ еще какъ то держалось и уживалось съ признаніемъ совѣтской власти; прилага населенія было сравнительно мало, и изобиліе во всемъ было полнѣйшее.

Въ Пятигорскѣ дошелъ до насъ слухъ о перерывѣ Трапезундской конференціи, о паденіи Карса и Батума, о формальномъ провозглашеніи независимости Закавказья. Еще больше потянуло насъ въ Тифлісъ — между тѣмъ приходилось бездѣйствовать, вдыхая цѣлительный воздухъ и ждать удобнаго случая къ отѣзду.

Я чуть было не собралсяѣхать во Владикавказъ на дрогахъ, по колесной дорогѣ — весной это даже соблазнительно; но члены грузинского комитета (вездѣ на группахъ были такие комитеты-консульства революціоннаго происхожденія) отговорили отъ этого намѣренія: «убьютъ и ограбятъ въ пути, несомнѣнно». Вотъ вамъ, говорилъ я себѣ, и рах rossica, о значеніи которой на Кавказѣ я какъ-то писалъ въ «Русской Мысли»!

Въ условіяхъ пятигорской сѣности и довольства (позже и здѣсь все было уничтожено до тла двумя саранчей!) подошла къ концу эта неожиданная пауза въ нашемъ путешествіи. Иные изъ насъ стали прибавляться въ вѣсѣ; очутившись — явно случайно и явно временно — въ обстановкѣ прежняго, привычнаго для нихъ быта, они легко принимали это мимолет-

ное за постоянное; прежний оптимизмъ и прежняя увѣренность возрождались въ нихъ съ возвращенiemъ утренней ванны и хорошо поданного завтрака! Но не есть-ли эта живучесть наивнаго оптимизма одна изъ движущихъ силъ такъ называемаго «буржуазнаго» т. е. всякаго, зависящаго отъ людской предпримчивости строя?

ГЛАВА IV. НА КАВКАЗЪ.

10:

Какъ только возстановилось движение, мы продолжали нашъ путь, по прежнему, въ товарномъ вагонѣ; снова подвергались обыскамъ, опять объяснялись съ различными молодыми людьми въ «френчахъ» — той несмѣтно расплодившейся во время войны породы, для которой армія и полувоенные организаціи (учрежденія земскаго, городскаго союзовъ, Краснаго Креста и т. д.) послужили питательной культурой, и, которая, естественно и неизбѣжно нашла свое примѣненіе въ революціи; встрѣчались съ возвращавшимися въ Россію войсковыми эшелонами и опять убѣждались въ томъ, что война 1914-18 г. г., народу чуждая и непонятная, была со стороны Россіи огромнымъ, кровавымъ недоразумѣніемъ... Здѣсь особенно бросалось въ глаза, что искусственное равновѣсіе Имперіи рушилось и отдѣльныя, составлявшія ее живыя силы или случайные отбросы, выявлялись теперь въ своей особности и въ мѣру своей жизненности — вотъ казачество; вотъ горцы; вотъ городской пролетаріатъ; вотъ бывшія войска имперіи, превращающіяся въ скопища вооруженныхъ бродягъ и т. д.

Казалось, и силы природы не могутъ остаться въ сторонѣ отъ этого всеобщаго передѣла, когда усилиями миллионовъ и сдвигами народныхъ массъ всюду поколеблены старыя грани государственныхъ владѣній, и начато какъ-бы новое «генеральное межеваніе»; казалось, и этотъ горный хребетъ возвращался теперь къ своему изначальному географическому смыслу — быть каменною, чудовищною межою, быть барьеромъ брошен-

нымъ на краю необозримой российской равнины, дабы на этомъ участкѣ дать форму и предѣлъ безформенному и безпредѣльному.

Во Владикавказѣ задержались на короткое время. Грузинская колонія, считая насъ въ числѣ погибшихъ въ Армавирѣ, собиралась было уже служить по насъ панихиду, на которую мы, такимъ образомъ, имѣли всѣ шансы попасть — однако, видя насъ живыми, ее отмѣнили, устроивъ, взамѣнъ того, торжественный обѣдъ. Я же лично, отѣлившись отъ моихъ спутниковъ и получивъ мѣсто въ автомобильѣ, возвращавшемся въ Тифлисъ, поспѣшилъ туда.

Во Владикавказѣ мы встрѣтили агентовъ Закавказского правительства, пріѣхавшихъ закупать зерно. Отъ нихъ узнали болѣе подробно о томъ, какъ провозглашена была независимость Закавказской республики, какъ образовалось правительство подъ предсѣдательствомъ А. И. Чхенкели и о томъ, какъ предполагалось, въ ближайшіе дни, возобновить въ Батумѣ, переговоры съ турками, оказавшіеся столь безплодными въ Трапезундѣ.

Обстоятельства сдѣлали необходимымъ выступленіе Закавказья, отдѣльно отъ Россіи, въ международной политикѣ. Меня чрезвычайно интересовали условія и цѣли этого выступленія: я охотно принялъ бы участіе въ предстоявшей работѣ. Выѣхавшій вмѣстѣ со мною изъ Владикавказа, близко связанный со вождями грузинскихъ с.-д. (меньшевиковъ), А-дзе увѣрялъ меня, что Закавказское правительство несомнѣнно пожелаетъ воспользоваться моими услугами, и что дѣло собственно за мною.

На окраинѣ Владикавказа наткнулись на заставу въ молоканской слободѣ. Вооруженные до зубовъ бородачи, съ желѣзными прутьями въ рукахъ (для прощупыванія мѣшковъ) обыскали насъ, безъ звѣрства (вообще, эта молоканская застава считалась одной изъ самыхъ суровыхъ), и мы покатили по участку Военно-грузинской дороги, бывшему подъ наблюдениемъ горцевъ-ингушей. Впрочемъ, отсюда до Тифлиса ъхали уже безъ помѣхъ и задержекъ.

11.

Передъ величиемъ горъ, какъ всегда, казались смѣшными и мелкими раздоры людей, ихъ стремленіе къ взаимному

уничтоженю и мучительству; прекраснѣе и чище, чѣмъ когда либо, были снѣга на верху, и особенно недоступны утесы подъ ними; а встрѣчавшіеся изрѣдка обитатели смежныхъ ущелій были такъ далеки тому, что мы оставили въ Россіи и, зато, думалось, столь близки къ вѣковѣчнымъ взаимоотношеніямъ человѣка и природы.

Пустынно было по Военно-Грузинской дорогѣ. Перевалы только-что очищались отъ снѣга; да и обстоятельства не позволяли посѣщать эти мѣста тѣмъ тысячамъ «Володь» и «Шурочекъ» изъ Костромы и Можайска, которые въ прежніе годы долгомъ считали изображать свои имена на камняхъ, скалахъ и стѣнахъ, показывая стремленіе человѣческой козявки напомнить о себѣ этими жалкими пятнышками тамъ, гдѣ воображеніе искало достойной рамки для великаго страданія Прометея.

Около «замка царицы Тамары». вспоминаю недоумѣніе академика Н. Я. Марра по поводу превращенія Лермонтовыемъ величественной, иконописной Тамары грузинской исторіи въ распутницу, сбрасывающую случайныхъ любовниковъ съ Дарьальской скалы. мнѣ кажется однако, что такъ занятнѣе... для Шурочекъ и Володь.

Автомобиль нашъ оказался слабосильнымъ. Пришлось заночевать въ Пассанаурѣ, гдѣ всѣ «вакансіи» были заняты армянскими семьями, выбравшимися изъ Тифлиса въ ожиданіи прихода турокъ. Тяжкій молотъ былъ занесенъ надъ Закавказье, и горе слабымъ, неустроеннымъ!

На слѣдующее утро — въ путь къ Анануру, Мцхету. Всѣмъ памятенъ пейзажъ на этой сторонѣ хребта, нѣжная округлость тамъ горъ и предгорій, покрытыхъ молодымъ кудрявымъ лѣсомъ, мягкость луговъ, пестрота цветовъ на нихъ, музыка потоковъ. Посреди этого благоуханія башни и церкви Ананурскаго замка говорятъ громко о старой Грузіи, о временахъ рыцарскихъ, о временахъ наивной вѣры и наивнаго обычая.

Около Душета поразительная встрѣча: нескончаемый караванъ «фургоновъ», съ бѣлыми верхами, запряженныхъ четверками; повозки тяжело нагружены всякимъ скарбомъ и добромъ, на которомъ размѣстились дѣти, женщины, старики. Мужчины идутъ рядомъ, ведутъ коровъ, лошадей. Сотни таихъ фургоновъ направляются къ сѣверу. Это молокане изъ Карской области, перебираются на Кубань, куда они заранѣе

посылали ходоковъ высмотрѣть земли; такъ что идуть не наобумъ. Могучее племя, они на новомъ мѣстѣ только выиграютъ. Въ Карской области, начиная съ 1914 года, благодаря близости театра войны, имъ было тяжело; а съ уходомъ русскихъ войскъ они и сами предпочли выселиться — махнувъ рукою на насиженный мѣста, и извѣрившись въ прочность военного счастія Россіи еще съ того времени, когда въ декабрѣ 1914 года, во время памятнаго саракамышскаго наступленія турокъ, имъ пришлось хлѣбомъ-солю встрѣтить ихъ на ст. Ново-Селимъ.

Послѣдовавшее за революціей движеніе изъ Закавказья обратно въ Россію русскихъ поселенцевъ, столь знаменательное и стихійное, пророчить-ли конецъ той колонизаціонной политики русского правительства, которая въ XX-мъ столѣтіи осуществлялась съ энергией, и крайнимъ выраженіемъ которой, уже во время войны, былъ проектъ созданія «евфратскаго казачества» (русскій варіантъ разрѣшенія армянского вопроса)? Во всякомъ случаѣ, съ свободнымъ развитіемъ народовъ Закавказья такая политика была бы несовмѣстима.

12.

Но... мы уже успѣли пріѣхать въ Тифлисъ. День былъ солнечный, теплый, оживленіе на улицахъ и видъ толпы, явно жизнерадостной и кротко настроенной, такъ рѣзко отличались отъ всего, къ чему мы привыкли за послѣдній годъ въ Россіи: мы почувствовали себя не только въ другомъ климатѣ, но и въ другой средѣ. И здѣсь, очевидно, революція дѣлала свое дѣло: но пути ея здѣсь иные, и формы проявленія не тѣ.

Разлагающая сила общерусской революціи встрѣтилась здѣсь съ ею-же освобожденными, ею-же поощряемыми стремленіями народовъ къ национальному и государственному самоутвержденію: это одна изъ причинъ сравнительной сдержанности, сравнительной умѣренности революціоннаго процесса на Кавказѣ въ 1917-18 годахъ.

Таково было общее впечатлѣніе, полученное мною въ Тифлисѣ осенью 1917-го и теперь весною 1918 года. Я не имѣлъ времени особенно углублять его: всего нѣсколько дней пришлося провести въ этомъ Тифлисѣ — столицѣ независимаго Закавказья, съ 9-го апрѣля.

Независимое Закавказье! Нельзя сказать, чтобы этот формальный выход изъ состава россійской Имперіи былъ сдѣланъ въ порывѣ горячаго національного увлеченія. Нѣтъ, онъ былъ вызванъ практическою необходимостью подписать миръ — свой «Брестъ-Литовскій» миръ и тѣмъ фактъ, что Закавказье не признало большевицкаго переворота 25 октября.

Этимъ, во многихъ отношеніяхъ значительнымъ, непризнаніемъ, народы Закавказья явно выключали себя изъ рамокъ централизованной русской государственности и общественности.

Учрежденный 15 ноября (с. с.) 1917 года закавказскій комиссаріатъ (Е. П. Гегечкори — предсѣдатель) являлся коалиціей революціонныхъ и національныхъ организацій и былъ, фактически, первымъ независимымъ правительствомъ Закавказья. Это было правительство выборовъ въ Учредительное Собрание (всероссійское) и поддержанія Кавказскаго фронта.

Послѣ фіаско Учредительного Собрания въ январтѣ 1918 года вопросъ войны и мира остался единственной жизненной связью Закавказья съ Россіей: связь эта была перерублена Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Закавказское правительство попыталось отстоять свои интересы путемъ прямыхъ переговоровъ съ Турцией (Трапезундская конференція, февраль-мартъ 1917 года) и путемъ военной обороны («закавказская демократія» противъ «турецкаго имперіализма»). Изъ дипломатическихъ переговоровъ въ Трапезундѣ ничего не вышло, а попытка военной обороны окончилась очень скоро и очень постыдно потерю Карса и Батума (1-го апрѣля). Приходилось, не шутя, подписывать миръ, и для этой цѣли собиралась новая конференція, на этотъ разъ въ Батумѣ. А такъ какъ для подписанія мира Закавказье должно было являться правоспособною стороною, то и требовалось, для сей печальной надобности, провозглашеніе его независимости. Что и было сдѣлано. Одновременно, образовалось новое правительство, съ предсѣдателемъ — А. И. Чхенкели, главнымъ делегатомъ Закавказья въ Трапезундѣ. Это правительство, являвшееся коалиціей національныхъ группъ — уже помимо всякой связи съ Россіей — имѣло передъ собою опредѣленную задачу — вывести Закавказье изъ войны.

...Турки занимали не только Батумъ, но и Озургеты, Ахалцихъ и Абастуманъ; иначе говоря, Тифлисъ и Кутаисъ

были подъ непосредственною угрозою военного занятія; армянскія провинціи были частью уже заняты, частью — на канунѣ того. Армянское населеніе Тифліса особенно должно было опасаться прихода турокъ: многіе выѣзжали уже на сѣверъ, и мы встрѣчали такихъ по Военно-грузинской дорогѣ.

...Несмотря на такое положеніе, тифлісская толпа, повторяю, показалась мнѣ беззаботной и жизнерадостной, когда, 27-го апрѣля 1918 г. нашъ автомобиль остановился у зданія казеннаго театра.

«Помогите намъ» — «Готовъ къ услугамъ, чѣмъ могу», — къ этому, въ сущности, сводился несложный діалогъ мой съ Чхенкели (главою Закавказскаго правительства) и съ Н. Жорданіа, который въ правительство не входилъ, но былъ главнымъ вдохновителемъ краевыхъ политическихъ организаций (совѣтовъ), опираясь на руководимую имъ соціаль-демократическую партію.

Подъ предсѣдательствомъ Чхенкели приступала къ работѣ комиссія по выработкѣ конституції Закавказья — въ эту комиссию мнѣ и предложили вступить. Я поморщился. «Вопросъ о конституції и самомъ существованіи Закавказья разрѣшится въ Батумѣ — не могу-ли я быть Вамъ полезнымъ тамъ?». Рѣшено было воспользоваться моими услугами въ Батумѣ.

Въ одномъ засѣданіи конституціонной комиссіи (4-го мая) пришлось все же присутствовать. Шелъ обмѣнъ мнѣній по общему вопросу: на какихъ основаніяхъ строить закавказскую федерацію? (новое государство уже официально именовалось федеративною республикою).

Мнѣнія излагались различныя. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мусульманъ полагали, что каждая изъ трехъ частей Закавказья должна получить право *самостоятельной внешней политики*.

Баку былъ въ рукахъ большевиковъ, а турки находились у самыхъ подступовъ къ Азербайджану: «внѣшняя политика» желательная нашимъ татарамъ, (освобожденіе Баку) могла бы оказаться вовсе не по вкусу армянамъ и т. д. Все это было довольно ясно: страннымъ могло казаться лишь столь скоро-спѣлое объединеніе весьма разнородныхъ стремленій подъ флагомъ «Закавказской федераціи» или подъ наименованіемъ «демократіи Закавказья».

Нѣтъ, рѣшительно, въ маѣ 1918 года несвоевременно было заниматься разработкою конституціи для Закавказья.

Но силь было много, онѣ искали своего приложенія; революціонные лозунги казались чудодѣйственнымъ талисманомъ...

Мѣстная демократія давно уже завладѣла дворцомъ б. намѣстниковъ. Съ нею тамъ уживались еще учрежденія кавказскаго фронта, прозявавшія больше по инерціи. Съ того момента, какъ (въ ноябрѣ 1917 г.) такъ наз. красная гвардія подъ водительствомъ Джугели захватила арсеналъ, городъ былъ обеспеченъ отъ посягательствъ со стороны проходившихъ съ фронта въ Россію эшелоновъ, и порядокъ, вообще, охранялся сносно.

Словомъ, если бы не турецкая опасность, Закавказье, можетъ быть и справилось бы со своими внутренними затрудненіями: въ его сборномъ правительствѣ, въ національныхъ совѣтахъ, въ Сеймѣ запросы и чувства его населенія получали достаточно полное выраженіе и трудная работа по организації здѣсь республиканскаго федеративнаго строя могла-бы, чего доброго, начаться.

Но... надо былоѣхать въ Батумъ.

ГЛАВА V.

ВЪ БАТУМЪ КЪ ТУРКАМЪ.

Впечатлѣніямъ очевидца Батумской конференціи 1918 г. полезно предпослать нѣсколько словъ о событияхъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ это первое дипломатическое соприкосновеніе кавказскихъ народовъ съ державами Европы — исторически и политически вся сила была именно въ послѣднемъ, хотя преимущественно разговоръ велся съ Турцией*.)

Когда, въ ноябрѣ 1917 года, образовался Закавказскій Комиссаріатъ, невозможность дальнѣйшаго веденія войны противъ Турціи на русско-турецкомъ фронѣ не вызывала сомнѣній, и рѣшено было заключить съ этой державою *перемиріе*. Условія его были выработаны русскимъ военнымъ начальствомъ фронта, сохранившаго еще свою видимость (къ сожалѣнію, одну только видимость!), и само перемиріе подписано 5 (18) декабря 1917 г. въ Эрзинджанѣ. Одновременно установлена была между воюющими демаркаціонная линія въ предѣлахъ Азіатской Турціи, отъ Чернаго моря до озера Ванъ.

Нѣсколько позже, по почину турецкаго правительства выдвинутъ былъ вопросъ о началѣ мирныхъ переговоровъ съ Закавказьемъ (начало января с. с. 1918 г.).

Комиссаріатъ, не зная точно о судьбѣ Учредительного Собранія и ожидая заключеній по вопросу о томъ, какъ-же быть, хотябы отъ существовавшихъ тогда различныхъ государственныхъ (несовѣтскихъ) новообразованій юга Россіи, не былъ въ состояніи дать определенный отвѣтъ на турецкое предложеніе.

*.) Для дальнѣйшаго см. изданные грузинскими правительствомъ *Документы и материалы по внешней политикѣ Закавказья и Грузии*. Тифлісъ. 1919 г.

Среди этихъ колебаний, вызванныхъ на только затруднительностью положенія, но и чувствомъ «имперской» лояльности, а также живой еще мыслью о единствѣ россійской революціи и демократіи, драгоценное время упускалось; фронтъ окончательно рушился; «демаркаціонная линія», не поддерживаемая съ этой стороны, не стѣсняла болѣе турокъ; и, подъ предлогомъ насилия, допущенныхъ армянскими частями надъ мусульманскимъ населеніемъ, они начали въ концѣ января (с. с.) 1918 г. наступленіе по направленію къ русско-турецкой границѣ.

Только съ созывомъ Закавказского Сейма (10 февр. 1918 г.) было, наконецъ, — съ новыми проволочками — принято рѣшеніе: вести съ турками самостоятельные переговоры о мирѣ, мѣстомъ переговоровъ избрать Трапезундъ — тогда еще занятый кавказскими войсками, и добиваться въ переговорахъ съ Турцией, сохраненія государственной границы 1914 года и автономіи Армении «въ рамкахъ Турецкой государственности». (16 февраля с. с.). Это — въ такое время, когда кавказскій фронтъ всюду рушился, какъ подгнившее зданіе.

Не успѣли въ Тифлісѣ остановиться на этомъ рѣшеніи, какъ получено было 17 февр. телеграфное сообщеніе Каракана о рѣшеніи Совѣтovъ подписать Брестъ-Литовскій договоръ и объ уступкѣ этимъ актомъ округовъ Карса, Батума и Ардагана, т. е. о коренному измѣненіи въ пользу Турции границы 1914 г. на Кавказѣ. Намѣченныя Сеймомъ основанія мира пріобрѣтали явно утопической характеръ.

Турция не замедлила, конечно, потребовать полнаго очищенія предоставляемыхъ ей территорій, къ которымъ войска ея уже фактически приблизились (25 февраля с. с.); а Закавказское Правительство еще до того заявило (17 февр.) протестъ противъ уступки закавказскихъ провинцій актомъ «заключеннымъ безъ вѣдома и одобренія Закавказья»*).

Трапезундская конференція, какъ это ни странно, все же состоялась. Турки, получивъ три санджака изъ рукъ Рос-

*) Въ свое время — съ значительнымъ опозданіемъ — Закавказскому правительству было передано приглашеніе принять участіе въ Брестъ-Литовскихъ переговорахъ. Предложеніе это не обсуждалось, повидимому, практически, вслѣдствіе полученныхъ затѣмъ свѣдѣній о разрывѣ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ. Готовность-же начать отдельные переговоры о мирѣ съ Турцией и вообще державами четверного Союза въ это время уже имѣлась на лицо.

сіи и спѣша вступить въ обладаніе ими, очевидно не прочно были имѣть на этомъ пріобрѣтеніи штемпель и Закавказья.

Что-же касается делегаціи послѣдняго, она, какъ видно, надѣялась добиться разрѣшенія поставленныхъ ей задачъ несмотря на коренное измѣненіе политической обстановки послѣ Брестъ-Литовска и несмотря на фактическій развалъ фронта: теперь и Трапезундъ былъ уже опять турецкій..

Трапезундская конференція, начавшаяся 27 февр. (с. с.) и закончившаяся 1-го апрѣля (с. с.) отозваніемъ обратно въ Тифлисъ закавказской делегаціи, привела къ слѣдующимъ дипломатическимъ результатамъ: Закавказье — согласно ультимативнаго требованія турокъ — обязалось признать Брестъ-Литовскій договоръ съ его столь тяжкими для Грузіи и Арменіи — но въ данный моментъ неустранимыми условіями; окончательный миръ подлежалъ заключеню Закавказьемъ, конечно, не съ одной Турцией но и съ ея союзниками (Германіей, Австро-Венгріей и Болгаріей); для этого, однако, предварительно должна была быть провозглашена независимость Закавказской республики. Было даже условлено — правда, частнымъ образомъ — что въ работахъ конференціи дѣлается лишь перерывъ — несмотря на отзываніе закавказской делегаціи.

Впрочемъ такъ судили въ Трапезундѣ; въ Тифлисѣ-же Сеймъ, въ порывѣ явной экзальтациіи, призналъ необходимымъ продолженіе войны, послѣ увѣреній Церетели, что «итти на условія Брестъ-Литовскаго мира мы не можемъ: народныя массы его не примутъ», и заявленія Гегечкори, что «въ настоящую минуту у Правительства не можетъ быть иного рѣшенія, какъ война съ Турцией».*). На этомъ основаніи делегація и была отзвана изъ Трапезунда (31 марта с. с.). Словомъ рѣшили попытать военного счастья — при отсутствії надежныхъ войскъ и несмотря на открытое заявленіе сеймовыхъ мусульманъ: «принять активное участіе въ этой войнѣ мы не можемъ, и потому активная ответственность не падаетъ на нась».

Въ этихъ условіяхъ революціонная риторика, парламентскія рѣчи, обращенія къ народамъ, призывы разныхъ ор-

*.) Любопытно сопоставить со всѣмъ, что сказано было въ Закавказскомъ Сеймѣ въ защитѣ революціонной войны (31 марта с. с.) простое соображеніе Ленина, говорившаго, въ довольно аналогичныхъ обстоятельствахъ, противъ такой войны (28 февр. въ Ц. Ком.): «для войны нужна армія, а ея нѣть. Слѣдовательно, надо принять условія» и т. д.

ганизаций: «всём на фронтъ» и пр. замѣняли собою, въ совокупности, то, что въ давнишнихъ китайскихъ войнахъ дѣлалось съ помощью изображеній драконовъ и другихъ страшилицъ.

Недоразумѣніе длилось не долго.

Въ тотъ самый день, когда въ концѣ засѣданія Сейма, насыщенного энтузіазомъ и пафосомъ, Н. Жорданіа заявилъ, что «мы вступаемъ официально на военную арену», турки—совершенно «официально» — вступили въ Батумъ. Одновременно, они подвигались къ Карсу, который былъ занятъ 12 апрѣля (с. с.).

Изъ «военной» линіи, очевидно, ничего не выходило хорошаго, и рѣшено было снова налечь на линію дипломатическую.

9-го апрѣля провозглашена была независимость Закавказской федеративной республики; и тогда-же постановлено принять мѣры къ скорѣйшему заключенію мира. Но, вполнѣ неизбѣжно и послѣдовательно, правительство Е. Гегечкори вышло въ отстѣку и замѣнено было первымъ (и, впрочемъ, единственнымъ) кабинетомъ Закавказской федеративной республики, сформированнымъ А. И. Чхенкели.

10 апрѣля закавказскимъ командованіемъ данъ былъ приказъ о пріостановлениі военныхъ дѣйствій; турки отвѣтили такимъ-же распоряженіемъ, но поспѣшили, не ожидая полной и методической эвакуаціи Карса, съ вывозомъ всего казеннаго имущества и сдачею имъ затѣмъ крѣпости, немедленно ее захватить, что и произошло 12 апрѣля.

Послѣ этого турецкому главнокомандующему ничего не оставалось, какъ сообщить въ Тифлісъ... о признаніи независимости Закавказья Оттоманскимъ Правительствомъ, и о назначеніи, согласно желанія Тифліса, Батума мѣстомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, (15 (28) апр. 1918 г.)

Турки уже заняли провинціи, доставшіяся имъ въ Брестъ-Литовскѣ; и, одновременно, невозможность для неустроенного, потрясенного Закавказья веденія самыхъ простыхъ военныхъ операций была доказана.

Въ такихъ-то условіяхъ собиралась Батумская конференція.

Разсказываютъ: когда закавказская делегація, посланная для переговоровъ въ Трапезундъ, высадилась на берегъ съ

вспомогательного крейсера «Король Карлъ», (это было 27-го февраля с. с. 1918 г.) кто-то изъ турокъ замѣтилъ, что если это все населеніе «договаривающейся стороны», то прибывшихъ мало; если-же это только делегація, — ихъ слишкомъ много.*)

Делегація, предназначенная къ отправленію въ Батумъ, состояла изъ 45 лицъ — цифра чрезмѣрная, но объясняемая, помимо другихъ причинъ, специальными политическими условиями Закавказья — сборностью его власти, наличностью разныхъ недовѣряющихъ одно-другому политическихъ слагаемыхъ.

Делегатовъ было собственно шесть: Чхенкели и Николадзе — отъ Грузіи, Гаджинскій и Расулъ-заде отъ Азербайджана, Качазнуни и Хатисянъ отъ Арmenіи. Были затѣмъ советники, представители вѣдомствъ, «национальные секретари» т. е. секретари национальныхъ совѣтовъ — грузинского, армянского и мусульманского; военная миссія, въ составѣ двухъ генераловъ и трехъ полковниковъ и т. д.

Все пахло импровизацией: не было ни времени, ни спокойствія, чтобы подготовиться къ дѣлу методически.

Отъездъ назначенъ былъ на 5-ое мая, специальнымъ поѣздомъ, куда пристроились также многіе, желавшіеѣхать по своимъ дѣламъ въ занятый турками Батумъ. Трудно было попасть на вокзалъ, если вы не располагали автомобилемъ; но еще труднѣе было поѣзду тронуться съ мѣста; что однако, произошло, поздно ночью.

...Раннимъ утромъ въ Квирилахъ. Какъ не воздать хвалу весенней красѣ полей верхней Имеретіи, такъ прилежно обработанныхъ! Бѣлые церкви селеній; тамъ и сямъ развалины башенъ, по зеленымъ ущельямъ — богата Грузія романтическими пейзажами!

Въ этомъ одно изъ утѣшеній ея бѣдности. Другое давно къ утѣшенію прибавили-бы и доходъ.

...Мягкость гурійского ландшафта (мы уже въ Гуріи) такъ не вязалась съ мыслью, что тутъ по близости окопы, позиціи османлисовъ.

Въ Супса опять остановка: почетный караулъ отъ грузинскихъ частей. Пѣхотинцы, артиллеристы и кавалеристы; всѣ въ пѣшемъ строю безъ оружія.

*) Еще Тиграну, царю Арmenіи, приписывалось изрѣченіе: «если это послы, ихъ много; если это — непріятель, ихъ мало-вато» (при видѣ небольшой арміи Лукулла).

Чхенкели въ развалку проходитъ передъ ними, сопровождаемый военными; говорить рѣчъ — въ глазахъ офицеровъ, вольноопредѣляющихся какъ будто-бы огонекъ, солдаты-же непроницаемы.

Отвѣтныхъ кликовъ не слышно.

Среди сѣрыхъ шинелей встрѣчаю одного тифлисскаго адвоката — добровольца. Много разговоровъ о томъ, какъ паль Батумъ, о Чолокскомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ здѣсь увѣряютъ, чувствительно пострадали турки (уже послѣ занятія Батума);*) о неправильной пріостановкѣ озургетской операциі «какъ разъ когда Озургеты переходили уже обратно въ наши руки» и т. д.

Этой весной крестьянамъ Гуріи пришлось таки расплачиваться за легкомысліе и опрометчивость съ какой въ Сеймѣ постановили возобновить войну.

Турки на дѣлѣ безъ всякаго сопротивленія, формально-же какъ будто съ боя вошли въ Батумъ.

Все наше положеніе въ предстоящихъ переговорахъ испорчено этой преждевременною, а главное ненужною пробою силь.

Карсъ и его оборона армянами во всемъ дополняетъ картину.

...Бѣлый флагъ надъ нашимъ поѣздомъ. Вотъ турецкіе окопы, а дальше и расположеніе ихъ войскъ. Корявые, неуклюжіе солдаты. Тоже драгомировская «сѣрая скотинка»... И, можетъ быть, «святая»?

Прибываемъ въ Батумъ и располагаемся въ Hotel Oriental, на набережной, рядомъ съ морскою таможнею.

15. .

И мѣсяца не прошло съ тѣхъ дней, какъ произнесены были въ Сеймѣ страстныя рѣчи на тему: Батумъ или смерть! безъ Батума и жизнь не красна! — и вотъ делегаты независимаго Закавказья оказались въ Батумѣ; но не у себя, а въ гостяхъ у турокъ (6 мая 1918).

Депутаты въ Сеймѣ вовсе не переоцѣнивали значенія Батума для Закавказья и, въ особенности, для Грузіи; оно, дѣйствительно, чрезвычайно велико и общеизвѣстно. Но и Батумъ,

*) Какъ разъ здѣсь, на Чолокѣ, турки понесли иkestокое пораженіе въ 1854 г. отъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ кн. И. М. Андronникова. Въ этомъ дѣлѣ «покрыла себя славою», какъ раньше выражались, грузинская милиція и, въ частности, дворянская конница. Этотъ-же Чолокъ кое-кто смѣшивалъ съ болѣе южнымъ и болѣе извѣстнымъ Чорогомъ, при обсужденіи русско-турецкой границы на Берлинскомъ Конгрессѣ въ 1878 г.

и Карсъ, какъ части огромнаго военно-пограничнаго оборудованія Россійской Имперіи, расчитаны были на оборону ея обширными средствами. При извѣстныхъ условіяхъ, они могли-бы сдѣлаться(и, возможно, сдѣлаются когда нибудь) элементами планомѣрнаго военнаго устройства собственно Кавказа или Закавказья: это не могло совершиться внезапно, на рубежѣ 1917 и 1918 г.г., когда все рушилось.

Словомъ, оказалось невозможнымъ охранить границы отъ турецкаго вторженія. Легко, однако, было видѣть, что занятіе непріятелемъ напримѣръ, Батума вовсе не могло считаться окончательнымъ: это зависѣло-бы отъ общаго исхода войны. Съ Турцией, слѣдовательно, приходилось договариваться въ сущности лишь о нѣкоторомъ *modus vivendi*; преимущественно, объ обеспеченіи экономической связи Батума съ Закавказьемъ. Но общественное мнѣніе въ Грузіи относилось къ вопросу съ крайней нервностью; а въ частности, с.-д., имѣвшіе въ Батумѣ одинъ изъ главныхъ своихъ приходовъ, труднѣе всего мерились съ тѣмъ, что они — преждевременно и преувеличенно — считали смертельнымъ ударомъ для Грузіи. Опасались также ущерба отъ этой потери вообще для дѣла революціи и демократіи.

Армяне были въ совершенно понятномъ ужасѣ: съ возвращеніемъ Турціи въ Карсъ создавалась угроза всему будущему Арmenіи, и казавшіяся такъ хорошо охраненными провинціи русской Арmenіи подвергались теперь непосредственной и смертельной опасности. Очевидно, армяне должны были явиться въ Батумъ съ еще болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ грузины.

Въ иномъ положеніи находились азербайджанцы. Они въ туркахъ начинали видѣть сородичей, способныхъ во многомъ имъ помочь; ничто не побуждало ихъ смотрѣть трагически на предстоявшіе батумскіе переговоры.

Изъ этихъ столь различныхъ мотивовъ, оцѣнокъ, опасеній, стремленій, надлежало теперь извлечь общую Закавказскую политику!

Представимъ себѣ также чувства турокъ при занятии ими Батума. Они какъ-бы возвращались сюда, послѣ 40-лѣтняго отсутствія. И хотя то, что они нашли здѣсь въ 1918 году, мало походило на Батумъ, оставленный ими въ 1878 году, они смотрѣли на провинціи (санджаки), уступленные имъ въ Брестъ-Литовскѣ, какъ на воего рода турецкую Эльзасъ-Лотарингію,

возвращенную по принадлежности.*.) Къ этому особому чувству присоединялось нѣчто болѣе общее: съ давнихъ уже поръ Турція привыкла терять провинціи и отдавать города. Впервые съ того времени, какъ мощь Султановъ пошла на ущербъ, войска турецкія заняли городъ, достаточно извѣстный и значительный, чтобы успѣхъ этотъ лъстилъ тѣснѣславію Стамбула. Какое ни есть утѣшеніе послѣ утраты хотя бы Багдада (мартъ 1917 г.) и Іерусалима (декабрь 1917 г.)!

Вотъ почему такъ сияли лица турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ Батумѣ весною 1918 года, и такими новеньными, яркими казались красные кумачевые турецкіе флаги всюду на общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ!

Главнымъ турецкимъ делегатомъ на этой конференціи былъ министръ юстиціи и (временно) иностранныхъ дѣлъ Халиль-бей, видный дѣятель группы «Единеніе и Прогрессъ» (нѣсколько позже — предсѣдатель Константинопольского парламента), человѣкъ апоплектическаго склада и обычного для турокъ, ложно-французскаго лоска. Въ Батумѣ же находился въ это время и турецкій главнокомандующій Кавказскаго фронта, Вехибъ-паша, мужчина широкоплечій съ глазами, налитыми кровью, герой столь легкихъ успѣховъ надъ войсками, уходившими, не сражаясь. Пріѣзжалъ при насъ на яхтѣ изъ Константинополя и морской министръ Джемаль-паша, членъ знаменитаго тріумвириата (Талаатъ — Энверъ — Джемаль), фигура представительная и значительная**.). Энверъ-паша побывалъ въ Батумѣ — но еще до нашего пріѣзда, встрѣчили его съ большимъ торжествомъ, и уѣхалъ онъ, какъ говорятъ, далеко не съ пустыми руками.

Наибольшій интересъ вызывала, однако, германская делегація. Непріязненныхъ чувствъ къ Германіи у населенія не было и быть не могло. Въ германцахъ видѣли хорошихъ представителей европейской культуры, европейскаго знанія и умѣнія, видѣли въ нихъ блистательныхъ воякъ, покорителей Балтики, Польши, Украины, Румыніи. Германія въ Батумѣ означала намордникъ для Турціи, а это было главное. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ инстинктъ христіанскаго населенія Закавказья. Священной-же ненависти къ германцамъ по слав-

*.) Въ территоріяхъ, этихъ кровно связанныхъ съ исторіей Грузіи и Арmenіи, древняя христіанская культура постепенно, на протяженіи вѣковъ, вытеснялась исламомъ.

**) Джемаль-паша былъ убитъ въ Тифлісѣ въ 1922 г., при возвращеніи изъ Афганистана.

вянофильскимъ или другимъ побужденіемъ — она не была, кажется, глубока и въ русскомъ народѣ — не могли, очевидно, питать ни грузины, ни армяне, ни мусульмане.

Полномочнымъ представителемъ Германской Имперіи былъ генераль-маіоръ баварской службы фонъ-Лоссовъ, состоявшій въ это время представителемъ германского верховнаго командованія при турецкомъ правительстве*). Его простота и рыцарственность очень скоро обеспечили ему уваженіе всѣхъ. Изъ состава делегаціи назову здѣсь графа Шуленбурга, бывшаго до войны германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлісѣ**) и О. фонъ-Везендонкъ, высокобразованнаго и молодого еще дипломата, специалиста по ближнему Востоку. Ф. Везендонкъ***) — внукъ извѣстной пріятельницы-меценатки Рихарда Вагнера, Матильды Везендонкъ; и крестникъ знаменитаго Гельмгольца — что впрочемъ отвлекаетъ насть отъ Батума.

Закавказье — т. е. точнѣе три націи Закавказья имѣли весьма разнообразныхъ представителей. Предсѣдатель делегаціи А. И. Чхенкели, глава Закавказскаго Правительства, аще въ бытность свою членомъ Государственной Думы (4-ой), показалъ себя большими любителемъ вопросовъ вѣщней политики; онъ обычно выступалъ по этой части отъ имени с.-демократической фракціи. Въ своей партіи онъ болѣе другихъ размышлялъ о національномъ вопросѣ и о національныхъ интересахъ Грузіи; защищалъ ея автономію, когда это еще считалось плохимъ тономъ среди грузинскихъ соц.-демократовъ. Его почвенный патріотизмъ имѣлъ очевидный корень въ глубокой національной традиції лучшей части грузинского духовенства — среды, изъ которой вышелъ Чхенкели. Въ то же время его ревность и лояльность во всемъ, что касалось интересовъ всего Закавказья, не вызывала ничьихъ сомнѣній.

Другой грузинскій делегатъ Н. Я. Николадзе несъ чрезвычайной легкостью бремя своихъ 75 лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ юношескомъ увлеченіи, совѣщался съ Герценомъ о томъ, какъ дать пощечину тогдашнему россійскому шефу жандармовъ! или даже съ того времени,

*) Имя генерала ф. Лоссова часто упоминалось въ печати, въ связи съ внутреннимъ баварско-германскимъ замѣшательствомъ конца 1923 г. (дѣло Гитлера-Людендорфа и пр.). Онъ командовалъ имперской вооруженнюю силою въ Баваріи.

**) Нынѣ (1923 г.) — германский посланникъ въ Тегеранѣ.

***) Въ 1923 г.—германский генеральный консулъ въ Тифлісѣ.

когда онъ, будучи редакторомъ тифлисского «Обзора», надѣлалъ столько шума во всей Россіи своимъ литературнымъ процессомъ, о чмъ подробно повѣтствуетъ даже Анатоль Леруа-Болье въ своемъ «Empire des Tsars»! (Какъ все это, однако, «допотопно»!)

Его неистощимая память, знаніе турецко-кавказскихъ отношеній, его блестящій даръ бесѣды, огонь въ глазахъ при белой бородѣ и внушительное осанкѣ — дѣлали присутствіе его очень полезнымъ въ Батумѣ.

Главнымъ армянскимъ делегатомъ былъ А. И. Хатисянъ, врачъ по образованію, изъ армянскихъ уроженцевъ Грузіи, бывшій нѣсколько лѣтъ тифлисскимъ городскимъ головою; *persona gratisima* во дворцѣ Намѣстника при Воронцовыхъ, типичный и дѣятельный представитель того армянского течения, которое, оберегая и расширяя позиціи занятыхъ армянами всюду на Кавказѣ, надѣялось съ помощью Россіи, построить и турецкую Арmenію. Это опытный, всякихъ видѣвъ видѣвшій и жизнерадостный, краснощекій дѣятель*.)

Остальные трое были до той поры сравнительно менѣе извѣстны въ дѣлахъ закавказской политики, хотя всѣ они призваны были играть важную роль въ судьбахъ своихъ народовъ. Р. Качазнуни скоро сталъ главою правительства Арmenіи; пока, въ Закавказскомъ правительстве, онъ считался «министромъ государственного призыва». Подобно Хатисяну и Качазнуни М. Гаджинскій (также какъ и послѣдній, инженеръ) былъ въ составѣ образованнаго Чхенкели правительства; онъ входилъ туда съ портфелемъ торговли и промышленности**.)

Второй делегатъ — азербайджанецъ, Расулъ-заде очень выдвинулся въ Сеймѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ имя и въ Персіи, работая въ тегеранской печати вмѣстѣ съ дѣятелями персидскаго обновленія. Превосходно владѣя и персидскимъ и турецкимъ языками, онъ показывалъ своимъ личнымъ примѣромъ, какъ значительны и широки могутъ быть политическія связи восточного Закавказья, когда оно разовьется политически.

*.) Позже Хатисовъ былъ главою правительства армянской республики.

**) Впрочемъ, все это распределеніе портфелей не имѣло серьезнаго значенія, т. е. дальнѣе распределеніе ихъ дѣло не пошло за скорымъ исчезновеніемъ Закавказскаго правительства.

ГЛАВА VI. БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

16.

Теперь перейду къ самой конференціи, виѣшняя лѣтопись которой могла бы быть очень краткой: состоялось всего-на-всего одно засѣданіе, 11-го мая, въ зданіи батумскаго клуба.

Халиль-бей произнесъ (по турецки) привѣтственное слово съ упоминаніемъ о «прекрасной звѣздѣ свободы», взошедшей надъ Кавказомъ, о желаніи Турціи установить добреое сосѣдство и т. д. Орханъ-бей (бывшій секретаремъ у турокъ и въ Брестъ-Литовскѣ) прочелъ французскій переводъ рѣчи.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о допущеніи къ участію въ конференціи представителя сѣверо-кавказской Горской республики, Гайдаръ-бяя Баммата.

Имѣя весьма важныя связи въ Турціи, горскіе дѣятели, провозгласивъ независимость своей республики поспѣшили искать дипломатическаго и всякаго подкрѣпленія въ Константинополѣ. Тамъ же находился предсѣдатель ихъ правительства Абдуль-Меджидъ-бей Чермоевъ, чеченецъ родомъ, б. конвоецъ и офицеръ знаменитой «дикой кавказской дивизіи»*), а въ то-же время дѣловoy человѣкъ (съ большими интересами въ грозненской нефти. О прїездѣ изъ Константинополя, вмѣстѣ съ турками, въ Батумъ на конференцію и горскихъ delegatovъ сообщалось уже въ телеграммѣ Вехибъ-паши увѣдомлявшей о признаніи Турціей независимаго Закавказскаго Правительства. (15-го апрѣля с. с.). Возможному вступленію

*.) Отсюда, иста, видно, какъ горько заблуждался В. Розановъ, когда писалъ, что, послѣ всѣхъ войнъ, восстаній, Шамиля и т. д., кавказскіе горцы закончили свою исторію... въ конвоѣ Е. Импер. Величества!.

Горской республики въ общекавказскую федерацию всѣ очень сочувствовали, и участіе Г. б. Баммата въ конференціи возраженій, конечно, не вызвало.*)

Не успѣли приступить къ дѣлу, какъ обнаружилось ко-ренное расхожденіе между Закавказскою и Турецкою делега-ціями по вопросу о Брѣстъ-Литовскомъ договорѣ, какъ осно-ваніи для переговоровъ. Чхенкали, повторивъ сдѣланное имъ еще въ Трапезундѣ (напослѣдокъ) заявленіе, что Закавказье этотъ договоръ принимаетъ полностью, желалъ, чтобы тек-стъ его былъ *единственною* основою переговоровъ дабы За-кавказью не пришлось дѣлать новыхъ территоріальныхъ усту-покъ Турціи, сверхъ предусмотренныхъ Б.-Л. договоромъ. Напротивъ, Халиль-бей, принимая къ свѣдѣнію это заявленіе, указывалъ на происшедшій разрывъ въ дипломатическихъ пе-реговорахъ, на возобновленіе военныхъ дѣйствій между Тур-цией и Закавказьемъ, т. е. на новые факты, въ виду которыхъ Турція не согласна считать договоръ единственной основой предстоящихъ переговоровъ и признаетъ за собою право выдви-гать *новые* требованія. Поэтому, Халиль-бей и предложилъ въ качествѣ основанія для переговоровъ изготовленный уже турками текстъ мирнаго договора, который былъ тутъ же ими предъявленъ.

Представитель Германіи ограничился простымъ принятіемъ къ свѣдѣнію этого разногласія между Турцией и Закав-казьемъ**.)

Въ заключеніе наша делегація изъявила согласіе... по-знакомиться съ турецкимъ проектомъ, и на этомъ засѣданіе конференціи было закрыто.

17.

Турецкій проектъ «договора мира и дружбы между Императорскимъ Оттоманскимъ Правительствомъ и Кон-

*) Комиссія, провѣрявшая полномочія, состояла изъ графа Шулленбурга, турецкаго юрисконсульта Нусретъ-бя, самого Баммата и меня (отъ Закавказской делегаціи).

**) Въ этомъ же засѣданіи Закавказская делегація впервые, между прочимъ, получила официальный текстъ Брѣстъ-Литовскаго договора. До того, у меня по крайней мѣрѣ, былъ лишь текстъ, изданный въ Ростовѣ-на-Дону «Затемерницкой организацией партии лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ интернационали-стовъ» и напечатанный въ типографіи Т-ва «Обновленіе» Коллек-тива Рабочихъ и Служащихъ.

федеративною Закавказскою республикою» состоялъ изъ 12 статей; къ нему имѣлось три приложенія (временные правила о торговлѣ и мореплаваніи; объ особыхъ льготахъ, примѣняемыхъ къ сношеніямъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ въ; о порядке устраненія разногласій въ толкованіяхъ договора).

Наконецъ, дополнительный къ основному договору касался вопросовъ, связанныхъ съ чисто военными интересами Турціи въ данный моментъ.

Несомнѣнно, наибольшее впечатлѣніе производили новыя террitorіальные требованія Турціи. Указанная въ ея проектѣ граница означала для Грузіи отторженіе старыхъ ея областей (подвергшихся позже исламизации,) пріобрѣтеныхъ Россіей по Адріанопольскому миру 1828 года и тѣснѣшимъ образомъ связанныхъ съ б. Тифлісской губерніей: рѣчь идетъ объ ея уѣздахъ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ (на послѣдній, впрочемъ, заселенный уже въ XIX столѣтіи армянскими выходцами претендовала Арmenія).

Для Арmenіи новая граница была равносильна полному почти уничтоженію: Александрополь и большая часть уѣздовъ Александропольского и Эчміадинского — т. е. наиболѣе такъ сказать армянская часть Арmenіи — переходила къ Турціи, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой Карсъ — Александрополь и Александрополь — персидская граница.

Въ этихъ условіяхъ Турція обезпечивала себѣ въ сущности не только политическій контроль всего Закавказья, но еще и тѣсное террitorіальное примыканіе къ Азербайджану и къ Персіи (т. е. персидскому Азербайджану) — иными словами, къ странамъ съ населеніемъ тюркской-же породы и тюркской рѣчи.

Важную часть турецкаго проекта составляли далѣе требованія, имѣвшія цѣлью облегчить военные операции противъ англичанъ въ Сѣверной Персіи. Главнымъ образомъ, имѣлось въ виду использование для этой задачи желѣзныхъ дорогъ Закавказья, но также и бакинскаго порта (для возможныхъ операций на Каспійскомъ морѣ).

Во всякомъ случаѣ, вопросы были поставлены съ полной опредѣленностью. Понятно было для всѣхъ, что турецкія требованія не будутъ сколько нибудь существенно смягчены; что противиться имъ силою мы не можемъ; и что принятие ихъ поражаетъ въ корнѣ Закавказье, какъ союзъ трехъ народовъ, такъ какъ отъ Арmenіи мало что осталось бы послѣ нового «размежеванія».

18.

Что въ условіяхъ весны 1918 года турки, овладѣвъ Батумомъ и Карсомъ, пожелають получить еще Ахалцихъ и Александрополь, въ этомъ не было ничего неожиданного для многихъ изъ насъ.

Спрашивалось, какъ теперь быть?

Если противъ турокъ можно было получить поддержку, то только дипломатическую; и дать ее могли только германцы. О помощи со стороны англичанъ и французовъ, на чьей сторонѣ наши народы вмѣстѣ со всей Россіей несли тягости войны съ 1914 года, и помину не было: англичане въ Сѣверной Персіи отдалены были и разстояніемъ, и большевицкимъ заслономъ въ Баку и вообще, невозможностью установить съ ними сношенія.

Мнѣ лично вопросы территоріальные не казались столь важными, ибо установление границъ на могло быть окончательнымъ, пока еще продолжалась война. Я ъхалъ въ Батумъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Германію Закавказье интересуетъ не только въ виду возможности использованія нѣкоторыхъ его ресурсовъ въ войнѣ, но еще больше съ точки зрѣнія общаго плана германского проникновенія на ближній востокъ. Германія, думалось, союзникъ Турціи и не станетъ ей поперекъ дороги ни въ томъ, что Турція будетъ дѣлать въ рамкахъ общаго веденія войны, ни въ тѣхъ специальнѣ турецкихъ домогательствахъ, которые будутъ хоть сколько нибудь обоснованы, и удовлетвореніе которыхъ будетъ какъ-бы подачкой Турціи за ея труды. Но она несомнѣнно выйдетъ за предѣлы того, что необходимо для войны, или что ей «причитается».

Вотъ тутъ, казалось, поскольку эта союзница позволить себѣ какую-нибудь «отсебятину», какую-нибудь вольность, можно будетъ добиться контроля надъ нею, или даже *vefo* ея старшой, болѣе могущественной и болѣе разумной союзницы — Германіи. Для этого нуженъ лишь соответствующій подходъ, подготовка.

Турки занимаютъ Батумъ, Озургеты и Ахалцихъ: соблазнъ овладѣть Тифлисомъ — для прямой связи съ Баку и для иныхъ выгодъ-великъ! Этому надо помѣшать и этому можно воспрепятствовать; можно и слѣдуетъ предупредить вторженіе турокъ внутрь Грузіи!

Азербайджанъ пожелаетъ, чего доброго, турецкой помощи и въ борьбѣ съ большевиками, засѣвшими въ Баку, и для про-

тиводействія анархії: чо-же дѣлать! но въ Грузії намъ турки не нужны. Арменія? Ни въ отдѣльности, ни совмѣстно съ Грузіей воевать съ Турцией она не можетъ, — старый фронтъ распался, а нового нельзя создать, когда непріятель уже у насть въ странѣ, и когда нашъ третій партнёръ — Азербайджанъ откровенно, безъ обиняковъ, заявилъ, что съ Турцией онъ воевать не будетъ.

Германія поможетъ Арmenії какъ нибудь уцѣлѣть въ эту бурю. Армянскіе делегаты имѣютъ возможность говорить объ этомъ здѣсь непосредственно съ германскимъ представителемъ. Этой возможности они и не упускаютъ. Въ добрый часъ! Но Арменія должна пока какъ-бы притаяться, отказавшись отъ вооруженного сопротивленія, которое вѣдь безцѣльно. Позже видно будетъ.

Такъ начиналась выясняться безнадежность Закавказской позиціи и подсказывалась — по крайней мѣрѣ, грузинамъ — необходимость и возможность подготовки позиціи грузинской. И это не только съ цѣлью выпутаться, найти практическій выходъ изъ жестокихъ условій, какъ они сложились для Закавказья и Грузіи къ лѣту 1918 года, благодаря полному разрушенню Российской Имперіи: нѣтъ, за этой, неотложной и острой задачей дня выступала, конечно, болѣе глубокая, историческая обязанность нашего поколѣнія содѣйствовать, насколько возможно, возстановленію или созданію, въ этихъ новыхъ условіяхъ, основы для національно-государственной будущности нашихъ кавказскихъ народовъ. Если не теперь, и не нами самими, то когда и кѣмъ долженъ быть заложенъ этотъ фундаментъ?

Надлежало найти, — пользуясь обстоятельствами — пути и формы для осуществленія того, что носилось въ воздухѣ какъ зреяла для воплощенія, не воплощенная еще дѣйствительность. Въ двухъ словахъ: предстояло стоять на позиціи Закавказья (какъ оно сложилось случайно) до послѣдняго момента; затѣмъ, переходить на позиціи національныя и маневрировать отдѣльно, а, главное, закрѣпить въ государственномъ сознаніи каждого изъ нашихъ народовъ ихъ независимость; и, при первой возможности, установить, затѣмъ, на упроченной основѣ, политическое цѣлое Закавказья или Кавказа!

Первая часть этой схемы и была осуществлена закавказскою делегацію; затѣмъ грузинской делегаціей въ Батумѣ

и грузинскими дѣятелями въ Тифлисѣ былъ подготовленъ — путемъ провозглашенія независимости Грузіи — переходъ къ консолидациі отдельно Грузіи, Арменіи и Азербайджана.

Такъ осмыслался этотъ процессъ. Рѣшенія не отъ меня зависѣли; но я могъ вліять на нихъ, будучи совѣтникомъ делегаціи и ея грузинскаго отдѣла по всѣмъ главнымъ вопросамъ.

19.

Мы вступили немедленно въ препирательство съ турками, на почвѣ предъявленнаго ими проекта: въ нашемъ довольно таки плачевномъ положеніи меморандумы и ноты были единственными оружіемъ!

Въ «состязательныхъ бумагахъ» — составленіе ихъ было возложено на меня — мы стали на строго формальную почву: противъ Турціи мы постаралась повернуть тотъ самый Брестъ-Литовскій договоръ, которымъ она еще въ Трапезундѣ желала давить Закавказье.

Здѣсь, въ Батумѣ, Турція предлагала намъ, какъ мы видѣли, во-первыхъ договоръ дружбы и мира, во-вторыхъ, особую конвенцію по военнымъ вопросамъ и, наконецъ, специальная соглашенія, относящіяся къ «доброму сопѣдству» сторонъ.

Мы отвѣтили по поводу этой схемы такъ: основной мирный договоръ и дополнительная къ нему конвенція о военныхъ материаляхъ должны быть заключены нами не съ одной Турціей, а со всѣми державами четверного Союза; остальная же предлагаемая намъ соглашенія («добрососѣдскія») дѣйствительно, могутъ быть заключены между нами и одной Турціей, (меморандумъ Закавк. делегаціи отъ 13-го мая).

Противъ этого турки представили (15-го мая) слѣдующее возраженіе: «не Ваше дѣло высказываться о томъ, какие вопросы суть общіе для четырехъ союзниковъ, а какие касаются лишь одного изъ нихъ и Закавказской Республики. Предоставьте объ этомъ судить намъ, союзникамъ, между собою».

Нашъ отвѣтъ на это возраженіе: Вы, слѣдовательно, признали, что есть темы, подлежащія переговорамъ со всѣми четырьмя державами; и другія, касающіяся лишь нась въ Вами. Отлично. Принимаемъ къ свѣдѣнію. Вы находите, однако, что объ этомъ раздѣленіи позаботятся сами союзники, намъ-же, Закавказью, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ молчать. Но мы вовсе и не входимъ въ обсужденіе того, что именно

отнести къ общему договору, и что къ специальнымъ! Мы утверждаемъ лишь, что общий договоръ будетъ нами заключенъ не съ одной Турцией, а со всѣми четырьмя державами. Намъ, какъ одной изъ договаривающихся сторонъ, кажется, позволено интересоваться тѣмъ, кто именно является другою стороною? (нота Закавк. делегаціи 17-го мая).

Мы продолжали ссыльаться и на отсутствіе у турокъ права требовать чего либо сверхъ уступокъ, сдѣланныхъ имъ по Брестъ-Литовскому договору. Здѣсь наша позиція была слабовата; однако, на ней приходилось упорствовать, такъ какъ это былъ главный доводъ А. Чхенкели еще съ конца трапезундской конференціи. Ослаблялась же эта точка зрѣнія (т. е. что «не было новыхъ обстоятельствъ, измѣнившихъ между нами международное положеніе — не можетъ быть и новыхъ требованій») такими фактами, какъ весь военно-патріотической шумъ поднятый Сеймомъ, въ виду нежеланія турокъ отказаться отъ Батума и Карса, рядъ принятыхъ имъ военныхъ резолюцій, отзываніе делегаціи изъ Трапезунда и т. д.

Вслѣдствіе этихъ фактovъ, турки получили возможность утверждать, что заявленіе Чхенкели въ Трапезундѣ о признаніи Брестъ-Литовского договора было «дезавуировано» Закавказскимъ правительствомъ Гегечкори, и что возобновленіе войны Закавказскою республикою именно и повлекло за собою измѣненіе въ международномъ положеніи, которое даетъ теперь Турціи право предъявлять новые требования.

Словомъ, въ этомъ пунктѣ почва подъ нами была не безъ шаткости. Съ тѣмъ большей твердостью обратили мы противъ турецкаго проекта острѣе Брестъ-Литовского договора.

«Какъ это? — говорили мы: «вы по-просту включаете теперь (по вашему проекту) въ составъ Оттоманской Империи-территоріи, государственное и международное устройство которыхъ обставлено условіями ст. 4 Брестъ-Литовского договора? Тамъ вѣдь предусмотрены права «сосѣднихъ государствъ»; въ согласіи съ ними и долженъ быть установленъ населеніемъ округовъ Батума, Карса и Ардагана новый порядокъ въ этихъ терраторіяхъ. Сосѣдня государства — это, прежде всего, Турція; но, затѣмъ, это и Закавказье; а теперь вы просто забираете эти провинціи, отмѣняя договоръ, не вами одними подписанный, договоръ, предоставившій и намъ известное участіе въ дѣлѣ. Такъ нельзя». (см. Закавк. мемо-

рандумъ 16-го мая). Словомъ, теперь уже мы выступили въ роли блюстителей Брестъ-Литовского договора!

Послѣдній доводъ былъ особенно непріятенъ туркамъ, и, отвѣтъ ихъ (18-го мая) сверхъ ссылки на факты, измѣнившіе положеніе сторонъ въ эпоху отзыва Закавказской delegaciіи изъ Трапезунда и позже, заключалъ въ себѣ слѣдующую угрозу: «настоянія Закавказской delegaciіи высказываться о вышеозначенной (т. е. 4-ой) статьѣ Брестъ-Литовского договора могутъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія на ходъ текущихъ переговоровъ».

Мы могли однако позволить себѣ тогда въ Батумѣ роскошь такой полемики главнымъ образомъ потому, что имѣли возможность напоминать Турціи (см. мемор. 16 мая) что «присутствіе здѣсь delegaciіи Германской Имперіи служить нагляднымъ доказательствомъ того, что державы, союзныя Турціи и вмѣстѣ съ нею подписавшія Б.-Л. договоръ, принимаютъ прямое участіе въ дѣлахъ, связанныхъ съ ликвидацией міровой войны на Кавказскомъ фронть».

Въ этомъ пунктѣ мы состязанія не проиграли. Мы доказали, и показали Турціи, что она не можетъ распоряжаться нашей судьбою единолично.



ГЛАВА VII.

РАЗВАЛЪ ЗАКАВКАЗЬЯ.

20.

Задача чисто дипломатической кампани обозначалась достаточно ясно. Можно было надѣяться на иѣкоторое смягчение предъявляемыхъ намъ требованій съ помощью Германіи. Но не было никакой надежды на то, чтобы вывести Закавказье изъ войны и, поставивъ его въ положеніе страны нейтральной, приступить къ его устройству и успокоенію. Его желѣзныя дороги нужны были воюющимъ сторонамъ: при слабости Закавказья, провозглашенного независимымъ, но пока отъ всѣхъ зависѣвшаго, эта рельсовая сѣть призвана была усилить того (изъ «большихъ»), кто первый наложилъ-бы на нее руку.

Всѣ преимущества были тутъ на сторонѣ коалиціи, руководимой Германіей, такъ какъ, владѣя (съ апрѣля 1918 г.) Карсомъ и Батумомъ, турки уже держали за одинъ конецъ рельсовый путь, соединявшій турецкій театръ войны съ персидскимъ. Какъ всякий знаетъ, тотъ же путь вѣль къ нефти Баку и къ хлопку Туркестана.

При другихъ условіяхъ дѣло свелось бы къ специальной конвенціи о пользованіи желѣзными дорогами; Закавказское правительство и шло на это — по необходимости. Бѣда, однако, въ томъ, что вторженіе турокъ въ предѣлы Закавказья приводило немедленно и фатально къ разнообразнымъ и опаснымъ осложненіямъ. Рельсовый путь въ Персію вѣль черезъ армянскія провинціи: турки владали въ соблазнѣ продолженія и здѣсь той политики уничтоженія армянъ, которая ими примѣнялась во время войны въ Турціи; и этимъ приводилась въ

дѣйствіе взаимоистребительная вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ возвращенная еще при русскомъ владычествѣ. Съ другой стороны, приходили въ броженіе всѣ, кто только по исторической-ли традиціи, по чувству-ли расовой и религіозной общности или вообще «по встрѣтившейся надобности», считалъ себя естественнымъ клиентомъ Турціи, или просился теперь въ ея клиенты. Все это усиливалось, подстегивалось иллюзіей ея побѣдоносности, искусно раздуваемой многочисленными тайными и явными ея агентами. Да и прислали вѣдь Турція на Кавказъ «армію Ислама»...

Вотъ почему, самъ по себѣ несложный вопросъ о пропускѣ турецкихъ войскъ по линіи Александрополь-Джульфа (съ цѣлью противодѣйствія англійскимъ войскамъ, какъ писалъ Вехибъ-паша) вызвалъ чрезвычайныя тренія между закавказскою и турецкою делегаціями.

Александровъ*) былъ захваченъ турецкими войсками; армянскія части оказались не въ силахъ его защищать. Армяне, какъ и другіе делегаты, признавали всю неизбѣжность предоставленія желѣзной дороги турецкому командованію; но желательны были, конечно, опредѣленныя гарантіи и предварительное взаимное соглашеніе по такому щекотливому предмету. Турки-же, ссылаясь на невозможность, по военнымъ обстоятельствамъ, промедленія, шли на проломъ.

Причинено было много страданій мѣстному армянскому населенію, и много непріятностей закавказской делегаціи. Дѣлу можно было нѣсколько помочь лишь разрѣшивъ съ помощью германцевъ весь вообще вопросъ о взаимоотношеніяхъ нашихъ съ державами четверного Союза. Протесты же и ссылки на «попираемый суверенитетъ», которые заявлялись А. Чхен-кели въ перепискѣ по этому дѣлу, были необходимы, но и бесплодны.

Подобная осложненія дѣлали всю обстановку конференціи крайне тяжелой. Руководители къ тому-же вовсе не давали примѣра хладнокровія и выдержки.

Не было ни чувства пропорцій, ни спокойнаго различенія между достичимымъ и фантастическимъ, между явленіями первого плана и второстепенными, между длительнымъ и преходящимъ.

Въ многолюдной и нервной кулисѣ окружавшій конференцію внезапно появлялись и потомъ исчезали то прїѣзжавшіе изъ Тифлиса дѣятели-гастролеры, представители партій, націй

*) Военная база и узелъ линій на Тифлисъ, Карсъ и Джульфу.

или группъ, то отдѣльные добровольцы-политики, порою прямые авантюристы. Мѣстные батумскіе дѣятели, томившіеся въ бездѣліи; наши плѣнныи офицеры; политическіе ходатаи изъ разныхъ мусульманскихъ провинцій, всего Кавказа, многіе въ ноенъяхъ фескахъ, сразу придавшихъ ихъ лицамъ «оттоманское» выраженіе; турки кавказскаго происхожденія — все это гудѣло, волновалось сплошнымъ роемъ вокругъ насъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ записей того времени.

Май 1918 г.

Въ Батумѣ — постоянное ощущеніе парника. Отъ знаменитыхъ его осадковъ — бамбукъ, чай и все пресловутое субтропическое; и отъ осадковъ-же рѣдко когда ясенъ горизонтъ, рѣдко видны линіи горъ, и природа всегда готова къ дождю.

«Бульваръ», конечно, наряденъ; и южному морю полагается быть красивымъ. Но въ самомъ Батумѣ мало интереснаго, потому-что мало характернаго. Улицы такъ себѣ, не безъ опрятности. Единственный, кажется, уголокъ съ «лица необщимъ выраженьемъ» — такъ называемая Греческая улица.

Я сказалъ: «опрятность». Она скоро пострадаетъ. Въ полѣ моего зреінія (изъ окна гостиницы) уже съ недѣлю какъ появилась дохлая кошка, на улицѣ. Что-то будетъ здѣсь черезъ годъ-два? Но засидятся-ли здѣсь турки?

Всюду полумѣсяцъ со звѣздою на красномъ полѣ; и фески пріумножились; но частью это — политической маскарадъ, частью-же онъ пришлый, временный. У пристани мало пароходовъ; зато закопошился тамъ анатолійской приморской людь, около своихъ парусниковъ. И извѣчная левантинская толпа.

Условія формированія нашей делегаціи таковы, что трудно было избѣжать чудовищнаго, несурзанаго. Почему-то приходитъ на память сборная селянка, rot-pourri и т. п. вещи.

...Какъ хорошо, что большинство не понимаетъ и не чувствуетъ всей тяжести наносимыхъ ударовъ. Повседневность мыслей и чувствъ. Люди вертятся, какъ сухие листья подъ осеннимъ вѣтромъ.

Нестройное громыханіе клавишъ разбитаго инструмента. Несносный скрипъ несмазанной телѣги.

Визитъ трехъ турецкихъ вельможъ: Джемаль-паша, Халила и Вехиба. Они пожелали познакомиться ближе съ на-

шими делегатами. Усѣлись втроемъ на диванъ, прочно занявъ его. Подано кофе. По сю сторону, цѣлымъ архипелагомъ размѣстились въ небольшой гостиной закавказскіе делегаты. Я приглашенъ въ качествѣ «сотрудника». Сначала вольные разговоры; затѣмъ наши гости просятъ, чтобы каждая изъ нашихъ национальныхъ секцій высказалась по душѣ.

Членкили всегда въ восторгѣ, когда выпадаютъ случаи вести «международные» разговоры. Здѣсь передъ нимъ три столба Порты Отоманской, лицомъ къ лицу съ глашатаями трехъ кавказскихъ націй. Эта цифра три мистически на него подѣйствовала, и онъ, имѣя трехъ мусульманъ передъ собою, и двухъ въ своей delegaciї, началъ съ того, что, «хоть онъ, какъ соціалистъ, и не придаетъ большого значенія религіознымъ догматамъ, но что подобно тому какъ Богъ, хотя въ трехъ лицахъ, но единъ, такъ и Закавказье, хотя включаетъ въ себя три націи, но» и т. д. Какова сила богословской закваски*) и атавизма?

Затѣмъ говорилъ Николадзе, просто, кратко и вѣско о пользѣ закавказской независимости для самой Турціи, о необходимости не лишать сначала-же Закавказье элементовъ, необходимыхъ для его жизненности и т. д. Хатисовъ выбралъ темою армянскій вопросъ, напомнилъ Джемалю-пашѣ о его командованиіи въ Палестинѣ и добромъ отношеніи къ христіанамъ, о его товарищахъ-армянахъ (Зохрабѣ и др.), соратникахъ по турецкой революціи.

Х., очевидно, наступилъ на болѣе мѣсто: Джемаль-паша сдѣлалъ серьезное лицо и посовѣтовалъ вопроса этого не касаться — послѣ всего, что произошло. (По глубокому убѣждѣнію самихъ турокъ, армяне въ Турціи поразили ихъ ножомъ въ спину, въ войнѣ 1914-15 г. г.).

Третье слово было сказано Мамедъ-Гасаномъ Гаджинскимъ: онъ говорилъ привѣтливо; выражалъ надежды, изъявлялъ радость - благоразумно избѣгая и теологии и острыхъ национальныхъ вопросовъ.

Послѣ живой общей бесѣды наши гости уѣхали.

22.

Въ маѣ 1918 года Россія казалась тѣмъ, кто былъ въ Батумѣ, такой далекой. Совѣтская власть не простиралась на Закавказье. Независимость была объявлена. На Сѣверномъ

*) Ч. были въ духовн. семинарии.

Кавказъ — положение переменчивое, неопределенное; благодаря естественной границѣ — Кавказскому хребту, получалась какъ бы изоляція отъ того, что бушевало въ Россіи. Въ Баку (передъ которымъ стоялъ закавказскій военный заслонъ) и въ другихъ пунктахъ Каспійского побережья существовали, правда, совѣтскія группы подъ разными сложными и предличными названіями. Но, вообще говоря, обширныя неустроенные пространства отдѣляли пока Закавказье отъ истинныхъ центровъ Совѣтской Россіи, хотя аванпосты ея были разбросаны по близости.

Европейская война достигла зенита. Германія была кровно заинтересована въ установлении на Востокѣ хотя-бы временного равновѣсія. Этому служили договоры, Брест-Литовскій и Бухарестскій, и вся «политика окраинныхъ государствъ», отъ Балтики до Чернаго моря; для этого-же Германія старалась теперь какънибудь согласовать интересы Турціи и Закавказья.

Надлежало выяснить также взаимоотношенія между Закавказьемъ и Совѣтской Россіей. Это было необходимо и вообще для устойчивости порядка, который былъ-бы устроенъ трудами батумской конференціи въ Закавказье, а въ частности, для мирнаго разрѣшенія вопроса о Баку и о бакинской нефти (вопроса всегда острого для Россіи, но получившаго теперь, по разнымъ побужденіямъ, остроту и для Германіи, и для Турціи съ Азербайджаномъ).

Посредничество, съ цѣлью примиренія Закавказья съ Совѣтами, и было предложено германскимъ правительствомъ въ Москву въ серединѣ мая, т. е. въ самый разгаръ батумской конференціи. Переданное графомъ Мирбахомъ, предложеніе это вызвало со стороны народнаго комиссариата заявленіе о необходимости привлеченія къ участію въ Батумской конференціи представителя Россіи и, одновременно, указаніе на самозванность «такъ называемаго Закавказскаго правительства», противъ котораго повсюду-де высказываются массовые народные митинги и т. д.

Намъ не трудно было опровергнуть такую оцѣнку полномочій Закавказскаго правительства (19 мая). Да и сами комиссары, очевидно, не придавали ей значенія, такъ какъ совѣтское правительство не замедлило принять германское посредничество въ вопросѣ о признаніи Закавказья Россіей. Сообщая намъ объ этомъ (21-го мая), фонъ-Лоссовъ прибавлялъ, что собирается извѣстить Мирбаха

въ Москвѣ о большевицкихъ угрозахъ Закавказью со стороны Сухума и Баку (такія угрозы были), и что Германія вообще настоятельно советуетъ русскому правительству не наступать на Закавказье.

Въ 1918 году время для такого наступленія еще не приспѣло. Но и принять участіе въ Батумской конференціи совѣтскому представителю не пришлось. При посредствѣ Германіи условлено было лишь, что представитель Закавказья вступить въ переговоры съ Совѣтскимъ Правительствомъ гдѣ либо въ предѣлахъ Совѣтской Федераціи, недалеко отъ Закавказья (предложенный Германскимъ правительствомъ, Кіевъ Чичеринъ считалъ мѣстомъ неудобнымъ)*). Но и эта мысль, по измѣнившимся обстоятельствамъ, осталась безъ осуществленія. Однако, впервые поставленъ былъ вопросъ о признаніи независимости Закавказья Россіею: и выяснилось, что, въ условіяхъ середины 1918 года, ключъ къ этому признанію лежалъ въ Берлинѣ.

*). См. относящуюся къ этому вопросу переписку ів. N N 146, 151, 152, 156.

ГЛАВА VIII. НОВЫЙ ПУТЬ.

23.

Треволненія, вызванныя домогательствами турокъ, достигли крайняго напряженія, когда делегація наша получила отъ генерала ф.-Лоссова формальное предложеніе добрыхъ услугъ въ качествѣ посредника, въ виду безуспѣшности сношеній между оттоманскими и закавказскими представителями (19-го мая). Большинство находило, что за это предложеніе слѣдовало ухватиться. Однако мусульмане, какъ выяснилось въ совѣщаніи делегаціи, боялись принятіемъ германского посредничества обидѣть турокъ: ихъ надлежало-бы предварительно спросить и т. д. По мнѣнію Гаджинскаго, вообще, не слѣдовало затягивать переговоры. «Надо кончать, говорилъ онъ, такъ или иначе: для восточной части Закавказья несогласія не существенны». Эти несогласія были очень существенны для Грузіи и Арmenіи. Мы стояли на перекресткѣ: однимъ было по пути съ турками, другимъ — не по пути.

Фонъ-Лоссову тогда-же отвѣтили принятіемъ его предложенія.

Близилась развязка. Побѣдоносная Турція какъ сильно дѣйствующій реактивъ вызывала распаденіе слабаго еще, не устроенного, потрясенаго войною и революціей аггломерата-Закавказья. Отъ него естественно отваливался мусульманскій Азербайджанъ, влекомый къ Турціи магнитною силой ея притяженія. Голосъ породы оказался сильнѣе вѣкового пре-дубѣжденія шітовъ противъ суннитъ, особенно въ тѣхъ образованныхъ слояхъ, шітское рвеніе которыхъ значительно остыло подъ вліяніемъ русско-европейской культуры.

Этимъ однимъ для Закавказья уже исключалась возможность единаго политического маневрированія, т. е. единой вѣнчаной политики. Каждая часть его должна была сама о себѣ позаботиться.

Что Грузія была къ тому готова, сравнительною организованностью своей, съ такой увѣренностью мы прѣѣхали въ Батумъ. Что она должна дѣйствовать самостоительно, выяснилось окончательно послѣ занятія турками всей мусульманской части Грузіи — отъ Батума до Боржомскаго ущелья, и въ виду неудержимой тяги ихъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

Быть этапнымъ коридоромъ для «арміи ислама», хотя-бы временно, нась не соблазняло. Прогнать турокъ силою мы не могли. Единственный выходъ — политика германскаго «намордника». Но для этого нужно: *выступление независимой Грузіи; уговоръ съ Германіей и опредѣленная германская поддержка.*

Практическая злоба дня побуждала именно такъ ставить вопросъ: но гораздо болѣе глубокія побужденія толкали на тотъ же путь. Какъ было не услышать въ этотъ единственный моментъ клокотанія историческихъ стихій, какъ было не взять голосу всѣхъ, кого уже давно нѣть; какъ не подумать и о тѣхъ, что еще придутъ? Сколько поколѣній создавали грузинскую націю и тщетно искали для нея условій вольного развитія подъ солнцемъ? Вотъ независимость застучала въ дверь — какъ не броситься ей на встрѣчу! Если упустишь это мгновеніе, какъ отвѣтить потомъ передъ тѣми, кто будетъ послѣ нась? Или этотъ народъ рожденъ только для рабства, для подчиненія, и ему окончательно превратиться въ «этническій матеріаль», изъ котораго штампуются, смотря по обстоятельствамъ то персы, то турки, то русскіе? Нѣть, онъ помнитъ; онъ желаетъ воспрянуть и стать опять самимъ собою. Онъ этого не желаетъ? Онъ вздохнетъ о своей тюрьмѣ какъ «Шильонскій узникъ» Байрона? пусть это теперь и обнаружится! Перевертывается страница исторіи.

Впрочемъ, въ такихъ размышеніяхъ не было надобности: однимъ, немногимъ, они давно были знакомы. Другіе проникались скорѣе тактическими соображеніями. У большинства и вопроса не возникало: воля, инстинктъ, подсознательное несли ихъ въ эту сторону. «Шахматный» же расчетъ былъ не богъ вѣсть какой сложный: прежде всего, опираясь на Германію, оградиться отъ турокъ и организоваться. Въ организован-

номъ видѣ, какъ нація, ждать окончанія міровой войны — положеніе наше тогда и опредѣлится, причемъ мы и сами будемъ факторомъ, его опредѣляющимъ, — хотя бы и скромнымъ. И соотношеніе съ Россіей выяснится тѣмъ-же путемъ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ членами Германской делегаціи, подготовлена была намѣчавшаяся позиція Грузіи — въ предвидѣніи неизбѣжного развала Закавказской коалиції. Всего нѣсколько лицъ были, такъ сказать, въ секретѣ. Прѣхавшій изъ Тифлиса Н. Жорданіа, по своему положенію предсѣдателя грузинскаго Национальнаго Совѣта, лидера соц.-дем. партіи въ Зак. Сеймѣ и въ Грузіи, былъ лицомъ, на чью долю выпала трудная задача проведенія въ Тифлісѣ основныхъ актовъ (провозглашенія независимости Грузіи и самоотмѣны Закавказскаго Сейма). У него были, повидимому, колебанія, вполнѣ понятныя и законныя: независимость Грузіи мало вязалась и съ доктриною всей его прежней работы, и съ принадлежностью его къ россійской соц. демократ. партіи. Но разъ «увѣровавъ» онъ взялся за проведеніе новой программы искусною рукою.

22-го мая онъ уѣхалъ обратно въ Тифлісъ. Работа «германо-грузинская», параллельно съ «закавказско-турецкой» шла полнымъ ходомъ.

24 мая генераль фонъ-Лоссовъ извѣстилъ нась о безуспѣшности попытокъ его посредничества. 25-го предсѣдатель Закавказской делегаціи получилъ отъ генерала увѣдомленіе, что въ виду предстоящаго, по его свѣдѣніямъ, распаденія Закавказской республики и измѣненія, въ связи съ этимъ, всей обстановки, ему необходимо личное сношеніе со своимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ покинуть Батумъ вечеромъ-же на пароходѣ «Минна Хорнъ».

Германская делегація дѣйствительно отбыла въ этотъ вечеръ изъ Батума.

26-го мая Закавказская делегація получила ультиматумъ Турціи съ требованіемъ принятія совокупности турецкихъ предложеній (дополненныхъ новымъ измѣненіемъ границъ въ пользу Турціи) въ 72-часовый срокъ. Въ моментъ полученія ультиматума Закавказская республика уже не существовала: ровно за 4 часа до того въ Тифлісѣ послѣдовало объявленіе независимости Грузіи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько отрывковъ которые лучше выразить смѣну событий.

Батумъ, 21 мая 1918.

Утромъ обозрѣваемъ съ Н. Жорданія и Николадзе по картѣ необходимыя намъ границы. Въ крайнемъ случаѣ готовы «отдать» Закатальскій округъ. Никакихъ другихъ исправленій границъ въ пользу Азербайджана не допускаемъ. Турки пристали буквально съ ножемъ къ горлу — но Ахалцихъ, Хертвиси должны остаться въ Грузіи.

Днемъ — совѣщаніе грузинъ съ татарами о взаимной границѣ. Съ одной стороны — Николадзе, Жорданія, Сургуладзе и я; съ другой — ханъ Хойскій, Хасмамедовъ, Сафиковъ, Пепиновъ, Усубековъ, Джабаровъ. Армяне отказались отъ частей Елисаветпольской губ. (Карабагъ), и мусульмане... согласны на образованіе особаго армянскаго кантона въ Закавказіи (примѣрно, по схемѣ «Александровской губерніи» недавней эпохи земскихъ мечтаний). У насъ они не прочь отхватить части уѣздовъ Сигнахскаго, Тифлісскаго и Борчалинскаго (каково слышать объ этомъ царямъ въ мѣхетскихъ могилахъ!), но соглашеніе здѣсь возможно: они уступятъ. По ахалцихскому вопросу Пепиновъ выдвигаетъ самоопредѣленіе (разумѣя присоединеніе къ Турціи).

Въ общемъ, наши друзья-мусульмане увѣряютъ, что «трѣдиное» Закавказье будутъ отстаивать всячески; но, говорятъ они, какъ быть, если турки отъ своихъ требованій не откажутся, и одинъ изъ проектируемыхъ «кантоновъ» будетъ отсутствовать? Они желали бы сохранить въ этомъ случаѣ Закавказье хотя-бы «двудѣйнымъ»...

Мы отвѣтили, что если Закавказью будетъ дѣйствительно нанесенъ такой ударъ въ Батумъ, то мы будемъ считать себя свободными, и каждая сторона должна будетъ осмотрѣться.

Ну, не преждевременно ли было приступать къ сочиненію Закавказской конституції въ Тифлісѣ?

Позже, прогулка въ «закавказскомъ» автомобилѣ; спутники мои — Чхенкели, Жорданія уже болѣе года какъ освоились съ этой цѣнною прерогативою революціонной власти. Вверхъ по ущелью Чороха, до впаденія Аджарисъ-Цкали. Насколько этотъ пейзажъ, эти мощныя коренные деревья пріятнѣе при-морскихъ «субтропическихъ» ухищреній.

Группы моловъ съ вьюками и проводники ихъ едва-ли были иными въ дни блаженнаго отца нашего Григорія изъ Хандзеты, который здѣсь по близости, въ грузинской Оиваидѣ

— Кларджетії, вмѣстѣ съ другими иноками молился за грѣхи наши — тому назадъ свыше тысячи лѣтъ.

Это бѣженцы, разсѣянные русско-турецкими сшибками, возвращаются обратно.

— Поздно ночью помогаю генераламъ Одишелидзе и Корганову въ просмотрѣ, вмѣстѣ съ двумя турецкими офицерами, текста специально военного соглашения. Жаль генераловъ.

22 мая.

Рѣшительное совѣщаніе, въ виду угрожающаго Закавказью крушенія, — о необходимости провозглашенія независимости Грузіи. Схема та, о которой давно уже въ качествѣ «совѣтника» я твержу здѣсь, и съ которой Чхенкели и другие согласны. Независимость и территоріальная цѣлостность Грузіи обеспечиваются Германіей. Восточное Закавказье получаетъ свободу дѣйствій и устраивается съ помощью турокъ. Армяне также должны будутъ провозгласить свою независимость; главная ихъ забота въ данный моментъ — оградить жизнь населенія отъ турецкихъ пріемовъ. Они добиваются заступничества и помощи Германіи и, навѣрное, получать ее. Позже они, да и мы можемъ расчитывать на болѣе справедливое разграничение съ Турцией. Но это, какъ и устройство нашихъ закавказскихъ взаимоотношеній и пр. — вопросъ дальнѣйший.

Написать примѣрный проектъ провозглашенія независимости Грузіи — пора уточнить, дѣйствовать. Чхенкели, Николадзе, Жорданія, Сургуладзе одобрили. Жорданія взялъ этотъ проектъ съ собой въ Тифлісъ.*.) Мы особенно пожимали ему руку на прощанье. Ему придется аранжировать нешуточную пьесу. Подумать только обѣ этой чащѣ всякихъ организаций, совѣтовъ и еще болѣе густой чащѣ предразсудковъ! Впрочемъ, онъ уже, очевидно, подготовилъ послѣдній актъ: остается дернуть за шнурокъ.

23 мая.

Послѣ облачной, необычно прохладной погоды яркое солнце.

Рѣшили, что временное соглашение съ Германіей надъ которымъ мы спѣшно работаемъ (точнѣе, соглашениія — будетъ нѣсколько документовъ) должно быть, согласно брестъ-литов-

*.) Я не оставилъ себѣ его копіи, и не знаю, пользовались ли имъ при составленіи «Акта независимости Грузіи» 26 мая 1918 г.

ской модѣ, изложено на двухъ языкахъ: по-нѣмецки и по-грузински. Сегодня, между прочимъ, читаемъ проектъ соглашенія о предоставлении временнымъ грузинскимъ правительствомъ Германіи въ пользованіе всего находящагося въ гаваняхъ Грузіи тоннажа.

Если конрагенту это пріятно, отчего не уступить ему того, что и не существуетъ въ природѣ? Каково! Договоръ о грузинскомъ тоннажѣ! Съ Германіей!

24 мая.

Напряженная работа. Считываю съ Везенденкомъ окончательные проекты. Многіе начинаютъ догадываться, что за сценой идетъ глухая работа, что декорации мѣняются. Поздно вечеромъ составляю слѣдующую телеграмму, которая отправляется въ ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели:

Тифлісь, генералу Квикитадзе.

«Передайте президіуму Національного Совѣта Грузіи слѣдующее: дальнѣйшее промедленіе провозглашенія независимости повлечетъ за собою непоправимыя послѣдствія. Попытка германского посредничества не удалась. Остается одно: противопоставить турецкому нашествію независимую Грузію, поддержанную Германіею. Ея представителемъ при грузинскомъ правительствеѣ будетъ графъ Шуленбургъ, котораго необходимо признать немедленно по провозглашеніи... Подготовленъ уже къ подписанию рядъ временныхъ соглашений съ Германіею... Жду скорѣйшаго сообщенія обѣактѣ».

Генераль И. З. Одишелидзе собственноручно зашифровалъ эту телеграмму. Георгіевскій кавалеръ (еще за Японскую войну), б. военный губернаторъ Самаркандской области, начальникъ штаба одной изъ русскихъ армій на западномъ фронте и пр.,!

До чего Вы дошли, генералъ! — А онъ ничего, радъ.

25 мая.

Полнымъ ходомъ заканчиваемъ закулисную работу. Германцы покидаютъ вечеромъ Батумъ на «Minna Horn».

Въ послѣднюю минуту пріѣхалъ за текстами адъютантъ фонъ-Лоссова. Дали ему все, что было готово...

Гудокъ. «Міппа Н.» отчалила — куда, никто не знаетъ. Но мы знаемъ. Лишь бы не запоздало провозглашеніе независимости!

Поздно ночью толкуемъ о нашихъ шансахъ съ Чженкели и Николадзе. Изъ Тифлиса депеша: независимость будетъ провозглашена завтра, 26 мая. Вопросъ проведенія по всѣмъ инстанціямъ. Только татары просятъ повременить.

26 мая. Воскресенье.

Пишу для Тифлиса проектъ нѣкоторыхъ нужныхъ актовъ, а также письмо на имя ген. фонъ-Лоссова, которое повезеть въ Поти Артуръ Лейстъ. Делегація начинаетъ расплазываться — но закулисная, по необходимости, работа наша прошла незамѣченной. Никто, кажется, не подозрѣваетъ того, что произойдетъ сегодня и завтра.

За табль-дотомъ обычна болтовня. Мой сосьдъ, сроднившійся съ Грузіей нѣмецъ-литераторъ бесѣдуетъ о Римѣ. Отличная тема когда кругомъ всѣ плачутся — кто по Ахалциху, кто по Александрополю.

Позже улучаю нѣсколько минутъ, чтобы посидѣть на морскомъ берегу. Вотъ у самой воды, сблизивъ стулья, довѣрительно и серьезно обсуждаютъ что-то Халиль и Вехибъ-паша.

Море голубое какъ никогда. Зелень горныхъ лѣсовъ вокругъ угадывается: она закрыта полупрозрачною голубою мглою. Дельфинова морда все выскакиваетъ изъ воды — какой онъ жесткій и мокрый! Бакланъ плаваетъ, ныряя и оставаясь подолгу внизу. На пляжѣ гуляютъ группами константинопольскіе чиновники — молодежь съ видомъ манекеновъ изъ магазина готовыхъ платьевъ, турецкіе офицеры и германцы въ турецкой формѣ, чиновники старого режима съ какимъ-то постороннимъ видомъ, ихъ дебелыя дамы, наши офицеры, не имѣющіе вида плѣнниковъ.

Музыка поблизости играетъ что-то наивно-пошлое, прогудѣль наверху аэропланъ — лодка подъ парусомъ рѣзвѣ прошла берегомъ...

Итакъ, клинъ клиномъ вышибай; но мы заслонимся отъ турокъ германцами. «Заслонъ» больше символической, такъ какъ войска у нихъ здѣсь нѣтъ; впрочемъ, въ Нотанеби уже

образовался германский пикетъ (изъ военнопленныхъ). Вопросъ, не соблазнить ли турокъ близость городовъ и надежда на добычу?

Другого пути нѣть: мы организуемъ независимость. Германія будетъ держать за фалды турокъ; за это поживится у насъ кое-чѣмъ. Азербайджанъ будетъ пока подъ вліяніемъ Турціи. Арменія — подъ турецкимъ нажимомъ, смягчаемымъ присутствиемъ германцевъ.

Въ 9 час. вечера меня и Николадзе зовутъ къ предсѣдателю делегаціи. Пакетъ отъ Халиль-бя. Ультимативное требование въ 72 часа принять полностью полученные нами 11-го мая турецкія условія. Притомъ, турки прихватили теперь уже и Нахичеванскій уѣздъ (Эриван. губ.), т. е. желѣзную дорогу Карсъ-Александровъ-Джульфа цѣликомъ.

О существѣ этого ультиматума наши мусульмане знали еще днемъ. Мотивировка его была облегчена жалобами, шедшими изъ известныхъ круговъ татарского общества: послушать теперь Халиль-бя, мусульманъ вездѣ грабить и рѣжуть, и турки не могутъ отдать ихъ на същеніе бандитамъ-революционерамъ и т. д.

Турція опять захватываетъ Ахалцихскій уѣздъ, древнюю Месхетію; и хребеть, окаймляющій Ріонскую долину съ юга, который такъ хорошо виденъ съ балкона митрополичьяго дома въ Мартвильскомъ монастырѣ, снова дѣлается границею между Исламомъ и Грузіей...

Ультиматумъ — а наши соглашенія съ Германіей еще не подписаны. Бrr...

...Приносять депеши изъ Тифлиса. Полковникъ К., командающій въ Нотанеби, поздравляетъ... но вотъ телеграмма Н. Жорданія и Н. Рамишвили: «сегодня въ пять часовъ пополудни Национальный Советъ провозгласилъ Грузію независимою республикой. Предсѣдатель правительства — Рамишвили, министръ иностранныхъ дѣлъ Чхенкели. Закавказскій Сеймъ призналъ себя упраздненнымъ, и единство Закавказья прекратилось».

Такимъ образомъ за четыре часа до полученія нами турецкаго ультиматума, Закавказская республика, огромный моллюскъ — безъ позвоночника — перестала существовать.

Немедленно составляю текстъ письма на имя Халиль-бя съ извѣщеніемъ, что ультиматумъ, адресованный имъ прави-

тельству Закавказской Республики не могъ быть врученъ по принадлежности, въ виду распаденія ея и состоявшагося провозглашенія независимости Грузіи.

Тѣмъ временемъ, въ кабинетъ Чхенкели приходятъ Хатисовъ, Качазнуни, ген. Одишелидзе. На этотъ разъ вопросъ «что новаго?» не остается безъ отвѣта. Хатисовъ недоумѣваетъ: что-же будетъ съ Тифлисской Обсерваторіей, Закавказскимъ Повивальнымъ Институтомъ и другими общекраевыми учрежденіями? Вообще, въ Тифлісѣ грузины въ меньшинствѣ и т. д.

Какие тутъ повивальные институты! Закавказье объявили федераціей трехъ народовъ раньше чѣмъ организовали каждое изъ этихъ слагаемыхъ. Правда, цѣлый рядъ обстоятельствъ заставилъ начать постройку съ крыши, а не съ фундамента. Теперь новые обстоятельства возвращаютъ насъ къ необходимому началу, т. е. къ организації Грузіи, Арmenіи и Азербайджана, какъ самостоятельныхъ единицъ, союзное соединеніе которыхъ должно быть осуществлено при первой-же возможности, т. е. какъ только Турція перестанетъ играть здѣсь роль разлагающаго фактора.

Разъ вопросъ ставится такъ — впрочемъ такъ онъ уже разрѣшенъ сегодня! — то Тифлісъ будетъ какъ всегда столицей Грузіи, армяне имѣютъ Эривань, а татары обоснуются въ Ганджѣ, пока не освободятъ Баку.

ГЛАВА IX. КУРСЪ НА ГЕРМАНИЮ.

25.

Съ германской делегациею было условлено, что выработанныя въ Батумъ временные соглашения будутъ подписаны въ Поти, куда германцы выѣхали, какъ мы видѣли, 25-го мая вечеромъ. Тамъ предстояла встрѣча ихъ съ Н. Рамишвили и А. Чхенкели; послѣдній долженъ былъ затѣмъ вмѣстѣ съ германской делегацией отправиться въ Берлинъ, для болѣе основательныхъ и регулярныхъ переговоровъ съ германскимъ правительствомъ.

Временнымъ представителемъ Германіи въ Тифлісъ назначался графъ Шуленбургъ, о принятіи которого въ этомъ качествѣ, а также г. Андерса, консульскимъ представителемъ въ Поти, грузинское правительство уже извѣстило генерала фонъ-Лоссова.

Однако официально мы просто возвращались въ Тифлісъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Вмѣсто закавказской должны были явиться въ Батумъ делегациіи трехъ новыхъ республикъ.

Легко представить себѣ смятеніе, царившее въ Hotel Oriental 27-го мая, когда всѣ узнали, что закавказская делегація приказала долго жить. Рѣшили уѣхать специальнymъ поѣздомъ, вечеромъ того-же дня. Остались кое-кто изъ состава военной миссіи, драгоманъ д-ръ Гамбашидзе и др.

На вокзалѣ ждемъ цѣлую вѣчность отхода поѣзда. Пришлось долго занимать разговоромъ Вехибъ-пашу, пріѣхавшаго провожать членовъ б. Закавказской делегациіи. Ему всего 42 года, по его словамъ; но видѣ у него человѣка пожилого.

Сколько ночных, говорить, приходилось мнѣ, командиру, проводить въ автомобилѣ, а на обѣдъ довольствоваться стаканомъ молока и однимъ яйцомъ вкрутую! Родомъ онъ албанецъ изъ Янинь, но мать его была грузинка-мусульманка изъ Ахалкалаки. У нихъ въ семье — 17 офицеровъ, 3 командующихъ арміей. Нусретъ-бей, юрисконсультъ, тоже албанецъ изъ Янинь.*).

Наконецъ, уѣхали изъ Батума. Въ Нотанеби (пограничная станція) энергичная фигура полковника К. Толпа солдатъ свободной Грузіи. Но вотъ новость — германскій офицеръ въ каскѣ. Это — импровизація, съ нашей помощью, графа Шулленбурга. Офицеръ въ роли пугала, явно балтійского происхожденія, но главное — каска: знакъ того, что туркамъ здѣсь нечего дѣлать. Инымъ изъ нашихъ спутниковъ каска эта не очень по вкусу: они видятъ въ ней ущербъ для фески. Какое множество «различій» выражено различіемъ этихъ головныхъ уборовъ!

На узловой станціи Самтреди⁷ вагонъ съ тѣми, кто долженъѣхать въ Поти, отдѣляется. Остальной поѣздъ продолжаетъ путь на Тифлісъ: изъ его пассажировъ мало кто и знаетъ о назначеннемъ въ Поти свиданіи.

Ночью прїѣхаль изъ Тифліса нашъ премьеръ Рамишвили, котораго я видѣлъ впервые. Представительная фигура, не безъ изящества. Но что скрывается за этимъ фасадомъ?

Рано утромъ у насъ совѣщеніе съ Рамишвили и Чхенкели, въ виду предстоящаго подписанія соглашенія съ Германіей. Тѣмъ временемъ поѣздъ приближается къ Поти по мѣстности, плоской какъ столъ, заболоченной, въ вѣковомъ ожиданіи дренажа и другихъ меліораций — одна изъ любимыхъ темъ грузинскаго словеснаго прожеектерства!

Въ Поти знакомыя лица — П. Сургуладзе, бывшій здѣсь при германской миссіи, И. Гоголашвили, съ готовыми уже печатями, бумагами и прочимъ канцелярскимъ оборудованіемъ новорожденной республики, графъ Шулленбургъ. Їдемъ дальше, въ портъ. На молу развѣвается германскій флагъ, въ ожиданіи грузинскаго. У пристани германскій стаціонеръ изъ Константинополя Loreley; рядомъ гордо возвышается купчиха Minna Horn. Торжественно поднимаемся по крутыму трапу: я, за мною Чхенкели, за «его превосходительствомъ» ордина-

* Нынѣ (1924) Вехибъ-паша — эмигрантъ въ Италии, а Нусретъ-бей — уполномоченный ангorskаго м-ства иностранн. дѣлъ въ Константинополѣ.

рецъ Ахметъ-бекъ Бежанидзе, офицеръ весьма впечатльного вида, изъ грузинъ-мусульманъ и другіе — сцена достойная... недѣльной хроники кинематографа.

Генераль фонъ-Лоссовъ очень нась торопитъ: чѣмъ скорѣе въ путь, тѣмъ лучше. Всѣ-ли въ сборѣ и т. д. Недостаетъ только Николадзе, который прибудетъ въ послѣднюю минуту. Тѣмъ временемъ мы приступаемъ къ дѣламъ, и нѣсколько позже, я отправляюсь за Рамишвили, который, въ свою очередь, поднимается наверхъ, салютуемый на борту часовыми. Послѣ трехчасового обсужденія (въ перерывѣ мы завтракаемъ съ германской делегацией), соглашенія, наконецъ, подписываются.

По просьбѣ Шулленбурга пишемъ бумагу для германского лейтенанта барона П., посылаемаго, съ небольшимъ пикетомъ въ Сухумъ.

Еще разговоръ на пристани съ германскимъ консуломъ и съ графомъ Ш., который просить «передать привѣтъ Германії»; отъѣздъ близится; на пристани собралась огромная толпа... наконецъ, отчаливаемъ, часовъ, кажется, въ пять. Берегъ сталъ быстро удаляться: мнѣ, даже мелькомъ, не пришлось видѣть независимой Грузіи!

26.

Въ чѣмъ-же заключалось существо временнаго грузино-германского соглашенія 28 мая 1918 г.? Вопросъ не лишенъ исторического интереса ни для того, кто изучаетъ методы и цѣли Германіи въ послѣднемъ фазисѣ міровой войны, ни кому интересна история Ближняго Востока вообще и отдельно судьба Грузіи и Кавказа послѣ русской революціи.

Основное «временное соглашеніе по установленію предварительныхъ взаимоотношеній между Германіей и Грузіей», договоренное въ Поти между Германскимъ Императорскимъ Правительствомъ, въ лицѣ королевско-баварского генераль-маиора фонъ-Лоссова, и Грузинскимъ Правительствомъ, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Акакія Чхенкели, состояло всего изъ пяти статей.

По ст. 1. Грузія признавала постановленія Брестъ-Литовскаго договора 3 марта 1918 г. основою своихъ взаимоотношеній съ Германской Имперіей.

По ст. 2 Грузія разрѣшаетъ германскому правительству .

пользоваться, до окончанія войны, грузинскими желѣзными дорогами, для перевозокъ войскъ и военныхъ матеріаловъ четырехъ союзныхъ державъ. Для контроля желѣзныхъ дорогъ съ этою цѣлью, учреждается въ Тифлісѣ особая комиссія подъ руководствомъ Германіи, дѣйствующая совмѣстно съ грузинскимъ правительствомъ. Предусматриваются германскія команды на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ Потійскомъ порту.

Ст. 3 и 4 касаются установленія взаимнаго дипломатическаго и консульскаго представительства; и, наконецъ, ст. 5 гласить о возможно скорой замѣнѣ настоящаго соглашенія (вступающаго въ силу одновременно съ подписаниемъ) формальнымъ трактатомъ между договаривающимися сторонами — поскольку не будетъ заключено общаго договора между четырьмя союзными правительствами, (т. е. германскимъ, австро-венгерскимъ, турецкимъ и болгарскимъ) съ одной стороны, и грузинскимъ правительствомъ — съ другой.

Главная сила этого (основного) соглашенія лежить, конечно, а) въ фактическомъ признаніи грузинскаго правительства германскимъ и б) въ установленіи, на время войны, германскаго контроля надъ желѣзными дорогами Грузіи.

Одновременно заключено было два дополнительныхъ соглашенія. Изъ нихъ первое касается тѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть значеніе для заключенія грузинскимъ правительствомъ въ Германіи займа. Это какъ бы программа будущаго экономического соглашенія, связанного съ этимъ займомъ.

Такъ какъ предполагалось, что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ порта Поти могли-бы служить обезпеченіемъ платежей по займу, то грузинское правительство заранѣе (ст. 1) декларируетъ, что желѣзныя дороги Грузіи составляютъ собственность государства, что потійскій портъ перейдетъ въ государственное управление; и что оно согласно на учрежденіе особой грузино-германской комиссіи, для контроля эксплоатациіи названныхъ дорогъ и порта (если ихъ доходами будетъ обезпечиваться погашеніе займа).

Ст. 2 намѣчаетъ созданіе, на паритетныхъ началахъ, грузино-германского горнопромышленного общества, которому грузинское государство передастъ исключительное право эксплоатациіи нѣдръ, предварительно закрѣпивъ за собою, въ законодательномъ порядкѣ, монополію горнаго промысла.

Общество это будетъ находиться подъ надзоромъ государства; особыми законами будетъ осуществлена, путемъ соглашеній, ликвидация существующихъ горныхъ предпріятій и пріобрѣтенныхъ правъ. Экспорту добываемыхъ рудъ не будетъ чиниться препятствій.

Если изложенная здѣсь схема очень соотвѣтствуетъ господствовавшимъ съ особой силой во время войны идеямъ государственного соціализма и объединенного планомърного предпринимательства, то въ ст. 3 выразился чрезвычайный интересъ Германіи къ сырью, вся наличность котораго, за покрытиемъ мѣстныхъ нуждъ, могла быть пріобрѣтаема и вывозима Германіей.

Въ ст. 4 Германія обѣщала наладить пароходное сообщеніе съ Грузіей, и облегчить привозъ въ послѣднюю фабрикованныхъ товаровъ, полуфабрикатовъ и продовольственныхъ грузовъ.

Второе дополнительное соглашеніе (всего изъ двухъ статей) имѣть въ виду интересы нѣмцевъ-колонистовъ, поселенныхъ въ Грузіи русскимъ правительствомъ еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка; сохраненіе ихъ привилегій, свободу возвращенія въ Германію, право ея заступничества за нихъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ трехъ соглашеній, создающихъ, въ совокупности, основу грузино-германскихъ взаимоотношеній, въ Поти были подписаны еще три отдѣльныя конвенціи: о временномъ допущеніи германской валюты въ качествѣ платежнаго средства наряду съ туземными деньгами, по особому курсу, и о порядкѣ установленія этого курса особымъ соглашеніемъ правительства; о средствахъ и способахъ къ скорѣйшему размѣну плѣнныхъ (въ дополненіе къ постановлѣніямъ Брестъ-Литовскаго дополнительного договора); о предоставлениі въ распоряженіе германского правительства, находящагося въ грузинскихъ портахъ тоннажа.

Необходимость первой изъ этихъ специальныхъ конвенцій связывалась главнымъ образомъ съ предстоявшимъ прибытіемъ въ Грузію, по соглашенію съ правительствомъ послѣдней, германскихъ войсковыхъ частей (подобныя же конвенціи были Германіей заключены въ свое время съ Болгаріей и Румыніей). Вторая едва-ли нуждается въ особыхъ поясненіяхъ; значеніе третьей было, вообще, очень невелико.

Потійскія соглашенія разрѣшили злободневные вопросы, вытекавшіе изъ войны; съ другой стороны, они предусматри-

вали помошь Германії, т. е. главнымъ образомъ германского капитала въ государственномъ строительствѣ и экономическомъ развитіи Грузіи. Германія обеспечивала себѣ немалыя преимущества-особенно въ будущемъ; но и Грузія извлекала выгоды-притомъ непосредственный-изъ соглашенія.

Благодаря послѣднему, она избавилась отъ бремени грозившей ей турецкой оккупациі: и *никто*, кроме Германії, не могъ этого дать — по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1918 года. Въ то же время, Германія оказалась — и только она могла, въ данный моментъ, сыграть эту роль — воспріемникомъ государственной независимости Грузіи. Благодаря ея поддержкѣ, вопросъ этотъ получалъ значеніе международное.

Въ секретномъ письмѣ, адресованномъ генераломъ фонъ-Лоссовымъ грузинскому правительству, тогда-же т. е. 28-го мая 1918 года въ Поти, онъ бралъ на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузіи въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ относительно выступленія Грузіи изъ состава Россійской имперіи и, послѣ отдѣленія ея, признать Грузію свободнымъ и независимымъ государствомъ». Равнымъ образомъ, уполномоченный Германіи обязывался приложить старанія къ тому, чтобы «Германія оказала Грузіи помощь въ дѣлѣ обезпеченія ея границъ и при установлениі взаимоотношеній Грузіи съ соседними государствами».

Въ томъ же письмѣ давалось общее опредѣленіе территоріального состава Грузіи: границы ея охватываютъ прежнія губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумскій округъ.

Согласно этого опредѣленія, Батумская область исключалась изъ предѣловъ Грузіи (что, впрочемъ, соотвѣтствовало Брестъ-Литовскому договору); но заявленный только-что въ Батумѣ новыя претензіи Турціи на два уѣзда Тифлисской губ. (Ахалцихскій и Ахалкалакскій) не принимались во вниманіе представителемъ Германіи. Это былъ результатъ нашихъ настоящій и переговоровъ. Разумѣется, лишь позже, въ Берлинѣ, могло выясниться, насколько Германія дѣйствительно пожелаетъ взять на себя обязательство, въ пользу которого генераль фонъ-Лоссовъ обѣщалъ всемѣрно стараться.

Любопытна, равнымъ образомъ, слѣдующая оговорка, изложенная въ письмѣ: Сухумскій округъ (включая Гагры) составляетъ часть Грузіи до тѣхъ поръ, пока Грузія образуетъ отдѣльное государство въ предѣлахъ Кавказа. Въ случаѣ-же

образованія конфедерациі кавказскихъ народовъ, съ участіемъ въ ней Грузіи, — населенію Сухумскаго округа должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса о положеніи его среди кавказскихъ странъ.

Иными словами, населеніе Абхазіи имѣло бы въ этомъ случаѣ выборъ между соединеніемъ съ Грузіей, вступленіемъ въ Союзъ горскихъ народовъ, или участіемъ въ Кавказской конфедерациі въ качествѣ особаго государства-кантона.

Отсюда видно, какое значеніе придавалось плану политического объединенія кавказскихъ народовъ въ тотъ самый моментъ, когда обстоятельства сдѣлали необходимымъ рассторженіе Закавказскаго Союза!

Остается прибавить, что вышеозначенное письмо ген. фонъ-Лоссова заканчивалось сообщеніемъ о предстоящемъ прибытии въ Поти германскихъ войсковыхъ частей: это знаменовало для Грузіи возможность приступить къ первымъ актамъ своей государственной жизни, не опасаясь дальнѣйшаго турецкаго наступленія. Первѣйшая наша задача близилась, такимъ образомъ, къ осуществленію. Болѣе опредѣленные результаты, разграничение съ Турцией, согласованіе грузинскаго вопроса съ положеніемъ вещей въ Россіи и т. д., могли быть добыты лишь въ Берлинѣ: нашъ путь туда и вѣль.

ГЛАВА X.

QUO VADIS, GEORGIA?

27.

Шли прямымъ рейсомъ — въ эти мѣсяцы 1918 г. Черное море было по-просту германскимъ озеромъ — на Констанцу. Погода была превосходная, качка незначительная; отсутствіе другихъ пассажировъ, кромѣ делегацій; много свободнаго времени: всѣ данные для непринужденного обмѣна мнѣній.

Кромѣ ген. фонъ-Лоссова, О. фонъ-Везендонка и еще двухъ членовъ германской делегаціи, мы имѣли попутчиками одного полковника генерального штаба, возвращавшагося въ Константинополь, и журналиста Вейцъ, сотрудника «Франкфуртской газеты», бывшаго равнымъ образомъ въ Батумѣ. Съ нами ъхали делегаты Арmenіi: А. Зурабовъ, (нынѣ умерш.), котораго я помнилъ еще по Петербургу свирѣпымъ студентомъ-лѣсникомъ. Профессиональный революционеръ по роду занятій и по темпераменту, с.-д. по партійной принадлежности, онъ былъ членомъ Государственной Думы (2-ой) отъ Туркестана, пршумѣль, помнится, какой-то выходкой по адресу арміи, а теперь ъхалъ въ Берлинъ за поддержкой для своихъ единородцевъ, расчитывая, конечно, не на «генеральскую» Германію, а на Genossen. Мало схожъ былъ съ нимъ другой армянскій уполномоченный, д-ръ Амазаспъ («Амо») Оганджанянъ, человѣкъ мечтательно-революціоннаго склада, патріотъ и народолюбецъ.

Грузинская делегация состояла изъ Чхенкели, Николадзе и «моей малости», какъ выражаются нѣмцы*)

*) Съ тогого момента какъ наши с.-д. «комитаджи» запряглись, волею-неволею, со всею своею организациею, въ государственную работу по устроенію Грузіи, сотрудничество съ ними представлялось для меня обязательнымъ. Собственно въ Берлинъ я вовсе не собирался, предпочитая вернуться изъ Поти въ Тифлісъ. Къ сожалѣнію, въ послѣдній моментъ оказалось необходимымъ мнѣѣхать, и на этомъ настояли.

Былъ еще съ нами, въ качествѣ депутата отъ грузинскихъ соціаль-демократовъ къ германскимъ товарищамъ, Ладо Ахметели, заслуженный журналистъ и партійный работникъ, семинаристъ, поучившійся затѣмъ въ Германіи, родомъ изъ одной грузинской провинціи, знаменитой буйволами, сильнымъ крестьянствомъ и многочисленными поповичами*)

Упомяну, наконецъ, о єхавшемъ съ нами кн. Тундутовѣ, б. гвардейскомъ офицерѣ и адъютантѣ Вел. Кн. Николая Николаевича, въ бытность Кавказскимъ Намѣстникомъ. Теперь онъ считался атаманомъ астраханскихъ казаковъ-калмыковъ, у которыхъ фамилія его пользуется традиціоннымъ почетомъ. Этотъ любезный молодой человѣкъ съ породистымъ лицомъ чистѣйшаго монгольского типа єхалъ въ Берлинъ за помощью противъ большевиковъ.

На борту было человѣкъ 200 б. военноплѣнныхъ, преимущественно австрійцевъ. Военный бюллетень, получавшійся по безпроволочному телеграфу, расшифровывался младшими членами германской делегации поздно вечеромъ, а утромъ прочитывался плѣннымъ т. е. освобожденнымъ изъ плѣна. Каждый день сообщалось о новыхъ успѣхахъ (это было время побѣдоноснаго и, какъ думали, рѣшительного наступленія во Франціи). У аудиторіи не замѣчалось особаго одушевленія: восторгъ при чтеніи военного бюллетеня предполагаетъ географическую фантазію, особое, чисто газетное, воспитаніе и еще — это главное — обывательскую отрѣщенность отъ поля сраженія.

Наши германскіе спутники, народъ весьма образованный и любознательный, были для насъ съ Николадзе пріятными

*) Ахметели какъ и личнаго секретаря, скорѣе, келейника Чхенкели, С. К., посадили на пароходъ за столъ не въ каюты-компаниіи съ делегатами, а въ другомъ этажѣ, съ младшими судовыми офицерами: дѣло происходило до германской революціи! Но исторія готовила милѣйшему Ахметели скорый и полный реваншъ: генеральская іерархическая Германія рухнула, а онъ, Ахметели — сдѣлался грузинскимъ посланникомъ въ Берлинъ.

собесѣдниками: они слушали насть болѣе чѣмъ охотно, и дѣлились собственнымъ обширнымъ опытомъ и знаніями. Мы имѣли досугъ обозрѣть всѣ, связанные съ Востокомъ, вопросы, отъ Геркулесовыхъ Столповъ до Памира. Болѣе специальные и опредѣленные разговоры велись, естественно съ генераломъ ф. Л. и съ Везенденкомъ о Грузіи, о Кавказѣ.

О военномъ положеніи на западномъ фронте настъ просвѣщалъ — въ самой сдержанной формѣ, надо признать, баварскій полковникъ. Сотрудникъ-же германскихъ газетъ передавалъ впечатлѣнія своей поѣздки по Восточной Анатоліи. Узкоколейная дорога Сарыкамышъ-Эрзерумъ (русской постройки) уже разрушается, по его словамъ; «все въ ихъ рукахъ неминуемо придется въ упадокъ».

Имѣли на борту и дѣловое совѣщеніе съ германской делегацией, 29 мая. Здѣсь опять обсуждался вопросъ о возстановленіи закавказского единенія. Мы указывали на нежелательность слишкомъ рѣзкаго противопоставленія христіанъ — мусульманамъ, при тѣсной связанности ихъ интересовъ и созданія двухъ, рѣзко размежеванныхъ сферъ. По мнѣнію Чхенкели, Германія должна съ большимъ интересомъ отнестись къ татарамъ, которые-де сознаютъ важность экономической связи съ Германіей и т. д.

Генераль фонъ-Лоссовъ находилъ, со своей стороны, что Германія въ данное время можетъ заняться только Грузіей и Арменіей, чьи представители обратились къ ней за поддержкой. Татары ея помощи не просятъ: они ожидаютъ ея отъ турокъ, и отнюдь не просятъ германской поддержки противъ турокъ.

При такихъ условіяхъ, по мнѣнію генерала, Германіи нечего навязывать своихъ услугъ татарамъ. Надо достигнуть соглашенія съ Турцией и оградить отъ нея Грузію. Это основа нашей работы, которую надо затѣмъ продолжать методически.

Разбирали доводы, которыми Германія могла-бы склонить Турцію къ отказу отъ ея послѣднихъ пополновеній на грузинскую территорію, а также вопросъ о значеніи и характерѣ Горской Республики. Сильно волновала генерала опасность, грозившая армянскому населенію. «Для Германіи, говорили мы ему, огражденіе жизни этого населенія является теперь вопросомъ чести». Надо будетъ добиться очищенія турками опредѣленныхъ районовъ — таково было практическое заклю-

ченіе фонъ-Лоссова. Но на эту тему онъ совѣщался специально съ армянскими делегатами

31-го мая прибыли въ Констанцу, проплававъ неполныхъ трое сутокъ: скорость сносная для «купца», къ тому-же про-буравленного торпедою въ Мраморномъ морѣ, вытянутаго изъ воды и заштопанного.

Вотъ видны уже зданія, элецаторъ, баки для нефти. Портъ вымеръ: ни парохода, ни души. Впрочемъ, военноплѣнныя бельгійцы выгружаютъ уголь. Солдаты — турки, германцы, болгары. Плакаты съ надписями на трехъ языкахъ.

Выходимъ въ городъ по особымъ пропускамъ. Германцы играютъ здѣсь первую скрипку: отъ болгарской оккупациіи, говорять, очень ужъ страдало населеніе.

Прекрасная набережная — пустая. Дальше пошли чистенькия улицы. У памятника Овидія молодой болгарскій прапорщикъ ухаживаетъ за барышнями-румынками, на нѣмецкомъ языкѣ.

Послѣдняя трапеза на «Minna Horn». Подаютъ, какъ всегда, и съ тѣми-же благопріятными послѣдствіями, кахетинское вино, изъ подваловъ б. Удѣльного Вѣдомства въ Тифлісѣ: подарокъ грузинскаго правительства германской делегації. *Habent sua fata... vina.*

Раннимъ утромъ 1-го іюня отправились въ Берлинъ специальнымъ поѣздомъ. Знаменитый Чернаводскій мостъ на Дунаѣ былъ взорванъ во время румынской кампаніи 1916 года: черезъ этотъ рукавъ (Borcea) мы перѣхали на паромъ, а затѣмъ дошли до Fetesci, гдѣ насъ ждалъ новый поѣздъ.

Въ Бухарестѣ часть германской делегації отдѣлилась. Ея путь въ Константинополь.

Пересѣкали большую и малую Валахію. Былъ жаркій день; всюду зеленѣли всходы кукурузы, фасоли, пшеницы. Женщины, дѣти пропалывали поля. Подлинно, царство земледѣлія! Страна эта порабощена, временно. Неужели она потеряетъ всю Добруджу, Констанцу?...

Послѣ Крайовы еще зеленѣе. Пошли лѣса. На одной сторонѣ предгорья Трансильванийскихъ альпъ, на другой — возвышенность около Дуная. Тамъ — Сербія, задавленная, стреноженная, на которой тяжко усѣлся побѣдитель.

Слѣдующій день — несемся поперекъ Венгрии, посреди прекрасно обработанныхъ полей — пшеница, маисъ, виноградники, фруктовые сады. Все зелено, нивы мягко колышатся:

обработано всюду, куда хватает глазъ. Не странно-ли, что Германія вынуждена подкармливать Австрію? здѣсь не отказываются даже отъ пирожного и не умѣютъ «раціонировать» какъ слѣдуетъ.

Въ Будапештѣ настъ приївили къ обычному экспрессу. 3 іюня утромъ, спустя ровно 48 часовъ по отъездѣ изъ Констанцы (какая блестящая скорость!), мы прибыли въ Берлинъ, Берлинъ великой войны, откуда дѣйствуютъ такъ сокрушающе по пресловутымъ «внутреннимъ линіямъ».

28.

Въ Берлинѣ (іюнь-ноябрь 1918 года) намъ довелось быть поистинѣ, свидѣтелями величія и паденія Германской Имперіи. И дѣйствовать пришлось, сообразуясь сначала съ «величіемъ», а позже, выпутываясь изъ «паденія».

Уже съ 1917 года было видно, что Грузія способна организовать у себя внутри государственный порядокъ, на основѣ такъ наз. «завоеваній революцій». Мы видѣли выше, каковы были затѣмъ обстоятельства, вызвавшія ея полное политическое обособленіе. Но Грузія не имѣла теперь, конечно, ни возможности, ни основанія принять какое-либо дальнѣйшее участіе въ міровой свалкѣ.

При несомнѣнности, лѣтомъ 1918 года, военнаго и политического преобладанія Германіи въ районѣ Чернаго моря, и въ виду явной гегемоніи ея по отношенію къ Турціі, единственное что мы могли сдѣлать, — это противопоставить германскій контроль чрезмѣрнымъ аппетитамъ турокъ. Мы и постарались извлечь для себя, что можно, изъ самого существа германо-турецкой союзнической дисциплины.

Задача, стоявшая передъ нами въ Батумѣ, требовала именно такого, притомъ неотложнаго разрѣшенія. Мы достигли — немедленно, путемъ потійского соглашенія — такого modus vivendi въ Закавказіи и въ Грузіи, при которомъ можно было кое-какъ существовать.

Въ Берлинѣ мы, естественно, стремились прежде всего къ обеспеченію и упроченію этихъ непосредственныхъ, уже достигнутыхъ результатовъ. Но мы подходили теперь къ гораздо болѣе сложному вопросу о взаимоотношеніяхъ Грузіи и Германіи на основѣ признанія и обезпеченія независимости

первой и предоставленія второй опредѣленныхъ экономическихъ и политическихъ выгодъ.

Разрѣшеніе этой второй задачи зависѣло, конечно, отъ исхода войны, который трудно было съ точностью предусмотрѣть въ маѣ-юнѣ 1918 г.

Однако, въ переговорахъ нашихъ мы исходили и должны были естественно исходить изъ предположенія, изъ допущенія, что Германія выйдетъ изъ войны или побѣдительницей или, во всякомъ случаѣ, съ честью: въ этомъ предположеніи (а то и увѣренности), многое дѣлалось, готовилось и мыслилось на всемъ огромномъ протяженіи отъ «финскихъ хладныхъ скаль до пламенной Колхиды! Подготавлять позицію Грузіи въ этомъ предположеніи было тѣмъ болѣе необходимо, что такимъ именно путемъ, т. е. «музыкою будущаго» — мы достигали, во-первыхъ, упроченія необходимаго *«въ данный моментъ въ нашей странѣ modus vivendi»*; во-вторыхъ, могли надѣяться на улаженіе, съ помощью Германіи, отношений съ Советской Россіей, и, наконецъ, укрѣпляли вообще положеніе Грузіи, какъ *государственной, организованной единицы*, въ эпоху, полную напастей и неожиданностей.

Несомнѣнно, Германія сверхъ возможныхъ *«въ будущемъ»* выгода, получала и нѣкоторое непосредственное вознагражденіе благодаря кое-какому сырью, ей нужному, и имѣвшемуся у насъ въ наличности (въ очень скромныхъ размѣрахъ); а *«въ случаѣ продолженія войны и развитія операций противъ англичанъ въ Мессопотаміи и Персіи, она имѣла бы (вмѣстѣ съ Турцией) базу для операций въ Закавказье»*.

Такова была оборотная сторона медали. Но Закавказье своими силами, тѣмъ болѣе одна Грузія, не могла и никогда не собиралась брать на себя такую задачу, которая и для Россіи была бы тяжела: задача закрытія для Германіи и Турціи закавказскихъ подступовъ къ Персіи. Въ сущности, *«въ этомъ должна была позаботиться Англія. Быть можетъ, явись она своевременно въ Тифлісъ, съ небольшими хотя-бы силами, она могла бы содѣйствовать болѣе успѣшной организаціи мѣстной обороны противъ турокъ. Такая мысль у нея была: но отъ мысли далеко до воли, и еще дальше до осуществленія»*). Злосчастная высадка англичанъ въ Баку въ концѣ лѣта 1918 года, показала, насколько правильно было не разсчитывать на помощь съ этой стороны.

**) Въ этомъ отношеніи см. интересныя данные въ книгѣ Major-General L. C. Dunsterville. The adventures of Dunster-*

Во всякомъ случаѣ, рѣчь въ Берлинѣ могла быть лишь обѣ условіяхъ обезпеченія мира Грузіи съ Турціей (и ея союзниками); обѣ участіи въ войнѣ на сторонѣ четвертого союза никогда, конечно, и упоминанія не было, да и не могло быть! Нейтралитетъ въ международной войнѣ (насколько онъ былъ осуществимъ!), нейтралитетъ въ гражданской войнѣ по ту сторону Кавказскаго хребта — таковъ, правильно или неправильно, былъ основной доктрина грузинской политики.

Обстоятельства войны и революціи, а также географическая причины (отрѣзанность отъ Запада, благодаря закрытию проливовъ) привели насъ въ Берлинъ, и прѣѣхали мы туда съ опредѣленной схемой соглашенія. Соглашеніе это было подписано, съ германской стороны, лицомъ, формально представлявшимъ германское правительство, но на дѣлѣ ближе всего связаннымъ съ германскимъ верховнымъ командованіемъ. Эта инстанція была рѣшающей: намъ приходилось, однако, вступить теперь въ соприкосновеніе съ регулярнымъ аппаратомъ германской вѣнчайшей политики, съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое не могло не внести въ «производство» нашего дѣла своего метода и рутинь, свойственной машинѣ такихъ размѣровъ и такого построенія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, приведу нѣсколько выдержекъ изъ моихъ записей того времени.

force. L. 1920. Когда кавказско-персидскій фронтъ сталъ распадаться (съ осени 1917 г.), то, по мнѣнію англичанъ, дѣлу можно было помочь лишь снарядивъ немедленно особую британскую миссію въ Тифлісъ, для реорганизаціи обороны противъ турокъ и для должнаго объединенія мѣстныхъ военныхъ элементовъ — русскихъ, грузинскихъ и армянскихъ. По заключенію автора, въ виду явнаго ухудшения качества турецкихъ войскъ (сравнительно съ 1916 г.) цѣли можно было бы достичь съ сравнительно небольшими средствами и силами. Во главѣ миссіи былъ уже поставленъ самъ авторъ, который отправился въ путь съ передовой партіею изъ Багдада, въ январѣ 1918 года. Фактически, однако, все ограничилось англійскою экспедиціей изъ Решта въ Баку, гдѣ англичане высадились въ серединѣ августа 1918 года, и откуда ушли обратно 15 сентября, (чтобы вернуться позже уже послѣ общей капитуляціи турокъ).

Путь для англійской помощи Закавказью въ 1917-18 г. г. — изъ Багдада черезъ Персію и Каспійское море — былъ очень ужъ кружный и далекій! Жаль, что этотъ англійский планъ не осуществился. Все Закавказье выиграло бы отъ этого. Другой вопросъ — что сказали бы многіе русскіе, если бы образовался противъ Турціи англо-кавказскій фронтъ!

ГЛАВА XI.

ВЪ ВЕРЛИНЪ (ИЮНЬ 1918).

29.

4 юня. Приступилъ къ письменному изложению того, для чего мы сюда прѣхали, и чего добивается Грузія.

Познакомился съ группою грузинъ-эмигрантовъ, бывшихъ здѣсь съ начала войны — отъ которой они ждали какимъ-то образомъ освобожденія своей родины. Всѣ считали ихъ сумасбродными: теперь имъ кажется, что они-то и были правыми. Заблужденіе! Ставшее необходимымъ и разумное въ условіяхъ 1918 г., послѣ событий 1917 г., было необоснованнымъ, беспочвеннымъ, а потому и безуспѣшнымъ въ 1914-17 г. г. Ихъ работа, ихъ пропаганда подготовила, однако, многое.

5 юня. Сегодня, въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ, сначала продолжительная бесѣда съ тайными совѣтниками фонъ-Розенбергомъ*) и д-ромъ Геппертъ,** а затѣмъ были приняты министромъ Р. фонъ-Кюльманомъ въ прекрасномъ кабинетѣ съ Ленбаховскимъ портретомъ Бисмарка. Кюльманъ произвелъ впечатлѣніе здоровенной дѣловой головы. Но большіе чиновники всего міра такъ похожи другъ на друга.

Вечеромъ генералъ ф. Лоссовъ уѣхалъ въ ставку Вильгельма: вмѣстѣ съ нимъ калмыцкій атаманъ Т.

6 юня. «Углубляемъ» съ ф. Розенбергомъ и Геппертомъ темы о формальномъ признаніи Грузіи, о взаимоотношеніяхъ Грузіи съ Россіей и т. д.

Я послѣдователь Чхенкели, какъ министру, не присутствовать въ такихъ совѣщаніяхъ — съ чѣмъ онъ согласился. У него похвальные качества: упорство, натискъ. Напрасно

*) Въ 1923 г. — м-ръ иностранныхъ дѣлъ.

**) Нынѣ — посланикъ въ Гельсингфорсѣ.

только онъ читаетъ германцамъ поученія о ихъ собственныхъ интересахъ, о возможномъ ущербѣ для ихъ престижа, если они не сдѣлаютъ того-то и пр.

8 юня. Берлинъ представляется мнѣ спокойнымъ, увѣреннымъ, серьезнымъ и утомленнымъ.

Въ Рейхстагѣ, въ совѣщаніи представителей партій мнѣ пришлось (за внезапно заболѣвшаго Ч.) сдѣлать импровизированный пространный докладъ о событияхъ въ Закавказье, о Грузіи, о будущей кавказской конфедерациі. Былъ тамъ Шейдеманъ, Эрцбергеръ, Ф. Науманъ, Давидъ и цѣлый рядъ другихъ представителей.

Ставились затѣмъ разнообразные вопросы. Особую пытливость обнаруживали Эрцбергеръ (который постоянно завтраиваетъ въ нашей гостинице Adlon) и авторъ «Срединной Европы», Науманъ.

9 юня. Свиданіе, очень продолжительное, съ директоромъ юридического департамента въ М. И. Д., д-ромъ Криге. До меня у него сидѣлъ Іоффе.

Криге стоитъ на строго формальной точкѣ зрењія: Россія — съ нами въ мирѣ, и намъ трудно признать часть ея отдѣльнымъ государствомъ, разъ мы не сдѣлали этого въ Брестъ-Литовскѣ. Мы не можемъ ссориться съ Россіей въ моментъ столь великаго напряженія на французскомъ фронѣ; начало самоопределѣленія народовъ признано русскимъ правительствомъ, но на него нельзя ссылаться третьимъ государствамъ и т. д.

Позже, вмѣстѣ съ другими, на приемѣ у ф. В. Были тамъ молодые дипломаты, журналисты, ориенталисты. Любопытно было познакомиться съ Таки-заде, небезызвѣстнымъ персидскимъ революционеромъ, о которомъ много писалось въ 1906 году по поводу событий въ Тавризѣ и Тегеранѣ.

10 юня. Въ общемъ, чтобы успокоить Криге, требуется представить доказательства того, что Грузія отдѣлилась отъ Россіи, не нарушая ея правъ. Задача головоломная.

Тундутовъ вернулся вмѣстѣ съ ген. ф.-Лоссовымъ (котораго я, шутя, называю «импрескаріо») изъ ставки.

По словамъ Т. Вильгельмъ принялъ его привѣтливо и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Императоръ-де находить, что Россію надо раздѣлить на 4 части: Великороссію, Украину, Сибирь и Юговосточный Союзъ съ Кавказомъ (центръ — Тифлисъ). Ой, не путаетъ-ли Т.? Или путаютъ оба?

Т. ъдеть сегодня съ германскимъ офицеромъ въ Новочеркасскъ, черезъ Варшаву и Киевъ. Будутъ дѣйствовать согласованно противъ большевиковъ — изъ калмыцкой степи и со стороны Ростова. (Интересно было бы знать «заключеніе» д-ра Криге по сему поводу! Вотъ оно, различіе «легальной» и «безответственной» дипломатіи).

Въ Бельгіи, послушать Т., «не видно большихъ ужасовъ — много нарядной публики, пирожное, оживленіе. То же самое во Франціи». Ну, очевидно, разъ «императоръ» и «пирожное» — то все великолѣпно.*)

Генералу ф.-Лоссову Вильгельмъ рассказалъ, изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, что отецъ его, кронпринцъ Фридрихъ присутствовалъ на бракосочетаніи Александра III и видѣлъ тамъ «грузинскую царицу, съ короной въ родѣ римской крѣпостной». Интересна эта памятливость и романтическое умонаучертаніе германского императора. Каково: корона Грузіи!

Что-же касается самого факта, онъ неправдоподобенъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было въ живыхъ ни одной «королевы Грузіи». Быть можетъ то была послѣдняя владѣтельница Мингреліи? Не существенно.

Фонъ-Лоссовъ признаетъ, что здѣшнее министерство иностранныхъ дѣлъ не вполнѣ раздѣляетъ политику, которую онъ лично рекомендуетъ, и что тамъ смотрять на все очень ужъ осторожно, формально. Но самъ императоръ, Гинденбургъ и Людендорфъ — дѣло другое. Не даромъ онъ такъ торопился сюда изъ Поти. Теперь намъ слѣдуетъ поскорѣе представить нашу схему. Ему думается, что связь Грузіи съ Германіей должна быть тѣсная, при полной независимости Грузіи. Но форма этого единенія — вопросъ специальный, здѣсь онъ не компетентенъ.

Онъ часто возвращается къ мысли объ отвѣтственности Германіи въ армянскомъ вопросѣ и о необходимости предотвратить дальнѣйшія избіенія армянъ.

Получили копію вѣрительного письма, за подписью канцлера графа ф. Гертлингъ, генералу бар. Крессъ фонъ-Крессенштейнъ, который назначается дипломатическимъ представителемъ Германіи при грузинскомъ правительстве. Это — настоящій шагъ. Баронъ Крессъ слыветъ здѣсь человѣкомъ

*.) Въ мемуарахъ экс-императора Вильгельма упоминается о разговорахъ съ кн. Тундутовымъ.

отборнымъ, выдающимся.* Тѣмъ лучше. Онъ, какъ и Лоссовъ, баварецъ.

Въ Поти прибыло два батальона германской пѣхоты. Словомъ, создается необходимое для насъ фактическое положеніе, что важнѣе всего; а мы здѣсь исподволь обслѣдуемъ обстановку и сообразимъ какъ быть съ «вѣдомственной рутиной» и какъ преодолѣть колебанія д-ра Криге.

11 июня. На Wilhelmstrasse у генерала д-ра Симонса. **) Эта помягче Криге и совсѣмъ миль. Я сообщилъ ему главныя положенія моего меморандума, который посыпается только завтра. Вижу все отчетливо, какъ расходятся линіи штатская (Кюльманъ) и военная (Людендорфъ). Но это расхожденіе скорѣе формъ и способовъ, чѣмъ по существу.

12 июня. Получили первое сообщеніе изъ Тифлиса (радіо пока скверно работает) о вынужденномъ подписаніи мира съ Турцией, въ Батумѣ, о томъ что отнимаютъ Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды.

Тонъ нѣсколько плаксивый. Ясно, что разъ не могли воевать, то пришлось подписать. Если вообще чего-нибудь можно добиться — мы здѣсь этого добьемся.

Вечеромъ мы всѣ званы обѣдать въ клубъ «Deutsche Gesellschaft 1914», по приглашенію Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это хороший признакъ, разъ наѣтъ угощаются въ такое тяжелое, для кормленія, время.

Отправились туда всей «группой», съ ген. Лоссовымъ, Чхенкели, Николадзе, я, М. Церетели, Г. Мачабели и Эр. Бернштейнъ (грузинско-подданный, германского происхожденія, плававшій, какъ рыба въ водѣ, въ пріятной влагѣ грузино-германского сближенія).

Формально хозяиномъ былъ посланникъ фонъ-Розенбергъ. Съ германской стороны были ф. Кюльманъ, Симонъ, Геппертъ, Іоганнесъ (директоръ экономического Д-та въ М. И. Д.) ф. Везендонкъ и еще многіе другіе. Выражаясь по-репортер-

*) Такъ отзываются о немъ и б. начальникъ германской военной миссии въ Турціи, Лиманъ ф. Сандерсъ: «der Oberst Freiherr v. Kress, ein ganz hervorragender, tÃchtiler Offizier». См. *Liman von Sanders, Gen. der Kavallerie. Fünf Jahre Turkei*. В. 1920. S. 58. Баронъ Крессъ былъ начальникомъ штаба арміи (4-й) Джемаль-паши (бывшаго одновременно морскимъ министромъ; см. выше стр. 37) во время извѣстной операции противъ Суэцкаго канала въ 1915 г. Онъ-же оборонялъ позже Газу противъ англичанъ.

**) Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи въ 1920-21 г. г.

ски, за обѣдомъ господствовала непринужденная атмосфера, и оживленная бесѣда затянулась до и т. д.

Чхенкели пріотился около ф. Розенберга, а Кюльмана посадили между мною и Николадзе. Министръ, человѣкъ большой культуры и опыта, оказался очаровательнымъ собесѣдникомъ: ничто человѣческое ему не чуждо. К., въ бытность совѣтникомъ германского посольства въ Константинополѣ, побывалъ и на Кавказѣ. О Тифлисѣ у него лучшія воспоминанія: онъ оцѣнилъ «высокій соціальный уровень тифлисского общества»; ему даже случилось присутствовать на одной свѣтской свадѣбѣ и т. д. Онъ называлъ имена; спрашивался о судьбѣ Вел. Кн. Николая Михайловича, которого зналъ, о Боржомѣ. Услышавъ отъ меня, что именно этотъ кругъ лицъ неизбѣжено и жестоко пострадалъ отъ революціи — хотя пока режимъ ея въ Грузіи былъ мягче, чѣмъ въ Россіи, — К. подробно спрашивалъ о размѣрахъ соціального потрясенія въ нашей странѣ и о характерѣ грузинского правительства, «партийного, какъ онъ слышалъ, и очень радикально настроенного». Я постарался, соотвѣтствующимъ образомъ, удовлетворить его любознательности, изобразивъ государственные стремленія нашихъ министровъ, ихъ работу въ рядахъ закавказского правительства, обнаруженнюю тогда ловкость и пр. Приводилъ дѣйствительные факты, «стилизуя» лишь ихъ сообразно цѣли нашей миссіи въ Берлинѣ и интересамъ нашей страны.

Какова причина длящагося успѣха большевиковъ въ Россіи*) — этотъ вопросъ очень привлекалъ моего собесѣдника, имѣвшаго триумфъ въ Брестъ-Литовскѣ. Причинъ, очевидно, много; но главная заключается въ возстановленіи волевой основы, волевого напряженія государственной власти, катастрофически рухнувшей въ мартѣ 1917 года; въ искусствѣ, съ которымъ было скомбинировано заключеніе мира и, одновременно, развертываніе аграрной революціи и разрушеніе буржуазныхъ силъ, — съ невиданнымъ хаотическимъ перемѣщеніемъ материальныхъ цѣнностей (денегъ, вещей, домовъ...), изъ однихъ рукъ въ другія, что повлекло за собой образованіе многочисленныхъ группъ населенія, кровно связанныхъ съ новымъ режимомъ, готовыхъ его поддерживать или терпѣть и т. д.

*) Успѣхъ этотъ «длился» всего какихъ нибудь 7 мѣсяцевъ въ это время!

Много распрашивалъ К. о судьбѣ петербургскаго Эрмитажа, Кремля и вообще художественныхъ богатствъ Россіи.

Упомянуть былъ фактъ опустошенія винныхъ погребовъ Зимняго Дворца. «Это опустошеніе и сохранность дворцового погреба въ Тифлісѣ можетъ служить иллюстраціей различія между двумя революціями. Только... о тифлісскомъ погребѣ — ни слова вашимъ союзникамъ — вы понимаете какимъ». — «О да, будьте спокойны».

Послѣ чего К., получивъ у меня справку о Николадзе, перешелъ въ руки послѣдняго и подвергся крещенію и по части сырья, и по части среднеазіатскихъ рынковъ, и относительно ВРР.*). Я-же обратился на лѣвый флангъ, къ д-ру Симонсу, съ которымъ у меня завтра дѣловой разговоръ: сегодня мы болтаемъ о германской литературѣ, объ университетахъ, о недавно умершемъ проф. Лабандѣ, соорудившемъ такъ блестящее всю Германскую Имперію изъ юридическихъ понятій... о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ.

13 іюня. У д-ра Симонса въ М. И. Д.

Наша тема: возможная форма взаимоотношеній Германіи и Грузіи. Политическая цѣль Грузіи: упрочить свое государственное существование, создать себѣ условія свободнаго національнаго развитія, опираясь на Германію. Связь съ послѣдней должна быть, очевидно, довольно тѣсной: простой союзъ здѣсь недостаточенъ.

Д-ръ Симонсъ находитъ, что если-бы не географическая удаленность Грузіи, ей *правильнѣе всего было бы вступить въ германскую федерацію (!)*. Географія, отвѣчаю я, противится этому. Положеніе Грузіи (на югѣ) могло-бы скорѣе быть сравнено съ положеніемъ Финляндіи (на сѣверѣ). Оно сложнѣе, т. к. связывается съ вопросомъ о созданіи кавказской или закавказской конфедерациі. Упроченіе ея и нейтрализація — вотъ цѣль, которую естественно ставить въ эпоху, когда русская имперія вступила въ періодъ переплавки, повидимому, въ духѣ федеративномъ. Грузія — основной элементъ этой «буферной» постройки на Кавказѣ. Обеспечивъ — дипломатическую поддержкою и своимъ политическимъ вліяніемъ независимость Грузіи, Германія получитъ весьма существенные выгоды экономической и т. д. Но достижениe этого, фактически

*.) ВРР — предложенная мною тогда, для краткости, формула, объемлющая смыслы идеи Н. Я. Николадзе о направлении торговли Срединной Европы съ Дальнимъ Востокомъ черезъ Поти (Берлинъ-Поти-Пекинъ).

благоприятного для Германии положения, вполне вяжется с формальною независимостью Грузии.

Эти взгляды встретили полное сочувствие д-ра С. Что касается формы правления это, признавал онъ, есть внутреннее дѣло Грузии. «Какъ у васъ смотрять на этотъ вопросъ? есть-ли тамъ сторонники монархіи?».

«Въ Грузии настроение опредѣленно республиканское — старая монархическая традиція заглохла, новыхъ течений этого рода нѣтъ, крушеніе монархіи въ Россіи еще больше поколебало эту идею. Симпатіи къ монархической формѣ, б. м., сохранились въ нѣкоторыхъ кругахъ; найдутся и республиканцы, полагающіе, что, при опасномъ географическомъ положеніи Грузии, и, если ей придется опираться на помощь средне-европейскихъ имперій, монархическая форма могла бы быть выгодна Грузии. Это какъ бы монархизмъ по разсчету и благоразумію — какъ въ Норвегіи въ 1905 году или какъ въ Финляндіи въ настоящее время. Но въ Грузии этотъ «отг҃енокъ» сейчасъ не имѣеть никакого значенія».

Несомнѣнно, всѣ эти «короны» мало интересуютъ Wilhelmstrasse: эти мечтанія возникаютъ въ другихъ сферахъ.

Напослѣдокъ, я ставлю моему собесѣднику слѣдующій «диагностический» вопросъ: «какъ Вы рисуете себѣ, въ будущемъ, положеніе представителя Германии въ Грузии?». — «По формѣ — это обычный дипломатический представитель; по существу онъ, быть можетъ, приближался-бы къ англійскому резиденту при самостоятельномъ индійскомъ государствѣ. Разумѣется, я имѣю въ виду юридическую схему, а не бытовую или соціально-политическую сторону дѣла... И я знаю что грузины — не индузы».

14-го іюня. Вечеромъ пріемъ у ф. В. Опять молодые дипломаты, ориенталисты и пр. Былъ тамъ впрочемъ еще одинъ крупный импортеръ персидскихъ ковровъ и шерсти (линія-Поти-Тифліс-Таврізъ!), а также одинъ изъ заправиль Имперского банка, фонъ-Глазенаппъ оказавшійся университетскимъ товарищемъ К. Ф. Гана, учителя нѣмецкаго языка многихъ поколѣній въ 1-ой Тифлісской классической гимназіи.

30.

16 іюня. Сегодня «общее присутствіе» делегаціи выслушало мой второй меморандумъ. Первый изображалъ — кто мы такие; второй — чего мы собственно, желаемъ отъ Германии.

М. Церетели и Г. Мачабели — цѣнная находка; они водятъ

А. Чхенкели въ люди, и служать хорошей приправой къ этому солидному, но не столь легко переваримому блюду.

«Рутина» нашей канцелярии хромаетъ. Обязанностями секретаря обременили Спиридона Кедіа, одного изъ немногихъ въ Грузіи парламентаріевъ, прекраснаго оратора и журналиста: ему теперь-бы въ Тифлісѣ работать, а не возиться здѣсь съ «дѣлами».

17-го іюня. Генералъ фонъ-Лоссовъ сообщаетъ, что турки — въ Тавризѣ. На мѣсто Вехиба назначенъ братъ его Эссадъ-паша. Въ официальномъ сообщеніи, опубликованномъ въ Константинополѣ послѣ возвращенія Халиль-бека изъ Батума, говорится, что подписанныя въ Батумѣ соглашенія не окончательны. Это уже отбой, по мнѣнію Лоссова. Онъ посыаетъ наши меморандумы въ главную квартиру.

18-го іюня. Посѣтили втроемъ (Чхенкели, Николадзе, я), въ зданіи министерства народнаго хозяйства (Reichswirtschaftsamt) барона ф. Штейнъ, государственного секретаря по сей части. Онъ находитъ, что было-бы, пожалуй, правильнѣе, вмѣсто устройства одного общества по разработкѣ горныхъ богатствъ Грузіи (см. выше стр. 66), создать рядъ обществъ—по отдѣльнымъ отраслямъ.

Штейнъ, какъ всѣ они, интересовался хлопкомъ, шерстью и т. д.

Въ Тифлісѣ два германскихъ батальона (1800 чел.), быть можетъ, прибудетъ еще артиллерія.

Нефти въ Грузіи всего на 3 недѣли: нефтяная зависимость отъ Баку полная.

Еще извѣстіе (изъ германскихъ источниковъ): въ Борчалинскомъ уѣздѣ «банды» потребовали присоединенія къ Азербайджану. Благодаря оказанному противодѣйствію, осложненій не было.

На станціи Евлахъ убить татарами австрійскій офицеръ. За этими татарскими гримасами чуется злоба турокъ на союзниковъ — невѣрныхъ.

Кстати, Австро-Венгрія также посыаетъ въ Тифлісѣ своего представителя — барона фонъ-Франкенштейнъ.

Вечеромъ опять втроемъ, въ М. И. Д. Сначала у фонъ-Розенберга и д-ра Гепперта. Сообщаютъ имъ вкратцѣ положенія нашего 2-го меморандума, до нихъ еще не дошедшаго: Грузія — независимое государство; привилегированность положенія Германіи, вытекающая изъ совокупности договоровъ и т. д. Затѣмъ долго сидѣли у товарища министра, барона фонъ-Буша.

По дорогѣ къ нему, фонъ-Розенбергъ говорить: «а мы думали, что рѣчъ будетъ идти о болѣе тѣсномъ единеніи съ Германіей, и что Грузія будетъ нашимъ Schutzstaat'омъ». «Знаете, отвѣчаю я, по существу я не боюсь протектората: но этотъ терминъ Schutzstaat звучитъ теперь для меня немного... какъ-бы сказать?... по африкански».

Вернувшись отъ фомъ-Буша, продолжаемъ бесѣду. Чхенкели, по своему обыкновенію, настаиваетъ на историческомъ правѣ Грузіи на независимость, автоматически будто-бы воспринувшемъ съ «уходомъ русскихъ», на трактатѣ 1783 года и т. д. Гепперть къ этимъ доводамъ относится скептически.

Однако, было-бы безплодно препираться объ этихъ вѣщахъ. Чтобы создать болѣе практическую основу для отдѣленія отъ Россіи, почему не обратиться къ плебисциту?

Другой ихъ совѣтъ былъ: постараться устроить такъ, чтобы бакинскій нефтепромышленный районъ не былъ совсѣмъ оторванъ отъ Россіи. Тогда, по ихъ мнѣнію, облегчился бы и вопросъ о признаніи Грузіи Россіею.

Эти соображенія я нахожу очень интересными: они показываютъ практическое стараніе германской дипломатіи измыслить путь для установленія компромисса между московскимъ и тифлисскимъ правительствами. Чхенкели они не пришли по вкусу: нась, говорилъ онъ, Россія должна и такъ признать, мы были независимое государство, мы не были завоеваны, подобно другимъ провинціямъ Кавказа и т. д.

Вечеромъ долго сидѣлъ здѣсь Paul Rohrbach, публицистъ, «идеологъ» германского имперіализма. Онъ родомъ балтіецъ (увѣряетъ, что Германія способна очень скоро колонизовать Курляндію, благодаря слабой рождаемости латышей!), бывалъ часто въ Грузіи, знаетъ даже Сванетію, Месхетію. О многомъ допытывался, между прочимъ, о формѣ правленія. «Есть ли въ Грузіи потомки старой династіи?».

Рорбахъ утверждаетъ, что изъ всѣхъ членовъ Рейхстага едва-ли найдется человѣкъ 30, которые знаютъ — гдѣ Грузія. (Такъ-ли это важно, когда 1800 германцевъ въ Тифлісѣ?).

20 юня. Вчера генераль Крессъ долженъ былъ выѣхать иза Константинополя въ Поти.

Въ Константинополь прїѣхали грузинскіе делегаты: Гечекори, Одишелидзе, Газава и др. Здѣсь почему-то вообразили, что это прескверно, что теперь Турція разстроить нашу

работу въ Берлинѣ. Цѣлая паника! Все пропало, восклицаетъ Николадзѣ (?). Мих. Церетели затянуль что-то заунывное. Я старался доказать имъ, что мы только выигрываемъ отъ пріѣза этой делегаціи (Но зачѣмъ она такая многочисленная?) въ Константинополь; что съ Турцией слѣдуетъ говорить дружелюбно; что такие непосредственные разговоры укрѣпляютъ насъ здѣсь, и заставятъ торопиться съ признаніемъ независимости Грузіи самое Германію.

Болѣе того: полагаю, что совершенно недипломатично было нашему министру иностранныхъ дѣлъѣхать сюда, какъ бы игнорируя Константинополь: своимъ присутствіемъ тамъ онъ, напротивъ, успѣшно маскировалъ-бы нашу работу здѣсь.

Чхенкели вызвалъ телеграфно Гегечкори въ Берлинъ.

21 іюня. Вдвоемъ съ Чхенкели въ М. И. Д., у д. т. с. д-ра Криге для рѣшительного разговора о возможности формального признанія Германіей независимости Грузіи. Генераль фонъ-Лоссовъ, которому, какъ военному, нѣсколько докumentaютъ всѣ эти тонкости регулярной дипломатіи, совѣтовалъ говорить съ Криге поэнергичнѣе и настаивать на особыхъ правахъ Грузіи: этими «особыми правами» и трактатомъ 1783 года браваго генерала начинилъ Чхенкели.

Итакъ, заговорили о признанії.

Криге. Германія не можетъ этого слѣдить раньше Россіи, потому что, разъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ, такое признаніе было-бы актомъ враждебнымъ по отношенію къ Россіи. Тамъ, въ Брестъ-Литовскѣ, Россія предлагала намъ признать право народовъ на самоопреѣленіе въ значенії общаго принципа международнаго права. Мы это предложеніе тогда категорически отвергли; какъ же можемъ мы теперь, на основаніи состоявшагося акта самоопредѣленія Грузіи, признать независимость части Россіи, объявившей себя самостоятельной? Мы уподобились-бы крестьянину, который отказался на-отрѣзъ купить коня по предложенной ему цѣнѣ, а затѣмъ пожелалъ-бы попросту вывести его изъ стойла, на томъ основаніи, что ему предлагали его купить...

Вы говорите далѣе, что у Грузіи свои особые права... Не вдаваясь въ ихъ критику, скажу, однако, что Грузія, если и была государствомъ, то перестала имъ быть. Позднѣйшиe факты создали новое положеніе вещей. И во всякомъ случаѣ: ссылка на особые права умѣстна въ отношеніяхъ между Россіей и Грузіей, но не между Россіей и третьей державой.

Не проще-ли рѣшить вопросъ плебисцитомъ? Противъ этого большевики едва-ли станутъ возражать.

Чхенкели, разумѣется, настаивалъ на особыхъ правахъ Грузіи; недоумѣвалъ, какъ можно ихъ оспаривать; утверждалъ, что о правахъ этихъ знаютъ въ Америкѣ, Англіи, Франціи (!), и что только Германія ихъ почему-то не признаетъ. Я указалъ на неудобство плебисцита послѣ состоявшагося уже торжественнаго провозглашенія независимости, на нежелательность агитациіи въ такое время и пр.

Кригэ. На основаніи Б.-Л. договора опредѣленные части вышли изъ состава Россіи; другимъ выговорено особое положеніе и т. д. Все остальное продолжаетъ быть подъ суверенитетомъ Россіи. Что касается Кавказа, имѣются лишь указанія о трехъ округахъ, отошедшихъ отъ Турціи въ 1878 г. и только!

А. Однако, тамъ прямо говорится, что въ устройствѣ этихъ округовъ извѣстный голосъ принадлежитъ, кроме Турціи, еще «сосѣднимъ государствамъ», (только не Россіи).

Ссылками на текстъ ст. IV Б.-Л. договора и на представленную въ Рейхстагъ объяснительную записку германскаго правительства, я стараюсь доказать, что въ Брестъ-Литовскѣ опредѣленно имѣлись въ виду закавказскія «новообразованія».

Кригэ. Это ваше пониманіе. Мы такъ не смотрѣли. Впрочемъ, вы понимаете, что мы не можемъ въ такое время, когда война вступаетъ, можетъ быть, въ послѣднюю фазу, рисковать необходимостью снять съ французскаго фронта хотя бы нѣсколько корпусовъ...

А. Великолѣпно. Но если Грузія и Закавказье принадлежать Россіи, какъ могла Германія участвовать въ Батумской конференціи, въ которой эта, по вашему, русская территорія выступала въ качествѣ стороны, въ качествѣ государства, признаннаго, во всякомъ случаѣ, вашимъ союзникомъ Турцией?

Кригэ. Участіе это было, такъ сказать, фактическое, подъ условіемъ предварительного признанія Россіи...

А. Не фактическое, а регулярное, на основаніи правильнаго полномочія. *Не было сдѣлано ни малѣйшей оговорки ни о «фактическомъ» характерѣ этого участія, ни о правахъ Россіи — ни устно, ни письменно!* Больше того, даже когда, во время батумскихъ переговоровъ, стало извѣстно о перепискѣ графа Мирбаха съ московскимъ правительствомъ (относитель-

но участія послѣдняго въ батумской конференції*) — ни Германія, ни Турція не вспоминали и не напоминали намъ о правахъ Россіи! Наконецъ, какъ это вы «конструируете» наличность въ Тифлісѣ, по соглашенію съ грузинскимъ правительствомъ, германскихъ войскъ?

Кригे. Такъ какъ Россія не осуществляетъ тамъ фактически фласти, то, для защиты своихъ интересовъ, Германія вынуждена была послать туда своихъ солдатъ...

А. И что-же, это послѣдовало съ разрѣшенія Россіи, или хотя-бы съ увѣдомленія ея... какъ суверена?

Криге... Въ общемъ, стало-быть, Вы находите, что мы столько уже грѣшили, что намъ слѣдуетъ только продолжать!..

А. Нѣтъ; но согласитесь, что всѣ факты противорѣчать Вашей, строго формальной теоріи Брестъ-Литовского договора. Чѣмъ дальше, тѣмъ это противорѣчие будетъ болѣе разительнымъ. Проще стать на ту точку зрѣнія, что новыя государства въ Закавказіи уже имѣлись въ виду Германіей и Россіей во время брестъ-литовскихъ переговоровъ...

Криге. Что дѣлать, мы другъ друга не убѣдили. Я выскаживаю мнѣніе, которое здѣсь раздѣляется всѣми въ министерствахъ. Я юристъ, и разсуждаю исключительно какъ международникъ. Какъ наше правительство смотрить на политические вопросы — этого я не знаю. Такіе вопросы решаетъ канцлеръ, императоръ...

Людендорфъ, прибавилъ я мысленно. Впрочемъ я вполнѣ признаю необходимость предварительного согласія Россіи на отдѣленіе Грузіи; послѣ чего признаніе со стороны Германіи не замедлить, такъ какъ политически она къ этому вполнѣ расположена.

Вечеромъ у супруговъ М., встрѣча съ Максимилюаномъ Гарденомъ и Теодоромъ Вольфомъ... Гарденъ очень скептически высказывался по вопросу о результатахъ войны. Н., не понимая нѣмецкаго языка, дремаль; Ч. тщетно пытался увлечь этихъ князей берлинской журналистики съ большой дороги общихъ вопросовъ въ закоулокъ грузино-азербайджанскихъ дѣлъ, имѣющихъ, по словамъ Ч., мировое значеніе: ничего изъ этого не вышло.

*) См. выше гл. VII.

22 июня. Доводы д-ра Криге вполнѣ понятны, но путь этотъ (сначала получить благословеніе изъ Москвы) далекій. Какъ-бы въ Константинополь не переоцѣнили, намъ во вредъ, этихъ колебаній Берлина! Вотъ почему, въ сегодняшнемъ нашемъ совѣщаніи съ ген. фонъ-Лоссовымъ, я обратилъ его вниманіе на своеобразное отношеніе Е. П. д-ра Крига къ его, Лоссова, дипломатіи, и на проистекающую отсюда неопределѣленность, двойственность нашего положенія. Въ сущности, Грузія могла-бы столкнуться съ Россіей непосредственно и получить признаніе; не трудно было-бы ей сговориться и съ Турцией. Въ Берлинѣ мы пріѣхали ради болѣе далекихъ перспективъ. Но если здѣсь дѣло будетъ чрезмѣрно тормозиться, то и т. д.

Въ «проволочкахъ», если есть таковыя, Л. не виновать: все же, надо иногда говорить въ этомъ тонѣ.

22 июня. Сегодня, въ Рейхстагѣ, слушали изъ дипломатической ложи обсужденіе смѣты канцлера и министерства иностран. дѣлъ.

Большая, сильная рѣчъ ф.-Кюльмана. Для новѣйшей исторіи Грузіи она получить историческое значеніе. По его словамъ, чуть ли не на дняхъ соберется въ Константинополь конференція представителей союзныхъ державъ и кавказскихъ народовъ для разрѣшенія выдвинутыхъ войною вопросовъ (т. е. конференція, ради которой наши делегаты уже пріѣхали въ Константинополь, и созвывъ которой, какъ высшей инстанціи для пересмотра актовъ, подписанныхъ въ Батумѣ 4-го июня — былъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ нашего пріѣзда въ Берлинъ)*).

Съ другой стороны, К. съ точностью установилъ необходимость предварительного обмѣна мнѣній съ русскимъ совѣтскимъ правительствомъ относительно выхода изъ состава Россіи опредѣленныхъ государственныхъ новообразованій, послѣ чего слѣдится возможнымъ окончательное дипломатическое признаніе этихъ новообразованій.

Въ частности, процедура эта относится и къ Грузіи, которую К. считаетъ въ національномъ отношеніи наиболѣе консолидированнымъ изъ новыхъ кавказскихъ государствъ. Коснувшись, затѣмъ, Армении и Азербайджана, К. упомянулъ о стремлѣніи этихъ трехъ республикъ къ объединенію въ одно цѣлое.

*.) См. ниже гл. XII. На самомъ дѣлѣ, конференція эта такъ и не была созвана.

*По поводу движенія турецкихъ войскъ вглубь Закавказья К. объяснилъ, что движеніе это, а также занятіе линіи Батумъ-Джульфа-Тавризъ объясняются стратегическимъ положеніемъ въ съверной Мессопотаміи и необходимостью обеспечить себѣ соединеніе, этимъ путемъ, черезъ персидскій Азербайджанъ съ долиною Тигра.

Кюльманъ намекнулъ на занятіе турками, при этой операции, такихъ территорій, длящаяся оккупацией которыхъ или анексія отнюдь не вытекаетъ изъ Брестъ-Литовскаго договора. Впрочемъ, прибавлялъ онъ, продвиженіе турокъ на Кавказъ пріостановилось, и всѣ эти вопросы, какъ сказано, будутъ разсмотрѣны на предстоящей конференціи въ Константинополь.

«Съ Грузіей, говорилъ К., мы вступили въ дружескія отношенія: мы уже признали ее de facto. Мы находимся въ дружескомъ обмѣнѣ мыслей съ присланымъ сюда ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ своей стороны, мы послали съ дипломатическою миссіею въ Тифліс генерала ф.-Кресса. Мы желаемъ прочной будущности грузинскому государству, этому храброму народу и богатой странѣ и съ радостью сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ, для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Германіей». Это слова вызвали дружные аплодисменты.*)

Итакъ, наши старанія въ Батумѣ, Поти, Берлинѣ не были тщетны. Мы нашли «праву» на Турцію. Вопросъ о признаніи поставленъ практически.

Но самое главное: Грузія, Кавказъ вошли въ европейскую политику и исторію. Конецъ провинциально-rossiйской фазы нашего существованія!

Грузія — Грузіей, но важнѣе всего то общее, что было сказано Кюльманомъ о войнѣ. Отвѣтственность за нее онъ

*) Въ тѣхъ же дебатахъ — 24-го и 25 июня 1918 года — Грузіи и вообще Кавказа коснулись слѣдующіе ораторы: докладчикъ смѣты, принцъ zu Schonaich Carolath (нац.-либ.); Гроберь (центр.); д-ръ Давидъ (соц.); графъ фонъ-Вестарпъ (конс.); д-ръ Штрезманъ (н.-л.); Гаазе (незав. соц.); д-ръ Вернеръ (нѣм. свобод.). См. кромѣ стенограф. отчетовъ и газетъ, брошюру *in-folio Das Neue Georgien. Eine Denkschrift mit statistischen Tabellen und einer Kartenskizze von Michael von Tseretheli*, гдѣ приведены выдержки всѣхъ этихъ рѣчей.

Въ общемъ, депутаты отнеслись съ симпатіей къ Грузіи и съ большімъ интересомъ къ распространенію на нее германского вліянія. Въ тѣхъ же рѣчахъ многое было сказано въ пользу армии, страдающихъ отъ турецкихъ гоненій.

всесъэло возложилъ на Россію (благо, большевики не будуть противъ этого спорить!).

Объ успѣхахъ германскихъ войскъ онъ говорилъ спер-жанно и выражилъ сомнѣе въ томъ, чтобы война эта была рѣшена одною силою оружія! Жизненныя требованія Германіи онъ свелъ къ свободѣ развитія въ поставленныхъ исторіей границахъ, къ свободѣ мореплаванія и къ колоніальнымъ владѣніямъ, соразмѣрнымъ экономической силѣ германского народа.

Все это, очевидно, неопределенно: но К. за необходимость обмѣна мыслей между воюющими о мирѣ. Слѣдовательно, К. не вѣрить въ торжество германского оружія. Это необычайно важно.

ГЛАВА XII. ТУРЦІЯ ТОРЖЕСТВУЕТЬ.

31.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о томъ, какъ развернулись и къ чему впослѣдствіи привели — или не привели — наши берлинскіе переговоры, необходимо вернуться вспять и изложить вкратцѣ взаимоотношенія Грузіи и Турціи послѣ того какъ провозглашеніемъ независимости Грузіи прервана была Батумская конференція (26 мая 1918 г.).

Это былъ именно перерывъ. Турецкая делегація осталась въ Батумѣ, ожидая появленія, вмѣсто распавшейся Закавказской «стороны», трехъ отдѣльныхъ делегацій — отъ Грузіи, Армении и Азербайджана (провозгласившихъ вслѣдъ за Грузіей свою независимость — 28-го мая). Делегаціи эти и не замедлили появиться. Грузинская включала ministra-предсѣдателя Рамишвили, генерала-отъ-инфanterіи Одиселідзѣ, г.г. Гвазава и Рцхиладзѣ. Одинъ полный генералъ и представители трехъ партій: с.-д., нац.-дем., соц.-фед. — таковъ была аппарать, двинутый для подписанія актовъ завѣдомо неокончательныхъ, а по содержанію для Грузіи весьма прискорбныхъ!

Началось, 31-го мая 1918, съ запроса: относится ли ультиматумъ, предъявленный 26-го мая Закавказской делегаціи, къ вновь возникшой грузинской республикѣ? «Естественно, относится», отвѣтили турки незамедлительно и прибавили: просимъ отвѣта не позже 12 час. ночи.

Рамишвили послѣ этого выразилъ желаніе установить «добрососѣдскія отношенія съ Турцией», съ тѣмъ однако, чтобы «южная граница Грузіи была опредѣлена согласно Брестъ-

Литовского договора» — т. е. онъ отбрасывалъ (за N 2) территориальные требованія турецкаго ультиматума, но затѣмъ (за N 3) согласился ихъ принять.

Оставалось подписать всѣ эти акты, что и произошло, въ гор. Батумъ, 4-го іюня, т. е. на слѣдующій день послѣ прибытія другой грузинской делегаціи въ Берлинъ.

Простая по существу процедура глотанія столь горькой пилюли не обошлась безъ рѣчей, — какъ того, кто эту пилюлю поднесъ, такъ и того кто ее проглотилъ.

Халиль-бей выскажался въ томъ смыслѣ, что за дополнительная (къ Брестъ-Литовскому миру) непріятности пеняйтѣмоль на себя: зачѣмъ было сопротивляться нашему вступленію въ Батумъ и въ Карсъ? Вообще же, образованіе на Кавказѣ сильно организованнаго и прогрессивнаго государства оно объявить вопросомъ жизненнымъ для Оттоманской Имперіи. Такое Государство, прибавляя онъ, должно имѣть основою взаимную дружбу кавказскихъ народовъ, главнымъ же образомъ сила его должна зиждиться — на дружескихъ отношеніяхъ между кавказскими мусульманами и грузинами.

Рамишвили изъявилъ въ свою очередь, удовольствіе въ виду прекращенія войны, этого «наслѣдія царскаго правительства и въ объявлениіи которой грузинскій народъ не принималъ никакого участія»; выразилъ надежду, что «народъ нашъ будетъ постоянно пользоваться правомъ мирнаго интеллектуального развитія» (!) и т. д.

По словамъ Рамишвили «наше государство объявило себя нейтральнымъ въ этой войнѣ» — заявленіе отнюдь не необходимое и, въ такой формѣ, далекое отъ точности — коль скоро желѣзныя дороги Грузіи предоставлялись въ распоряженіе одной изъ воюющихъ сторонъ.

Предсѣдатель грузинской делегаціи, вслѣдъ за своимъ отвѣтнымъ словомъ, прочелъ вновь декларацию, уже сдѣланную имъ раньше, при частномъ обсужденіи условій мира (которое предшествовало формальному засѣданію конференціи) — декларацию, въ которой говорится о подписанномъ въ Поти 28 мая соглашении о военныхъ перевозкахъ Германіи и ея союзниковъ по грузинскимъ желѣзнымъ дорогамъ и объ обязательности этого соглашения для Грузіи. Нарочитость этой ссылки на «обязательность» грузино-германскаго соглашения дала Халиль-бею поводъ потребовать отъ словаохотливаго Рамишвили — признанія такой-же «обязательности» турецко-

грузинского (дополнительного) соглашения по тому же предмету.

Наконецъ, всѣ соглашения были подписаны, съ турецкой стороны — Халиломъ и Вехибомъ, съ грузинской — четырьмя названными выше представителями. Послѣ этого, предсѣдатель грузинской делегаціи говорилъ еще о необходимости скрѣйшаго признанія Грузіи Турціей и ея союзниками, и о желательности скрѣйшаго установленія дипломатическихъ сношеній между Грузіей и Турціей. Халиль-бей полагалъ, что сношенія эти скоро будутъ установлены, и что «заключеніе только что подписанныхъ договоровъ является уже формальнымъ признаніемъ» независимости Грузіи.*)

Основной, подписанный въ Батумѣ, договоръ мира и дружбы между Грузіей и Турціей подлежалъ (ст. XIII) ратификаціи въ мѣсячный, по возможности, срокъ. Ратификація эта такъ и не состоялась, и самый договоръ въ силу никогда не вступалъ.

Грузино-турецкая граница, въ общемъ, опредѣлялась здѣсь соотвѣтственно русско-турецкой государственной границѣ до Адріанопольскаго трактата 1828 года. Это означало возвращеніе къ предѣламъ Грузіи эпохи ея присоединенія къ Россіи. Турція пріобрѣтала обратно и утраченные въ 1878 году санджаки Батумъ, Ардаганъ, Карсъ (уже полученные по миру въ Брѣстъ-Литовскѣ), и санджаки Ахалцихъ (Akhaskha) и Ахалкалаки (Akhilkelek), объѣщанные еще Екатериною II Грузіи Ираклію II въ случаѣ отвоеванія,**) дѣйствительно отвоеванные въ 1828 году и, впослѣдствіи, вошедши въ составъ Тифлісской губ.

Сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ договора, предъявленнымъ Закавказской делегаціи 11 мая 1918 года, мирный договоръ съ Грузіей 4 іюня содержитъ одно несомнѣнное улучшеніе — изъ состава Ахалцихскаго уѣзда Грузія сохраняетъ двѣ мѣстности: Абастуманъ (извѣстный климатическій курортъ) и Ацкури (на Курѣ, выше Боржомскаго ущелья). Въ этой уступкѣ сказалось и вліяніе Германіи, и желаніе

*) См. протоколъ засѣданія конференціи, подписанный въ Батумѣ 5-го іюня 1918 секретарями делегацій: д-ромъ В. Гамбашидзе и Орханъ-бесемъ. Протоколъ этотъ не напечатанъ въ «Документахъ и материалахъ etc.». Тексты договоровъ см. ів. подъ N N 172-179.

**) См. 4-ый «сепаратный артикуль» къ грузино-русскому договору о протекторатѣ 1783 г. у Буткова. Материалы для новой исторіи Кавказа. Т. II, гл. 108. Спб. 1869.

турокъ хотъ немногъ утѣшить Грузію, терявшую всѣ свои историческія территории верхней Куры и Чорохскаго бассейна.

Протоколы о взаимномъ разграничениі между Грузіей, Арменіей и Азербайджаномъ должны быть впослѣдствіи включены въ текстъ этого договора и сдѣлаться его составной частью (ст. III).

Одновременно съ мирнымъ договоромъ были подписаны: временные правила о торговлѣ и мореплаваніи (приложение I къ трактату), соглашеніе объ особыхъ льготахъ въ сношеніяхъ между приграничными мѣстностями (приложение II), и правила о духовномъ управлении мусульманъ въ Грузіи.*)

Болѣе непосредственное значеніе имѣлъ однако подписанный 4-го іюня дополнительный договоръ между Оттоманской Имперіей и Грузинской республикой, (вступавшій въ силу со дня его подписанія, однако, съ размѣромъ ратификацій черезъ мѣсяцъ: ст. VI), согласно которому производилась демобилизациѣ грузинскихъ войскъ, устанавливавшаяся въ пользу Турціи извѣстный контроль военныхъ силъ республики, давалась обязательство удалить всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ государства, бывшихъ въ войнѣ съ Турціей, — находившихся на грузинской территории (о солдатахъ «антанты» и не упоминалось: ихъ появление въ Грузіи въ это время признавалось, повидимому, вообще немыслимымъ!), а, главное, опредѣлялся порядокъ пользованія желѣзными дорогами для военныхъ перевозокъ. Охрана путей, въ принципѣ, возлагается на грузинскія войска.

Особымъ приложениемъ къ дополнительному соглашенію, подписаннымъ генералами Одишиелидзе и Вехибомъ, устанавливался порядокъ размѣна военнопленныхъ.

На тѣхъ-же основаніяхъ и въ тотъ же день были подписаны въ Батумъ мирные договоры (съ дополнительными соглашеніями) между Турціей и Азербайджаномъ (въ лицѣ М. Гаджинскаго и Расулъ-Заде), а также между Турціей и Арmenіей, представленной уже извѣстными намъ Р. Качазунуи и А.

*) Правила эти, въ общемъ, совпадаютъ съ текстомъ аналогичныхъ соглашеній, заключенныхъ Турціей напр. съ Болгаріей и Греціей въ эпоху балканскихъ войнъ 1912-13 г. г. Но въ ст. VI основного договора (абз. 2: «имя Е. И. В. Султана будетъ производиться въ публичныхъ молитвахъ мусульманъ») турки подсунули грузинскимъ делегатамъ текстъ безъ необходимой оговорки «имя Е. И. В. Султана какъ халифа», принятой въ договорахъ съ другими государствами. Текстъ былъ подписанъ безъ этой оговорки.

Хатисовыми, и еще М. Пападжановыми*). Желѣзная дорога Карсъ-Александрополь-Джульфа со всею прилегающею территоією переходила въ обладаніе турокъ: черезъ Арменію и родственный кавказскій Азербайджанъ Турція пробилась, простерла руку въ столь-же родственному Азербайджану персидскому: важное показаніе магнитной стрѣлки стихійныхъ политическихъ устремленій!**)

Чтобы закончить краткій обзоръ международныхъ актовъ, подписаніемъ которыхъ, подъ сѣнью батумскихъ пальмъ и бамбуковъ, молодая Кавказская Республика начинали карьеру своей независимости, надо упомянуть еще конвенцію о поддержаніи въ исправности керосинопровода Баку-Батумъ, подписанную представителями Азербайджана, Грузіи и Турціи, и соглашеніе трехъ кавказскихъ республикъ и Турціи о распределеніи между ними подвижного состава б. Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, пропорціонально протяженію желѣзнодорожныхъ линій, пришедшихся на долю каждого.

32.

Что Халиль-бей не пожелаетъ уѣхать изъ Батума съ пустыми руками; что побѣдоносная, благодаря разложенію противника, Турція заставить новыя правительства подписать нужный ей миръ, это легко было предвидѣть. Бороться противъ навязанного намъ въ такихъ условіяхъ Турціей сепаратистского мира; обратиться къ ея союзникамъ, заставить ихъ вмѣшаться въ дѣло и добиться, этимъ путемъ, насколько возможно, смягченія территоріальныхъ условій мира, весьма разрушительныхъ для Грузіи — это было первое, о чёмъ мы должны были подумать, пріѣхавъ въ Берлинъ. Германское правительство было, конечно, въ курсѣ нашихъ намѣреній и надеждъ, благодаря генералу фонъ-Лоссову: теперь отъ насть требовались формальные шаги.

Мы начали, разумѣется, съ нотификациіи Германскому Правительству акта провозглашенія независимости Грузіи 26 мая, и образованія правительства г. Рамишвили.***)

«Такимъ образомъ, говорилось въ нашей нотѣ по этому

* Б. членъ 4-ой Государствен. Думы; б. членъ Особаго Закавказскаго Комитета (въ 1917 г.).

**) Турки и раньше владѣли временами Тавризомъ.

***) Тогда-же мы увѣдомляли о состоявшемся распаденіи Закавказской республики.

поводу, (отъ 6-го іюня) послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго владычества Россіи въ Грузіи, народъ грузинскій вновь занялъ свое мѣсто среди независимыхъ націй.

Соединенная съ Россіей политическими договорами, заключенными съ цѣлью обезпечить себѣ полную внутреннюю свободу и цѣлостность своей территории, Грузія скоро стѣла свидѣтельницей нарушенія своихъ правъ; свобода ея была поколеблена, а вольности ея замѣнены режимомъ полной анексіи.

Съ того момента какъ русское правительство вывело войска свои изъ Закавказья, и въ частности изъ Грузіи, предоставивъ ее своей судьбѣ, никакія связи не соединяли болѣе Грузію съ Россіей. Свободная отнынѣ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ другому государству, Грузія провозгласила себя независимой республикой и стремится нынѣ установить свои международные отношенія, сообразно своимъ жизненнымъ интересамъ, въ видахъ обезпеченія своей, вновь обрѣтеннай, независимости и свободы дальнѣйшаго развитія. О скорѣйшемъ признаніи этой новой республики мы и просили германское правительство.

О подписаніи мира 4-го іюня между Грузіей и Турцией намъ стало извѣстно въ Берлинѣ на слѣдующій же день, 6-го іюня, т. е. одновременно съ формальнымъ оповѣщеніемъ германского правительства о провозглашеніи независимости Грузіи, мы заявили министерству иностранныхъ дѣлъ, что «посколько Грузія оказалась, подъ прямымъ давленіемъ Турціи, вынужденной къ подписанію какого-либо соглашенія съ одной Турціей, обязательства, подписанныя въ этихъ условіяхъ, должны почитаться ничтожными», и что «совокупность вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію между четырьмя союзными державами и Грузіей» подлежала бы разсмотрѣнію въ особой конференціи, для выработки договора между Грузіей съ одной стороны, и всѣми державами четверного союза — съ другой, на основѣ Брестъ-Литовскаго договора.

Это наше стремленіе имѣть, такъ сказать, свой собственный Брестъ-Литовскъ*), съ цѣлью, улучшить въ нашу пользу условія навязанныя Грузіи въ Еатумѣ, мы съ еще большей отчетливостью выражали въ другой нотѣ отъ того-же числа (т. е. 6-го іюня), заключающей формальное предложеніе

*) По существу это было именно такъ — не въ обиду будь сказано нашимъ соц. дем. лидерамъ, съ такимъ негодованіемъ клеймившимъ тѣхъ за «большой» Брестъ-Литовскъ.

созыва конференціи для установления между Грузіей и четырьмя союзными державами «длительныхъ отношеній дружбы и сотрудничества на основахъ Брестъ-Литовского договора».

Эта кампанія — продолженіе нашего состязанія съ турецкой делегацией въ Батумѣ (см. выше п. 19) — строилась на той мысли, что «полученное въ Брестъ-Литовскѣ въ порядкѣ чѣтверного соглашенія можетъ быть приращаемо и видоизменяемо въ томъ же порядкѣ, т. е. общимъ, а не сепаратнымъ соглашеніемъ съ противною стороною». Предлагая на этомъ основаніи новую конференцію, мы, тѣмъ самыми, не только создавали инстанцію для пересмотра батумскихъ рѣшеній 4-го іюня, но и выигрывали время, необходимое для упроченія нашихъ связей съ Германіей и режима независимости въ самой Грузіи; и имѣли, слѣдовательно, шансы явиться на эту конференцію уже въ нѣсколько окрѣпшемъ видѣ.

И такъ какъ предложеніе созвать конференцію совпало, повидимому, и съ необходимостью обереганія междусоюзнической дисциплины, и съ будущими интересами Германіи, намѣчавшимися въ Грузіи и вокругъ Грузіи — то и случилось такъ, что Левіафанъ попался таки на заброшенную нашими слабыми руками удочку.*)

«Императорское Германское правительство, писалъ 9-го іюня фонъ-Кюльманъ на имя предсѣдателя грузинской delegaciї, въ отвѣтъ на наши ноты отъ 6-го іюня: имѣть честь заявить, что оно готово отнестись благопріятно къ этимъ предложеніямъ (о созывѣ конференціи) и не приминетъ войти по этому предмету въ сношенія съ правительствами союзныхъ державъ».

Германское правительство находило, что, по практическимъ соображеніямъ, конференціи слѣдовало бы собраться въ Константинополь, и что она, въ частности, могла бы разсмотрѣть вопросъ о признаніи четырьмя державами (т. е. Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей) независимости новой республики. «Императорское правительство, прибавляль государственный секретарь по внѣшнимъ дѣламъ, признавая уже въ настоящее время правительство Грузинской республики правительствомъ *de facto*, расположено, въ принципѣ, высказаться въ пользу формального признанія республики, по-

*.) См. въ книгѣ Йова, гл. 40-20. «An extrahere poteris leviathanum et func ligabis linguam ejus?».

лъ благопріятнаго завершения переговоровъ, начатыхъ между Грузинской республикой и Московскимъ правиельствомъ**).

33.

Сношенія Германіи съ союзными державами относительно созыва конференціи не затянулись, и, какъ мы видѣли, ф. Кюльманъ имѣлъ возможность возвѣстить Рейхстагу о рѣшении союзниковъ встрѣтиться на новой конференціи по кавказскимъ дѣламъ уже въ рѣчи своей 24-го іюня (см. выше стр. 93). Тогда-же онъ съ окончательной опредѣленностью заявилъ о необходимости, для формального («дипломатического») признанія Грузіи (и другихъ отпавшихъ окраинъ Россійской Имперіи) независимыми государствами предварительного на то согласія русскаго (совѣтскаго) правительства.

Это согласіе, въ свою очередь, зависѣло отъ исхода русско-германскихъ переговоровъ, завязавшихся по цѣлому ряду трудныхъ вопросовъ, возникшихъ уже послѣ ратификації Брестъ-Литовскаго договора.**)

Добиться согласія Москвы на такое признаніе было, опять таки, легче германскому правительству во время переговоровъ съ г. Іоффе въ Берлинѣ, чѣмъ молодому грузинскому правительству, отношенія которого къ московской совѣтской власти обѣщали, къ сожалѣнію, быть съ самаго начала отвратительными — благодаря антагонизму раздѣлявшему грузинскихъ соціал-демократовъ и совѣтскихъ дѣятелей. (къ большей пайбѣ для Грузіи, чѣмъ для Россіи!) Да и сообщеніе Тифлиса съ Москвой было въ это время очень затруднительнымъ благодаря огромной политической черезполосицѣ. Не подлежало сомнѣнію: по вопросу о формальномъ признаніи Грузіи германскимъ правительствомъ приходилось терпѣливо ждать исхода русско-германскихъ переговоровъ.

Что-же касается возвѣщенной константинопольской конференціей, то организація ея оказалась также дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ это рисовалось въ объясненіяхъ Кюльмана, данныхъ Рейхстагу 24 іюня. Турція имѣла свои довольно сложныя заботы на Кавказѣ, и разрѣшить эти задачи, напр., по упрочнію своего вліянія въ Азербайджанѣ, по организа-

*) Грузинская делегація высказывалась, въ отвѣтной нотѣ, за созывъ конференціи въ Берлинѣ или другомъ мѣстѣ, но не въ Константинополѣ.

**) Обмѣнъ ратификаций послѣдовалъ 29 марта 1918 г.

ци плебициста въ областяхъ, предусмотрѣнныхъ Б.-Литовскими договоромъ и т. д. она предпочитала собственными средствами, до открытія работъ конференціи. Поставивъ цѣлью укрѣпленіе мусульманскаго Кавказа и, вообще, разрѣшеніе кавказскихъ вопросовъ въ духѣ собственнаго тамъ преобладанія, Турція пригласила въ Константинополь цѣлый рядъ delegacій, тщетно и долго ждавшихъ открытія конференціи и то сковавшихъ въ сладостномъ бездѣйствіи, на иждивеніи оттоманскаго правительства, въ лучшихъ гостинницахъ Перы, въ то-время какъ велись, съ проволочками и безрезультатно, переговоры съ Германіей и другими союзниками по подготовкѣ возвѣщенной уже конференціи. Недѣля шла за недѣлей, а конференція все не созывалась.

Такое положеніе вещей давало намъ въ Берлинѣ времѧ съ большею основательностью разсмотрѣть вопросъ о возможныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Какъ быть, если ничего не выйдетъ изъ русско-германскихъ переговоровъ и изъ константинопольской конференціи? Требовалось найти такое обоснованіе грузино-германскихъ отношеній, которое обеспечило бы намъ и въ этомъ случаѣ признаніе Германіи и ея поддержку: лѣтомъ 1918 года признаніе это и поддержка являлись для Грузіи политическимъ факторомъ рѣшающаго значенія, безъ возможности его замѣны какимъ либо другимъ.

ГЛАВА XIII.

СТАВКА НА ГЕРМАНИЮ.

34.

Приступая на этот разъ къ регулярнымъ переговорамъ съ германскимъ правительствомъ, мы какъ то молчаливо согласились оставить пока въ сторонѣ соглашения, подписанныя въ Поти, хотя главная ихъ основа (обусловленность экономическихъ выгодъ, предоставляемыхъ Германией, — политической поддержкой дѣла независимости Грузии) не могла отвергаться или быть измѣнена. Въ этомъ смыслѣ, наши берлинские переговоры были, конечно, продолженiemъ и завершениемъ начатого въ Батумѣ и Поти.

Прежде всего надлежало изложить основныя политическая и экономическая данные, относящіяся къ проблемѣ независимости Грузии. Н. Я. Николадзе составилъ экономический обзоръ; я-же взяль на себя задачу исторического и политического освѣщенія вопроса о независимости Грузии.

Въ особомъ «объяснительномъ меморандумѣ» дается сжатое изображеніе судьбы Грузии, преимущественно, послѣднихъ эпохъ — сначала подъ русскимъ протекторатомъ, затѣмъ подъ непосредственнымъ управлениемъ Россіи — и главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи обособленія Закавказья въ 1917 году, полнаго его отдѣленія и, наконецъ, провозглашенія независимости Грузии 26 мая 1918 года.

Данныя эти резюмированы въ п. 9 этого меморандума въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Соединенная съ Россіей на основаніи политическихъ соглашений, заключенныхъ грузинскими династами, Грузія, не бывъ завоевана силою русского оружія, оставалась и подъ

столѣтнимъ владычествомъ Россіи — живымъ національнымъ организмомъ, ожидавшимъ лишь благопріятнаго времени для осуществленія своихъ непогашаемыхъ національныхъ правъ и для заявленія своихъ политическихъ требованій.

Оставаясь въ россіи втечение великой войны до заключенія Брестъ-Литовскаго мира, Грузія не могла отнестись равнодушно къ дѣйствіямъ русскаго правительства, открывшаго ея границы вторженію непріятеля и уступившаго ему по договору грузинскія области. Предоставленная такимъ образомъ своей участіи, Грузія, послѣ крушенія и полнаго уничтоженія русской государственности въ Закавказіи, содѣйствовала сперва упроченію здѣсь независимаго государственного строя, а затѣмъ приступила къ организаціи своего собственнаго государства, свободнаго, силою прошедшіхъ событій, отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, правительство которой признало, впрочемъ, особымъ декретомъ полную свободу каждого народа входившаго въ составъ Россіи избрать подходящій для него политическій режимъ, включая полное отдѣленіе отъ Россіи.

Вернувшись такимъ образомъ, вновь къ осуществленію своихъ правъ, пріостановленному во время русскаго владычества, грузинскій народъ предполагаетъ нынѣ устроить свое государство и свои международныя связи свободно и такъ, чтобы ему обеспечено было длительное пользованіе своими возстановленными правами, на благо Грузіи и всего Кавказа».

Этимъ документомъ*) имѣлось въ виду показать, что провозглашеніе независимости Грузіи было естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ стародавней исторической традиціи, національнаго сознанія молодой грузинской демократіи и last but not least — распаденія Российской Имперіи въ 1917 году.

Всльдъ за этимъ поясненіемъ обстоятельствъ и причинъ, вызвавшихъ провозглашеніе независимости Грузіи, 26 мая 1918 года, необходимо было изложить существо политическихъ цѣлей, которыхъ мы преслѣдовали, и характеръ поддержки, которой мы искали въ Берлинѣ.

*) При составленіи его приходилось, конечно, считаться съ официальной доктриною грузинского правительства по вопросу, какъ она выразилась въ «Актѣ независимости Грузіи» 26-го мая 1918. Текстъ акта получилъ широкую огласку, на разныхъ языкахъ. См. русскій переводъ въ «Документахъ и материалахъ», № 165.

Иными словами: надлежало дать мотивировку и выразить точный смыслъ той т. наз. *германской орієнтації*, которую, весною 1918 года, мы избрали. И это послѣ того какъ всего только въ ноябрѣ 1917 года необходимость сохраненія *rossijskoy oрієнтації* была признана грузинскимъ национальнымъ совѣщаніемъ!

Чтобы понять эту перемѣну, надо вспомнить, что между двумя этими датами произошло крушениe всероссийской демократии (благодаря разгону Учредительного Собрания) и крушениe российской Империи, засвидѣтельствованное въ Брестѣ-Литовскѣ.

Распадение Россіи было дѣйствительнымъ событиемъ. Прежней Имперіи уже не существовало въ началѣ 1918 г. А на границахъ неустроенной еще Грузіи стояли турки: и выше достаточно подробно разписано, какъ, почему и съ какимъ успѣхомъ Грузія избавилась отъ непосредственной опасности благодаря «германской орієнтації» — т. е. политическому курсу, подсказанныму фактическими условіями тѣхъ дней.

Но этого объясненія злободневными обстоятельствами далеко недостаточно: въ этой «германской орієнтації» было сначала-же нѣчто болѣе глубокое, нѣчто непосредственно связанное съ осознаніемъ путей и потребностей развитія и самоутвержденія націи, явно хирѣвшій въ условіяхъ русской государственности XIX и начала XX вѣка.

Здѣсь сказалось и стремленіе примкнуться болѣе непосредственно къ Европѣ, къ тому, что мыслилось средоточіемъ и главнымъ очагомъ культурныхъ движений; и желаніе высвободиться изъ слишкомъ обременительныхъ и опасныхъ тисковъ односторонняго русского вліянія; и надежда обосновать прочнѣе национальную будущность Грузіи, включивъ ее какъ самостоятельное звено въ будущую политическую систему ближняго востока...

Какова будетъ эта система, трудно было предвидѣть; но выступить, какъ политическая единица, какъ одинъ изъ факторовъ, принимаемыхъ въ расчетъ, — было и естественно, и благоразумно.

Такъ намѣтился тотъ варіантъ «примыканія къ Европѣ», который легъ въ основаніе грузинской политики начиная съ батумской конференціи мая 1918 года, и который можно назвать «германскимъ» или «среднеевропейскимъ» — направление этого варіанта точно соотвѣтствовало политической об-

становкѣ востока Европы и Ближняго Востока въ моментъ, когда Грузіи пришлось впервые рѣшаться и выбирать.

Въ свое время «rossijskaja orientacija» Грузіи была также исторически необходимымъ и географически предопределеннымъ «варіантомъ» примыканія къ миру христіанской культуры и образованности: въ XVIII столѣтіи попытки Грузіи найти поддержку въ Зап. Европѣ были безнадежны и безуспѣшны. Въ 1918 году условия представлялись иными: соприкосненіе съ Европой благодаря ея интересамъ и вліянію на Востокъ достигалось сравнительно легко, становилось уже вопросомъ практической политики, источникомъ осязательныхъ достижений. Но, повторяю: этотъ первый варіантъ европейской ориентациіи Грузіи гласилъ, по необходимости: Германія, «Средина Европа».

Отъ этихъ разъясненій перейду къ изложенію второго меморандума (отъ 17 іюня 1918 г.), въ которомъ именно и излагались политическая цѣли Грузіи и намѣчалась схема ея взаимоотношеній съ Германіей.

Послѣ ссылки на причины и послѣдствія присоединенія Грузіи къ Россіи въ началѣ XIX вѣка, въ этомъ документѣ говорится о желаніи грузинскаго народа опереться на такую державу, со стороны которой нѣть основанія опасаться поглощенія (анексіи), и интересы которой легко согласуются съ политическими задачами Грузіи.

Каковы же эти задачи?

Прежде всего, упроченіе своей государственности; организація властей и отраслей управлениія, военныхъ силъ, финансъ; признаніе другими державами и установленіе съ ними правильныхъ международныхъ сношеній.

Во-вторыхъ, созданіе союзническихъ связей между Грузіей и ея сосѣдями, христіанами и мусульманами, какъ въ Закавказье такъ и на Сѣверномъ Кавказѣ и, затѣмъ, подготовка Кавказской Конфедерациіи, призванной играть важную роль въ будущей политической системѣ, имѣющей установиться въ этихъ краяхъ въ результатѣ міровой войны.

Эта конфедерация будетъ нейтрализована и достаточно устроена въ военному отношеніи, чтобы защищать свой нейтралитетъ отъ нападеній извнѣ.

Однако, прежде всего надлежитъ обеспечить будущность Грузіи, поддержавъ ея независимость: независимая Грузія сдѣлается краеугольнымъ камнемъ Кавказской Конфедерациіи; черезъ Грузію-же политическое и экономическое вліяніе Гер-

манії найдеть болѣе легкій доступъ въ сосѣднія страны. Это — въ будущемъ; но Германія отнынѣ-же получитъ участіе... въ разработкѣ богатствъ Грузіи въ связи съ предоставленіемъ послѣдней займа.

Изъ этихъ посылокъ дѣлается заключеніе, что взаимоотношенія Грузіи и Германіи должны строиться на началахъ союзническихъ, съ полнымъ, признаніемъ независимости и суверенитета Грузіи и съ предоставленіемъ Германіи фактически привилегированного положенія, на основаніи совокупности договоровъ и конвенцій, опредѣляющихъ участіе ея, главнымъ образомъ, въ экономическомъ строительствѣ и, въ частности, въ организаціи военныхъ силъ для обороны Грузіи.

Особо оговаривалось германское содѣйствіе въ дѣлѣ международного признанія Грузіи; заемъ въ Германіи для создания денежной системы и т. д.

На изложенныхъ основаніяхъ — заключалъ меморандумъ — могло-бы возникнуть плодотворное и длительное сотрудничество между Грузіей и Германіей. Грузія получила-бы, вмѣстѣ съ возможностью экономического расцвѣта, гарантію своей государственной независимости. Германія извлекла-бы изъ этого сотрудничества не меньшія выгоды: оно облегчило-бы ей защиту и развитіе ея интересовъ на Востокѣ.*)

35.

Уже изложеніе подпісанныхъ въ Поти временныхъ соглашеній (см. гл. IX) показало, какое значеніе Германія придавала развитію экономическихъ связей съ Грузіей.

Здѣсь, въ Берлинѣ, на эту сторону дѣла приходилось обращать такое-же вниманіе, какъ на чисто дипломатические переговоры. При тѣсной связи крупной промышленности и банковъ съ правительствомъ достиженіе результатовъ въ области экономическихъ интересовъ открывало путь къ скорѣйшему завершенію и политическихъ нашихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ пришлось договариваться съ наиболѣе мощными и, следовательно, вліятельными предпріятіями германского торгово-промышленного мира.

*) Особая записка объ экономическихъ выгодахъ для Германіи союза съ Грузіей и о природныхъ богатствахъ послѣдней была тогда-же составлена Н. Я. Николадзе, и сообщена германскому правительству одновременно съ изложенными въ текстѣ двумя меморандумами. Эти три документа и явились, можно сказать, основою нашихъ переговоровъ въ Берлинѣ.

Главный предметъ этихъ переговоровъ опредѣлялся безъ затрудненія. Не надо было его ни изобрѣтать, ни навязывать. То былъ Чатурскій марганецъ, гдѣ у германскихъ фирмъ уже давно были свои интересы, и значеніе котораго для европейской металлургіи стали вообще очень велико.*)

На этомъ «черномъ камнѣ» (шави-ква — такъ называется по-грузински марганецъ) воздвигнется зданіе германо-грузинскихъ отношеній, думалось не безъ основанія.

Къ переговорамъ приступили немедленно, послѣ предварительного свиданія съ министромъ народнохозяйственного вѣдомства (Reichswirtschaftsamt) барономъ фонъ-Штейнъ, и велись они въ помѣщеніи этого министерства, принимавшаго въ нихъ извѣстное участіе. Что же касается нашихъ германскихъ контрагентовъ, то здѣсь была вся такъ называемая «тяжелая индустрія»: акціонерное общество Фридрихъ Круппъ (Эссенъ), Гельзенкирхенское горнопромышленное акц. общество, Deutsch-Luxemburgische... Aktiengesellschaft (Bochum), Gewerkschaft Deutscher Kaiser и т. д. — одно упоминаніе которыхъ говорить о шахтахъ доменныхъ печахъ, дивидендахъ и рабочемъ вопросѣ въ масштабѣ циклопическомъ. Руководящую роль въ переговорахъ съ этой стороны игралъ Фрицъ Тиссенъ.**)

Рѣшено было упорядочить вывозъ марганца заграницу (а онъ обыкновенно вывозился полностью въ Европу и Америку) посредствомъ созданія особаго акціонернаго общества (по грузинскимъ законамъ), получавшаго монополію вывоза марганца. А для того чтобы экспортъ былъ въ техническомъ отношеніи оборудованъ «по послѣднему слову», и для созданія, вообще, извѣстнаго единства и планомѣрности въ этомъ дѣлѣ, рѣшено было учредить одновременно еще два акціонерныхъ общества: одно для эксплоатациіи желѣзнодорожнаго подъѣзднаго пути Чатури—Шорапани***), по которой перевозится марганецъ, чтобы, затѣмъ, по главной линіи, достигнуть Поти; а другое — для эксплоатациіи Потийскаго порта.

Дѣловое руководство всѣми тремя обществами обезпе-

*.) См. всѣ свѣдѣнія въ книгѣ D. Ghambashidze, F. R. G. S. Mineral resources of Georgia and Caucasia. Manganese industry of Georgia. London 1919.

**) При занятіи Рура французами въ началѣ 1923 г. его, за неисполненіе ихъ требованій, посадили въ тюрьму, и имя "этого крупнѣйшаго промышленника" было тогда очень популярно въ Германии.

***) Чатури — средоточіе добычи марганцевой руды; Шорапани — станція на магистральной линіи Тифлісъ-Поти.

чивалось за группою вышеозначенныхъ предпріятій. Съ германской стороны выражалось горячее желаніе получить все это дѣло полностью въ свои руки, т. е. сдѣлать эти общества по составу акціонеровъ чисто-германскими, но одновременно установить въ пользу грузинского правительства весьма существенная отчисленія и вообще финансовые выгоды. На дѣлѣ же была принята, въ виду настоящій грузинскихъ делегатовъ, другая схема, а именно: паритетное участіе въ акціонерномъ капиталѣ грузинской группы, наряду съ германской; представление грузинской группѣ одной (изъ трехъ) директорскихъ вакансій въ правленіи, и предсѣдательствованія (при равенствѣ членовъ) въ Совѣтѣ каждого изъ трехъ акціонерныхъ обществъ. Словомъ, германская группа получала преимущество въ активной администраціи, грузинская — въ надзорѣ, при полномъ равенствѣ въ участіи.

Составленные на этихъ основаніяхъ три договора были подписаны 12 іюля, такъ-же какъ особое соглашеніе съ министерствомъ народного хозяйства (Reichswirtschaftsamt) — въ лицѣ товарища ministra д-ра Гепперта*) — о возможности предоставления тѣмъ же т. е. германскимъ промышленнымъ кругамъ и на тѣхъ-же основаніяхъ эксплоатациії одной еще не существующей въ Чіатури «марганцевой» отрасли, а именно, выплавки ферромарганца и другихъ соединеній, съ примѣненіемъ водной силы; о разверсткѣ министерствомъ акцій (германской половины) между заинтересованными группами и т. д.

Въ этотъ-же протоколъ былъ внесенъ слѣдующій (6-й) пунктъ: «грузинское правительство признаетъ эти договоры окончательными лишь послѣ заключенія финансового соглашенія (переговоры по которымъ ведутся) и послѣ выясненія политическихъ отношеній между Грузинской республикой и Германской Имперіей».

Подписаніе этихъ договоровъ ознаменовано было (16 іюля) торжественнымъ обѣдомъ, хозяиномъ котораго былъ министръ баронъ ф.-Штейнъ. Присутствовалъ здѣсь вице-канцлеръ von Payer, имперскій министръ финансовъ и многіе другие.**)

*) Старший братъ того д-ра Гепперта (и-ство иностраннѣкъ дѣлъ), о которомъ уже не разъ упоминалось.

**) По болѣзни Чхенкели отсутствовалъ, и меня посадили рядомъ съ вице-канцлеромъ: онъ далъ за меня хлѣбный купонъ (у меня не было съ собой) мегрѣ-д'отелю, который только послѣ этого положилъ мнѣ на тарелочку ломтикъ чернаго хлѣба.

Финансовое соглашение о займе съ группой главнейшихъ банковъ Германіи было нами подписано довольно скоро (15 августа) такъ что для осуществленія «марганцевыхъ» договоровъ надо было выжидать лишь исхода нашей дипломатической кампаниі — т. е. прежде всего формального признанія со стороны Германіи.

На дѣлѣ договорамъ этимъ вовсе не суждено было осуществиться. Теоретически же они, какъ мнѣ кажется — и съ этой именно цѣлью я надѣялся много работать — открывали дѣйствительно передъ Грузіей тотъ путь сотрудничества съ иностраннымъ культурнымъ капиталомъ,*) которымъ достигалось бы быстрое развитіе природныхъ богатствъ, расширение хозяйственныхъ горизонтовъ, вносились бы дѣловые на-
выки, создавались бы заработки и для рабочихъ, разрѣжая тѣмъ самымъ чрезмѣрную гущу крестьянства, и для «интеллигентныхъ» пролетаріевъ. А послѣднее очень важно въ Грузіи, какъ и въ другихъ отсталыхъ странахъ Востока, гдѣ пріобщеніе къ разнымъ «идейнымъ теченіямъ Запада» умножило далеко свыше необходимости политиковъ, агитаторовъ и т. д., при массовомъ невѣжествѣ и при отсутствіи необходимыхъ кадровъ лицъ, нужныхъ для хозяйственного ро-
ста и для развитія и удовлетворенія потребностей страны.

Мы были въ Берлинѣ въ такое время, когда, подъ влія-
ніемъ военной «экономики» и преобладавшихъ общихъ теченій, Германія переживала чуть-не психозъ «сырья». Какъ обезпе-
чить себя — не только на время войны, но и вообще, для бу-

Такова была строгость военно-продовольственныхъ регламен-
товъ.

Вице-канцлеръ, симпатичный старикъ — вюртембержецъ, спрашивалъ, между прочимъ, о своихъ землякахъ-колонистахъ, поселенныхъ въ Грузіи при Александрѣ I, выходцахъ изъ Вюртемберга.

Говорили о русской революціи, о революціяхъ, о мартѣ 1848 года. «Мы сами не знаемъ, замѣтилъ фонъ-Пайеръ, какъ мы счастливы. Примѣръ Россіи показываетъ, какъ мы должны цѣ-
нить блага правопорядка. Нарушенія гражданской свободы всегда волнуютъ нашъ Рейхстагъ, и эта его чуткость — лучшій стражъ законности».

Послѣ банкета сидѣли долго за стаканомъ вина. Въ 12 часовъ пришли, согласно правиламъ военного времени, гасить электричество: общество безпрекословно разошлось, а здѣсь было три ministra и много высшихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ.

*). Т. е. то «развитіе производственныхъ отношеній», котораго грузинские марксисты не безъ благодушія ожидали отъ «объективного хода исторіи».

дущей хозяйственной конкуренции, нужнымъ сырьемъ? Чудовищная промышленность Средней Европы должна располагать неизмѣримымъ количествомъ руды, шерсти, хлѣба, нефти, кожи и т. д. Когда на восточномъ фронтѣ разжато было кольцо блокады, Германия съ вожделѣniемъ потянулась ко всѣмъ запасамъ, нѣдрамъ, возможностямъ, которыя внезапно тамъ открылись...

Такое настроение служило почвой не только для практическихъ плановъ, но и для фантазіи. Какъ часто здѣсь расчетъ возбуждалъ мечту, или мечта окрыляла статистику! Въ эту *Wahrheit und Dichtung* сырья, въ эти призывы къ экономическимъ просторамъ и мы внесли свою долю: собственно Н. Я. Николадзе. Вполнѣ естественно и неизбѣжно зерно положительныхъ переговоровъ, о которыхъ рассказано выше, обволакивалось пеленою гаданий, предположений, соображеній, гдѣ неистощимость дѣйствительныхъ или мнимыхъ ресурсовъ шла навстрѣчу безграницной жаждѣ достиженія и обладанія.

Рѣки и потоки Кавказа превращались въ миллионы ретивыхъ коней (НР) въ стальной упряжи, готовыхъ двинуть колесницу германского капитализма вглубь Азіи; древесина пихтовыхъ, еловыхъ и иныхъ лѣсовъ въ горныхъ ущельяхъ претворялась въ бумагу; нечего и говорить о мѣди! нечего и говорить о нефтяныхъ продуктахъ!

Долженъ оговориться— что кое-что изъ этихъ «сырьевыхъ» и иныхъ разговоровъ имѣло подъ собою основаніе. Но у насть не было времени для болѣе практической постановки этихъ вопросовъ. Впрочемъ, вѣдь все — какъ «положительное», такъ и «фантастическое»— одинаково предназначалось къ небытію... И въ самой «положительной» части мы, какъ оказалось, «фантализировали» больше всего— правда, въ обществѣ самого вышколенного правительства въ мірѣ, самыхъ мощныхъ дѣловыхъ людей Европы и наиболѣе «современныхъ» банковъ.

36.

Послѣ сдѣланнаго ф. Кюльманомъ въ Рейхстагѣ заявленія по грузинскому вопросу и подписанія договоровъ съ германскими промышленниками, ближайшая цѣль нашего пріѣзда въ Берлинъ могла считаться достигнутой.

Независимая Грузія устраивалась тамъ на мѣстѣ, какъ могла и какъ умѣла, преодолѣвая вѣнчнія и внутреннія затрудненія. Присутствіе въ Тифлісѣ генерала Кressса и небольшого германского отряда дѣйствовало благопріятно, удерживая турокъ въ опредѣленныхъ рамкахъ.

Въ концѣ іюня 1918 года, во главѣ грузинского правительства стала Ной Жорданіа, и этимъ достигнута была извѣстная координація правительственной машины и разныхъ партійныхъ и революціонныхъ организацій, руководителемъ которыхъ онъ считался. Въ небольшомъ масштабѣ грузинскихъ отношеній было избѣгнуто то раздвоеніе «правительства» и «совѣта», которое оказалось столь роковымъ для Россіи въ 1917 году. Но однимъ этимъ объединеніемъ, конечно, еще не обеспечивалось государственное искусство, ни твердость, ни дальновидность въ государственномъ управлѣніи.

Трудныя, отвѣтственные, но и чрезвычайно интересныя задачи возникали передъ тифлісскимъ правительствомъ. Надо было установить нормальныя отношенія между Грузіей и сосѣдними республиками. На пути къ этому лежало много препятствій: но выбора не было. Сближеніе съ сосѣдями должно было осуществиться — или все строилось на пескѣ. Каждый мѣсяцъ былъ дорогъ; откладывая трудные вопросы, лишь отсрочивали.. приговоръ надъ собою.

Между тѣмъ, грузинскій министръ иностраннѣхъ дѣлъ изнывалъ отъ бездѣйствія въ Берлинѣ, сокрушаясь надъ формализмомъ и медлительностью (такъ ему казалось) германской дипломатіи — какъ разъ въ то время, когда его упорство и прилежаніе могли быть полезны въ Тифлісѣ! А тамъ отсутствующаго министра замѣнили совсѣмъ случайные люди, креатуры партійныхъ вожаковъ.

Чхенкели никакъ не мирился съ желаніемъ германского правительства получить сперва согласіе на то Россіи и ужъ затѣмъ признать независимость Грузіи. Онъ упрямо повторялъ, что положеніе Грузіи особое, что ея государственная независимость никогда не была формально отмѣнена, а потому можетъ быть признана теперь Германіей, помимо согласія на то Московского правительства. Наконецъ, рѣшено было получить по этому вопросу заключеніе какого-либо именитаго германского юриста, мнѣніе котораго могло бы (какъ надѣялся Ч.!) повлиять на германское правительство и преодолѣть формализмъ д-ра Криге. Такое заключеніе и было, по нашей просьбѣ, дано извѣстнымъ ученымъ, криминалистомъ и международникомъ, берлинскимъ профессоромъ, Францемъ фонъ-Листъ*).

* Prof. Dr. Franz v. Liszt. Geheimer Justizrat. Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien. Ein Gutachten. Berlin. 1918. Отпечатано особою брошюрою.

Въ своемъ превосходно написанномъ разсужденіи Листъ береть, конечно, за основаніе не положеніе Грузіи до 1783 года (когда былъ заключенъ договоръ о протекторатѣ между Ираклиемъ II и Екатериною II), и не положеніе предшествующее присоединенію къ Россіи (1801), — позиціи, погашенная «нормативною силою факта» — а положеніе вещей въ 1918 году. Онь приходитъ къ выводу, что не имѣется юридическихъ препятствій къ формальному признанію Германіей независимости Грузіи.*)

Но и политическая помѣхія были уже устраниены въ моментъ, когда фонъ-Листъ писалъ свое заключеніе. Уже въ серединѣ іюля 1918 г. мы знали, что московское правительство готово допустить признаніе Грузіи Германіей. Германо-русскій добавочный договоръ (къ Брестъ-Литовскому) послѣ разныхъ проволочекъ и послѣ поездки совѣтского представителя Іоффе изъ Берлина въ Москву, былъ, наконецъ, подписанъ въ Берлинѣ, 27-го августа 1918 года.**) Въ ст. 13 здѣсь говорилось: «Россія заявляетъ свое согласіе на то, что Германія признаетъ Грузію самостоятельнымъ государственнымъ организмомъ».

Теперь всѣ правила соблюдены, всѣ сомнѣнія устраниены: Германія безпрепятственно дастъ Грузіи свое формальное, «дипломатическое» признаніе. Такъ казалось. Но произошло иное. Повернулось «колесо фортуны», и «признаніе» съ такимъ трудомъ подготовленное, такъ нетерпѣливо ожидаемое, — германское признаніе такъ и не состоялось!

Впрочемъ не стану забѣгать впередъ: пока что, въ концѣ

*) Вотъ, впрочемъ, въ переводѣ, выводы проф. Ф. Листъ (нынѣ уже покойного; онъ умеръ въ 1919 году):

1) Грузія является уже нынѣ (августъ 1918) самостоятельнымъ, и совершенно независимымъ, тѣмъ самымъ сувереннымъ государствомъ и, какъ таковое, имѣть международно-правовое притязаніе на признаніе другими державами. 2) Грузинская республика уже признана, въ качествѣ существующаго *de facto* нового члена совокупности государствъ, Германской Имперіей и ея союзниками, открыто либо черезъ конклідентныя дѣйствія. 3) Противъ формального признания не имѣется юридическихъ возраженій. Оно не было-бы и «недружелюбнымъ дѣйствіемъ» по отношенію къ Россіи, открыто и торжественно провозгласившей право свободного самоопределенія народовъ, «включая отѣленіе и образованіе самостоятельного государства».

**) Договоръ этотъ, получившій иѣсколько позже ратификацію, подписанъ былъ съ германской стороны г-омъ фонъ-Гинце (который замѣнилъ Ф.-Кюльмана въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ) и д-ромъ Криге; съ русской — Іоффе.

лѣта 1918 года все, казалось, было готово для полнаго выясненія грузино-германскихъ отношеній и приданія имъ, одновременно съ признаніемъ независимости Грузіи, опредѣленной формы. Специально обѣ этой формѣ приходилось говорить время отъ времени на Wilhelmstrasse. Но съ этимъ не такъ спѣшили.

37.

Раньше требовалось разрѣшить затрудненія съ Турціей. Рѣчь идетъ не обѣ однихъ затрудненіяхъ грузино-турецкихъ. Они были разнообразны. Турецкіе происки обнаруживались въ Абхазіи (турки даже высадили войска въ Сухумѣ въ самомъ началѣ іюля), въ Борчалинскомъ уѣздѣ и пр. Эти сравнительно мелкія угрозы, приводившія однако въ неописуемое волнение нѣкоторыхъ изъ грузинскихъ государственныхъ мужей, недостаточно хладнокровныхъ и выдержаныхъ, легко устранялись благодаря противодѣйствію грузинскаго правительства, а особенно вліяніемъ германской миссіи въ Тифлісѣ. Важнѣе было выясненіе границы между Турціей и Грузіей къ предстоявшей константинопольской конференціи. До официального посредничества Германіи въ этомъ дѣлѣ такъ и не дошло; и какихъ уступокъ въ пользу Грузіи добивалась въ дѣйствительности Германія у Турціи, этого я не знаю. Но обмѣнъ мыслей между ними происходилъ.

Въ разговорахъ же по этому вопросу, которые пришлось иметь въ Берлинѣ, намѣчалась, естественно, граница компромиссная между границей Брестъ-Литовского договора (тогдашнее грузинское требование!) и границей Батумскаго трактата 4-го іюня 1918 года (турецкая точка зрењія). Эта средняя линія возвращала-бы Грузіи Ахалцихъ и Поцховскій участокъ Ардаганскаго округа.*)

Германія, несомнѣнно, собиралась настаивать на превращеніи Батума (который она не бралась «выцарапать» въ пользу Грузіи у турокъ) въ вольную гавань и на облегченіи связи его съ Грузіей.

Однако, главныя затрудненія между союзниками — Гер-

*.) Удалось-ли бы Германіи навязать такую границу Турціи, если-бы конференція состоялась? Во всякомъ случаѣ, это было-бы нелегкимъ дѣломъ, такъ какъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. Энвер-паша предлагалъ одному изъ грузинскихъ делегатовъ въ Константинополь территоріальную уступку въ другомъ районѣ, лишь бы Грузія отказалась отъ Абастумана и Ацкура, т. е. пунктовъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, оставленныхъ Грузіи по Батумскому трактату 4-го іюня (см. выше стр. 94).

манієй и Турцией — на Кавказъ относились, какъ кажется, не къ Грузіи, а къ восточному Закавказью. Турки явно отвлякались отъ военныхъ задачъ въ Сиріи и Месопотамії своей диверсіей въ Азербайджанѣ, где ихъ вліяніе утверждилось, какъ мы видѣли, параллельно германскому вліянію въ Грузіи. Но Баку, главный городъ и нефтяная сокровищница Азербайджана, источникъ многихъ бѣдъ для него, еще не находился въ рукахъ азербайджанской республики. Турки устремились на эту добычу по многимъ и весьма понятнымъ основаніямъ. Московское, же правительство, въ своихъ переговорахъ съ Германіей лѣтомъ 1918 г., настаивало на установлениіи въ Закавказье (т.е. въ Азербайджанѣ) демаркаціонной линіи, восточнѣе которой турки не должны были производить военныхъ операций, и которая, именно, исключала Баку изъ сферы турецкой оккупации. Германіи приходилось бы такимъ образомъ какъ бы придерживать турокъ за шиворотъ — задача нелегкая, когда рѣчь идетъ о захватѣ Баку.

Такое обязательство Германія дѣйствительно на себя взяла въ ст. 14 добавочного договора 27 августа. Если въ ст. 13 московское правительство говорило: «признавайте себѣ, сколько угодно, независимость Грузіи», то въ ст. 14 оно прибавляло: «только турокъ въ Баку не пускайте».

Однако, турокъ старались не допустить въ Баку не столько германцы, сколько... англичане, какъ разъ въ это время, т. е. въ концѣ августа 1918 года высадившіеся въ Баку. Только ничего изъ этой высадки не вышло (см. выше стр. 75) и турки, вслѣдъ за азербайджанскими добровольцами, вступили въ Баку 15 сентября 1918 г.!

Всѣ эти затрудненія и вопросы, требовавшіе, но не получавшіе предварительного разрѣшенія между союзниками,* были причиной постояннаго откладыванія константинопольской конференціи. Делегаты разныхъ народовъ и различныхъ республикъ ждали у моря погоды, въ Константинополь.

А «погода» эта все не прояснялась

*) Кстати, упомяну еще о произведенномъ турками въ юлѣ 1918 г. референдумѣ въ Батумской области. Протесты противъ этого референдума и некоторыхъ другихъ дѣйствій Турціи въ трехъ пресловутыхъ санджакахъ заявлены были и грузинскимъ правительствомъ въ Тифлісѣ и нами въ Берлинѣ. Въ концѣ августа въ Берлинѣ приѣхали даже особые депутаты отъ грузинъ-мусульманъ Зіа-бекъ Абашидзе и Кадиръ-бекъ Шервашидзе. Они собирались жаловаться константинопольской конференціи на турецкий референдумъ. Конечно, турки показали-бы своихъ депутатовъ, которые говорили-бы иное.

ГЛАВА XIV.

БЕРЕЖЕНАГО И БОГЪ БЕРЕЖЕТЬ !

38.

Формальное признаніе Грузіи германскимъ правительстvомъ близилось. Вопросъ о будущихъ грузино-германскихъ взаимоотношенияхъ съ достаточной откровенностью освѣщался въ переговорахъ, а состоявшееся уже подписаніе дѣловыхъ соглашеній также дѣйствовало ускоряюще. Константинопольская конференція, правда, откладывалась неопределенно «на осень»; но ожидавшійся въ сентябрѣ 1918 г. пріѣздъ въ Берлинъ великаго визиря Талаатъ-паші давалъ надежду на улаженіе и нашихъ спорныхъ съ турками вопросовъ. Забота же текущаго дня перестала быть столь гнетущей: благодаря политической поддержкѣ Германіи и собственнымъ силамъ грузинская республика стала не на шутку устраиваться.

Этой паузой въ берлинской нашей работѣ я рѣшилъ воспользоваться для попытки «соприосновенія» съ правительствами великихъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Германіей.

Грузія была въ это время отдѣлена отъ державъ запада не только фронтомъ великой войны, тянувшимся поперекъ всей Европы и передней Азіи, но и огромными непроницаемыми пространствами революціонной Россіи, Украины и т. д. Тифлісь былъ отрѣзанъ также отъ Баку и Тавриза, что лишило возможности связаться какъ нибудь съ англичанами въ Сѣверной Персіи. Впрочемъ, дѣлались-ли изъ Тифліса попытки этого рода? Мы о нихъ не слышали въ Берлинѣ.

Пора была серьезно подумать объ установленій такой связи, особенно-же въ виду общихъ перспективъ международ-

ной политики, какъ онъ намѣчались во второй половинѣ лѣта 1918 года.

Мы пріѣхали въ Берлинъ въ тѣ дни, когда результаты германского наступленія во Франціи предвѣщали, какъ казалось общественному мнѣнію въ Германіи и въ многихъ другихъ странахъ, скорый конецъ войны и побѣду Германіи.*). Марна появилась снова въ бюллетеняхъ, Парижъ обстрѣливался изъ дальнобойныхъ орудій. Увѣренность — сдержанная, твердая увѣренность въ успѣхѣ наблюдалась *всюду*.

Германія искала теперь рѣшенія на Западѣ, послѣ того какъ подъ ударами ея рухнулъ русскій фронтъ, и длиннымъ рядомъ трактатовъ и соглашеній «Срединная Европа» закрѣпляла свои позиціи на огромномъ пространствѣ отъ Финляндіи до Персіи.*)

Кажется, до конца лѣта, а можетъ быть до середины сентября 1918 г., увѣренность огромнаго большинства германцевъ въ успѣхѣ не колебалась. Самое худшее, что имѣли въ виду, это миръ почетный, съ признаніемъ все-же за Германіей разныхъ новыхъ выгодъ и пріобрѣтеній. Въ этой атмосфѣри и намѣдовелось работать.

Катастрофа пришла неожиданно для всѣхъ. Вопросъ въ томъ когда сталъ явно примѣтенъ *поворотъ колеса Фортуны*.

Мнѣ лично такой поворотъ особенно почуялся послѣ рѣчи Кюльмана 24-го іюня («война не можетъ быть рѣшена одною силою оружія»).

Въ теченіе іюля постепенно крѣпло впечатлѣніе, что Германія войны не выиграетъ, и что съ германо-грузинскимъ трактатомъ... не слѣдуетъ торопиться; что надо выжидатъ и, въ то же время, поскорѣе расширить кругъ дипломатическихъ связей за предѣлы «Срединной Европы». Но какъ это сдѣлать? Въ моемъ положеніи члена грузинской delegaciіи въ Берлинѣ практическое исполненіе задачи было вовсе нелегкимъ. Съ конца іюля представился къ счастью формальный поводъ (частнаго характера) для поѣздки въ нейтральное мѣсто — въ Христіанію, и я рѣшилъ туда поѣхать, для оловѣщенія за-

*) 27 мая 1918 г. германцы начали знаменитое налѣденіе на Chemin des Dames. 30 мая они достигли Марны.

*) Эта работа продолжалась, по имерціи и тогда, когда успѣхъ началъ явно ускользать изъ рукъ Германіи: только катастрофа положила этой работе предѣль, сразу превративъ ее какъ-бы въ бесплодную суетню...

падныхъ правительствъ о нашихъ дѣлахъ, черезъ ихъ представителей въ норвежской столицѣ.

Осуществленіе плана пришлось отложить, изъ-за дѣлъ въ Берлинѣ. Кромѣ того, глава нашей делегаціи Чхенкели противился сначала этой поѣздкѣ, считая ее преждевременной, неудобной по отношенію къ германскому правительству (!) и т. д. Чхенкели, какъ и Николадзе, подъ вліяніемъ германской среды, были совершенно непоколебимы въ своей вѣрѣ въ германскій успѣхъ. Николадзе, ссылаясь на отчеты о дѣлѣ французского министра Мальви, увѣрялъ даже, что Франція вотъ-вотъ рухнетъ. Указанія на то, что дѣло теперь не въ Мальви, а въ Фошѣ, въ единомъ командованіи, и въ поразительномъ ростѣ американского участія въ войнѣ — не дѣйствовали. Но Николадзе все-же одобрялъ затѣю; далъ наконецъ, свое благословеніе и Чхенкели, и, послѣ недѣльныхъ хлопотъ по полученню паспорта и визъ, я выѣхалъ въ Норвегію 28-го августа, т. е. на другой день послѣ подписанія въ Берлинѣ германо-руssкаго добавочнаго договора, говорившаго о независимой Грузіи.

39.

Быстро мчался поѣздъ по направленію къ морю. Всюду молотьба въ полномъ ходу — каждое зерно на учетѣ. Въ Sassnitz'ѣ основательный контроль, для меня облегченный. На пароходѣ уже Швеція — кроны, хлѣбъ, сахаръ и т. д. Все на славу. Пароходъ называется «Король Густавъ V»; имѣется здѣсь и «королевская комната».

Гляжу вокругъ себя на шведовъ — прочный, крѣпкий народъ. Каждое лицо — единица. Нѣть, какъ въ иныхъ мѣстахъ, множества несложившихся личностей, съ нулевыми фізіономіями.

29 августа прибылъ въ Христіанію, но сначала долженъ былъ поѣхать дальше въ Лиллехамеръ. Привлекательное мѣсто: славится воздухомъ и благоустройствомъ поселенія; природа свѣжая, зеленая, луговая, лѣсная и полугорная — снопы хлѣбовъ на поляхъ, въ оправѣ изъ скаль и хвои, а рядомъ озеро и потокъ съ могучимъ водопадомъ.

Паспорта не спросили ни здѣсь, ни позже, въ Христіаніи. Въ воюющей Европѣ сохранились и такія мѣста! Но война кажется далекой, когда съ высоты Хольменколлена, раннимъ

осеннимъ утромъ глядишь внизъ: фіордъ слегка затуманенъ, но все его вырѣзы видны, сквозь рѣшетку елей у балкона.

7 сентября посѣтилъ французскаго посланника г-на Бапстъ*) и вручилъ ему ноту о провозглашеніи независимости Грузіи. Онъ бываль на Кавказѣ — даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сигнахъ!

Познакомилъ его съ главными событиями, послѣдовавшими за распаденiemъ кавказскаго фронта и объяснилъ неизбѣжность нашего обращенія къ Германіи. Такъ какъ посланникъ торопился въ англійское посольство, то я просилъ его сообщить сэру Мансфельдту К. Финдлей о моемъ намѣреніи быть у него. Съ г. Бапстомъ условились снова встрѣтиться на слѣдующій день — онъ просилъ меня «неходить въ англійское посольство до второго нашего свиданія».

Второе посѣщеніе у французскаго посланника было очень основательное. Пришлось отвѣтить на самые разнообразные вопросы. Разговоръ коснулся также провинцій С. Кавказа, Дона и т. д. Это была эпоха высадокъ въ Архангельскѣ, на Мурманскомъ побережью, и я былъ не совсѣмъ неправъ, доказывая г. Бапсту, что Германія на югѣ, а воюющіе съ нею союзники на сѣверѣ дѣлаютъ въ сущности, одно дѣло: содѣствуютъ локализаціи большевизма въ предѣлахъ Московской Руси и возстановленію государственного порядка въ отдѣльныхъ частяхъ бывшей Имперіи. Мой собесѣдникъ соглашался съ тѣмъ, что Грузія не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она поступала, и что было-бы неправильно въ провозглашеніи независимости Грузіи видѣть «германскую махинацію».

9 сентября былъ принятъ англійскимъ посланникомъ, въ присутствіи совѣтника посольства, г. Esmond Ovey.

Время было незаурядное, а потому посланникъ вполнѣ хладнокровно и привѣтливо встрѣтилъ человѣка, пріѣхавшаго прямо изъ непріятельского Берлина, и сообщившаго, въ официальномъ тонѣ, какъ о самой естественной вещи, о провозглашеніи независимости Грузіи и о надеждѣ этой республики получить признаніе Великобританіи, державы, которая и т. д. Фактическія обстоятельства — географіи и политики — за-

*) Онъ былъ скоро послѣ того назначенъ посломъ въ Токіо.

ставили насъ начать работу съ Берлина — съ помощью Германіи мы стараемся создать противовѣсь турецкому нашествію на Кавказъ; но, по существу, скорѣе дѣло и призваніе Англіи намъ помочь и т. д.

Финдлей высказалъ увѣренность въ дружественномъ расположениіи Англіи къ Грузіи; онъ лично такъ много слышалъ обѣ этой странѣ отъ Оливера Уордропа*)... Но едва-ли Германія, союзница Турціи, можетъ оказать помощь Грузіи противъ ея вѣкового врага!

Отвѣтъ: не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать вассаль-наго положенія Турціи. Послѣдняя имѣетъ *свои основанія* для политики на Кавказѣ... Фактически, однако, движение турокъ къ Тифлісу удалось задержать.

Финдлей. Все-же изъ того, что вы сообщаете о батумскомъ договорѣ 4-го іюня, видно, что турки захватываютъ позиціи, господствующія надъ Грузіей и остальнымъ Закавказьемъ!

Отвѣтъ. Къ сожалѣнію это такъ. Но мы не считаемъ этого положенія постояннымъ. Да и договоръ 4-го іюня не получилъ ратификації. Наша ближайшая цѣль была не допустить турецкой оккупациі. Она достигнута. Признаніе-же независимости Грузіи Берлиномъ, Константинополемъ и Москвою — намъ нужно было и для скорѣйшей консолидации правительства внутри страны, и по соображеніямъ принципіальныхъ: независимость Грузіи есть цѣль, выходящая за предѣлы случайныхъ военныхъ обстоятельствъ.

Финдлей. Но само русское правительство не представляетъ русскаго народа, и что значило-бы его признаніе!

Заговорили о Баку. По мнѣнію сэра М. Финдлея, «это, очевидно, Германія толкнула Турцію въ сторону Баку».

— Едва-ли. Германія только что обѣщала совѣтскому правительству удержать турокъ отъ занятія Баку. Ей приходится все-же считаться съ желаніями Россіи, чтобы не вызывать осложненій на восточномъ фронтѣ! Движеніе турокъ на Баку объясняется достаточно и привлекательностью этой близкой добычи, и весьма важнымъ обстоятельствомъ: сближеніемъ Турціи и Азербайджана, на почвѣ тюркской солидарности... Въ общемъ, прибавилъ я, закавказскія дѣла, интриги и увлеченія приковали къ нашимъ краямъ много турецкихъ

*) О. Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) былъ какъ разъ въ это время британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Совпаденіе весьма для насъ благопріятное!

войскъ и вниманія. Въ результатаѣ вы только выиграли отъ этого — и въ Палестинѣ, и въ Мессопотамії.

Ф. Было-бы очень важно, чтобы вы составили письменный обзоръ всѣхъ этикъ предметовъ. Изучивъ вашъ мемуаръ, я попрошу васъ снова побесѣдовать со мной... Отвѣтъ: Съ Удовольствіемъ исполню ваше желаніе. Но не правда-ли, мы будемъ считать, что мною, отъ имени грузинскаго правительства, уже сдѣлано официальное заявленіе англійскому правительству о провозглашеніи независимости Грузіи... Ф. Да, я смотрю на прочитанную вами ноту, какъ на официальный документъ. Я немедленно сообщу въ Лондонъ о вашемъ шагѣ.

Таково было первое соприкосновеніе независимой Грузіи съ официальной британской дипломатіей.

На слѣдующій день я получилъ записку французскаго посланника, который просилъ сообщить ему данныя о русско-германскомъ добавочномъ соглашеніи; онъ увѣдомлялъ, что о моемъ посѣщеніи и заявленіяхъ онъ уже телеграфировалъ въ Парижъ м-ру иностранныхъ дѣлъ Пишону. Я постарался, конечно, всячески удовлетворить любопытству г. Бапста.

Скандинавскія столицы были во время войны центрами развѣдки и контрь-развѣдки воюющихъ державъ. Въ небольшомъ сравнительно городѣ, какъ Христіанія, слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ какъ мнѣ предстояло вернуться очень скоро въ Берлинъ.

Для необходимыхъ формальностей пришлось побывать у германскаго генерального консула. Когда я снова завернуль къ нему за бумагами, онъ передалъ просьбу германскаго посланника посѣтить его.

Г. фонъ-Мущусъ недавно занялъ постъ въ Христіаніи, освободившійся лѣтомъ, вслѣдствіе назначенія г. фонъ-Гинце министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ служилъ въ Россіи (во время японской войны), въ Турціи — въ первые годы міровой войны, и былъ тѣсно связанъ со всѣми, кто на Wilhelm strasse имѣлъ отношеніе къ нашимъ дѣламъ. Въ очень деликатной формѣ онъ намекнулъ на желательность, въ виду враждебнаго отношенія Норвегіи къ Германіи — помѣщенія въ норвежской печати статьи, освѣщающей безкорыстное содѣствіе Германіи дѣлу свободы Грузіи и т. д. Желаніе вполнѣ естественное! Какъ однако, его выполнить? Выходъ удалось найти: наканунѣ я снабдилъ фактическими данными относительно турецко-кавказскаго фронта одного стараго

знакомаго (еще по Петербургу, гдѣ онъ былъ корреспонден-
томъ англійскихъ газетъ) г. Норрегоръ, виднаго норвежскаго
военнаго обозрѣвателя, статьи котораго часто цитировались
въ европейской печати. Онъ держался скорѣе лагеря «Средин-
ной Европы», и я былъ увѣренъ, что онъ найдетъ случай по-
хвалить Германію. Но это было ужъ его дѣло.

Меморандумъ, о которомъ просилъ англійскій посланникъ,
былъ изготовленъ и сообщенъ представителямъ великихъ дер-
жавъ Согласія. Послѣ этого оставалось только спѣшить обратно
въ Берлинъ, куда меня торопилъ телеграфно, застрявшій тамъ
дальше всѣхъ сроковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ
Грузіи.

ГЛАВА XV. НА ПОВОРОТЪ.

40.

Вернувшись послѣ трехнедѣльного отсутствія въ Берлинъ, я не нашелъ большихъ перемѣнъ въ настроеніяхъ тѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. По инерціи, все дѣлалось и говорилось, какъ еслибы не предстояло никакихъ разочарованій; несмотря на явный ущербъ военного положенія, существовала, какъ мнѣ кажется, еще увѣренность въ томъ, что Германія, перейдя на оборону, способна очень долго держаться, и что ужъ во всякомъ случаѣ она выйдетъ изъ войны съ честью, не потерявъ лица.

Положеніе нашихъ собственно дѣлъ было слѣдующее: на основѣ сообщеннаго мною какъ то въ августѣ схематическаго проекта грузино-германскаго договора былъ составленъ трудами германскаго министерства проектъ, который намъ предстояло теперь разсмотрѣть. Что-же касается вопроса о границѣ между Турцией и Грузіей, то этой темы, вмѣстѣ со многими другими, коснулись въ совѣщеніяхъ вѣдомства иностраннныхъ дѣлъ съ турецкимъ великимъ визиремъ Талаатъ-пашею, только что прибывшимъ въ Берлинъ.

Цѣль этого пріѣзда заключалась, конечно, не въ одномъ разрѣшеніи текущихъ вопросовъ, но и вообще въ выясненіи того, какъ Германія могла бы выручить Турцию въ эту трудную минуту, когда англичане стали серьезно тѣснить турокъ на главномъ теперь для нихъ — палестинскомъ фронѣ. Германія-же нуждалась особенно остро въ томъ, чтобы турецкій союзникъ не дрогнулъ именно теперь, когда отъ твердости, устойчивости зависѣлъ весь исходъ войны.

15 сентября турки и азербайджанцы заняли Баку, заставивъ англійскій десантъ вернуться въ Персію. Эта неудачная попытка англичанъ оправдывала, въ сущности, турецкуюope-

рацію, и облегчала положеніе Германії по отношенію къ Со-
вѣтскому правительству: послѣднее, очевидно, не могло ожидать, чтобы Германія, находившаяся въ войнѣ съ Англіей, какъ и Турція, удерживала послѣднюю отъ военныхъ дѣйствій противъ общаго (для турокъ и германцевъ) непріятеля, занявшаго Баку.

Но въ Палестинѣ дѣла принимали плохой оборотъ. Почти одновременно съ успѣхомъ турокъ въ Баку, главныя ихъ силы, подъ командой ген. Лиманъ-фонъ-Сандерса, отражали наступленіе ген. Алленби на сѣверѣ отъ Іерусалима. 20-го сентября былъ занятъ Назаретъ, главная квартира турокъ. Англійскіе всадники изъ метрополіи и колоній проходили практическій курсъ біблейской географіи. Турки начали непоправимо слабѣть.

Въ такой моментъ естественно было ждать, что Турція съ большей готовностью, чѣмъ раньше, выслушаетъ совѣтъ Германіи — не требовать на Кавказѣ больше того, что она, Турція, имѣла въ силу Брестъ-Литовскаго договора. Въ министерствахъ говорили, что есть шансы на это, но увѣренности пока нѣтъ. Турки обѣщали-де равнымъ образомъ очистить и Азербайджанъ, где должны были остаться только мѣстныя татарскія части, правда, подъ командою турецкихъ офицеровъ.

Съ другой стороны, изъ германскихъ-же круговъ намъ стало извѣстно, что Талаатъ упрекалъ Германію за то «предпочтеніе», которое она оказывала Грузіи, и послѣдствіемъ котораго было упоминаніе одной Грузіи въ русско-германскомъ добавочномъ договорѣ 27 августа (см. выше стр. 111). Германіи будто-бы пришлось даже обѣщать великому визирю — назначить немедленно консуловъ въ Азербайджанъ и Арменію.

24-го сентября состоялось свиданіе наше съ Талаатомъ: для этого надо было всего только перемѣститься изъ одного этажа гостиницы «Адлонъ» въ другой. Въ кабинетѣ великаго визиря былъ еще молодой человѣкъ кавказско-османскаго обличія, съ иголочки одѣтый, весь глянцовитый — отъ помаженныхъ волосъ до лакированныхъ ботинокъ: сынъ турецкаго наслѣдника, слѣдовательно, племянникъ султана Фаррухъ-Эфенди. Онъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, не проговоривъ слова.

Знаменитый триумвиръ, изъ мелкихъ почтовыхъ чиновниковъ достигшій визирства и ставшій по этому «высочествомъ», принялъ насъ съ отмѣнною любезностью. Этотъ чюжкій смуглый помакъ (отуреченный болгаринъ) съ пламе-

немъ въ глазахъ и вовсе не сентиментальнымъ выражениемъ лица повторялъ на разные лады: «мы все устроимъ, всѣ спорные вопросы уладимъ къ обоюдному удовольствію... *Мы должны держаться вмѣсть на Кавказѣ.* Вотъ еще сегодня Іоffe, русскій посолъ, говорилъ мнѣ, что они, русские, не признаютъ даже Грузіи, хоть и согласились на признаніе ея Германіей! *Вы видите, мы должны быть союзниками:* и затѣмъ, мы займемся совмѣстно тамъ на Востокѣ большою политикою... какъ мы говорили съ г. Николадзе».

Подъ этой «большой политикой» разумѣлась кавказская конфедерациѣ, но особенно — политическая организація тюркскаго востока, отъ Анатоліи до Туркестана.

«Бросьте германцевъ — будьте съ нами» такъ слѣдовало понять Талаата.

— Ваше высочество не считали-бы возможнымъ подтвердить, что въ вопросѣ о нашихъ границахъ усвоена какая нибудь опредѣленная формула, напримѣръ — указанія Брест-Литовскаго договора? — «Я не могу войти сейчасъ въ подробности. Но могу васъ увѣрить, что все будетъ сдѣлано... Пріѣзжайте въ Константинополь, и все устроится».

«Мы не можемъ ёхать въ Константинополь, не зная, что насъ тамъ ожидаетъ. Г. Чхенкели могъ-бы взять на свою отвѣтственность лишь такое рѣшеніе, которое не нарушило-бы нашихъ жизненныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, бы-ло-бы, пожалуй лучше оставить вопросъ открытымъ...»

— «Я постараюсь убѣдить въ Константинополь моихъ товарищѣй. Я доложу Султану. Я поставлю вѣсть о моихъ попыткахъ, и вы будете знать о результатахъ передъ поѣздкой въ Константинополь».

На прощанье еще порція взаимныхъ любезностей, упоминаніе о сосѣдствѣ, братствѣ по Востоку, и чуть-ли не родствѣ и свойствѣ...

Вечеромъ того-же дня мы (Чхенкели, Николадзе, я) были на Anhalter Bahnhof въ числѣ провожавшихъ Талаата, вмѣсть съ армянскимъ делегатомъ д-ромъ А. Оганджаняномъ. Вся Wilhelmstrasse была тамъ, въ блестящихъ цилиндрахъ, съ напряженнымъ, серьезнымъ выражениемъ лицъ.

«Ты не измѣнишь намъ... Не правда-ли, ты намъ не измѣнишь?» читалось въ нихъ. Условная учтивость маскировала надежды и сомнѣнія.

Великій визирь еще разъ повторилъ намъ свои обѣщанія; онъ обошелся съ нами какъ со «своими». «Здѣсь холодно, въ

Берлинѣ! говорилъ онъ: «у насъ въ Константинополѣ тепло, хорошо»... «Да, мы будемъ тамъ чувствовать себя какъ дома, у себя».

«Конечно... вѣдь всѣ мы дѣти одного Востока».

— Балканскій поѣздъ поплылъ.

На слѣдующій день мы узнали въ министерствѣ, что Талаатъ ничего не подписалъ въ Берлинѣ. Но имѣется протоколъ, составленный и оглашенный въ его присутствіи, въ который внесено, между прочимъ, заявленіе великаго визиря о согласіи его съ необходимостью для Турціи придерживаться на Кавказѣ границъ Брестъ-Литовскаго договора;

По словамъ д-ра Геппера: Талаатъ ѻхалъ сюда съ полной увѣренностью, что получитъ санкцію Германіи по всѣмъ предметамъ батумскихъ договоровъ 4-го іюня 1918 г., уѣхаль же съ твердымъ намѣреніемъ удовлетворить какъ можно болѣе желанія Грузіи и другихъ кавказскихъ республикъ.

Однако, все это были намѣренія и обѣщанія — подъ давленіемъ Берлина... или Палестины. Требовалась большая опредѣленность. Мы получили завѣреніе въ томъ, что германское правительство поддержитъ насъ и дальше въ вопросѣ о грузино-турецкомъ разграничениіи на Кавказѣ. Рѣшено было, что я одинъ отправлюсь въ Константинополь: если результатъ будетъ успѣшный, тогда Чхенкели пріѣдетъ «подписать».

Подписать, подписать! Теперь, когда дѣло доходитъ до подписей, почва начинаетъ колебаться.

41.

Прежде чѣмъ отправляться въ Константинополь надо былъ подготовить въ Берлинѣ къ «подписи» нѣчто болѣе важное: проектъ договора между Грузіей и Германіей. 23 сентября я былъ по этому дѣлу у д-ра Криге. Онъ казался очень довольнымъ: съ своей точки зрѣнія формалиста, онъ полагалъ, что теперь, послѣ того какъ Россія изъявила согласіе на признаніе Грузіи Германію, ничто уже не можетъ помѣшать этому признанію. Онъ поздравилъ меня съ успѣхомъ и передалъ выработанный имъ, на основѣ моего первоначального проекта, текстъ договора между Грузіей и Германіей.

Послѣ представленія съ нашей стороны замѣчаній и нѣкотораго препирательства, проектъ въ окончательной формѣ былъ установленъ и парафированъ 3-го октября.

Во вступлениі говорилось о желаніи сторонъ, въ виду провозглашенія самостоятельности и независимости Грузіи, установить на твердомъ основаніи дружескія отношенія между обѣими странами и содѣйствовать, такимъ путемъ, политическому и хозяйственному развитію Грузіи.

Первая изъ восьми главъ проекта («дружественные отношенія между Германіей и Грузіей») содержала, прежде всего, признаніе независимости Грузіи, и обѣщаніе содѣйствовать признанію ея другими державами (ст. 1). Далѣе, здѣсь же говорится о желаніи сторонъ пребывать въ мирѣ и дружбѣ (ст.2) и о примѣнимости къ ихъ взаимоотношеніямъ постановлений Брестъ-Литовского договора, поскольку не постановлено иное въ настоящемъ договорѣ (ст.3).

Глава вторая касается установлениія дипломатическихъ и консульскихъ сношений (ст.4-6). Глава третья — примѣненія германо-русскихъ государственныхъ договоровъ (бывшихъ въ силѣ до войны 1914 г.). Здѣсь же предусматривалась ихъ замѣна новыми соглашеніями, «отвѣчающими измѣнившимся взглядамъ и отношеніямъ». (ст. 7-8).

Въ главѣ 4-ой содержится нѣсколько общихъ постановлений о хозяйственныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Предусмотрѣно заключеніе особаго торгового договора (ст. 9-10).

Въ 5-ой главѣ говорится о размѣнѣ военноплѣнныхъ и интернированныхъ гражданскихъ лицъ (ст. 11-12).

Гл. 6-ая посвящена колонистамъ германскаго происхожденія въ Грузіи. Если они пріобрѣли германское подданство до 31 декабря 1920 года, то должны получать увольненіе изъ грузинскаго подданства, даже оставаясь въ Грузіи (ст.13). Имъ должны быть возвращены отнятые въ силу русскихъ законовъ во время войны недвижимости, горныя права и т. д. (ст. 14). Имъ обеспечивается равенство съ остальными жителями въ отношеніи занятій, промысловъ и пр., а также въ отношеніи налоговъ и повинностей (ст.15).

Седьмая глава выговариваетъ нѣкоторыя гарантіи въ пользу германскихъ церковныхъ общинъ, школъ и ученыхъ установленій (ст. 16-18). Германскимъ ученымъ разрѣшено будетъ производить археологическія раскопки въ Грузіи. Въ ихъ распоряженіе поступить половина предметовъ, добытыхъ ихъ раскопками, причемъ послѣдня производятся по соглашенію съ мѣстными установлениями (ст. 19).

Наконецъ въ «заключительныхъ постановленихъ» восьмой главы говорится о порядке ратификации договора (ст. 20):

Договоръ этотъ дополнялся слѣдующими болѣе специальными взаимными обязательствами, изложенными въ особыхъ нотахъ, которыми стороны должны были обмѣняться при подписании вышеизложенного договора:

Германія должна была оказать помощь грузинскому правительству предоставлениемъ послѣднему, по его желанію, соѣтниковъ для содѣйствія въ дѣлѣ устройства различныхъ отраслей управлениія въ Грузіи. Въ частности давалось обѣщаніе облегчить условія снабженія необходимыми материалами грузинской арміи и желѣзныхъ дорогъ.

Съ другой стороны, грузинское правительство обѣщало, не отказываясь отъ общихъ рамокъ государственного надзора, признавать за германскими церковными общинами, школами и учеными установлениіями право полнаго внутренняго самоуправлениія, не стѣснять ихъ въ отношеніи языка, плановъ преподаванія и т. д.

Таково было существо постановленій, которыхъ, вмѣстѣ съ раньше изложенными соглашеніями о монополіи вывоза марганца, о «марганцевой» желѣзной дорогѣ, о Потійскомъ портѣ и о займѣ, должны были содѣйствовать упроченію государственной независимости Грузіи и помочь ея экономическому развитію.

3 октября 1918 года все было готово. Оставалось лишь «подписать». Членами только этого и жаждали: ради этого онъ томился съ 2 июня въ Берлинѣ. Но вотъ на бѣду, «другая сторона» не могла-бы этого сдѣлать. Старый канцлеръ (графъ Гертлингъ) и статс-секретарь иностранного вѣдомства (фонъ-Гинце) ушли въ отставку. Новыхъ еще не было. И не до Грузіи имъ будетъ теперь!

Германія шла быстро отъ канцлерскаго кризиса къ парламентскому, отъ парламентскаго—къ революціи. Оказалось, что не такъ то легко перейти на «короткій фронтъ» и тамъ оброняться. Могучая стальная пружина германской государственности—германской воли, вмѣсто того чтобы упруго сжаться — неожиданно сломилась.

42.

Если не ошибаюсь, германское министерство иностранныхъ дѣлъ впервые получило опредѣленное извѣстіе о предстоящемъ отпаденіи Болгаріи — 25 сентября, т. е. наканунѣ отѣзда

изъ Берлина Талаатъ-паша. Когда, въ ближайшіе дни, обѣ этомъ всѣ заговорили, то при всей тревогѣ, вызванной извѣстіями изъ Софіи, общее настроеніе въ Берлинѣ нисколько не было унылымъ. Имѣю, при этомъ, въ виду не народную массу, которая извѣстіями этого рода, кажется, не интересовалась, но людей служилыхъ и дѣловыхъ высокаго разряда, съ которыми приходилось такъ часто бесѣдовать въ послѣднія числа сентября и въ первые дни октября 1918 года.

Дѣло въ томъ, что такъ сильна была вѣра въ военную мощь Германіи, что вопросъ о болгарской бреши разрѣщался просто: туда будетъ отправлено... уже отправлено столько то дивизій! Вотъ и все.

На западномъ фронтѣ — оборона на короткомъ фронтѣ; одновременно — внутри, отступленіе на фронтъ «парламентаризма».

Эти два отступленія дадутъ возможность ждать и добиться сноснаго мира.

Повторяю: всѣ ждали, что пружина сожмется. А она — сломалась.

Впрочемъ, это произошло — или сдѣлалось явнымъ — спустя мѣсяцъ. Пока — только начинался сдвигъ массовой психологии, начиналось политическое шатаніе — главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности положенія на западномъ фронтѣ. Конечно, болгарскія события особенно ярко показывали всю перемѣну сравнительно съ юнемъ мѣсяцемъ, когда мы сюда прѣѣхали!

29 сентября.

... Въ это свѣжее, осеннее воскресенье, какое оживление, какая толпа въ Берлинѣ! Какъ всѣ спокойны, какъ обыкновенно выглядятъ, а между тѣмъ... «Срединная Европа» дала несомнѣнную трещину! Дрогнула Болгарія — и въ эту дверь вольется изголодавшаяся по успѣху желѣзная рать!

Здѣсь еще надѣятся, что трещина будетъ задѣлана. Все же, наступаютъ разительные перемѣны и неожиданности.

Мы окажемся здѣсь отрѣзанными отъ нашей страны. Возможенъ и уходъ германцевъ изъ Грузіи...

30 сентября.

Всѣ разрѣшенія и визы для поѣздки въ Константинополь «Балканскимъ поѣздомъ» получены. Надо только, чтобы по-

ѣздѣ этотъ отправился — и чтобы онъ, миновавъ Софию, попалъ въ Константинополь. Кто за это поручится?

Вильгельмъ согласился на «народное правительство» — болгарскіе delegаты въ Салоникахъ — сербы около Ускюба — англичане въ Камбрѣ...!!

Неужели у самаго финиша мы споткнемся съ нашимъ признаніемъ. Педанты изъ Auswârtiges Amt тянули, колебались — и вотъ теперь эффектъ германскаго признанія будетъ совсѣмъ другой.

Вся обстановка мѣняется. Но намъ нечего бояться, и не отъ чего отрекаться: «признаютъ» нась и другіе, лишь бы твердо желали своей независимости и защищали ее у себя.

3 октября.

Послѣнее свиданіе съ однимъ изъ помощникомъ д-ра Крига: окончательно установленъ текстъ нашего договора, протокола и нотъ...

Въ коридорѣ нашей гостиницы наткнулся на... сундуки фельдмаршала ф. Гинденбурга. Онъ въ городѣ, также какъ Императоръ.

Шейдеманъ (с. д.) — статс-секретарь Имперіи; о, Umsturzgesetz!*)

*) Знаменитый исключительный законъ, изданный при Бисмаркѣ въ 1878 г., противъ соціалистовъ.

ГЛАВА XVI.

ПОСРЕДИ КРУШЕНИЯ.

43.

Въ пятницу, 4-го октября 1918 г. я отправился, наконецъ, Балканскимъ поѣздомъ*) въ Константинополь. Трудно было ждать теперь толку отъ этой поѣздки, въ круто измѣнившихся условіяхъ: однако, казалось интереснымъ оцѣнить обстановку съ новаго наблюдательного пункта.

Товарищъ мой по купэ, огставной турецкій генераль, по имени Мехмедъ-паша пугливо разговаривалъ о политическомъ положеніи; поздравлялъ съ независимостью Грузіи; угощалъ хлѣбомъ и сахаромъ; познакомилъ тутъ-же въ поѣздѣ съ генераль-адъютантомъ недавно умершаго султана Магометъ-Решада, Салехъ-пашею; этотъ тоже съ сокрушениемъ покачивалъ головою.

Вообще, въ поѣздѣ преобладали турецкіе офицеры разныхъ ранговъ, гражданскіе турки (левантинцы высшей марки), а также германскіе офицеры турецкой службы.

До Бѣлграда ѿхали съ точностью, по расписанію: здѣсь же, въ ночь на воскресенье, задержались нѣсколько часовъ. Благодаря загроможденію пути воинскими поѣздами, опозданіе наше все возростало, и въ Нишъ мы прїехали въ 5 час. пополудни вмѣсто 5 часовъ утра.

*) «Балканский поѣздъ», связывавшій во время войны столицы четверного союза скорымъ сообщеніемъ (два раза въ недѣлю) былъ своего рода чудомъ организациіи и пунктуальности. Его маршрутъ былъ: Берлинъ-Прага-Вѣна-Будапештъ-Бѣлградъ-Софія-Константинополь. Минѣ случилось быть пассажиромъ послѣдняго «балканского поѣзда». Переустройство Срединной Европы послѣ 1919 г. сдѣлало ненужнымъ, т. е. невозможнымъ «балканский поѣздъ». Вмѣсто него возстановился «Восточный экспрессъ» (Парижъ-Константинополь).

Огромное зданіе у вокзала -- не то арсеналь, не то казармы — занято подъ госпиталь. Движеніе небольшихъ частей, обозиковъ взадъ и впередъ. Непроницаемо-сѣре небо, не-перестающій дождикъ; налетѣ чего-то свинцового на всей странѣ, — а въ то же время чувствуется, какъ слабое пламя надежды уже затеплилось въ сердцахъ жителей — они какъ будто пріободрились — уже передаютъ другъ другу на ухо извѣстія о томъ, что такъ долго казалось невозможнымъ; а временные властители начинаютъ терять свою увѣренность, и вотъ вотъ станутъ готовиться къ отходу.

— Непріятель въ 80 километрахъ отъ Ниша — таинственно сообщаетъ вагоновожатый.

Что должны чувствовать сербы, ступившіе на родную почву?

...Однако, мы основательно застряли въ Нишѣ! Въ вагонѣ-ресторанѣ узнаемъ объ отреченіи Фердинанда Болгарскаго, о восшествіи на престолъ сына его Бориса и объ условіяхъ болгарскаго перемирія! Вотъ такъ брешь пробита!

Довольно поздно намъ говорять, что балканскій поѣздъ дальше Ниша не пойдетъ, что завтра утромъ будетъ другой поѣздъ — на Софию, для желающихъ, а также обратный — на Бѣлградъ. Любопытно было видѣть всеобщее волненіе при извѣстіи о такомъ «безпорядкѣ». Германскіе офицеры всѣ исчезли въ комендантuru; турки совѣщались отдельно, какъ имъ быть; «штатскіе» стали просить обратно билеты и багажъ, забѣгали безъ толку.

Я рѣшилъѣхать на Софию и преспокойно улегся спать. Мой турокъ сообщилъ, что всѣ они возвращаются въ Будапештъ и поѣдутъ на Констанцу. Германцы и вообще всѣ почти пассажиры также возвращаются — изъ опасенія быть задержанными въ Болгаріи.

На слѣдующее утро (7-го октября), простившись съ удобствами экспресса (нѣть больше «балканскихъ поѣздовъ!»), выѣхалъ изъ Ниша съ немногими, рискнувшими пробраться въ Софию, какимъ-то сомнительнымъ поѣздомъ, неясно какого вѣдомства. Позже подсѣло множество демобилизованныхъ болгарскихъ солдатъ. Вспомнилась Россія.*)

* Заключенное 30 сентября 1918 года перемиріе вступало въ силу 10-го октября. Тогда-же былъ отставленъ болгарскій генералиссимусъ Жековъ. Но демобилизация началась, повидимому, самочинно.

По шоссе тянулись безъ конца обозы, груженные чѣмъ угодно: сѣномъ, снопами, скарбомъ, дровами. Болгары, видимо, не желали возвращаться домой изъ Сербіи съ пустыми руками! Вотъ подлинная война «хозяйственныхъ мужиковъ».

Послѣ семи часовъ пути прибыли въ Софию. Не безъ сходства съ русскими губернскими центрами, напр. Харьковомъ, чemu, конечно, помогаетъ шрифтъ вывѣсокъ. Вокругъ вокзала неописуемая слякоть. Сравнительно нарядный кварталъ около дворца, гдѣ на днѧхъ завершилась, довольно безславно, одна изъ самыхъ необычныхъ политическихъ карьеръ конца XIX-го вѣка.

Въ гостинницѣ Gd Hôtel de Bulgarie живется не дурно. Здѣсь уже края, неспособные къ самоотверженности и педантизму германского постничанія!

Грубоватыя, жесткія лица прочной фактуры: тонкости ни малѣйшей. «Тонкое» и не выдержало-бы грубости вѣкового турецкаго рабства.

Софія теперь тупикъ, изъ котораго никуда не выскочишь, и гдѣ нечего дѣлать. Правда, вопросъ о турецко-грузинской границѣ теперь и не столь... злободневенъ; да и рѣшеніе его не будетъ зависѣть отъ Грузіи съ Турцией; все же лучше продолжать путь на Константинополь.

Турція еще въ войнѣ: каждую минуту болгаро-турецкая граница можетъ быть закрыта, поэтому надо торопиться.

8 октября.

Въ 5 час. отойдетъ поѣздъ на Филиппополь (болгарскій Пловдивъ) и Кулели Бургасъ. Съ невѣроятными затрудненіями. благодаря помощи комиссіонера, получаю пропускъ и даже устраиваюсь въ офицерскомъ купѣ (!). Вагонъ основательно набитъ солдатами.

Демобилизація и отреченіе Фердинанда успокоили народъ; большевицкое движеніе погашено, говорить, при самомъ возникновеніи. Объ этомъ не могу судить, но вижу, какъ солдаты съ пѣснями спѣшатъ по домамъ, поѣзда отходяте отъ станцій при громогласномъ ура! Народъ въ очевидномъ восторгѣ — отъ конца войны.

Спутники офицеры объясняютъ все происшедшее утомленіемъ народа. «Какъ можемъ мы выносить тяжесть войны въ теченіе столькихъ лѣтъ, мы, примитивный землемѣльческій

народъ безъ всякой промышленности, которому навязали цѣлый фронтъ! Вдбавокъ, къ прежнимъ непріятелямъ прибыла еще Греція! И какъ намъ теперь быть съ миллиардами нашего военного долга?».

Ночью ъхали безъ огней — говорять, изъ опасенія аэро-плановъ. Въ Софіи германцевъ было еще много, но, казалось уже, что они на отлетѣ, — и горничная въ гостинницѣ много-значительно сообщала, что «у насъ поселился французскій майоръ» (!).

Проѣхали Филиппополь. Населеніе поѣзда стало рѣдѣть; остались кому надо было въ Дедеагачъ, Гюмурджину и тому подобнымъ милымъ мѣстамъ.*)

9 октября.

Утромъ подползли къ Адріанополю — буйволы пасутся въ степи, а за ними вдали минареты знаменитой мечети — и достигли, наконецъ, Кулели-бургаса. Здѣсь пересѣль въ турецкій вагонъ, очень удобный, но ъзда отвратительная. А ъзы вовсе никакой! все какъ саранчою уничтожено. Выручили запасливые спутники — единственные, поѣхавшіе въ Константинополь, изъ состава нашего, печальной памяти, экспресса: купецъ изъ «салоникскихъ», венгерскій офицеръ съ деньщикомъ («не желаете-ли? онъ вамъ платье почистить»), да австріецъ, директоръ Союзного Вѣнскаго банка въ Константинополь. Этотъ австріецъ, г. Ш., былъ лѣтомъ въ Тифлисѣ, въ качествѣ «экономического» совѣтника при австро-венгерской миссіи. Онъ толково и съ симпатіей говорилъ о нашихъ дѣлахъ, выражалъ желаніе вернуться туда и поработать, какъ слѣдуетъ («Славная публика нѣкоторые ваши министры, генералы и др.: но романтики, и по-дворянски недѣловые: совсѣмъ какъ у насъ и въ Венгрии лѣтъ 50-60 тому назадъ!»). Ну, насчетъ «романтизма» онъ заблуждался.

Спаньоль разсказывалъ о своихъ дѣлахъ, спрашивалъ, можно-ли достать въ Грузіи отбросовъ шелка (его специальность) — если-бъ онъ только зналъ, сколько тамъ всякихъ «отбросовъ»! — и ругалъ сіонистовъ: не Палестина нужна евреямъ, а просторъ и возможность работать вѣсюду!

На одной изъ станцій жандармъ сообщилъ о паденіи

*) Центръ Болгаріи связывался съ этими, тогда (1918) болгарскими городами рельсовымъ путемъ черезъ турецкую территорію.

правительства Талаатъ-паши*) и о предстоящемъ назначениі великимъ визиремъ Тевфикъ-паши (это — миръ!). Не везетъ намъ съ министрами — они тають межъ пальцевъ какъ комья снѣга. Ной Жорданія оказался пока прочнѣе Кюльмана, Гинце и Талаата! Впрочемъ, зачѣмъ ему падать — никто вѣдь его и не толкаетъ.

Глубокой ночью, теплою, южною, прѣхалъ въ Константинополь. «Фаэтонъ» — и гайда въ Перу! Еще кое-гдѣ открыты фруктовыя лавки — дыня теплымъ оранжевымъ пятномъ ютиится около яблокъ и винограда. Пахнетъ свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ. Югъ, мягкий, богатый плодами и овощами, наполовину уличный, беззаботный, чувствовалъ съ остротою — пара крѣпконогихъ лошадей цѣпко взбиралась на Перу — вотъ и Pera-Palace. Добрался таки до Константинополя.

44.

10 октября.

Только попалъ сюда съ опозданіемъ въ цѣлыхъ 64 часа! Опять надо отыскать отъ точности. Нашъ константинопольскій делегатъ Г. Газава**) — онъ оставался здѣсь одинъ; остальные члены делегаціи, прибывшей сюда еще лѣтомъ (!) вернулись во-свояси — чувствовалъ себя какъ на дачѣ.

Отъ него видѣ на Золотой рогъ, прямо на мечеть султана-Завоевателя; на-лево — акведукъ; направо — византійская крѣпостная стѣна, мечеть Эюба. Небо голубое, солнце яркое — радовали послѣ берлинской осени, послѣ балканской слякоти! Опрокинутыя чаши куполовъ, острія минаретовъ, веретена кипарисовъ, груды развалинь и неожиданныя плѣши посреди густо застроенныхъ кварталовъ — весь этотъ знакомый ка-вардакъ зданій и улицъ, отлившійся на древнихъ холмахъ въ законченную форму огромнаго города подъ божимъ солнцемъ, между водъ трехъ морей и двумя материками — вотъ онъ, такъ долго грозный, такъ долго хитроумный, теперь ослабѣвшій, наивный въ своей старости Константинополь!

*) Онъ вышелъ въ отставку 8 октября, спустя двѣ недѣли послѣ своего отѣзда изъ Берлина.

**) Тифліскій адвокатъ, б. членъ Закавк. Сейма, Грузин. Нац. Совѣта, Учред. Собр. и т. д.; нац.-дем. Былъ въ составѣ закавказской делегаціи на Трапезундской конференціи.

Изъ моего окна видъ на городской садъ, на «малыя поля», на вдовствующій пока флагштокъ англійского посольства, на водораздѣльный кряжъ между Босфоромъ и Золотымъ рогомъ.

...Внизу, все знакомыя по батумской конференціи лица; воть Расуль-заде; воть П. — отуреченный грузинъ, примкнувшій теперь къ азербайджанцамъ (и на здоровье!); воть Гайдаръ-бей Бамматъ и другіе. Но дальше-далше — казанскіе татары, туркмены, сарты и другіе туркестанцы — своеобразная окрошка! и въ этомъ растворѣ наша делегація мариновалась столько времени!

Познакомился съ «мехмандаромъ» т. е. приставомъ кавказскихъ делегацій. Это — особа. Но при каждой делегаціи состоить еще свой т. сказать «мехмандарчикъ».

...Зато кормятъ здѣсь великолѣпно. Сахарь, кофе, бѣлый хлѣбъ, масло — все что въ Берлинѣ казалось рѣдкостью и роскошью — здѣсь на каждомъ шагу. Дороговизна значительная, но нѣтъ переулка, гдѣ не пестрѣла-бы груды овощей; круги сыра и фрукты рядомъ съ тушами мяса, — а окна кондитерскихъ забиты всячими сладостями.

Германія и въ военный постъ этихъ лѣтъ старалась вносить всю строгость кантовскаго «категорического императива»; но отказаться отъ сладостей было-бы превыше силъ константинопольскихъ. Впрочемъ, уже въ Венгрии чуялась большая вольность по части яствъ — кое-гдѣ мелькали какія-то легкомысленные булочки и т. д.

Въ Берлинѣ чуть-ли не каждое яблоко глотаютъ съ чувствомъ грѣховности, здѣсь-же и дыни, и персики, и фиги, и виноградъ — каждый день.

Армянскіе делегаты живутъ въ отелѣ Токатліана. Видѣлъ тамъ Аветиса Агароняна*) Пападжанова и другихъ.

12 октября.

Посѣтили насъ члены здѣшней грузино-католической конгрегаціи, во главѣ съ Піо, молодымъ еще человѣкомъ, брюнетомъ черноты непостижимой. Все это коренные месхи, народъ простой, добрый, вѣрующій, большие патріоты.

Позже у генерала фонъ-Лоссова, въ германскомъ посольствѣ. Извѣстный обширный видъ на Скутары и Босфоръ. На стѣнѣ, между прочимъ, гравюра, сдѣланная по эскизу

*) Даровитый армянскій писатель, позже предсѣдатель делегаціи въ Парижѣ,

императора Вильгельма: нѣкто въ «блестящемъ вооруженіи» безмолвно оберегаетъ входъ въ чертогъ, гдѣ мирно играютъ дѣти и работаютъ жены; а извнѣ ползетъ всякая нечисть. Автографъ кайзера, въ Іерусалимѣ.

Лоссовъ говорилъ о нашихъ уѣздахъ съ Иззетъ-пашею и совѣтуетъ скорѣе закончить дѣло. Но все это теперь такъ устарѣло!

13 октября.

Здѣсь все еще нѣть правительства; но визирѣмъ видимо будетъ Иззетъ-паша. А между тѣмъ, какія времена, какія обстоятельства! Положительно, исторія пустилась вскачь! Гдѣ то время, когда въ Петроградѣ насыщенно вопрошали (по поводу затяжной траншейной войны): Ахъ, messieurs, ужъ не assez-ли, вамъ сидѣть у Лабассѣ? или въ этомъ родѣ.

Теперь вопрошателей давно уже обкарнали большевики, Россія въ войнѣ больше не участница, а «сидѣльцы» у Лабассѣ готовятъ Германіи чуть ли не капитуляцію и уже заставили центральныя державы стать подъ знамя демократіи.

Сообщенія съ Софіей прерваны: тамъ уже французы; въ Нишѣ сербы. А Германія согласилась очистить занятые части Бельгіи и Франціи — близится миръ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Азербайджана Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ*) собирается въ Германію и вообще въ Европу. Онъ сторонникъ полной независимости Азербайджана и союза его съ Грузіей. Здѣсь также министръ юстиціи Хасмамедовъ (тоже б. депутатъ Г. Думы). По его словамъ, порядокъ теперь въ Азербайджанѣ образцовыи — съ тѣхъ поръ какъ Нури-паша (брать Энвера) появился въ Ганджѣ (Елисаветполѣ). Турція вообще во многомъ ихъ поддержала. Теперь тамъ уже 20000 войска (своего), скоро будетъ и сто. Съ Россіей и Грузіей возобновился товарообмѣнъ; въ народѣ дисциплина болѣе строгая, чѣмъ, напримѣръ, въ Грузіи, скоро будетъ созванъ парламентъ и т. д.

Слишкомъ ужъ все хорошо обстоитъ тамъ, если послушать X.! Между тѣмъ, сколько трудностей представить тамъ хотя-

*) Б. членъ 1-ой Госуд. Думы, видный дѣятель, позже предсѣдатель делегаціи Азербайджанской республики въ Парижъ.

бы вопросъ о формѣ правленія...*). Оба мои собесѣдника — люди хорошей русской университетской выучки.

Въ другомъ родѣ — Расуль-заде. Персидские дѣятели, мелькомъ видѣнныя въ Берлинѣ, — оказывается, его старые друзья. Съ ними вмѣстѣ онъ работалъ въ Тегеранѣ, издавая газету на персидскомъ языке. Позже Расуль-заде перенесъ свою дѣятельность въ Константинополь, а затѣмъ — въ Баку. Свое нарѣчіе, турецкій и фарсійскій онъ знаетъ одинаково хорошо. У него широкіе взгляды на необходимость национализированія и демократизированія культуры на востокѣ. Несчастіе Персіи онъ видитъ (и не онъ одинъ!), напримѣръ, въ томъ, что тамъ выродившійся иранскій югъ держится тюркскимъ сѣверомъ, свѣжимъ и жизнеспособнымъ, которому навязанъ чуждый персидскій языкъ отрывающій тамъ верхи отъ массъ. По мнѣнію Р. должно произойти раздѣленіе Персіи на двое, причемъ сѣверъ вмѣстѣ съ закавказскимъ Азербайджаномъ можетъ образовать одну единицу, а иранскій югъ — другую, способную развиваться въ сторону Афганистана, Белуджистана, Индіи. Эти двѣ единицы могли бы соединиться въ унію — а въ дальнѣйшемъ, войти въ болѣе сложную систему, вмѣстѣ съ другими государствами передней Азіи!

Все это очень интересно; однако, различеніе сѣвера и юга можетъ привести и къ простому различенію сферъ вліянія — какъ это и было еще недавно! Прежде всего, необходимо чтобы данъ былъ показательный примѣръ жизнеспособнаго самостоятельнаго мусульманскаго государства!

Въ общемъ, у нашихъ татаръ наилучшія надежды. Пріѣхавъ сюда, они вдругъ почувствовали себя въ блестящей, знатной столицѣ большого родственнаго государства, почувствовали себя членами обширной тюркской семьи; сознаніе

*). Въ 1918 году почва въ Азербайджанѣ была довольно благоприятна для учрежденія эмирата. Это, вѣроятно, вполнѣ соответствовало взглядамъ и чувствамъ большинства населения: я не говорю, конечно, о промышленномъ, рабочемъ Баку.

На эмирата эти были, повидимому, и турецкіе претенденты (совершенно аналогично германскимъ притязаніямъ на короны Финляндіи, Венгрии, Балтикума и пр.). Я какъ то, помню, совсѣмъ азербайджанцамъ поискать въ извѣстномъ каталогѣ мусульманскихъ династій Stanley Lane-Poole (*Mahomedan Dynasties. 1894*) «предковъ» для опредѣленія нужнаго имъ «потомка». Впрочемъ, они и безъ меня знали, что въ Остѣ - Индіи найдутся близкіе имъ по крови и по традиціи Тимуриды.

этой связи должно было подкрепить ихъ духъ, ихъ самоувѣренность. Послѣднія неудачи Турціи задержали нѣсколько полетъ ихъ намѣреній, но не уменьшили пока ни ихъ оптимизма, ни ихъ надеждъ.

Да, турецко-азербайджанское сближеніе — фактъ немалаго исторического значенія: и послѣдствія его будуть разнообразны. Что вырастетъ изъ этихъ съмѣнъ 1918 года — трудно еще сказать.

Положеніе нашихъ горцевъ здѣсь, конечно, иное. Но связи у нихъ огромны — на каждомъ шагу, повсюду въ Турціи, у нихъ родичи. Кто этого не знаетъ?

Какъ удивился бы Шамиль, если-бы увидѣлъ въ 1918 году ministra иностранныхъ дѣлъ горской республики (Баммата), воспитанного по европейски и говорящаго по французски!

Когда, проѣздомъ изъ Калуги... въ Мекку, Шамиль остановился въ Константинополѣ, султанъ Абдуль-Азизъ на приемѣ поцѣловалъ ему руку — знакъ необычайного уваженія мусульманскаго міра къ знаменитому Имаму. Спустя полвѣка провозглашеніе независимости горскихъ народовъ встрѣчено было съ радостью на всемъ Востокѣ — даже такими давними выходцами съ Кавказа, какъ знатные черкесские роды Египта.

Но надеждъ на практическую помощь Турціи, несмотря на всѣ эти чувства и традиціи, наши горцы, мнѣ кажется, не должны питать. Впрочемъ, не мѣсто здѣсь углубляться въ эту тему.

...При всемъ опасномъ ихъ географическомъ положеніи горцы С. Кавказа живутъ тамъ у себя, на родинѣ.

Насколько тяжелѣе положеніе тѣхъ, которые и здѣсь, въ Турціи, не могутъ отречься отъ сознанія своей породы, а въ то-же время видѣть, что нѣть здѣсь своего будущаго. Такіе попадаются еще между потомками массовой эмиграціи 60 и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вызванной такъ наз. замиреніемъ и покореніемъ Западнаго Кавказа. И остается у нихъ, кроме тоски и недовольства, только черкеска, гордая поступь — и нѣсколько горянинъ или свистящихъ звуковъ — и то у тѣхъ лишь, кто еще сопротивляется смывающей ихъ волнѣ исторіи.

14 октября.

Отправились съ визитомъ къ Махмутъ-пашѣ, такъ наз.
Чуруксули, изъ грузинского рода Тавдгиридзѣ. Приняты были
крайне привѣтливо въ домѣ полуевропейского устройства, на
одномъ изъ подъемовъ отъ площади Топ-хане. Паша, бывавшій
и раньше министромъ, долженъ былъ войти въ правительство
Тевфикъ-пashi, если-бы оно сформировалось. По его словамъ,
онъ все готовъ сдѣлать для Грузіи, въ предѣлахъ, совмѣсти-
мыхъ съ интересами Турціи. Теперь отъ послѣдней можно
ожидать болѣе сдержанной и умѣренной политики. Самъ онъ
не разъ уже внушалъ, кому надо, необходимость сохраненія
связи между Батумомъ и Грузіей. Онъ обѣщалъ поговорить
съ новымъ великимъ визиремъ о желательности разрѣшенія
спорныхъ между нами и Турціей вопросовъ немедленно, нынѣ-
же. Послѣ традиціонной чашечки чернаго кофе, поданного
слугою-матросомъ, мы откланялись любезному хозяину. Голо-
ва и хвостъ бесѣды были грузинскія, тѣло — французское.

Странно, гуляя въ Перѣ, видѣть всѣ эти скрытыя за рѣ-
шетками и покинутыя посольства. Вотъ, напримѣръ, старое
владѣніе Франціи: любопытна его окаймляющая съ одного
бока «Польская» улица; а вотъ благородный фасадъ дворца
Россіи — нынѣ ея государственные эмблемы на зданіи задер-
нуты чернымъ флеромъ.

Турція становится на колѣни — она уже на колѣняхъ
передъ «западными демократіями»: ее непремѣнно попросятъ
войти изъ Батума. Какъ бы, однако, при этомъ не произошло
путаницы! И какъ сообщить этимъ демократіямъ о нашихъ
желаніяхъ? Отправились къ посланникамъ нидерландскому, а
затѣмъ — шведскому. Оба посольства, какъ водится, укрыты
внутри двора и сада; кавасы, прислуга въ должномъ коли-
чествѣ. Нидерландецъ отстаиваетъ здѣсь интересы Франціи
и Англіи, шведъ — С. Штатовъ. Оба были очень озадачены,
услышавъ отъ насъ просьбу: нельзя ли довести до свѣдѣнія
Западныхъ державъ, что, при очищеніи турками территорій,
занятыхъ ими по Брестъ-Литовскому договору, — а такого
очищенія у нихъ, конечно, потребуютъ — Батумъ и батумская
область могли бы немедленно быть заняты грузинскимъ пра-
вительствомъ?

Вѣроятнѣе всего, эти державы сами «изволять» занять
Батумъ: все таки полезно имъ сообщить, что мы считаемъ это
добро своимъ и можемъ имъ управлять.

Посланники обещали «подумать»... о способах исполнения нашей просьбы. Но они видимо находили такую просьбу эксцентрично.

«Какъ могу я, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, выступать противъ интересовъ правительства, при которомъ я аккредитованъ?» «Но Ваше П-ство аккредитованы теперь при всѣхъ народахъ, стремящихся къ благамъ мира!» и т. д.

...Видите, говорю я своему любезному спутнику Г. на обратномъ пути: почтенные люди, почтенные державы, а какая чувствуется робость! Какимъ же тономъ будемъ говорить мы, такие, можно сказать, оборванцы, сравнительно съ Швецией, Нидерландами? Впрочемъ, всѣ эти «независимости» для нихъ нѣчто непредусмотренное, и Готскій альманахъ еще молчитъ о нась! Вотъ они и въ смущеніи.

15 октября.

Заѣхали къ болгарскому посланнику Голушеву — съ тою же просьбою. Этотъ былъ въ курсѣ вопроса и обещалъ телеграфировать своему правительству — для передачи американскому представителю въ Софіи, что такъ и такъ, Грузія добивается чтобы и т. д.

Сидимъ у него долго, обсуждаемъ шансы мира. Болгаринъ не вѣрить ни въ лигу народовъ, ни въ искорененіе войны, но готовъ все это «попробовать».

Случайно, былъ представленъ въ гостиницѣ новому великому визирю, Иzzетъ-пашѣ. Завтра онъ насть принимаетъ.

Въ армянской делегації. Обсуждаемъ наши общія дѣла. Теперь у нихъ возрождаются всѣ надежды, и скоро забудутся «александровские» и другие черные дни. Рано или поздно турки очистятъ все что занято ими въ Армени и Грузіи. Но гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая? Неужели разграничение не подготовлено еще тифлисскимъ и эреванскимъ правительствами?

16 октября.

Патеры заходятъ къ намъ чуть не ежедневно, передаютъ городскія новости: правительствомъ всѣ недовольны, турокъ всѣ проклинаютъ, въ субботу ждутъ сюда англичанъ (!)... Въ

турецкой печати все заговорило ласково о «децентрализации», «автономиях» и т. д. Готовятся къ суду не безъ страха, что

*Quidquid latet adparebit
Nil inultum remanebit...*

Позже, изъ Галаты, отправляли б. плѣнныхъ обратно въ Грузію, а затѣмъ поѣхали въ Высокую Порту. Иззеть-паша безъ обиняковъ заявилъ — это, впрочемъ, теперь и не могло быть иначе — что все занятое ими въ Грузіи сверхъ границъ Брестъ-Литовского договора будетъ очищено. Что касается провинцій, полученныхъ въ силу этого договора (Батумъ) то, если возвращеніе ихъ окажется необходимымъ (въ силу такъ наз. принциповъ президента Вильсона), они ихъ вернутъ. О подробностяхъ намъ слѣдуетъ условиться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наби-беемъ (который, по вызову великаго визиря, присутствовалъ при нашей бесѣдѣ).

На слѣдующій день, 17-го октября мы имѣли дальнѣйшій разговоръ съ министромъ и съ товарищемъ министра Решадъ-Хикметъ-беемъ.*)

По вопросу объ очищеніи Ахалцихскаго и др. уѣздовъ (т. е. что «сверхъ» Б.-Литов. мира) они подтвердили свое согласіе ихъ немедленно очистить, хотя и сдѣлали замѣчаніе о мусульманскомъ характерѣ «Ахаски», объ истинныхъ желаніяхъ населенія и пр. «Тѣмъ не менѣе, заявилъ Решадъ-Хикметъ, мы отказываемся отъ того, что выходитъ за линію Брестъ-Литовскаго договора и желаемъ жить въ наилучшемъ сосѣдствѣ съ грузинами, наиболѣе на Кавказѣ и т. д.», тутъ пошли «сладости». Мы обсудили затѣмъ, въ подробностяхъ, вопросъ о порядкѣ очищенія этихъ территорій и получили обѣщаніе, что обо всемъ сдѣлано будетъ телеграфное распоряженіе.**)

Затѣмъ перешли къ батумскому вопросу, и, сосредоточились на вчерашнемъ, очень условно выраженномъ тезисѣ Иззеть-пashi, что «если Турція будетъ вынуждена очистить три санджака (Батумъ, Ардаганъ, Карсъ), то грузинскую часть

*) Этотъ дипломатъ, нынѣ уже умершій, пользовался большою репутацией.

**) Дѣйствительно, очищеніе турками территорій, о которыхъ здѣсь говорится, началось 18-го октября 1918. Тогда-же произошли первыя армяно-грузинскія столкновенія изъ-за невыясненности взаимныхъ границъ. См. изданный груз. правительствомъ «борникъ: Изъ истории армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ. Тифлісъ. 1919.

этой территории она готова уступить Грузии». По этому предмету наши собеседники были уклончивы и выражались не безъ угрюмости. Они, кажется, надѣются сохранить «по Вильсону», то что получили «по Брестъ-Литовску». Это съ ихъ стороны остроумно.

Оттуда, подъ щедрымъ октябрьскимъ солнцемъ, скакемъ въ германское посольство, къ генералу фонъ-Лоссову, по его просьбѣ. Тамъ-же былъ и А. Агаронянъ. Лоссовъ, равнымъ образомъ, видѣлся съ Иззетъ-пашею и получилъ тѣ-же завѣренія, что и мы. Теперь онъ совѣтовалъ намъ отправиться къ великому визирю совмѣстно съ армянами, и подтвердить, между прочимъ, что внутреннее размежеваніе очищаемыхъ территорій между Грузіей и Арменіей мы произведемъ сами. Мы съ удовольствіемъ приняли этотъ совѣтъ.

...Оставшись одни съ генераломъ, мы продолжаемъ бесѣду. Онъ находитъ, что надо щадить самолюбіе турокъ. Не слѣдуетъ, поэтому, чрезмѣрно торопиться съ разрѣшеніемъ напр. батумскаго вопроса, который въ свое время получить свое разрѣшеніе.

Въ заключеніе, ф. Лоссовъ высказалъ увѣренность, что дѣло независимости Грузіи и Арменіи поставлено прочно, возможность-же осуществленія самостоятельности Сѣвернаго Кавказа и Азербайджана — сомнительна.

И это — точка зреїнія. Правильная-ли, и въ какой части правильная — это вопросъ другой.

Позже отправились къ армянамъ, поговорить о совмѣстномъ шагѣ, согласно совѣту, данному при Агаронянѣ. Оказалось, однако, какъ сообщилъ намъ ихъ секретарь, что они уже поѣхали... къ великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ.

18 октября.

Сегодня, въ мусульманскій праздникъ, въ день селямлика, при радостномъ солнцѣ и полныхъ народомъ улицахъ, около полудня внезапно загремѣли орудія, затрещали пулеметы. «Аэропланы, аэропланы» — раздалось всюду. Надъ Золотымъ Рогомъ видны были хлопья — черные и бѣлые — отъ разрывовъ, а затѣмъ разглядѣль и аэропланы — до шести — быстро проносившіеся надъ Стамбуломъ. Раздавался грохотъ и отъ взрывовъ — въ одномъ мѣстѣ, надъ гребнемъ холма поднялся

огромный черно-серый столбъ дыма. Неожиданность налета, смѣлость воздушныхъ наѣздниковъ, низко спустившихся, прежде чѣмъ подняться, смятеніе однихъ, любопытство другихъ — все это при залпахъ, стукахъ сверху, снизу, вокругъ...

Спустя два-три часа налетъ повторился — бросали прокламаціи, которые блестящими точками, какъ-бы каскадами блѣдныхъ искръ, носились высоко въ воздухѣ.

20 октября.

Происходитъ какая-то комедія: уже нѣсколько дней, какъ на всѣ лады повторяется и подтверждается о переговорахъ, которые ведутся съ Англіей смирнскимъ вали Раҳми-беемъ, съ участіемъ Рауфъ-бяя.*). Офиціозно свѣдѣнія эти опровергаются — но въ формѣ, ихъ подтверждающей.

Лилль, Рубэ, Дуз очищены германцами, послѣ 4-лѣтняго занятія.

Турція плошаетъ, и наши мусульмане, естественно и неизбѣжно, возвращаются въ орбиту «кавказской конфедерации».

Для горцевъ кавказское объединеніе теперь все. Мысль правильная — придется лишь уточнить данные о горской республикѣ, и говорить объ атомъ тамъ, на мѣстѣ.

Но и татары пригорюнились. Ворчать на Германію, которая предала-де Азербайджанъ большевикамъ (въ вопросѣ о признаніи независимости), нарушила интересы Турціи и т. д. Реакція вполнѣ понятная!

21 октября.

Здѣсь рѣшительно нечего дѣлать. Дальнѣйшіе разговоры были-бы явно бесплодны. Ни изъ Тифліса, ни изъ Берлина отъ Чхенкели, нѣть извѣстій. Кавказскія делегаціи возвращаются обратно въ Батумъ. Ёхать-ли съ ними или отправиться въ Брайлу?

И двухъ недѣль нѣть моему здѣсь пребыванію, между тѣмъ уже не въ мотогу стало. А всѣ остальные «мурахаслар» уже 4 мѣсяца въ Константинополь!

Нашъ «мехмандарчикъ» совѣтуетъ ёхать не завтра, а 26-го, съ пароходомъ «Решадъ-паша», болѣе быстроходнымъ.

*) Рауфъ-бей, выдающійся морякъ, предсѣдатель турецкой делегаціи на Трапезундской конференціи весною 1918 г. Позже единъ изъ главныхъ дѣятелей анатолийского движенія. Родомъ абхазецъ изъ Сухумскаго округа.

22 октября.

Сегодня погрузилось и отплыло большинство азербайджанцевъ и горцевъ. съ пароходомъ, который, Богъ вѣсть, когда доберется до Батума.

23 октября.

Всѣ наши берлинскіе труды на смарку? Генералъ фонъ-Лоссовъ не смотрѣть такъ: ему кажется, что кому нибудь изъ насъ слѣдуетъ поскорѣе отправиться въ Гаагу и подготовить державы «того» лагеря къ одобренію нашихъ берлинскихъ договоровъ.*)

Что-же, Чхенкели это легче сдѣлать изъ Берлина, чѣмъ мнѣ — отсюда. Константинополь сейчасъ отосвюду отрѣзанъ; и мнѣ лучше-бы вернуться въ Тифлисъ. По прежнему — безъ извѣстій.

Поѣхали, въ сопровожденіи брата Петре изъ грузинской конгрегаціи, къ апостольскому делегату, монсуньюру Анджело Дольчи, въ Панкальди. Домъ благороднаго итальянскаго обличія, на спускѣ въ переулкѣ.

Монсуньюръ съ крайней привѣтливостью вышелъ къ намъ въ богатый салонъ — полнокровный, сіяющій здоровьемъ прелатъ, въ полномъ расцвѣтѣ. Говорили о Грузіи, о католицизмѣ въ Грузіи, объ интересѣ къ ней папскаго престола, о войнѣ, о Германіи. Въ чёмъ разница между православіемъ и католицизмомъ? *Filioque etc.*? Этого даже теологи никогда не могли уловить. Еще часть, и мы бы вышли на улицу католиками.

24 октября.

Встрѣчаю Фарухъ-бека Визирова*) вчера отплывшаго съ другими на пароходѣ. Изъ-за сильнаго шторма они не могли выйти въ открытое море и вернулись въ Босфоръ. Онъ кое-какъ выбрался на берегъ и очень тому радъ. Качка неописуемая! Разъѣздъ начинается въ неуютныхъ условіяхъ.

Константинополь окончательно присѣлъ передъ Западными демократіями. Печать только и говорить объ особомъ

*) Теперь (1923) кажется невѣроятнымъ, что серьезный человѣкъ могъ на это надѣяться!

*) Крупный татарскій промышленникъ и хлопководъ, имѣгъ покойный.

призванії Турції къ усвоенію и приложенію «принциповъ президента Вильсона» и т. д.

25 октября.

Перемиріе приближается. Отсюда спѣшно отправляются германскія и австрійскія части. Вѣроятно, мы наканунѣ открытия проливовъ; англійскій флотъ войдетъ въ Черное море. Германцы, пожалуй, удалятся изъ Грузіи; но это, думаю, не опасно въ новыхъ условіяхъ.

«Решідъ-паша» опять задержится. Ужъ не кардифскаго-ли угля дожидаются для него? Тѣмъ временемъ, сегодня новый налетъ аэроплановъ и пальба по нимъ. Все небо было испещрено хлопьями отъ разрывовъ.

26 октября.

Отходъ парохода отложенъ на неопределеннное время. Въ теченіе столѣтій владѣть морями и не умѣть теперь наладить сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ! Неужели и эта война ихъ не исправить?

...Германское посольство сообщаетъ телеграмму Чхенкели изъ Берлина (отъ 18-го!) Просить меня немедленно вернуться въ Берлинъ. Прибавляетъ обычную свою сентенцию о томъ, что «теперь мы должны энергично работать» и т. д.

Правду сказать, какъ меня ни тянетъ въ Тифлісъ, придется, дѣйствительно, возвращаться въ Берлинъ и направиться оттуда на Западъ. Послѣ моей лѣтней поѣздки въ Христіанію, мнѣ это легче сдѣлать. Отъ Чхенкели ждать такого перемѣщенія не приходится! Теперь надо все передѣлывать. Словомъ, собирался въ Батумъ, а поѣду въ Берлинъ!

28 октября.

Заколебался тронъ Вильгельма II; ушелъ въ отставку ген. Людендорфъ. Конецъ войнѣ?

29 октября.

Завтра плыву на Tigris въ Брайлу: сегодня мой послѣдній вечеръ въ этомъ неправдоподобномъ городѣ, въ невѣроятное время. Г. рѣшилъѣхать со мною — ему сообщили, что «Решідъ-паша» не отправится. Ожидается подписаніе перемирія, и всѣ теряютъ голову.

45.

30 октября.

Вотъ я на Tigris. Дрянной транспортъ, но выбора теперь нѣть! да и сюда мы попали по сильной «протекціи». Кають для насъ нѣть; пришлось сложить вещи на верхней палубѣ. Было холодно, дождливо, сурово: мой Г. палъ духомъ и отказалсяѣхать въ такихъ условіяхъ. Можно и заболѣть! Онъ съѣхалъ обратно на берегъ. Добрый патеръ Піо выполнилъ за меня формальности, безъ которыхъ нельзя было уѣхать, привезъ бумаги и затѣмъ простился.

Отошли очень поздно, но скоро стало темнѣть, и бросили якорь... въ Босфорѣ.

Дождь не переставалъ. Это уже не Pera-Palace!.

1 ноября.

Судовой поваръ уступилъ за хорошее вознагражденіе свою каюту; но кормить меня онъ не можетъ — у нихъ нѣть и лишней унціи! На борту у насъ нѣсколько офицеровъ, нѣсколько десятковъ солдатъ — все авіаторы изъ Дарданелль, 5-6 «вольныхъ». Капитанъ и помощникъ — нѣмцы: экипажъ — греки.

Вчера весь день дождь. Сегодня — солнце выглянуло — и опять дождь. Вечеромъ подошли къ устью Дуная — что за печальная картина! Въ Сулинѣ простоимъ всю ночь, а завтра пустимся вверхъ по Дунаю.

При видѣ радуги солдаты говорили: вотъ вѣстникъ мира! Бѣдные: не сладко быть безпрестанно образцомъ дисциплины и исполненія долга.

Брайла, 3 ноября.

Поѣзда изъ Константинополя на этой калошѣ Tigris длилась не три, а пять дней, и вмѣсто двухъ ночей я провелъ въ моей случайной каюте — четыре.

Утромъ, 2 ноября, погода прояснилась. Мы вошли въ гирло, вслѣдъ за быстро настѣ обогнавшей... «Минна Хорнъ»! и поплелись противъ теченія. Было солнечно, кругомъ — довольно пустынно. Машина наша капризничала и вдругъ остановливала какъ бы въ параличѣ. Позже, нагнали «M. Horn», стоявшую почему-то на якорѣ. Прошли мимо, но насъ повер-

нули обратно: капитанъ, старый знакомый по рейсу Поти-Констанца, прокричалъ въ рупоръ, что у него для нась телеграмма. Оказалось: приказъ всѣмъ пересаживаться на «Minna Horn», а Тигрису — возвращаться куда-то. Всеобщее изумленіе, поспѣшные сборы, переноска вещей...

Стали бортомъ къ борту: всѣ палубы Minna Horn переполнены были солдатами. Ихъ везли изъ Поти (значить, уходить изъ Грузіи!). Внезапно — новое распоряженіе: оставаться всѣмъ на Tigris-ѣ, который по состоянію своей машины и за неимѣніемъ угля не можетъ начинать новаго плаванія. Потерявъ много времени, продолжали путь. Утромъ, на разсвѣтѣ, проходили Тульчу, довольно красиво расположеннюю. День выдался отмѣнныи. Странно было смотрѣть на бессарабскій берегъ и на знать, что тамъ за государство. Мимо прошелъ пароходъ «Лучъ» подъ украинскимъ флагомъ. Въ Рени нѣсколько строеній, разрушенныхъ огнемъ; у станціи много вагоновъ.

Въ Галацѣ огромная рѣчная флотилія; много баржъ съ греческими названіями или буквами. Тамъ-же какіе-то колесные пароходы, приведенные, повидимому, изъ Сербіи, а также новенькой австрійской мониторъ. Въ Брайлѣ цѣлый часъ понадобился пароходу, чтобы причалить, и успѣло совершенно стемнѣть. Съ берега данъ былъ приказъ «штатскимъ» сойти съ парохода, остальнымъ остаться — завтра ихъ направятъ на Николаевъ. Иными словами, сообщеніе на Будапештъ-Берлинъ прервано! О моемъ прїѣздѣ было сообщено изъ Константинополя, и я немедленно получилъ билетъ на комнату въ Hôtel Français.

Здѣсь, за обѣдомъ, подъ звуки румынского оркестра, узналь о революціи въ Буда-Пештѣ, объ убийствѣ графа Тиссы. Вотъ еще одна старая монархія споткнулась, да какъ!

Брайла, 4 ноября.

Недурной городъ, много зелени, замѣтно богатство, приносимое Дунаемъ: рѣка «крупно-буржуазная»!. Обычное этимъ лѣтомъ сообщеніе Брайла-Поти прекратилось. Встрѣтилъ знакомыхъ застрявшихъ здѣсь — они собираются въ Грузію черезъ Одессу. Этимъ же путемъ возвращается большая партия военноплѣнныхъ.

Еще одна встрѣча: капитанъ «Минны X.» Отъ него узналь, что ген. Крессъ еще въ Тифлисѣ, съ нимъ немного войска.

«Какъ все измѣнилось съ той нашей поѣздки!» говорилъ капитанъ. Дѣйствительно, измѣнилось.

Можетъ-быть и мнѣ слѣдовало-бы ѿхать на Одессу и Кіевъ? Почему-то я предпочелъ отправиться въ Бухарестъ, чтобы попасть въ Берлинъ черезъ Венгрию.

5 ноября.

Съ трудомъ выѣхалъ изъ Брайлы; слишкомъ ужъ людно, но поѣзда подъ военнымъ германскимъ управлениемъ ходятъ пока точно. Ночью прибыли въ Бухарестъ. Въ густомъ туманѣ искалъ убѣжища, объѣзжая всѣ гостинницы въ какой-то телѣгѣ, — тщетно. Въ прихожей одного отеля продремалъ до утра, потомъ нашелъ съ трудомъ логовище въ другомъ на Calea Victoriei.

На каждомъ шагу германскія военные учрежденія. Штабъ Макензена въ Атенеумъ-паласѣ. Однако, у румынъ видъ радостный. Повоевали, а теперь имъ повалится въ роть все готовое. Объединеніе всія Румынії — вотъ къ чему идетъ.

Наряду съ парижскимъ лоскомъ многочисленнаго городского слоя «приличной публики» — смушковыя шапки, картузы и тому подобные, не «латинскіе», а скорѣе россійскіе (украинскіе) атрибуты «простонародья». А между сихъ крайностей — просто румыны, черные, усатые.

Символично соединеніе Парижа съ молдаванщиной въ наименованіи табачныхъ лавокъ — *débit de tutun*.

Въ газетахъ сообщенія о прекращеніи войны Венгрию, о передачѣ австро-венгерскаго флота южнымъ славянамъ (!) и т.д.

Прямо поразительно. Турція подписала перемиріе 30-го ноября: Батумъ и Баку поступаютъ въ «распоряженіе» побѣждающихъ державъ.

Но какъ теперь доѣхать до англичанъ и французовъ? Въ Берлинъ частныхъ телеграммъ не принимаютъ. Въ политическомъ отдѣленіи штаба Макензена взялись послать мою депешу. Обѣщали также запросить, будеть-ли отправленъ еще пароходъ въ Поти за остающимися въ Грузіи частями — съ этимъ пароходомъ я-бы отправился туда, если нельзя проскочить черезъ Венгрию.

«Вотъ ужъ, говорю дежурному офицеру: — не ожидалъ застрять здѣсь на Calea Victoriei!. «Да вѣдь всѣ мы здѣсь застряли!».

6 ноября.

Выправляю бумаги на въездъ въ Германію. Всѣ военные правила примѣняются пунктуально. Въ одномъ изъ N N Pester Lloyd прочелъ полностью условія турецкаго перемирія. Они пріятны для Армении, но и для Грузіи благопріятны. Азербайджанъ пожалѣеть о туркахъ.

Патетическая свѣдѣнія о венгерской революціи. Духъ Кошути — но также разгромъ вокзаловъ, тюремъ; кое-гдѣ совѣты солдатскихъ депутатовъ. Это уже изъ другой оперы.

Сербія вся освобождена. Генераль д'Эсперэ, кажется, уже въ Бѣлградѣ.

7 ноября.

Надо спасаться отсюда! Не сегодня-завтра движение прекратится — Венгрия не пропускаетъ угля. Въ 9 час. вечера есть поѣздъ на Оршову, до венгерской границы. Бумаги въ порядкѣ. Ёду.

...Невѣроятная толпа на вокзалѣ. Германскіе часовые и румынская полиція съ трудомъ поддерживаютъ порядокъ. У кассы уже толпа — за три часа до отхода поѣзда: да и билеты, говорить, уже всѣ разобраны. Вещей не принимаютъ на храненіе — багажная комната переполнена! какъ прикажете «маневрировать» и какъ быть? О чьей-либо помощи и помину нѣть.

...Вздоръ, будто-бы не бываетъ чудесъ. Чудеса бываютъ. Я получилъ билетъ и занялъ мѣсто въ переполненномъ купѣ. Ничего не подѣлаешь — Провидѣніе или святой Георгій явно мнѣ помогаетъ.

...Румынское общество: деликатная дама и такой-же джентльменъ бесѣдуютъ по французски о томъ, какъ при первой возможности они поѣдутъ въ Парижъ: въ Румыніи оставаться прямо невозможно. Пѣвички изъ Вѣны, но здѣшнія, угощаются всѣхъ виномъ и бутербродами — очень удобно. Молодой нѣмецъ-офицеръ начинаетъ съ рѣшительныхъ движений и диктаторскихъ замашекъ, но — быстро дѣляется шелковымъ. Позже вваливается румынъ-инженеръ, демобилизованный капитанъ. Сообщаетъ новости, которые съ жаромъ обсуждаются пассажирами. Правительство Маргиломана пало; во главѣ новаго — генералъ Коанда. (Кстати, война по румынски — «разбой»!). Буковина уже занята румынскими войсками, скоро будетъ занята и Трансильвания. «Съ Бесса-

рабієй, получится Румынія въ 18 миллионахъ населенія! самыя смѣлія надежды наши превзойдены» и т. д.

Германская оккупация вызываетъ, конечно, жалобы. Но теперь — конецъ ихъ владычеству. Золотое дно, эта Румынія, и не разъ еще германцы будутъ съ сожалѣніемъ о ней вспоминать. «Но не забудется ихъ грубость — говорить инженеръ, питомецъ Дармштадского техникума. Они увезли отсюда и сырье, и все, что угодно; много станковъ, двигателей представили болгарамъ — «нашимъ вѣрнымъ союзникамъ», ха, ха! А что сказать объ офицерѣ, который у меня въ домѣ, къ моимъ картинамъ прибиль, для просушки, шкуры застрѣленныхъ имъ волковъ и лисицъ»....въ такихъ разговорахъ проходитъ ночь, безъ сна и отдыха. Проѣзжаемъ Питешти, Крайову.

8 ноября.

Изъ газетъ узнаю подробности венгерской революціи. Каковъ пріемъ Кароли и другихъ въ Бѣлградѣ генераломъ Franchet d'Esperay! Хуже тѣлеснаго наказанія.

...Вотъ Дунай, Желѣзныя Ворота, островъ Ада-кале — кусочекъ Турціи, живое и живописное напоминаніе о дняхъ оттоманской славы... румынская граница (Верчіорова) — а затѣмъ и венгерская, въ Оршовѣ.

Провѣрка паспортовъ; венгерскій офицеръ говорить любезности уроженцу Грузіи, спрашиваетъ, хорошо-ли я сижу.

Тронулись по территории новой республики. Со мною въ купѣ — венгерскіе чиновники. У нихъ чудное настроение. «Конецъ войнѣ, всякой войнѣ — говорить славный старикъ, инспекторъ дунайского пароходства. И свобода всѣмъ народамъ! И земля всѣмъ! Не будетъ больше въ Венгріи крупной собственности» и т. д.

Сестры милосердія (скорѣе «заурядъ-фельдшерицы» — такъ кто-то въ Россіи предлагалъ ихъ называть), вѣнки. Универсальный типъ «барышень», устроившихся около войны. Для нихъ война была большимъ, длительнымъ развлечениемъ. Съ ними какой-то военный чиновникъ, который еще на послѣднихъ румынскихъ станціяхъ пораспродалъ предметы своего снаряженія.

Вваливаются все новыя лица. Венгерскій офицеръ гусарского облика, — оказался затѣмъ врачомъ...

Наступаетъ ночь. Сплю какъ камень — зыбкій, шаткій, валкій камень — сидя.

9 ноября.

Демобилизация дает себя чувствовать. Опаздываемъ немилосердно. На всѣхъ станціяхъ обезоруженные солдаты, возвращаемые родинѣ. Воображаю, что за сумятица на бывшемъ итальянскомъ фронтѣ, откуда въ разныя стороны отхлынули солдаты разныхъ породъ — по своимъ домамъ.

Всѣ здѣсь украсили себя кокардами съ национальными цветами.

...Поздно вечеромъ прибыли въ Будапештъ. Во всемъ городѣ ни одной свободной комнаты — стереотипно отвѣчаютъ въ двадцати мѣстахъ. Проливной дождь. Возвращаюсь на вокзалъ (уже другой). Узнаю, что въ 12 час. ночи отойдетъ поездъ на Одербергъ. Потѣздъ поданъ въ 3 часа. Устраиваюсь въ неосвѣщенномъ вагонѣ 3 класса, съ разбитыми стеклами. Попутчики — германскій санитарный отрядъ изъ Македоніи. Окна завѣсили одѣялами, пытались спать въ сильный холодъ.

10 ноября.

Поѣздъ галопируетъ недурно. Щемъ по гористой мѣстности, между отроговъ Татръ и Бескидъ. Часамъ къ четыремъ прїѣхали въ Рутку, гдѣ конецъ Венгрии. Не успѣль установить съ точностью, какое государство начиналось по ту сторону границы, ибо на станціи, сверхъ массы освобожденной «живой силы», обнаружился также буфетъ, къ которому я почувствовалъ невольное влеченіе: послѣ моего послѣдняго обѣда въ Бухарестѣ, въ Hôtel du Boulevard прошло трое сутокъ,

...поѣздъ былъ сейчасъ же взятъ приступомъ, солдатами, возвращающимися въ Германію или въ Галицію (черезъ Краковъ). Я весьма успешно захватилъ позицію и оказался въ обществѣ польского солдата, комично рассказывавшаго, какъ они «утекали» изъ Сербіи, и молодыхъ германскихъ пѣхотинцевъ...

Въ 3 часа ночи настъ разбудили: «Одербергъ». Ну, подумалъ, пожалуй доберусь до Берлина.

11 ноября.

Въ Одербергѣ полный порядокъ. У меня отобрали книги и бумаги, обѣщали выслать въ Берлинъ. Въ 5 час. утра отправился бреславльскимъ поѣздомъ: билета до Берлина не выдали, туда не пропускаютъ — тамъ происходитъ нечто чрезвычайное.

...Сижу съ офицерами, явно сбитыми съ толку. «Были, конечно, говорять они, преувеличения въ дисциплине, но въ общемъ вѣдь все шло хорошо». Что собственно происходит — имъ неизвѣстно. Но ясно, что въ Германии революція.

Въ Оппельнѣ узнаемъ объ отреченіи Вильгельма, о республикѣ, объ условіяхъ перемирія, уже принятыхъ.

Бреславль. Здѣшній вокзалъ — нѣчто образцовое. Пока — точная, чистая работа. Завтракъ — немного мозговъ и шпината, съ тонкимъ ломтикомъ хлѣба — знакъ дисциплины и самоограниченія большого народа.. Въ Берлинѣ пропускаютъ теперь. Запасаюсь газетами и продолжаю путь. Начинаемъ опаздывать — постепенно вхожу въ курсъ здѣшнихъ событий и не удивляюсь, когда кто-то воскликнулъ, при вѣздахъ въ вокзалъ Alexanderplatz: слышите, пулеметная стрѣльба! Дѣйствительно, что-то тявкало — но скромно.

Пріѣхали. Въ гостинницу Adlon нельзя — по дорогѣ туда неблагополучно. Отправляюсь съ носильщикомъ въ Continental. Солдатъ съ красной повязкой спрашиваетъ паспортъ: я въ революціонномъ Берлинѣ.

ГЛАВА XVII. КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ.

46.

Пострѣляли, для приличія, денекъ — другой, и принялись — кто за дѣло, кто за говореніе. На бульварѣ «Подъ липами» кое гдѣ стекла разбиты пулеметами; бѣлые пятна на камняхъ многихъ домовъ — но революція, пока-что, была здѣсь «безкровная,» т. е. ... малокровная. Разложеніе во флотѣ, моральная капитуляція главной квартиры, предложившей непріятелю перемиріе, («нервы не выдержали») отреченіе Императора, подъ давленіемъ западныхъ демократій, — вотъ нервъ этого переворота. Теперь большинство думаетъ въ Германіи объ одномъ — какъ бы не повторить большевиковъ.

... Выраженіе лицъ — куда болѣе будничное, чѣмъ въ Петербургѣ, въ февралѣ или въ октябрѣ 1917 г. Но что за волшебный поворотъ исторіи — германцы очищаются лѣвый берегъ Рейна, французы вступаютъ въ Эльзасъ, — безъ боя, съ распущенными знаменами, союзники занимаютъ Кельнъ, Кобленцъ и Майнцъ. Конецъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ, Австро-Венгріи, генералитетовъ и канцлеровъ. Но что еще впереди?

Въ Берлинѣ я не имѣлъ времени для размышленія о всей глубинѣ «паденія», послѣдовавшаго такъ стремительно, за «величіемъ» Срединной Европы: надо было дѣйствовать. «Дѣйствовать», въ этотъ моментъ, значило, для меня, передвигаться съ возможною быстротою, по направленію къ столицамъ побѣдоносныхъ нынѣ державъ. Цѣль-же этого передвиженія заключалась, очевидно, въ «установленіи контакта» съ правительствами англійскимъ и француэскимъ, главными отнынѣ распорядителями Европы.

Участокъ пути, требовавшій наибольшаго спортивнаго напряженія (по условіямъ ноября 1918 г.), а именно, — Константинополь — Берлинъ, я уже, такъ сказать, «покрылъ». Теперь надлежало повторить мою лѣтнюю поездку въ Христіанію и тамъ пожать плоды моего тогдашняго посѣва, въ видѣ полученія визы на проѣздъ въ Лондонъ, въ качествѣ грузинскаго эмиссара.

Что касается А. Чхенкели, то теперь — но только теперь — и онъ убѣдился, что пребываніе его въ Берлинѣ... нѣсколько затянулось. Понадобилось полное пораженіе Германіи и революція чтобы его въ этомъ убѣдить; и потребовалась шальная революціонная пуля, разбившая съ улицы окно въ его помѣщеніи, чтобы онъ, наконецъ, рѣшился его очистить. Впрочемъ маршрутъ первого его передвиженія былъ несложенъ: Ч. переехалъ въ другую комнату — въ томъ же отелѣ Адлонѣ, только окнами во дворъ.

Рѣшено было отправиться мнѣ авангардомъ въ Лондонъ и Парижъ. Одновременно посланы были для работы на «флангахъ» Мих. Церетели — въ скандинавскія столицы, М. А. Сумбатовъ — въ Швейцарію: они подвергли методическому обстрѣлу своей пропаганды дипломатовъ «согласія» въ этихъ нейтральныхъ странахъ,* т. е. продолжали работу, начатую въ Христіанії.

Что касается соглашеній нашихъ съ Германіей, политического и экономическихъ, о которыхъ въ подробности изложено выше (п. п. 35 и 41) то вся ихъ совокупность такъ и осталась — въ проектѣ. Политическое соглашеніе (готовое въ началѣ октября 1918 г.) никогда и не было подписано; вслѣдствіе этого, никогда не вступали въ силу и подписанныя нами 12-го іюля 1918 г. специальная экономическая соглашенія. Даже само формальное признаніе независимой Грузіи германскимъ правительствомъ (противъ чего Россія заранѣе обязалась не возражать, согласно ст. 13 добавочного къ Брестъ-Литовскому договора) уже не могло состояться, въ виду кореннымъ образомъ измѣнившагося политического положенія.

Какъ ни глубоко было политическое униженіе Германіи послѣ принятія условій перемирія 11-го ноября 1918 г. и

*.) Нѣсколько позже переехалъ въ Швейцарію и А. Чхенкели. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузіи былъ (въ началѣ ноября) назначенъ Е. Гегечкори. Другихъ измѣненій въ личномъ составѣ грузинского правительства въ связи съ концомъ «германской ориентации» не произошло.

послѣ революціи, дѣйствительная мѣра этого униженія не была еще ясна и не сознавалась даже самыми вдумчивыми людьми. Напримѣръ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣль вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ!) еще въ возможность осуществленія грузино-германскихъ проектовъ! «Но постараитесь поскорѣе склонить на вашу сторону державы согласія. Это будетъ для васъ дѣломъ труднымъ такъ какъ державы эти, въ стремлѣніи поскорѣе восстановить единую Россію, будутъ противъ б. окраинъ. Кромѣ того, армяне сдѣлаются теперь естественно любимицами «Антанты». Имъ постараются утереть слезы — и претензіи ихъ на ваши уѣзды — Борчалинскій, Ахалкалакскій будутъ теперь для васъ опасны» — таковы были предположенія, высказанныя д-ромъ Гепперть въ послѣдней моей съ нимъ бесѣдѣ (14-го ноября 1919 г.).

По словамъ Г., грузинское правительство въ этотъ тяжелый для Германіи моментъ показало генералу Крессу въ Тифлісѣ много деликатности и вниманія.*)

«Смутное время и у насъ» — замѣтилъ Г. «Да, утѣшилъ я его, «теперь вы займетесь тою задачею, которую, въ скромномъ масштабѣ, старалось разрѣшить грузинское правительство: демократія и соціализмъ — безъ «большевизма». Заднимъ числомъ, вы, можетъ быть, воздадите теперь Грузіи должное»**).

Съ своей стороны, Грузія уже воздала должное Германії: ея поддержка несомнѣнно облегчила первые мѣсяцы грузинской независимости. Но то, что называлось «германской ориентацией» Грузіи не имѣло уже подъ собою почвы въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ Европы.

47.

Брестъ-Литовскій договоръ, со всѣми дополнительными къ нему соглашеніями, признанъ былъ утратившимъ силу (п. XV условій перемирія съ Германіей, подписанныхъ 11 ноября 1918 г.) какъ съ точки зреянія союзниковъ, такъ и въ

*) Въ Тифлісѣ вмѣстѣ съ германской миссіей оставалось еще 500 человѣкъ германскихъ войскъ, эвакуированныхъ нѣсколько позже. Всего германцы пробыли въ Грузіи около пяти мѣсяцевъ (июнь-ноябрь 1918 г.).

**) Въ официальныхъ германскихъ сужденіяхъ о Грузіи 1918 г. несомнѣнная симпатія смыкалась съ ужасомъ образцовыхъ чиновниковъ, при видѣ разныхъ революціонныхъ непорядковъ и недостаточной дѣловитости грузинскихъ правителей. Но откуда-бы они ее взяли, эту дѣловитость!

отношенияхъ между Германіей и совѣтской Россіею. (Московское правительство сообщило германскому ноябрю, что не считаетъ себя болѣе связаннымъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ); и хотя тѣмъ самимъ, на благо Грузіи и Арменіи, наносился ударъ вновь пріобрѣтеннымъ правамъ Турціи на три санджака (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ), но, съ другой стороны, уничтожалось и постановленіе ст. 13 «добавочнаго» русско-германского договора 27-го августа, содержащей замаскированное признаніе грузинской независимости Совѣтскимъ правительствомъ (см. выше, п. 36); и это былъ несомнѣнно шагъ назадъ въ дѣлѣ международного упроченія независимости Грузіи.

Центръ всѣхъ признаній, рѣшеній, поддержаній и поощрений перемѣщался на Западъ, въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ собраться конгрессъ или конференція побѣдителей. Путь же въ Парижъ лежалъ для насъ черезъ Лондонъ, не только по географическимъ условіямъ тогдашнихъ сообщеній, но и политически: перемиріе съ Турцией, главнымъ непріятелемъ на азіатскомъ Востокѣ, было дѣломъ рукъ великобританскихъ и закавказкихъ странъ принимались въ соображеніе, какъ одинъ изъ театровъ кончавшейся войны, именно въ конвенціи о перемиріи съ Турцией, подписанной британскимъ адмираломъ Артуромъ Колсорпомъ (Calthorpe) 30 октября 1918 г.*). Кромѣ того, и по условіямъ дислокациіи союзныхъ войскъ на Востокѣ, и въ виду особаго положенія, которое Англія явно стремилась тамъ занять, слѣдовало ожидать въ гости въ Закавказье именно англичанъ, а не кого другого. Представлялось, поэтому, необходимымъ какъ можно скорѣе вступить въ непосредственное сношеніе съ британскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, чтобы подготовить съ этой стороны «приспособленіе» независимой Грузіи къ новой международной обстановкѣ, въ особенности когда сама эта «обстановка», въ видѣ англійскихъ войскъ, собиралась вступить въ наши предѣлы.

Вступали они туда, конечно, въ качествѣ «войскъ союзныхъ державъ» — на мѣсто уходившихъ теперь съ Кавказа

*). Конвенція эта, подписанная на борту «Агамемнона», въ портѣ Мудросъ (на остр. Лемносъ) и составленная на английскомъ языке, носитъ съ турецкой стороны подписи Рауфъ-бая (нынѣ, въ 1923 г., главы ангурскаго правительства) и Решадъ-Хикмета, мною выше уже упомянутыхъ. Текстъ см. напр., въ 1-омъ томѣ A History of the Peace Conference of Paris ed. by H. W. V. Temperley. L. 1920. P. 495-7.

германо-турковъ. Но никакой опредѣленной союзной политики въ кавказскихъ дѣлахъ не могло еще, конечно, сложиться; у англичанъ-же такая политика могла быть, и выясненіе этой политики, согласованіе съ нею, или, по-просту говоря, использование ея въ интересахъ охраненія и укрѣпленія грузинской независимости становилось основной очередной задачей; тѣмъ болѣе что самъ текстъ мудросской конвенціи *совершенно игнорировалъ* закавказскія государственные новообразованія.

Это не значитъ, что конвенція это игнорируетъ Закавказье. Напротивъ, она рассматриваетъ его какъ добро, поступающее нынѣ подъ контроль союзниковъ. Ст. XI касается очищенія закавказскихъ провинцій (какъ и сѣверо-западной Персіи) турецкими войсками. Ст. XV говоритъ объ установлении союзного контроля по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто турецкаго. Дороги переходятъ въ «свободное и полное» распоряженіе союзниковъ (съ принятіемъ во вниманіе нуждъ населенія). Батумъ будетъ занятъ союзниками. Турція соглашается и на занятіе ими Баку*).

Ни Грузія, ни Азербайджанъ при этомъ не упомянуты: официально въ это время время они не существуютъ еще для союзниковъ. Кавказская Арmenія также не упомянута. Зато есть многозначительный намекъ въ ст. XXIV, предоставляющей союзникамъ право занимать части *шести армянскихъ вилайетовъ*, въ случаѣ безпорядковъ.

Когда Турція поставлена на колѣни, а всесильный побѣдитель дѣлаетъ такой намекъ, то для большинства нѣть сомнѣній: армянамъ обѣщаны шесть вилайетовъ. Небольшое усиленіе «толкованія», и выводъ ясенъ: «союзники рѣшили создать независимую Арmenію — съ отнесеніемъ къ ней шести турецкихъ вилайетовъ»**). Какъ не воспрянуть духомъ — эриванскимъ армянамъ, скавшимся подъ турецкимъ нажимомъ лѣта 1918 г.? Конецъ турецкой оккупации; вмѣсто нея — британская оккупация и «шесть вилайетовъ». Наша взяла — теперь

*) Это «согласіе» Турціи на занятіе союзниками не принадлежавшаго вовсе туркамъ Баку упомянуто было, вѣроятно, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Позже въ этомъ усмотрѣли направленную противъ Россіи англійскую интригу. См. напр. письмо хорошо освѣдомленнаго автора V. M. въ Times, 10 апрѣля 1920 г. (*The Future of Baku. Turkey and Azerbaijan*).

**) Это соотвѣтствовало не только традиціи армянскихъ политическихъ дѣятелей, но и чисто кабинетнымъ взглядамъ многихъ арmenoфиловъ въ Европѣ и Америкѣ.

можно и разжаться: Грузія почувствуетъ на себѣ всю энергік этого настроенія, когда, въ декабрѣ 1918 года, эриванское правительство дастъ своимъ войскамъ приказъ занять Борчалинскій и Ахалкалакскій уѣзды б. Тифлисской губ. Но это эпизодъ сравнительно маловажный.

Гораздо хуже было то, что теорія «шести вилайтевъ» вкрапленная очень неосторожно въ текстъ чисто военного документа создало «настроеніе» и среди турокъ: не одинъ ножъ зажался въ мускулистой рукѣ.

Достойнымъ образомъ начиналось одно изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій политического дилеттантизма нынѣшаго времени: разрѣшеніе армянского вопроса великими западными демократіями.*)

*) Сводку заявлений, болѣе или менѣе офиціальныхъ, и во всякомъ случаѣ очень отвѣтственныхъ, сдѣланныхъ, преимущественно въ 1918 г., руководящими государственными людьми, какъ президентъ Вильсонъ, Ллойдъ Джорджъ, Клемансо, Бальфуръ и др. по армянскому вопросу (въ томъ смыслѣ, что освобожденіе Армении составляетъ одну изъ цѣлей войны) можно найти въ изданіяхъ армянскихъ организаций, напр. въ брошюре *The Case of Armenia*, изданной въ 1919 г. Армянскимъ национальнымъ союзомъ въ Америкѣ (*The Armenian National Union of America*). Отмѣчу особенно резолюцію, внесенную въ Сенатъ С. А. С. Штатовъ извѣстнымъ сенаторомъ Ладжъ (*Lodge*) 10 декабря 1918 г., согласно которой будущая независимая Армения должна включать Турецкую Армению (въ составѣ шести вилайетовъ и Киликіи), русскую Армению и сѣверную часть перс. Азербайджана (персидская Армения). Приложенная къ цитируемому изданію карта будущей Армении проводить с.-в. границу ея по р. Курѣ (прибл. отъ Елисаветполя до впаденія въ Каспійское море). Армения омывается (на этой картѣ) тремя морями: Чернымъ, Средиземнымъ и Каспійскимъ.

ГЛАВА XVIII.

КУРСЪ НА ЗАПАДЪ.

48.

19 ноября 1918 г., т. е. спустя какую-нибудь недѣлю послѣ капитуляціи Германіи, я выѣхалъ изъ Берлина въ Христіанію, куда прибылъ 21-го. Англійскій посланникъ былъ въ отсутствіи, и просьба моя о разрѣшеніи вѣзда въ Лондонъ была передана туда повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Овей, съ котороимъ какъ впрочемъ и съ французскимъ посланникомъ г-омъ Эдмондомъ Баптѣ, я продолжалъ теперь начатыя лѣтомъ бесѣды на кавказскія темы. Г. Овей сообщилъ, между прочимъ, что въ отвѣтъ на донесеніе о моемъ сентябрьскомъ разговорѣ съ сэромъ Мэнсфильдомъ Финдлей, британской миссіи поручено было изъ Лондона запросить отъ меня свѣдѣнія по цѣлому ряду вопросовъ, касающихся фактическаго положенія въ Закавказіи и на Сѣверномъ Кавказѣ. Свѣденія эти не могли быть тогда-же отъ меня получены, вслѣдствіе моего возвращенія въ Берлинъ: теперь я поспѣшилъ удовлетворить любознательность лондонскаго министерства.

Ходатайство мое — о разрѣшеніи прїѣзда въ Лондонъ, по порученію грузинскаго правительства, въ связи съ вопросомъ о признаніи послѣдняго, не было очевидно ходатайствомъ совершенно обычнымъ. Оно было, по моей просьбѣ, поддержано передъ англійскимъ правительствомъ г. Оливеромъ Уордропъ*)

*) Джонъ-Оливеръ Уордропъ (нынѣ сэръ Д. О. У.), видный представитель великобританской консульской службы и англійской университетской культуры, также какъ сестра его, миссъ Марджори Уордропъ (умер. 1909), посвятилъ много времени и труда исторіи и литературѣ Грузіи. Изъ работъ его въ этой области укажу здѣсь только на блестящее написанное предисловіе къ (сдѣланному его сестрою) прозаическому англійскому переводу

изъ Бергена; а въ Лондонѣ обѣ ускореніи этого разрѣшенія долженъ быть хлопотать Д. Гамбашидзе, имѣвшій нѣкоторыя связи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. И съ однимъ, и съ другимъ я снесся немедленно по прибытіи въ Норвегію. Въ самомъ началѣ декабря разрѣшеніе было получено, и «согласно инструкціи Главнаго Секретаря Е. В. по внѣшнимъ дѣламъ» — таковымъ былъ тогда Бальфуръ — «дипломатическая виза» украсила мой паспортъ — первое проникновеніе независимой Грузіи въ тотъ лагерь, — послѣ пятимѣсячнаго прохожденія сквозь «огонь и мѣдные трубы» Средней Европы. «Проникаль» пока я одинъ, и этому не помѣшало столь грѣшное пребываніе въ Берлинѣ. Единственная оговорка, сопровождавшая допущеніе мое въ Лондонъ, заключалась въ томъ, что «предоставленіе мнѣ льготной визы не означаетъ, однако, еще признанія грузинскаго правительства». Въ этомъ, конечно, и сомнѣнія не было: я и ъхаль-то въ Англію, чтобы «подготовить почву» для такого признанія.

Морскія сообщенія Норвегіи съ Англіей находились подъ строжайшимъ военнымъ контролемъ. Прибывъ въ Бергенъ 7-го декабря, я обеспечилъ себѣ мѣсто на пароходѣ, отходившемъ въ Англію 9-го числа. Тогда же, т- е. 7-го декабря мнѣ удалось повидать и впервые познакомиться съ Оливеромъ Уордропъ, британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Это былъ впрочемъ, послѣдній день его тамъ пребыванія: онъ возвращался теперь съ семьей въ Англію.

Что «эмиссарь» Грузіи у самого порога въ предѣлы Великобританіи долженъ былъ встрѣтить и получить поддержку старого испытанного друга грузинскаго народа — въ этомъ было нѣчто провиденціальное. О. Уордропъ былъ, вѣроятно, очень огорченъ грузино-германскимъ сближеніемъ 1918 го-

знаменитой поэмы Руставели «Человѣкъ въ барсовой кожѣ» (*The Man in the Panther's Skin. A Romantic epic by Shot'ha Rust'haveli. A close rendering from the Georgian attempted by Marjory Scott Wardrop. London. 1912.*) Издание Королевскаго Азиатскаго Общества) и на сдѣланный имъ переводъ *Висраміані*, т. е. древнегрузинской версіи чрезвычайно важнаго памятника до-мусульманской литературы Персіи, не сохранившагося въ пехлевийскомъ подлинникѣ, но дошедшаго до настъ въ персидской (стихотворной) и грузинской (прозаической) редакціяхъ. (*Visramiani. — The story of the loves of Vis and Ramin. A romance of ancient Persia. Translated from the georgian version by Oliver Wardrop. L. 1914.*).

да; однако, его глубокая привязанность къ Грузіи говорила въ немъ сильнѣе всего. Мы могли рассчитывать на его помощь и въ Лондонѣ.

...Бергенъ расположенъ красиво подъ утесами, у фюорда. «Нѣмецкая пристань», въ ганзейскомъ духѣ, очень характерна. Во всемъ чувствуется соленый запахъ моря, точнѣе — океана, на другомъ концѣ котораго — Америка; — зажиточность, предпріимчивость, вмѣстѣ съ непоколебленной еще простотою жизненнаго уклада и легкою обозримостью всей жизни — преимущество небольшихъ культурныхъ народовъ и такихъ же городовъ!

9-го декабря, темною ночью, пустились въ плаваніе по морю, такъ недавно еще страшному, благодаря рыскавшимъ по нему подводнымъ лодкамъ, и еще полному минъ.

Раннимъ утромъ, когда всѣ еще спали, при полномъ спокойствіи внезапно услышали короткій отрывистый трескъ, грохотъ: что-то ударило въ пароходъ или пароходъ обо-что-то ударился. Движеніе сразу замедлилось. Первая мысль — это мина! «Мина, мина» закричали въ коридорѣ. Всеобщее отчаяніе. Забѣгали, завопили по всѣмъ угламъ. «Ясное дѣло, тонемъ». Стали одѣвать спасательные пояса. А пароходъ уже накренился такъ, что трудно было стоять. «На верхъ, всѣмъ на верхъ!» скомандовалъ кто-то. Словомъ, пережили все, что полагается пережить при «попаданіи» мины въ пароходъ. Это, однако, не была мина: мы напоролись на острый, непоказанный на картѣ, рифъ — и сѣли на него. Приказано было спуститься въ шлюпки, которыя и высадили насъ въ Копервикѣ.

...На слѣдующее утро вышли въ открытое море и сразу попали въ бурю — ими славится Сѣверное море зимою. Волны кругомъ парохода ходили огромныя, черныя, съ бѣлыми гребнями и подпалинами. Качка все время была неописуемая. Лежа на койкѣ, можно было видѣть свои ноги то сверху внизъ, то снизу вверхъ. А когда качка дѣлалась килевою, вторая, параллельная койка была все время то надъ вами, то подъ вами.

Наконецъ, вечеромъ 12 декабря, вошли въ каналъ и поднялись къ Ньюкестлю (въ переводѣ на грузинскій — Ахалцихѣ). Сплошныя фабрики, доки, дымовые трубы — царство угля, желѣза и дѣловитости, одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ удивительного острова, охраняемаго пловучими батареями и цитаделями! Утромъ 13-го декабря высадились. Просма-

трявая мою визу, одинъ изъ чиновниковъ замѣтилъ: «Георгія, это, кажется, около Румыніи».

Понеслись по зеленой Англіи, всюду встрѣчая военныхъ съ довольными, свѣжими лицами побѣдителей, и прибыли на вокзалъ Кингскроссъ.

Мнѣ не трудно было угадать въ толпѣ Давида Гамбашидзе,* предупрежденного телеграммою о моемъ пріѣздѣ. Начиналась лондонская глава «хожденія по дѣламъ Грузіи».

49.

Я не собираюсь передавать въ подробностяхъ переговоровъ или разговоровъ, которые велись въ Лондонѣ на тему о независимости Грузіи.

Сравнительно съ Берлиномъ, главная особенность политического положенія заключалась теперь въ томъ, что какъ для главныхъ державъ Европы, такъ и для С. А. С. Штатовъ получалъ огромное значеніе вопросъ о возстановленіи государственного порядка въ Россіи (на совѣтской режимъ, про-державшійся тогда уже свыше года, многіе смотрѣли какъ на аномалію, затянувшуюся сверхъ ожиданія). Это было время диктатуры адмирала Колчака въ Сибири, организаціи добровольческихъ силъ на югѣ, время усиленной работы недавно еще авторитетныхъ представителей россійской дипломатіи въ главныхъ центрахъ въ пользу вооруженного вмѣшательства, или-же помоши деньгами и оружіемъ генераламъ и организаціямъ, спасавшимъ Россію съ разныхъ концовъ.

Что теченіе это относилось вполнѣ отрицательно** къ идеѣ независимости бывшихъ окраинъ Россіи, что такое отрицательное отношеніе внушалось русскими дѣятелями правительствамъ Западныхъ державъ, — вчерашнимъ союзникамъ —

* Братъ упомянутаго выше д-ра Вахтанга Г., Давидъ Г-дзе былъ раньше секретаремъ Русско-британской торговой палаты въ Лондонѣ. Имъ было сдѣлано много для популяризациіи въ англійскихъ правительственныйыхъ и дѣловыхъ кругахъ идеи независимости Закавказскихъ республикъ. См. о немъ любопытную страницу у Lieut.-col. Repington. The first World War. 1914-1918. Vol. II. p. 182.

**) Въ этомъ я вижу одно изъ самыхъ глубокихъ и роковыхъ недоразумѣній русской противосовѣтской политики.

что новоявленные республики подвергались огульнымъ и систематическимъ нападкамъ, осмѣянію и сарказмамъ—извѣстно всякому. Атмосфера эта, конечно, затрудняла работу и въ вопросѣ о признаніи независимости Грузіи.

Однако, и эта работа не была столь безнадежной, какъ многимъ казалось. Очень скоро выяснилось — и мы были вовсе не послѣдними, открывшими это — что обѣ тенденціи могутъ быть согласованы; что, въ частности, Великобританія превосходно можетъ, разъ это ей угодно, поддерживать всячески стремлениія русскихъ возстановить Россію, а, одновременно, отнестишись съ должнымъ вниманіемъ и къ вновь образовавшимся республикамъ. Я буду, кажется, правъ, если скажу, что въ англійской политикѣ *преобладало* въ этотъ моментъ стремленіе помочь возстановленію Россіи; но что тамъ, имѣлась почва и для симпатій по отношенію къ новымъ республикамъ какъ по принципіальнымъ основаніямъ (вѣра либераловъ, трудовиковъ и др. въ право самоопределѣнія, въ начала демократіи и пр.) такъ, отчасти, и вслѣдствіе спеціальной заинтересованности. Для балтійскихъ республикъ получалъ значеніе вопросъ о морскихъ интересахъ державъ въ Балтійскомъ морѣ; Грузія могла нащупать старое, отчасти заброшенное русло былыхъ такъ наз. Биконс菲尔довыхъ идей о необходимости ставить барьеръ русскому проникновенію въ Передней Азии и т. д.

Словомъ, наряду съ основнымъ теченіемъ политики, благопріятнымъ возстановленію единой Россіи, существовали мотивы и интересы хоть и второго плана, однако достаточно отчетливые, чтобы служить основою для защиты независимости окраинныхъ государствъ.

Попытка *преодолѣнія* этой двойственности заключалась въ отвлеченнѣй идеѣ федераціи, т. е. возстановленія русского единства путемъ федеративного объединенія отдѣльно существовавшихъ частей бывшей Имперіи. Идея эта, въ видѣ намековъ и внушеній, играла съ самого начала свою роль въ сношеніяхъ окраинныхъ делегатовъ съ Англіей (позже ее стали усваивать, стараясь попутно обезвредить, и въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ); однако, двойственность, о которой сказано выше, проникала всю политику Англіи въ теченіе всего 1919 года.

Впрочемъ, въ этотъ моментъ «единая Россія» была всего лишь программою, независимая-же Грузія (чтобы вернуться

къ ней) — действительностью, фактомъ, съ которымъ приходилось считаться... хотя бы при установлении железнодорожной связи между Батумомъ и Баку (въ силу Мудросского перемирия). Все это придавало вопросу определенное жизненное значение, и мы имѣли возможность обсудить его весторонне съ представителями великобританского правительства. Разумѣется, мы говорили и за Азербайджанъ, не имѣвшій еще въ Лондонѣ своего представителя, а темы нашихъ бесѣдъ выходили далеко за предѣлы Закавказья.

Итакъ, «возстановленіе единой Россіи» было однимъ изъ главныхъ наважденій этихъ дней; намъ-же было естественно, привѣтствуя это объединеніе, выражать въ то же время пожеланіе, чтобы Грузія и вообще Закавказье были изъ этого плана исключены.

Мотивировка такого пожеланія, письменная и устная, не представляла особыхъ затрудненій и, такимъ образомъ, англійское правительство могло познакомиться обстоятельно съ политическими стремленіями Грузіи и ея союзей, съ ихъ конечными цѣлями, — какъ разъ въ то время, когда начали размѣщаться въ различныхъ пунктахъ Закавказья британские военные отряды, занимавшіе ихъ согласно Мудросской конвенціи 30-го октября.

Начало нашихъ дипломатическихъ сношеній въ Лондонѣ совпало, такимъ образомъ, съ началомъ практическаго ознакомленія англичанъ съ новыми закавказскими республиками, на мѣстѣ, въ концѣ 1918 года.

Намъ предоставлена была возможность сноситься телеграфно съ Тифлисомъ; грузинское правительство оповѣщено было своевременно о пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и скоро вслѣдъ за тѣмъ мы могли уже извѣстить его о «благопріятномъ приемѣ, о надеждѣ получить признаніе de facto, а позже — и формальное признаніе», а также о томъ, что «распространяемые слухи о возстановленіи единой, нераздѣльной Россіи не имѣютъ отношенія къ Грузіи, независимость которой имѣетъ твердые шансы».

Наконецъ, 31-го декабря 1918 года мы (т. е. я и Д. Гамбашидзе) получили изъ Foreign Office'a ноту, за подписью сэра Луиса Маллета (товарища министра иностранныхъ дѣлъ), въ которой сообщалось, что правительство Е. В. съ симпатіей отнеслось къ провозглашенію независимой грузинской респуб-

лики и готово отстаивать ея признаніе на мирной конференціи*.

Такъ совершился — спустя какихъ нибудь десять недѣль послѣ окончательнаго принятія нами въ Берлинѣ проекта грузино-германскаго трактата — переводъ грузинской политики на новые рельсы, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Моя обязанность и роль «стрѣлочника» была выполнена: теперь отъ грузинскаго правительства въ Тифлисѣ зависѣла «эксплуатација успѣха».

*) Существование этой ноты было передано по телеграфу грузинскому правительству, и вызвало отвѣтную благодарственную телеграмму грузинскаго мин. иностран. дѣлъ Гегечкори (январь 1919 г.).

ГЛАВА XIX.

НОВАЯ ВАРИАЦІЯ НА ПРЕЖНІЮ ТЕМУ.

50.

Наши телеграммы о «благожелательномъ пріемъ» въ Лондонъ получены были въ Тифлісъ въ очень критический для грузинского правительства моментъ и пришлись весьма кстати.

Словами «критический моментъ» я вовсе не желаю сказать, что положеніе правительства Н. Жорданіа внутри страны было сколько нибудь шаткимъ — оно было, напротивъ, совершенно прочнымъ — а имѣю лишь въ виду осложненія вызванныя почти одновременно, армяно-грузинскимъ пограничнымъ столкновеніемъ декабря 1918 г. т. е. наступленіемъ армянскихъ войскъ въ Борчалинскомъ уѣздѣ б. Тифлісской губерніи — и прибытіемъ англійскихъ отрядовъ и союзныхъ миссій въ предѣлы Закавказья.

Распространялись разными недоброжелателями слухи о намѣреніяхъ побѣдоносныхъ союзниковъ уразднить возникшія тамъ республики, слухи фантастические, но тревожные; англійские военачальники не могли такъ легко и быстро приспособить свою политическую терминологію ни къ сложившимся въ Закавказье въ послѣднее время порядкамъ (совсѣмъ не то, что было при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ!), ни къ щепетильности молодыхъ правительствъ. Были, конечно, вліянія, стремившіяся, особенно, повредить грузинскому правительству во мнѣніи англичанъ неумными ссылками на зазорную будто-бы дружбу ихъ съ германцами и чуть не съ турками. Не стану углубляться въ этотъ предметъ. Въ общемъ, британскіе генералы скоро освоились съ фактомъ существованія независимаго грузинского правительства тамъ, гдѣ формально полагалось быть лишь Закавказской провинціей Россійскаго

государства; а грузинское правительство не сочло нарушеніемъ грузинской независимости прибытие и пребываніе въ Грузії англійского отряда, ибо происходило это, согласно общему плану умиротворенія Европы.... на «вильсоновскихъ» началахъ и по желанію всей совокупности державъ — умиротворительницъ. Кое-какъ, на этихъ основаніяхъ, намѣтился *modus vivendi*.

Съ помощью англійской и французской миссій было прекращено грузино-армянское столкновеніе — какъ разъ въ моментъ, когда армянскія части, вторгшіяся далеко въ глубь Борчалинского уѣзда, перешли въ отступленіе. Заключительная часть этого столкновенія (длившагося, къ счастью, не болѣе 10 дней) стала намъ извѣстной въ Лондонѣ изъ слѣдующаго сообщенія газ. *Times* (отъ 10-го января 1919 г.): Багдадъ. 1 января. «Начиная съ 19 декабря произошло три сраженія между армянскими и грузинскими войсками: на границѣ Ахалкалакского уѣзда, у Екатериненфельда (въ Борчалинскомъ уѣздѣ) и у станціи Садахло (жел. дор. Тифлісъ-Александровъ). Всѣ сраженія окончились полнымъ пораженіемъ армянъ, причемъ, грузины захватили множество плѣнныхъ и орудія. — По послѣднимъ извѣстіямъ грузины наступаютъ и заставили армянъ отойти къ Аллаверды. При этомъ захвачены броневики и плѣнные, въ ихъ числѣ русскіе офицеры.»

О занятіи же уѣздовъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго грузинскими частями (послѣ ухода турецкихъ вооруженныхъ силъ и очищеніи этихъ провинцій отъ остававшихся «бандъ») намъ было и раньше извѣстно изъ сообщенія британского военного министерства.

Военные дѣйствія, по обоюдному соглашенію, были прекращены съ 31 декабря 1918 г.*). Армяне вернулись къ своему исходному положенію — которое они занимали фактически на южной окраинѣ Борчалинского уѣзда, по уходѣ оттуда турокъ, (т. е. съ осени 1918 г.) и откуда они повели свое наступленіе. Между этой территоріей и сѣверной частью уѣзда, остававшейся подъ грузинскимъ управлѣніемъ, установлена была нейтральная зона. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ сохранилась грузинская администрація.

Этотъ компромиссъ быль принятъ по соглашенію грузинскаго правительства съ союзными миссіями, принятому за-

*) Дѣйствія эти едва-ли можно называть «войною». Во всякомъ случаѣ, большихъ жертвъ кровью она не потребовала. Тѣмъ лучше для «сторонъ»!

тъмъ и армянскимъ правительствомъ, несмотря на представленные имъ возраженія.

Въ общемъ, моментъ былъ довольно тяжелый; союзныя миссіи потребовали было даже очищенія грузинами Ахалцихскаго уѣзда, что категорически было отвергнуто грузинскимъ правительствомъ; и, несмотря на благопріятный для Грузіи исходъ столкновенія съ армянами, чувствовалось появленіе нового могущественнаго фактора, намѣренія которого далеко не были ясны, и въ отношеніи Грузіи явно предубѣжденнаго. «Мы отрѣзаны, говорилъ Гегечкори въ грузинскомъ парламентѣ 3-го января 1918 г., дѣлая сообщеніе о положеніи, созданномъ нападеніемъ армянъ и приходомъ союзниковъ: отъ Европы, мы лишены средствъ довести до Европы и ея демократіи о всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, которыя здѣсь совершаются и которыя могутъ еще совершиться, но до настѣ уже доходятъ отдаленные голоса, предвѣщающіе намъ скорый разсвѣтъ». Такимъ «отдаленнымъ голосомъ» была въ даномъ случаѣ полученная грузинскимъ правительствомъ наканунѣ (т. е. 2 января) телеграмма наша отъ конца декабря, о которой сказано выше (см. стр. 164). Сообщеніе это вызвало «горячіе апплодисменты» парламента: министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи имѣлъ большой успѣхъ въ этотъ день.

Было, однако, очень прискорбно, что не осуществилась сначала-же, т. е. въ концѣ 1918 г. созданная грузинскимъ правительствомъ конференція кавказскихъ республикъ по общимъ ихъ дѣламъ, (включая и вопросъ о границахъ). Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ концѣ октября 1918 года, но въ формѣ, которая вызвала неудовольствие со стороны армянъ. И дѣйствительно тонъ «пригласительной» ноты, подписанной Н. Рамишвили (исполнившимъ, до назначенія Гегечкори, обязанности министра иностранныхъ дѣлъ) нѣсколько напоминаль... циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Однако, само-то намѣреніе было прекрасное, и армянамъ, конечно, надлежало договориться съ грузинскимъ правительствомъ о конференціи, а не ... переходить въ наступленіе.

Досадно было не только то, что не состоялась проектированная тогда конференція, но въ еще большей степени то откладываніе дѣла въ долгій ящикъ, которое естественно вытекало изъ послѣдняго пункта компромисса, принятаго 25 декабря 1918 года Н. Жорданіа, великобританскимъ генерал-майоромъ Райкрофтъ и полковникомъ французской службы Шардини, а именно: «представители обоихъ государствъ,

Грузії и Арменії, будуть въ скоромъ времени отправлены въ Европу, где весь вопросъ относительно границъ будетъ рѣшенъ Великими Державами». Этимъ путемъ очень лекомысленно создавалась и очень легковѣрно воспринималась иллюзія, будто-бы великія державы или — какъ выражался Гегечкори — «демократія Европы» станутъ торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса... о Борчалинскомъ или Ахалкалакскомъ уѣздѣ. До вопроса этого никому не было ни малѣйшаго дѣла: онъ, «принимался къ свѣдѣнію» съ «подшипіемъ къ дѣлу» въ тѣхъ бюро, кого онъ могъ касаться. Вообще-же, вопросъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ заинтересовать кого-бы то ни было въ Европѣ въ 1919 году, и отказавшись отъ усилий, труда и напряженія, необходимыхъ для рѣшенія его и другихъ подобныхъ вопросовъ прямымъ между собою переговорами, закавказскія республики беззаботно и непредусмотрительно подготовляли себѣ новыя затрудненія и бѣды въ будущемъ.*)

51.

Одновременно съ получениемъ нами въ Лондонѣ первыхъ извѣстій о всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ, сдѣлалась извѣстной программа независимой Арmenіи, которую собирался защищать передъ мирной конференціей, отъ лица цѣлокупной Арmenіи, Богось Нубарь-паша, глава такъ называемой национальной делегаціи, назначенной армянскимъ католикосомъ и выступившей въ Европѣ еще въ эпоху балканскихъ конференцій въ Лондонѣ 1912-1913 г. г. Программа эта была подробно изложена на страницахъ Times'a (31 декабря 1918 г.), съ приложеніемъ карты.

Предѣлы такъ наз. русской Арmenіи показаны были на картѣ явно неправильно (съ преуменьшеніемъ) и, несомнѣнно было, что почтенный авторъ программы не въ курсѣ того, что происходило въ Закавказье. Зато въ предѣлахъ Турціи границы будущей Арmenіи показывались съ большимъ размахомъ:

*) Документы, касающіеся грузино-армянского конфликта конца 1918 года и армянского вторженія, напечатаны въ послѣдней части сборника «Документы и материалы» и т. д. Въ частности, переписка обѣй основаніяхъ компромисса въ N N 251-255. Подробныя данныя о переговорахъ между Грузіей и Арmenіей въ теченіе всего этого периода и обѣ усилияхъ грузинского представителя въ Эривани С. Г. Мдивани предотвратить столкновеніе, т. е. обращеніе армянъ къ силѣ, см. въ другомъ сборникѣ изданномъ грузинск. правительствомъ въ 1919 г.: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ.*

Сивасъ, Мерсина, Адана, Александретта, Диарбекиръ, не говоря уже о Битлисѣ и Ванѣ, включались въ Арmenію. На Чёрномъ морѣ она получала большую часть побережья между Самсуномъ и Батумомъ и т.д. Разумѣется, то были максимальныя требованія.*). Приходилось все же считаться и съ официальнымъ положеніемъ автора всей схемы, и съ заявленіемъ его о надеждѣ Арmenіи получить поддержку (временнуу) Англіи, Франціи или Америки («мандатъ») и даже съ завѣреніемъ его, что это новая Арmenія *станетъ реальностью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.*

Такая Арmenія переставала быть кавказскою Арmenіею. Вопросъ кавказского объединенія приходилось въ этомъ случаѣ ставить совершенно по-новому. Возможность появленія по сосѣдству съ нами державы-носительницы армянскаго мандата давала, въ свою очередь, пищу для политическихъ «спекуляцій». Наконецъ, неизбѣжное, въ случаѣ осуществленія армянской программы, возвращеніе Азербайджана въ орбиту кавказскую послѣ турецкихъ увлеченій 1918 года, давала, вмѣстѣ съ остальными открывавшимися «возможностями», достаточно материала для разныхъ догадокъ и размышлений.

Не знаю, вѣрили ли авторы этого проекта новой Арmenіи въ его осуществимость; полагаю, что они — какъ впрочемъ и многие другіе, далеко переоцѣнивали силу, могущество и ресурсы державъ — устроительницъ мира. Было-бы печально, сказаль я себѣ, если бы наши стремленія упрочить независимость кавказскихъ республикъ оказались — или показались людямъ свѣдущими и осторожными — такою-же мечтой, такой-же химерой — какой представлялась многимъ идея независимой Арmenіи, какъ она была изложена въ декларациіи Нубара.

Но повторяю: съ этимъ планомъ трудно было согласовать привычное представление объ Арmenіи, какъ странѣ обращенной преимущественно къ Закавказью. Въ противоположность га-даніямъ о Киликіи и «шести вилайетахъ», Эриванская или «араратская» Арmenія была *живою дѣйствительностью*: возникло армянское государство и строилось, трудами самихъ армянъ. Можно было и слѣдовало ожидать теперь серьезнаго приращенія территории этой Арmenіи со стороны Турціи: но, по убѣжденію моему, не въ такихъ размѣрахъ чтобы колебался планъ союзного единенія Грузіи, Арmenіи и Азербайджана,

*). Если, конечно, не считать тріединой (русско-турецко-персидской) Арmenіи американскихъ резолюцій. См. выше стр. 157

какъ единственная формула разрѣшенія кавказского вопроса, согласуемая съ болѣе широкими перспективами политики и исторіи.

Увлекательный миражъ Великой Армениі съ выходомъ въ Средиземное море, поощряемый, казалось, великими державами, получившій благословленіе всемогущаго — такъ думалось — президента Вильсона не могъ не отвлечь живыхъ стремлений армянского народа въ сторону отъ кавказской ориентациіи, и, во всякомъ случаѣ, ослабилъ — въ теченіе все-го 1919 и большей части 1920 г. г. — стимулы и мотивы такой ориентациіи. Армянамъ показалось — хотя съ самаго начала это было неправильно и неосновательно — что «Европа и Америка», «конференція» и, вообще, всѣ рѣшители судебъ отнесутся къ нимъ совершенно по-особенному, и что ихъ вопросъ не можетъ быть смѣшиваемъ напр. съ грузинскимъ и т. п. Словомъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, вполнѣ объясняющимъ армянскую политику, она естественно направилась по пути, отходившему прочь отъ торной дороги, единственно сулившей успѣхъ: союзного объединенія кавказскихъ республикъ, необходимо завершающаго процессъ государственной ихъ консолидациіи, начатый въ концѣ мая 1918 года.

Конечно, такое объединеніе могло осуществиться лишь въ определенной международной обстановкѣ.

52.

Основная мысль по этому вопросу изложена была мною, еще весною 1918 года, въ статьѣ, посвященной Брест-Литовскому договору, на которую я уже неоднократно ссылался. «И на кавказской перешеекъ — говорилось тамъ — можетъ перекинуться та идея окаймленія новой русской границы новыми же государственными образованіями, которая составляетъ какъ-бы систему брестского договора».

«Буферное государство въ Закавказье, прибавляль я, — скорѣе всего, сложнаго построенія, разрѣшшая задачу устройства этого края, представляла-бы свой смыслъ и съ точки зрѣнія прочности германского вліянія въ Анатоліи, и для «брестской» системы обеспеченія подступовъ къ Индіи и охраны пути Каиръ-Калькутта».

Уже тогда давалась, такимъ образомъ, формула о двукъ

концахъ, разсчитанная на тотъ или другой исходъ міровой войны.

Независимая Грузія и кавказскій союзъ — таковъ былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ грузинской политики въ Берлинѣ лѣтомъ 1918 г.; теперь предстояло развить и примѣнить ту же идею, но *mutatis mutandis* — примѣняясь къ условіямъ, въ которыхъ, послѣ пораженія Германіи, парижской конференціи предстояло переустраивать Европу и части Азіи.

Кавказъ какъ естественный барьеръ, раздѣляющій сферы двухъ имперіализмовъ — россійского и британскаго, — эта тема не должна была быть встрѣчена равнодушно въ Лондонѣ въ моментъ когда затѣвались и проектировались самые разнообразныя переустройства въ Европѣ, возводились новые фасады, и когда груды пригодныхъ матеріаловъ лежали готовыми, въ ожиданіи: искусствъ зодчихъ — такъ и не явившихся.

Союзъ кавказскихъ народовъ, какъ изолирующая прослойка между Россіей и странами передней Азіи (Турція и Персія), уничтожающая одну изъ главныхъ плоскостей международныхъ треній и устраниющая, тѣмъ самымъ, шансы военныхъ столкновеній между державами — вотъ другой «спектръ» той-же мысли, но согласованный не съ тревогами и нѣсколько устарѣлыми предразсудками людей, воспитанныхъ въ воспоминаніяхъ о соперничествѣ Россіи и Англіи въ Передней или Средней Азіи, — а съ замыслами и чаяніями тѣхъ, кто собирался практически работать надъ осуществленіемъ *Лиги Націй*.

Наконецъ, организація Закавказья какъ единой области для международного свободнаго транзита во всѣхъ направленияхъ и обеспеченіе этимъ путемъ свободы сношеній, открытыхъ для всѣхъ безъ различія, — съ Персіей, закаспійскими странами, Арменіей, было главной темой экономическаго трактованія все того же предмета.

Таковъ былъ «репертуаръ» политическихъ положеній, развернутый въ Лондонѣ въ концѣ 1918 года представителями грузинской республики.



Многое требовалось для того, чтобы такая программа

осуществилась: согласованная работа новыхъ кавказскихъ республикъ — это прежде всего; дѣятельная поддержка великихъ державъ; наконецъ, благопріятная общая обстановка.

Благожелательные завѣренія Англіи казались въ этомъ отношеніи уже опредѣленнымъ успѣхомъ. Армяно-грузинскій конфликтъ былъ дурнымъ предзnamенованіемъ. Все остальное было въ туманѣ.

ХХ.

ВЪ ЛОНДОНЪ НАКАНУНЪ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

ГЛАВА ХХ.

53.

Огромное страшилище «большевизма» господствовало въ центрѣ Россіи, въ ея жизненномъ узлѣ. Этотъ призракъ не давалъ покою. Политика Западныхъ державъ — по крайней мѣрѣ официальная — только что получила форму: то была политика «проволочного загражденія» или «экономического кольца» (блокады).

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ Депутатовъ 29 декабря 1918 г., коснулся, наряду съ другими вопросами, также пребыванія союзныхъ войскъ въ Батумѣ, Одессѣ, Румыніи. Онъ огласилъ при этомъ инструкцію, данную Клемансо французскимъ генераламъ, по смыслу которой задача союзниковъ заключалась въ защитѣ Украины, Кавказа (разумѣлся Сѣверный Кавказъ) и Восточной Россіи отъ нашествія большевиковъ и въ созданіи, оборонительнаго фронта. *Наступленіе* противъ большевиковъ предоставлялось самимъ русскимъ: но союзники обеспечивали ихъ материальными средствами для такой операции. Пишонъ особо остановился на вопросѣ о созданіи боеспособной украинской арміи.

Такъ возвѣщалась политика 1919 года, политика неполного и непрямого вмѣшательства въ дѣла Россіи, и такъ называлась «тактическая обстановка», съ которой и намъ приходилось сообразоваться.

Однако Грузия твердо держалась въ 1918 году нейтралитета по отношению къ гражданской войнѣ, раздиравшей уже нѣкоторая части Россіи. Не было ни принципіальныхъ оснований, ни практическихъ побужденій къ отказу отъ этой политики. Поэтому, никогда и рѣчи не было да и не могло быть — объ участіи Грузіи, какъ звена, въ томъ кольцѣ, которое должно было сжать совѣтскую Россію.

Закавказскія республики, заслоненные кавказскимъ хребтомъ, стояли пока, можно сказать въ сторонѣ отъ военно-политической системы, которая складывалась или сколачивалась на окружіи совѣтской Россіи. Если что вызывало беспокойство въ Тифлісѣ или Баку, такъ это скорѣе накопленіе на Сѣверномъ Кавказѣ противосовѣтскихъ силъ Добровольческой арміи.

Вотъ почему, главное вниманіе и можно было обращать на основные вопросы: о признаніи независимости Грузіи, о кавказскомъ объединеніи и объ исключеніи новыхъ республикъ изъ схемы возстановленія единой Россіи, составлявшаго конечную цѣль русскихъ «оставшихся вѣрными своимъ союзникамъ», а также и самихъ этихъ союзниковъ. Приходилось доказывать и пріучать умы къ воспріятію той мысли, что возстановленіе Россіи вовсе не требуетъ включенія въ нее Грузіи и, вообще, Закавказья. Важно было внушать эту мысль именно тѣмъ, съ чьей помощью собственно и дѣлались попытки возстановленія Россіи. А каковы были находившіеся въ нашемъ распоряженіи доводы, объ этомъ уже сказано выше.

Вскорѣ послѣ разъясненій, данныхъ Пишономъ французскому парламенту, въ англійской печати оглашена была англійская версія тѣхъ причинъ, по которымъ британскія войска посланы были въ Закавказье. Вотъ эти причины: необходимость принудить турокъ къ очищенію страны и прекратить столкновенія между грузинами, армянами и другими национальностями, начавшіяся съ уходомъ турокъ; и, во вторыхъ, необходимость обезпечить сообщенія съ англійскими войсками въ Закаспійской области черезъ Баку и Красноводскъ (раньше они могли снабжаться только изъ Багдада черезъ Хамаданъ — Энзели)*).

*) Официальнымъ основаніемъ для посылки англійского отряда въ Закаспійскую область (еще лѣтомъ 1918 года) указывалось желаніе помѣшать тому, чтобы туркестанскій хлопокъ попалъ въ руки германцевъ. См. Times. 10 января 1919.

Всѣ эти объясненія и «версіи» обращались къ такъ наз. общественному мнѣнію т. е. принаровлялись къ нему. По существу-же важно было одно: въ началѣ 1919 года сообщенія между Чернымъ моремъ и странами Средней и Передней Азіи очутились подъ прямымъ контролемъ Англіи.

Правительствамъ закавказскихъ народовъ давалась теперь возможность продумать исподволь и до конца вопросъ о томъ, надлежитъ-ли имъ освобождаться отъ этого контроля или, наоборотъ стараться извлечь изъ него пользу для своихъ политическихъ цѣлей.

54.

Все еще было рыхло, неопределено, расплывчато въ области политики великихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ. Недоумѣніе по поводу того, что будетъ или какъ быть съ Россіей, неизбѣжно влекло за собою недоумѣнія по всѣмъ смежнымъ вопросамъ. Какъ раздѣлить наслѣдіе Оттоманской Имперіи — и на этотъ счетъ державы были далеки отъ ясныхъ и связныхъ рѣшеній. Для насъ основное значеніе имѣль, конечно, вопросъ армянскій. Кто, въ концѣ концовъ, займется Арменіей? Вѣдь если безбрежныя «аспираціи» Нубарь-паши и «пославшихъ его» вредили дѣлу независимой Арmenіи, въ смыслѣ народнаго армянского государства (а основаніе такому и было заложено въ Эривани въ 1918 г.), то вся эта схема великой Арmenіи не такъ уже была наивна и безвыгодна, если рассматривать ее такъ объектъ экономического использованія, подъ флагомъ мандата или другимъ.

Франція, несомнѣнно, интересовалась въ это время возможнымъ протекторатомъ надъ Арmenіей. Въ этой связи говорилось и о Закавказье. Американская кандидатура была очень серьезной. Со всѣми этими «возможностями» приходилось считаться; а, въ то же время, сознавать, что по всѣмъ главнымъ вопросамъ, исходомъ которыхъ какъ-бы предопределится судьба кавказскихъ народовъ, рѣшенія не скоро будутъ достигнуты; во-первыхъ вслѣдствіи запутанности самихъ вопросовъ, (Россія! Турція!) а затѣмъ, въ виду затрудненій въ главномъ дѣлѣ, предпринятымъ державами: замиреніи Европы.

Въ этомъ отношеніи картина въ началѣ января 1919 г. была непривлекательной. Истекало уже два мѣсяца со времени заключенія перемирия, а спокойствія и увѣренности было мало; все казалось такимъ зловѣщимъ, угрожающимъ. Большеви-

ки наступали въ Балтикѣ, на Литвѣ; положеніе русскаго фронта на Уралѣ и на югѣ казалось очень неопределѣеннымъ. Польша была въ полномъ разстройствѣ, въ бывшей Австро-Венгрии границы проводили какъ придется, *de facto*; въ Германіи развивалось сильнѣйшее броженіе. Все это не только не слушало директивъ союзниковъ — побѣдителей, но, наоборотъ, какъ бы торопилось предупредить ихъ рѣшенія. Рѣшеній-же этихъ еще не было и не видно было, когда они созрѣютъ.

А между тѣмъ, въ каждомъ углу, въ каждой странѣ, взбудораженной войной, были свои «вопросы», свои болячки, казавшіяся особо острыми, особо неотложными; и вся кому мнилось, что новая могущественная инстанція, конференція величайшихъ державъ мира (выше и сильнѣе которой ничего несть!) всѣ эти вопросы разрѣшить и, прежде всего, именно... каждый данный вопросъ. Лишь бы только не рѣшили безъ нась... противъ нась!

Такое чувство должны были испытывать особенно тѣ правительства, народы или группы, которые по географической удаленности своей и въ убѣждении, что «тамъ, въ Парижѣ, уже рѣшаются... уже рѣшили», особенно боялись, чтобы не «рѣшили безъ нась».

Находившіяся въ Закавказье союзныя военные миссіи, очевидно не могли знать (въ декабрѣ 1918 г.) что конференція займется, когда-нибудь, напр. вопросомъ о проведеніи... границы между Грузіей и Арменіей въ Борчалинскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, и миссіи эти торопились, какъ мы видѣли, «отправить» — именно съ этой цѣлью — делегаціи закавказскихъ республикъ въ Парижѣ, а тамъ, — «конференція все рѣшить».

Когда я съ такой послѣшностью и, преодолѣвая всякия затрудненія, устремился изъ Константинополя въ Лондонъ, я, главнымъ образомъ, дѣлалъ это въ предвидѣніи, что грузинскому правительству понадобится очень много времени для посылки въ Европу регулярной delegaціи, и что послѣдня не окажется особенно быстроходной. Долго, думалось мнѣ, будутъ обсуждать, комуѣхать; быть можетъ, созвать совѣщеніе «свѣдущихъ людей», чтобы выяснить, какимъ путемъѣхать; чего доброго, кто нибуть предложитъѣхать... на Пекинъ

и т. д. Мало-ли, какія могутъ быть проволочки! Вотъ мнѣ и пришлось, безъ уговора съ грузинскимъ правительствомъ, въ порядкѣ, можно сказать «фактическомъ», проѣхать въ Англію и начать тамъ работу вмѣстѣ съ Д. Гамбашидзе. Съ начала января присоединился къ намъ еще К. Г—дзе, въ ноябрѣ прибывшій изъ Тифлиса въ Берлинъ и считавшійся до-того товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Чхенкели старался изъ Швейцаріи пробить «проволочное загражденіе» французскихъ предубѣждений, дабы проникнуть въ Парижъ, — но безуспѣшно. Между тѣмъ и онъ былъ включенъ въ составъ грузинской делегаціи, о выѣздѣ которой (въ декабрѣ 1918 г.) изъ Тифлиса мы освѣдомились въ Лондонѣ къ срединѣ января. Делегація эта составлена была такъ, чтобы быть въ состояніи «авторитетно рѣшать» всѣ вопросы отъ имени Грузіи; въ ней представлены были всѣ партіи, при ней состояли совѣтники, спеціалисты и т. д. Во главѣ ея находились Н. Чхеидзе и И. Церетели. Дальше Константинополя эта громоздкая организація не могла передвинуться, и большинство ея членовъ или чиновъ вынуждены было вернуться въ Грузію.

ГЛАВА XXI. ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ КОНФЕРЕНЦИИ.

55.

16 января мы прибыли въ Парижъ: бывшій еще на военномъ положеніи. Великій городъ какъ бы протиралъ глаза послѣ столь долгаго и грознаго видѣнія войны. Конецъ бомбардировкамъ, налетамъ, смертельной тревогѣ. Побѣда пришла такъ рано и такою полною, какъ никто того не ожидалъ.

Рационализованъ сахаръ, хлѣбъ — но послѣдняго, кажется, вдоволь. Рано гаснетъ электричество. Бульвары кишатъ американцами и англичанами. Французовъ еще мало вернулось изъ арміи. Много траурныхъ нарядовъ. Неслышное стена-
ніе въ воздухѣ. Трофеи тянутся отъ площади Согласія до триумфальной арки — вотъ видимые знаки войны.

Возстановленіе единой Россіи, федерація — обѣ этомъ мы столько слышали въ Лондонѣ отъ англичанъ. Опытные представители старой и молодой (1917 г.) русской дипломатіи, съ огромными связями и средствами, работали въ Парижѣ и Лондонѣ, согласуя усилія генераловъ, сражавшихся тамъ, въ Россіи — съ общимъ планомъ политики союзниковъ. Сазоновъ, въ качествѣ представителя Кубанскаго и Сибирскаго правительства, былъ въ Парижѣ. Всѣ эти дѣятели боролись за недопущеніе на конференцію большевиковъ, въ чемъ они встрѣтили поддержку французскаго правительства, между тѣмъ какъ Англія стояла за приглашеніе всѣхъ образовавшихся въ Россіи правительствъ, начиная съ совѣтскаго. Повидимому, составлялся даже списокъ или инвентарь этихъ правительствъ.

Въ первый-же день, 16 января, мы отправились въ секретариатъ конференціи. Начальникъ кабинета г. Дютаста *) — г. Арнавонъ выслушалъ насъ съ видомъ человѣка соболѣз-нующаго. «Вопросъ о Россіи и частяхъ ея, объяснилъ онъ намъ у подножія гобеленъ, изображающихъ бракосочетаніе Генриха IV и Маріи Медичи, выдѣленъ. Вамъ слѣдуетъ поговорить въ политическомъ отдѣлѣ (м. и. д.) съ г. Л., или еще лучше, съ г. К. который специализировался въ этихъ вопросахъ».

На слѣдующій же день (т. е. 17 января) мы были у г. К.—въ такихъ случаяхъ очень интересно начинать со «спеціалистовъ». И хотя въ Лондонѣ я имѣлъ случай бесѣдоватъ очень подробно съ французскимъ посломъ г. Полемъ Камбонъ, принявшимъ насъ съ отмѣнною любезностью, но, конечно, только теперь мы получали возможность составить себѣ представленіе о дѣйствительномъ къ намъ отношеніи французского правительства. Отношеніе это (въ 1919-21 г. г.) можетъ быть выражено «кривою», начальный пунктъ которой мнѣ и хочется установить, и я позволю себѣ изложить этотъ первый разговоръ съ подробностью — тѣмъ болѣе, что позже мнѣ уже почти и не приходилось бесѣдоватъ съ представителями французскаго правительства**). Вотъ существо этого разговора:

А. Извѣстіе Грузіи отправлена сюда делегація. Мы имѣемъ свѣдѣнія о прибытии ея въ Константинополь. Англійскія власти предоставили имъ свободный проѣздъ, и они ожидали лишь разрѣшенія французского правительства. Дано-ли имъ разрѣшеніе прибыть въ Парижъ?

К. Намъ ничего обѣ этой делегаціи неизвѣстно. Такое прошеніе до насъ не доходило. Впрочемъ мы должны знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло — есть грузины, скомпрометировавшіе себя съ Германіей... Стало-быть, эта делегація привезена англичанами (sic)?

А. Вѣроятно она прибыла на англійскомъ суднѣ.

К. Какія политическія партіи представляютъ она?

А. Она не представляетъ партій; она представляетъ Грузію — грузинское правительство — грузинскую республику.

Мы сообщили, что знали, о составѣ делегаціи, и получили обѣщаніе, что Чхеидзе и Церетели будутъ пропущены («пусть только подадутъ прошеніе»). Но затѣмъ, К. обѣщалъ таки

*) Генеральный секретарь конференціи.

**) Вслѣдствіе прїѣзда болѣе меня уполномоченныхъ делегатовъ.

протелеграфировать въ Константинополь о пропускѣ Чхеидзе и Церетели.

К. Грузія заключила договоръ съ нашими врагами: Турцией и Германіей. Грузинскій вопросъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ, напримѣръ, вопросъ Эстоніи. Намъ неизвѣстны ни дѣйствительныя границы Грузіи, ни отношенія ея къ со-сѣдямъ или къ Россіи; не знаемъ и того, что грузины думаютъ о своемъ будущемъ или, напр., каково ихъ мнѣніе о русскомъ государственномъ долгѣ... Повидимому у Грузіи серьезныя разногласія съ армянами и татарами...

Не трудно было дать тутъ-же объясненія по всѣмъ этимъ пунктамъ: мы совершенно не собирались садиться на скамью подсудимыхъ.

... К. (смягчаясь и въ легкомъ замѣшательствѣ). Въ концѣ концовъ мы вовсе не желаемъ сказать нѣтъ. Намъ необходимо лишь составить себѣ болѣе ясное представлѣніе о вопросѣ, чтобы дать затѣмъ инструкцію нашимъ делегатамъ на конференціи.

Условлено было, что мы представимъ министерству иностраннѣхъ дѣлъ теперь же а) историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Турцией и Германіей, б) изложеніе вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, с) изъясненіе позиціи Грузіи по отношенію къ Россіи (южной) и Кубанскому правительству.

Всѣ эти матеріи были изложены въ рядѣ документовъ, которыя вскорѣ послѣ этого были представлены французскому правительству, а также делегаціямъ всѣхъ великихъ державъ, участницъ конференціи: дѣло «Грузія» было заведено въ ихъ канцеляріяхъ.

56.

Но наиболѣе злободневный вопросъ, насы касавшійся и поставленный какъ разъ въ эту начальную эпоху Парижской Конференціи гласилъ конечно: *Принципо*.

22 января 1919 г. Верховнымъ Совѣтомъ, по предложению президента Вильсона, решено было созвать особую конференцію всѣхъ правительствъ и партій, возникшихъ въ предѣлахъ б. русской государственной черты или боровшихся внутри ея — на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, что около Константинополя.*)

Въ случаѣ если бы между ними прои-

*.) Дѣйствительный починъ этой конференціи принадлежалъ Ллойдъ Джорджу. Вопросъ о генезисѣ этой неосуществившейся затѣи вызвалъ цѣлую литературу, особенно послѣ разоблаченій

зшло соглашение, представители «объединенной» России встрѣтились бы затѣмъ съ представителями Союзниковъ.

Признаться мало такта было обнаружено при выборѣ для такой конференціи именно этого мѣста — многимъ изъ русскихъ поневолѣ напоминавшаго о «Крестѣ на св. Софії» и о видахъ Россіи на Константинополь. (Здѣсь имъ предлагался просто — видъ на Константинополь!) И можно было, при желаніи, усмотрѣть какой то злой юморъ въ самой мысли собрать въ одномъ мѣстѣ представителей враждовавшихъ между собою въ Россіи группъ — по сосѣдству, быть можетъ, какъ разъ съ тѣмъ необитаемымъ островкомъ того-же архипелага, куда, послѣ турецкой революціи 1908 года, свезены были и предоставлены взаимоистребленію знаменитыя бездомныя собаки старого Стамбула.

По поводу проекта Принципо, мы обратились къ конференціи съ заявлениемъ, что въ виду цѣли предложенного совѣщанія русскихъ партій и группъ на Принципо — возстановить утраченное національное единство русскаго народа, Грузія, не будучи частью послѣдняго и добиваясь международнаго признанія своей независимости, не имѣетъ основанія принять участіе въ проектируемомъ совѣщаніи (28 января 1919 г.).

Въ одинаковомъ положеніи были по этому вопросу и нѣкоторые другие бывшіе инородцы, нынѣ народы; нами производилась совмѣстная «развѣдка» относительно истиннаго смысла «принципскаго» замысла конференціи; и, особенно французы, охотно признавали, что приглашеніе ѣхать въ Принципо составлено въ крайне неясныхъ выраженіяхъ*) и не скры-

сдѣланныхъ (въ сентябрѣ 1919 г.) передъ комитетомъ виѣнніхъ дѣлъ С.-А. Сената бывшимъ сотрудникомъ американской делегаціи г. William Bullitt.

Первоначально предполагалось, собственно, пригласить въ Парижъ делегатовъ отъ всѣхъ правительствъ, возникшихъ въ предѣлахъ Россіи, не исключая и совѣтскаго. Отрицательно отнеслась къ этому (англійскому) предложенію Франція. Нота г. Пишона по этому поводу была «сенсаціонно» оглашена въ *Himatté*. Пишонъ былъ противъ приглашенія большевиковъ, но за допущеніе «разныхъ русскихъ національностей». Это было незадолго до официальнаго открытия конференціи (18-го января 1919 г.)

*) «Въ неясности этого предложенія нѣть ничего удивительнаго: оно вѣдь исходить отъ президента Вильсона» — такое замѣчаніе не стѣснился сдѣлать одинъ изъ высшихъ чиновниковъ секретаріата Конференціи!

вали, вообще, своего нежелания беседовать съ большевиками.*)

Съездъ на Принципо былъ назначенъ довольно опрометчиво, на 15-ое февраля, но не состоялся — изъ за нежеланія однихъ вступить вообще въ переговоры, а другихъ (совѣтцевъ) — пристановить военные дѣйствія. Вся эта исторія славы не прибавила конференціи.**)

...Выяснялось, что до такъ наз. «разсмотрѣнія русскаго вопроса» и связанныхъ съ нимъ далеко. Надо было запасаться терпѣніемъ и работать «тихою сапою». Все, что необходимо было для освѣщенія грузинскаго вопроса, для объясненія и защиты независимости Грузіи нашло свое выраженіе въ рядѣ нотъ, излагавшихъ предметъ въ связи съ тѣми общими начальами, какія могли интересовать конференцію. Начиналась вокругъ и около послѣдней та своеобразная жизнь или возня, которая не лишена была своего политическаго значенія, хотя участники ея имѣли отношеніе не столько къ вопросамъ, которыми конференція дѣйствительно занималась, сколько къ вопросамъ, которыми она могла, чего доброго, заняться — въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ.

57.

Въ виду такого положенія, вопросъ о прибытіи изъ Грузіи делегаціи, специально снаряженной грузинскимъ правительствомъ не имѣлъ уже практическаго значенія. Прибытіе ея въ Парижъ — въ томъ составѣ какъ она выѣхала изъ Тифлиса, т.е. съ совѣтниками, специалистами и пр., — было бы необходимо и желательно, если бы кавказскіе вопросы, на какомъ либо основаніи, сдѣлялись предметомъ обсужденія на конференціи. Этого, однако, не имѣлось въ виду. Съ другой стороны, по особымъ

*) По поводу зазорности всякого соприкосновенія съ большевиками, о чёмъ охотно кричали въ это время, недурно успокаивалъ Палату Общинъ Ллойдъ Джорджъ, напоминая, что вѣдь и на сѣверо-западной (индійской) границѣ нерѣдко приходится въ интересахъ достиженія порядка входить въ соглашенія... съ разбойниками и убийцами. Позже (въ 1920 г.) онъ доказывалъ, защищая торговое соглашеніе съ Россіей: «вѣдь торговали-же съ каннибалами».

**) Планъ Принципо проводился съ крайней небрежностью, безъ всякихъ единодушій между формально принявшими его державами. Говорили даже о «саботажѣ». См. интересную главу *Light on Prinkipo* въ книгѣ *Sisley Huddleston. Peace-making at Paris.* L. 1919.

условіямъ этого времени, возможны были и всякія неожиданности. Важно было, поэтому, чтобы—на всякий случай—въ Парижѣ были на лицо представители грузинской республики, специально уполномоченные для того ея правительствомъ: мы вѣдь съ Д. Гамбашидзе были здѣсь лишь какъ-бы «предтечами».

Въ качествѣ такихъ представителей и прибыли, наконецъ, съ большимъ опозданіемъ, посидѣвъ въ разныхъ карантинахъ, Чхеидзе и Церетели (въ самомъ концѣ февраля 1919).

Имена ихъ были еще многимъ памятны (я говорю здѣсь о французыахъ, не соціалистахъ) въ виду положенія занятаго ими въ Петроградѣ въ первый періодъ русской революції. Помнили, преимущественно, что они были противники большевиковъ. Отсюда собственно и ихъ политическая благонаадежность въ глазахъ французскихъ властей. Что они-же были тѣсно связаны съ грузинскимъ правительствомъ «скомпрометировавшимъ себя съ германцами и турками», въ этомъ себѣ отчета не отдавали, по недостаточному еще знанію предмета. Они-же были въ 1917 году за миръ безъ аннексій и т. д.; за созывъ стокгольмской конференціи — это было уже сомнительнѣе, съ французской официальной точки зрѣнія; но въ такія мелочи никто теперь серьезно не вникалъ. Ободряюще дѣйствовала именно ихъ слава борцовъ съ большевиками; успокаивающе дѣйствовала именно ихъ репутація соціалистовъ умѣренныхъ, минималистовъ.

Съ другой стороны, самая извѣстность ихъ именъ, связанныхъ съ политическими раздорами русскихъ партій, сбивала съ толку. Зная ихъ какъ русскихъ дѣятелей, выступавшихъ на огромной и отовсюду видимой эстрадѣ русской революціи, (сколько здѣсь возникло и сколько погибло репутаций!) не легко объясняли себѣ появленіе ихъ въ качествѣ дѣятелей грузинскихъ. Тѣ немногіе изъ иностранцевъ — англичанъ, французовъ — которые старались вдумываться въ вопросъ политической независимости Грузіи, могли даже усомниться въ серьезности этого лозунга — при видѣ столь внезапнаго превращенія; другіе, русскіе, получали поводъ кричать объ измѣнѣ, о скандалѣ. Недоразумѣніе усугублялось преувеличенною ролью, которая имъ приписывалась особенно русскими кругами въ государственныхъ дѣлахъ Грузіи: иные говорили даже о «тифліссскомъ правительстве Чхеидзе и Церетели», разумѣя грузинское правительство. На самомъ-же дѣлѣ, если ужъ упоминать лица, несравненно больше основанія было-бы гово-

рить о правительстве Жорданіа, Рамишвили, Гегечкори. Но суть была, конечно, въ самой Грузіи, подъ знамя которой всѣ эти дѣятели вынуждены были стать — вопреки имъ самимъ.

Отправляя въ Европу этихъ именитыхъ представителей грузинской соціаль-демократіи,*) правительство Грузіи на-вѣроисовало себѣ (въ декабрѣ 1918 г.) — и оно не было въ этомъ отношеніи одинокимъ — парижскую конференцію въ видѣ ареопага, призванного насадить миръ благостный и справедливый. Въ этомъ ареопагѣ — говорили себѣ — первую скрипку будетъ играть президентъ съ 14 пунктами, а вмѣстѣ съ нимъ — «интернаціоналъ» — «международная демократія», представители организованного пролетаріата и т. д. И вотъ, когда «нашъ Карль» (Чхеидзе)**) и «нашъ Ираклій» (Церетели) выступятъ передъ этимъ ареопагомъ, кто устоитъ тогда? у кого не потекутъ слезы, и кто не бросится ихъ обнимать? кто откажется имъ въ «независимости Грузіи»?

Такъ, вѣроятно, выборъ этотъ понимался въ «широкихъ слояхъ» грузинской демократіи. И пониманіе это, конечно, было-бы правильно, если бы, напримѣръ, интересы Британской Имперіи отстаивались на конференціи К. Каутскимъ, а Франція пригласила для заключенія справедливаго мира съ Германіей посредникомъ Брантинга... и если бы Грузіи не грозило нападеніе ни съ чьей стороны. Словомъ, я хочу сказать, что подъ обаяніемъ одного изъ движущихъ миѳовъ текущей исторіи, правительство Грузинской республики прислоило въ Парижъ Чхеидзе и Церетели.

Теперь нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Чхеидзе непремѣнно войдетъ въ «галлерею портретовъ» дѣятелей мартовской русской революціи. Историческая школа, которая, въ будущемъ, займется словословіемъ зари этой революції (и только зари), остановится съ вниманіемъ на живописной фигурѣ первого предсѣдателя Совѣта Р. С. Д. Другія школы отнесутся къ нему по-иному. Какойнибудь фабрикантъ конфектъ несомнѣнно включить и Чхеидзе въ число тѣхъ, чими ликами украсятся (не знаю въ точности — когда) жестянки «монпансье». А какойнибудь специалистъ будетъ доказы-

*) Вышедшій изъ состава россійской с.-д. партії уже послѣ провозглашенія независимости Грузіи.

**) Чхеидзе въ Грузіи именуется «Карло», что не мѣшаетъ ему быть, одновременно, Николаемъ Семеновичемъ.

вать, что все «недоразумініе» заключалось лишь въ томъ, что Чхеидзе съ давнихъ поръ рисовалъ себѣ (ошибочно) революцію приблизительно такъ: сначала, огромное потрясеніе, смѣняемое скоро всеобщимъ умиленіемъ; производственныя отношенія развиваются стремительно и самопроизвольно; Интернаціональ разрѣшаетъ шутя всѣ затрудненія ; послѣ чего всѣ — и великодушные пролетаріи, и пристыженные буржуа — и даже бывшіе дворяне, о семи десятинахъ*), сядутъ за общиі столъ, уставленный яствами и питіями; польется доброе кахетинское — а ему, Чхеидзе, быть тамъ «толумбашемъ», чередуясь съ другими и т. д.

Историкъ (критической школы) прибавить, что Чхеидзе, происходя изъ страны, не имѣвшей еще промышленности, олицетворялъ можно сказать «соціализмъ виноградарей», неспособный проникаться истинно-пролетарскимъ революціоннымъ духомъ и... чуждый истинно-русскому пониманію революції. Историкъ этотъ прибавить, наконецъ, что первый предсѣдатель С. Р. и С. Д., далеко не безъ хитрости проникшій въ 3-ю и 4-ю Г. Думу, во многомъ повторялъ — уже на вершинѣ своей карьеры — главныя черты первого предсѣдателя Временного Правительства (какъ его рисуютъ знающіе люди) — буддійское непротивленіе злу и растерянное благодушіе.

Мѣсто Церетели въ «пантеонѣ русской революціи» и даже высшая санкція славы въ видѣ изображеній на коробкахъ монпансье**), тоже, конечно, обезпечены. Но въ его карьерѣ было что-то особенное: внезапное «явленіе» во 2-ой Государственной Думѣ — ораторская сшибка со Столыпінимъ; исчезновеніе, на десять лѣтъ, въ Сибирь; столъ-же внезапное, но съ триумфомъ, возвращеніе въ Петроградъ, сразу на «курульное кресло» революціи; бесплодное при всей горячности, стремленіе одновременно къ войнѣ, миру, углубленію соціальной розни — все въ тактическомъ союзѣ съ буржуазіей и подъ предлогомъ научнаго веденія революціи, по Марксу; заключительный жестъ Кассандры въ Учредительному собраніи — по адресу другихъ революціонеровъ, тоже научныхъ и тоже по Марксу. И вдругъ затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы: «демократія Закавказья не позволить турецкому имперіализму»..., а

*) Норма землевладѣнія въ Грузіи въ 1918-21 г. г.

**) Впрочемъ, я припоминаю, что въ 1904 году выпущена была пастила «Куропаткинъ», шоколадъ «Леневичъ» и т. д.!

еще позже — «стратегическая граница для Грузии въ Борчалинскомъ уѣздѣ»...

Я съ нимъ впервые познакомился теперь въ Парижѣ. Впрочемъ въ 1917 г., въ бытность мою сенаторомъ I-го Департамента, я по должности тамъ присутствовалъ, когда приводили къ присягѣ передъ сенатомъ только-что тогда назначенныхъ министровъ Временного Правительства (второго состава), въ ихъ числѣ и Церетели (другие были: Прокоповичъ, Пѣшехоновъ, Черновъ, Скобелевъ).

Лицо страдальческое, аскетическое — совсѣмъ съ полотна Греко; подходящая модель для св. Франциска, пріемлющаго стигматы, или для какого-нибудь св. Себастіана, пронизанаго стрѣлами, въ византійскомъ духѣ; но, приглядываясь лучше, вы замѣчаете глаза, глядящія совсѣмъ изъ подлобья, по волчьему.

Пресимпатичные дѣятели эти принадлежали, очевидно, къ школѣ государственныхъ людей, столь распространенной въ Грузии, — но и далеко за ея предѣлами, которую имѣть въ виду грузинскій писатель С. Сулханъ Орбеліани въ одной изъ притчъ «Книги мудрости и лжи».* Собака и пѣтухъ побратались и сказали: «построимъ деревню»; собака спросила: «какъ же мы ее построимъ», а пѣтухъ отвѣтилъ: «ты будешь лаять, я — пѣть, — и построится».

...Увы, увы! Когда надъ сятої Русью, послѣ долголѣтняго «перекликанія пѣтуховъ», возвѣщавшихъ разсвѣть, засялась заря революціи, не «розоперстрою, свѣторождающею Эось» явилась она, но скучастой могучей фуріей съ кистенемъ въ окровавленной рукѣ! Тогда и задорнымъ пѣтухамъ, разсвѣть возвѣщавшимъ, и псамъ, протяжнымъ заунывнымъ воемъ сопровождавшимъ паденіе умиравшаго порядка, а, затѣмъ, залившимся радостнымъ лаемъ при восхожденіи революціонной Авроры — осталось одно: уступить мѣсто другимъ, болѣе хищнымъ, болѣе приспособленнымъ представителямъ политического звѣринца!

Да сбудется сказанное у Дарвина и Маркса.

....Однако, довольно этого панегерика двумъ сановникамъ русской революціи, высвободившимся теперь изъ вынужденной грузинской тѣсноты на европейской просторѣ.

*) Есть переводъ англійскій, а также русскій (Книга мудрости и лжи. Грузинскія басни и сказки XVII-XVIII стол. Саввы-Сулхана Орбеліани. Пер. проф. Цагарели. Спб. 1878.).

Если бы состоялась «Принципская конференція»... и эти «лидеры русской революціи» (такъ ихъ именовали парижскіе хроникеры), приняли въ ней участіе, они могли бы тамъ развернуться въ привычномъ для нихъ обществѣ. Въ Парижѣ, въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ на дѣлѣ протекала работа, я не видѣлъ, какое собственно практическое примѣненіе могли получить ихъ таланты.

Что Чхеидзе замкнется въ позиції недѣланія*) и покорности року, это легко было предвидѣть. Отъ Церетели можно было ожидать большой активности въ области личнаго сближенія съ руководителями соціалистическихъ партій въ Европѣ (что имѣло, конечно, свое значеніе); къ сожаленію у него не было ни малѣйшаго интереса къ кавказскимъ вопросамъ, существу, и недостаточное пониманіе ихъ общаго значенія.

Оба они легко и прочно привлекали къ себѣ и къ Грузіи симпатіи демократическихъ круговъ европейской политики: борьба за національную независимость Грузіи въ столкновеніяхъ враждующихъ Имперій была для нихъ задачей и неожиданной, и чуждой, и непосильной.

*) Это не исключало, конечно, прилежнаго и самоотверженаго обхода имъ всѣхъ делегацій и «персонажей», аккуратнаго и часто многострадальнаго «предсѣдательствованія» въ грузинской делегаціи и т. д.

ГЛАВА XXII. ТѢНЬ РОССИИ.

58.

«Делегація Грузинской республики» подвизалась въ Парижѣ, въ видѣ организованнаго установлениія, начиная съ марта 1919 г. по конецъ 1920 г. Она являлась главнымъ представительствомъ Грузіи за-границею и занималась, сверхъ политическихъ вопросовъ, также нѣкоторыми дѣлами экономического характера, выполняла фактически консульскія обязанности, довольно много работала въ области пропаганды и информированія — была, словомъ, однимъ изъ тѣхъ «иррегулярныхъ» національно политическихъ учрежденій, которыхъ назойливыми ліанами обвивали древо конференцій, и изъ которыхъ одни были вполнѣ эфемерны, другіе увиали медленно, а третіи превратились въ регулярные органы дипломатического представительства.

Я, однако, вовсе не собираюсь излагать, даже вкратцѣ, исторіи грузинской делегаціи въ Парижѣ. Остановлюсь лишь на наиболѣе важныхъ шагахъ ея, предпринимавшихся собственно колебаніямъ и измѣненіямъ въ международно-политической обстановкѣ этого времени.

Обстановка эта для всего Кавказа въ 1919-1920 г. г. опредѣлялась преимущественно, если и не исключительно, русскимъ вопросомъ*), т. е., во-первыхъ, положеніемъ, шансами и возможными исходомъ гражданской войны въ Россіи, и, во-вторыхъ, политикою великихъ державъ въ этомъ вопросѣ.

*) Не странно развѣ, что русскій національный вопросъ, для Владимира Соловьевъ вопросъ о достойномъ существованіи, сдѣлся, послѣ революціи, вопросомъ о существованіи? Но это временно.

Что касается самой Грузии, то внутренняя ея устойчивость дѣлалась постепенно, для всѣхъ очевидной. Въ мартѣ 1919 г. временный парламентъ уступилъ мѣсто Учредительному Собранию. Начали возстановливаться хозяйственныя связи съ Европою. При всѣхъ многочисленныхъ недочетахъ и ошибкахъ жилось въ Грузии, повидимому, сносно.

Въ виду твердости режима независимости въ самой странѣ, формальная задача парижской делегации заключалась очевидно въ подготовкѣ международного ея признания.

Фактически же, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ насъ, кто продумывалъ будущность независимой Грузии критически, съ точки зрѣнія всей совокупности международныхъ условій,— вопросъ сводился (какъ и лѣтомъ 1918 г.!) не къ одному лишь формальному признанію независимости Грузии державами Европы, но еще болѣе къ согласованію этой независимости съ дѣйствующими факторами международной политики, къ ея *обеспечению*, упроченію путемъ такого согласованія.

Въ этомъ отношеніи кое-что уже дѣлалось, было сдѣлано не только въ Лондонѣ, но и въ Парижѣ. Методы-же работы были испробованы и примѣнены еще раньше — въ Берлинѣ.

Парижская делегация 1919 г. по необходимости продолжала дѣятельность, этапами которой являлись: Батумъ — Поти — Берлинъ — Лондонъ. И не случайно было, что предсѣдатель делегации, окруженный въ Константинополѣ выдающимися специалистами и имѣвшій много времени въ своемъ распоряженіи, не удосужился, однако, подготовить для парижской конференціи хотя-бы краткую формулировку требованій и запросовъ Грузии. Не случайно задача эта была возложена на меня: этимъ именно и обеспечивалась необходимая преемственность работы.*)

Съ другой стороны, прибывшіе въ Парижъ выдающіеся представители грузинской соціаль-демократіи, Чхеидзе и Церетели, не могли, конечно, не внести своихъ личныхъ, точнѣе, партійныхъ нотъ въ работу. Это и обнаружилось, преимущественно за предѣлами того, что дѣлалось и должно было дѣлаться для прямой нашей задачи — отстаиванія независимости Грузии. Неизбѣжнымъ послѣдствиемъ этого было расхожденіе между тѣмъ, что официально заявлялось (западнымъ

*.) Я былъ единственный членъ делегации, «продѣлавшій» всѣ указанные «этапы». Подъ формулой запросовъ Грузии я разумѣю здѣсь представленный парижской конференціи 14 марта 1919 г. основной нашъ меморандумъ. См. стр. 194.

правительствамъ), устно и письменно,— и тѣмъ, что высказывалось на тѣ-же темы въ средѣ соціалистическихъ организацій. Большой бѣды въ этихъ противорѣчіяхъ могло и не быть — все это было довольно мискроскопично «въ европейскомъ масштабѣ». Но въ этой двойственности обнаруживался, конечно, органическій порокъ, не предвѣщавшій Грузіи добра.

Началось это съ первыхъ же дней работы вновь пріѣхавшихъ нашихъ «чемпіоновъ». Въ естественной рѣзвости своихъ начальныхъ движений они сразу-же нѣсколько вышли изъ проложенной для нихъ-же колеи. Въ получившихъ огласку заявленіяхъ сдѣланныхъ ими французскимъ соціалистамъ, говорилось, напримѣръ, что въ Грузіи парламентъ и Учредительное Собраніе находятся подъ контролемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, и что вся сила — въ послѣднемъ. Высказано было также положеніе, что Грузія есть республика «соціалистическая»; что она вернется въ лоно Россіи — въ случаѣ если тамъ восторжествуетъ доктрина меньшевизма (*sic!*); но что съ другой стороны, «мы воспротивимся иностранному вмѣшательству въ дѣла Россіи» и т. д.*)

Все это было, конечно, превосходныя мысли. Въ частности, идея комбинированія «парламента» съ «совѣтомъ» могла бы послужить при случаѣ защитнымъ цвѣтомъ — но въ совершенно другомъ мѣстѣ. Только не въ Парижѣ, въ дни конференціи, и не въ устахъ официальныхъ депутатовъ. «Мы воспротивимся» — давало матеріалъ для здороваго юмора, но относилось въ сущности къ сфере взаимоотношеній Европы и Россіи и къ гражданской войнѣ въ Россіи — а, согласно официальной доктринѣ грузинскаго правительства, Грузія въ этомъ отношеніи вѣдь держалась нейтралитета.

Касаюсь вкратцѣ этого эпизода, главнымъ образомъ чтобы показать какъ съ самаго начала партійная позиція грузинскаго правительства обрекала его представителей на маневры и выступленія, стоявшіе въ противорѣчіи не только съ прямыми интересами этого правительства и Грузіи, но и съ его официальными шагами. Мы еще встрѣтимся съ примѣрами этого раздвоенія, которое вовсе въ данныхъ условіяхъ не означало работы для одной цѣли разными путями, но скорѣе являлось источникомъ недоразумѣній и разочарованій и на одномъ пути, и на другомъ.

*) См. Le Journal du Peuple, 13 марта 1919 г.; La France Libre, 13 марта; ср. Petit Parisien, 8 марта того-же года.

Главнымъ предметомъ нашей работы въ 1919 г. была, въ порядкѣ отвлеченномъ, защита независимости Грузіи (и другихъ кавказскихъ республикъ) въ виду предпринятаго *возстановленія единой Россіи*, служившаго знаменемъ Деникина, Колчака и всѣхъ боровшихся съ ними противъ Москвы, при полномъ сочувствіи, по разнымъ мотивамъ и съ разными оттѣнками, главнѣйшихъ кабинетовъ Европы и правительства С. А. С. Штатовъ. Въ порядкѣ же практическомъ, надлежало помочь тифліскому правительству въ его стараніяхъ оградить Грузію отъ возможнаго «нечаяннаго» вторженія русскихъ войскъ.

59.

Официальное ученіе *совѣтской власти* относительно такъ наз. инородческихъ окраинъ сводилось, въ сущности, къ доктрина свободнаго самоопределѣнія народовъ (вплоть до отдѣленія отъ Россіи), представляющей нѣкоторую аналогію съ известнымъ ученіемъ идеолога южныхъ штатовъ, эпохи войны Съвера съ Югомъ, Кальгуна о свободѣ американскихъ штатовъ выходить изъ состава федераціи.

Взглядъ бѣлыхъ русскихъ нашелъ выраженіе въ декларациії,* съ которой *русская политическая конференція* въ Парижѣ выступила какъ разъ въ эпоху принципіскаго проекта т. е. въ январѣ 1919 года. Здѣсь очень опредѣленно заявлялось, что новая Россія добровольно вернула Польшѣ ея національную территорію, но затѣмъ, баста! она не можетъ допустить дальнѣйшихъ нарушеній государственного единства. «Политическое положеніе національностей въ рамкахъ государства (т. е. единаго русского государства) будетъ зависѣть отъ степени ихъ культуры и отъ ихъ историческихъ традицій», объяснялось въ этомъ документѣ; однако не указывалось, кто собственно будетъ судьею культурности («*А судьи кто?*»), и о какихъ историческихъ традиціяхъ здѣсь говорится (германо-рыцарскій строй въ балтійскихъ земляхъ? гетманщина? царство Грузинское?). Несомнѣнно было лишь, что даже Финляндія не признается независимой. О другихъ фактически образовавшихся въ предѣлахъ бывшей Имперіи государствахъ не упоминается. — Такіе документы не могли не облегчать борьбы окраинъ за свое *государственное бытіе*.

Каково же было отношеніе къ вопросу европейскихъ пра-

*) Обозначеніе «бѣлые» удобно по краткости. Текстъ декларациіи въ *Temps*, 30. I. 1919.

вительствъ? Въ бесѣдахъ французовъ, англичанъ постоянно выдвигался вопросъ о федеративной связи вновь образовавшихся окраинныхъ государствъ съ Россіей, какъ рѣшеніе среднее между полнымъ отдѣленіемъ и восстановленіемъ единаго т. е. одного всероссійского государства.

Тутъ было нѣсколько теченій. Новыя республики, фактъмъ своего существованія, постепенно сами дѣлались однимъ изъ слагаемыхъ, все же далеко не нулевого значенія; онѣ могли расчитывать на нѣкоторая симпатіи и нѣкоторую поддержку; возникали или могли возникнуть и немаловажныя новыя экономическія связи съ отдѣльными великими державами; наряду и съ возможной заинтересованностью *политической*.

Однако, существовали по каждому пункту и сомнѣнія, контрь-доказывали; значение для Европы сильной Россії*) оставалось несомнѣннымъ, хотя бы для борьбы съ повсемѣстнымъ хаосомъ; традиція ей благопріятная была очень живучая; возвращеніе ея въ концертъ державъ въ сущности ожидали — слѣдовательно, въ общемъ, въ эту сторону очень тянуло всѣхъ. Вотъ и казалось, что формула «федерациі» всѣхъ примирить.

Всѣ эти вопросы получали острое значеніе съ того момента, какъ военные успѣхи адм. Колчака, а позже ген. Деникина, позволили многимъ предвидѣть паденіе совѣтской власти и замѣну ея новымъ правительствомъ.

Къ этому времени, новыя республики (балтійскія и западнокавказскія) уже достаточно были известны державамъ. Парижская конференція въ точности знала, въ чёмъ ихъ желанія и надежды. Раньше и лучше чѣмъ въ Россіи, тамъ удалось устроить государственный порядокъ на началахъ народнаго представительства. Агенты державъ воочію и на мѣстахъ могли въ этомъ убѣждаться, сравнивая и сопоставляя.

«Отдать» всѣ эти молодыя и чисто народныя республики въ распоряженіе правительства восстановлявшейся Россіи въ видѣ ея неотъемлемаго достоянія, безъ всякихъ гарантій и обязательствъ съ ея стороны, было-бы мѣромъ, которая несомнѣнно вызвала-бы ропотъ и недовольство.

60.

Не стану судить, кто былъ ближе къ цѣли съ военной точки зреянія, и кто дѣйствовалъ съ большимъ политическимъ

*) Мысль, что «сильная Россія» можетъ построиться и изъ совѣтской Москвы, получаетъ значеніе годомъ позже, т. е. въ 1920 г.

благоразуміємъ, Колчакъ-ли (весною 1919 г.) или Деникинъ (осенью того-же года) — разумѣю, конечно, имена этихъ вождей какъ обозначенія собирательныя: въ эпоху парижской конференціи высшей точкой въ развитіи «русского вопроса» и главнѣйшимъ показателемъ колективной политики державъ въ дѣлахъ Россіи было изложеніе условій, на которыхъ державы эти (Британская Имперія, С.-Американскіе С. Штаты, Франція, Японія, Италія) соглашались дать свое признаніе т. наз. правительству адмирала Колчака.*)

Условія эти, формулированныя Верховнымъ Совѣтомъ въ концѣ мая 1919 г. предусматривали, между прочимъ, (п. 5) «опредѣленіе взаимоотношеній» между Россіей и государственными новообразованіями на ея окраинахъ въ порядкѣ договорномъ, съ помощью великихъ державъ, а позже — Лиги Націй.

Это былъ, несмотря на неясность относящихся сюда текстовъ и заявлений,* на мой взглядъ, шагъ впередъ и большой успѣхъ молодыхъ, окраинныхъ правительствъ: окраинный вопросъ, изъ сферы внутренней политики и усмотрѣнія — въ лучшемъ случаѣ, «народа россійской державы» — дѣлался вопросомъ международнымъ. Великія державы, оказывая содѣйствіе возстановленію Россіи и понимая, въ то же время, что уровень государственного развитія объединителей Россіи не обеспечиваетъ ни мудрости, ни справедливости, ни миролюбія въ разрѣшеніи окраинной проблемы, указали совершенно новый путь для достиженія въ этой области прочныхъ результатовъ.

«Я думаю, говорилъ мнѣ какъ разъ въ это время одинъ изъ экспертовъ британской делегаціи, что Грузія и другія страны, находящіяся въ аналогичномъ положеніи, будутъ довольны поставленными нами условіями». Замѣчу, что хотя это и не выразилось съ полной точностью въ вышеприведенномъ текстѣ союзнической ноты, но въ виду имѣлось собственно утвержденіе государственной автономіи новыхъ республикъ съ международной гарантіей. Таково было толкованіе англичан.

*) Этому предшествовала энергическая «боевая» подготовка въ европейской печати, съ Times во главѣ.

*) По вопросу «окраинной» политики великихъ державъ въ 1919 г. полезныя данные у Gaston Gaillard. *Le Mouvement Panrusse et les Allogenes*. Р. 1919. Тамъ же изложены и разные общіе шаги окраинныхъ delegacij.

чанъ. Такъ же смотрѣли на дѣло и американцы. А вся постановка вопроса и была, въ сущности, англо-американская.

Въ американской делегаціи мнѣ подтвердили: въ ногѣ Колчаку державы стали на точку зрењія (не полной независимости, а) автономіи окраинъ съ международнымъ контролемъ взаимоотношеній ихъ съ Россіей. Къ этому прибавляли — въ видѣ утѣшнія: «непослѣдовательность и принципіальная сомнительность рѣшенія не можетъ быть отрицаема; но что дѣлать! державы не рѣшаются на расчлененіе Россіи».

Мы хлопотали еще до того (безуспѣшно) объ учрежденіи при конференціи особой комиссіи «по кавказскимъ дѣламъ» — по образцу балтійской.* Колчаковская фаза помѣщала этому дѣлу — такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли въ американской делегаціи.

«Итакъ, рѣшено «отдать» окраины обратно Россіи», спросилъ я какъ-то американского эксперта по Россіи и Польшѣ, проф. Лорда. «Но почему Вы думаете, что Васть отадутъ на произволъ Россіи? Нѣтъ, вы не будете оставлены одни: державы, а также Лига Націй займутся вашими съ нею взаимоотношеніями».

Таковъ, стало быть, былъ дѣйствительно взглядъ наиболѣе для нашего вопроса авторитетныхъ делегацій. Взглядъ этотъ, естественно, влекъ за собою и обсужденіе того, какъ же быть, въ будущемъ, если окрѣпшая и объединенная Россія... воспротивится намѣчавшемуся рѣшенію.

Прибавлю теперь-же, что «колчаковская» фаза затормозила временно и разсмотрѣніе вопроса объ американскомъ манѣтѣ въ Армении (и на Кавказѣ).

Отношеніе окраинныхъ правительствъ къ изложенному (довольно, въ общемъ, зачаточному) плану было отрицательное.

Грузинская делегація, какъ и другія, еще въ мартѣ 1919 года представила Конференціи меморандумъ съ формальнымъ обоснованнымъ ходатайствомъ о международномъ признаніи независимости Грузіи, съ указаніемъ территоріальныхъ притязаній и т. д. Меморандумъ былъ подписанъ предсѣдателемъ грузинского Учредительного Собрания — онъ былъ, одно-

*.) Въ этомъ уже выражалось все преимущество, вытекавшее для балтійскихъ республикъ изъ ихъ состоянія съ Германіей. Ими конференція не могла не заняться, колѣ скоро миръ съ Германіей былъ главнымъ ея дѣломъ. Географическое-же (а потому и политическое) положеніе Грузіи было иное.

временно, предсѣдателемъ парижской делегаціи. Учредительное Собраніе, было открыто съ торжественностью 12 марта въ Тифлисѣ, и, первымъ своимъ актомъ, единогласно подтвердило декларацію независимости Грузіи 26 мая 1918 г. 26 мая съ большими одушевленіемъ отпразднована была всюду въ Грузіи первая годовщина независимости — шансы которой, видимо, множились, а не уменьшались. Не удивительно, поэтому, что грузинская делегація, увѣдомляя конференцію о вышеупомянутомъ актѣ Учредительного Собранія, заявляла въ нотѣ отъ 26 мая 1919 г., что «въ случаѣ разрѣшенія русского вопроса, правомѣрное существованіе грузинской республики должно быть принято во вниманіе» и что «если за какимъ либо правительствомъ державами будетъ признано право представлять Россію, Грузія должна быть формально и опредѣленнымъ образомъ исключена изъ територіи этого будущаго русского государства».

Опубликованіе документовъ по вопросу о признаніи великими державами правительства адмирала Колчака дало поводъ и къ коллективному заявлению представителей окраинныхъ «новообразованій», въ защиту независимости послѣднихъ. Декларация эта, подписанныя Топчибашевымъ (Азербайджанъ), Поска (Эстонія), Чхеидзе (Грузія), Мейеровичемъ (Латвія), Чермоевымъ (Горская республика), де-Луткевичъ (Бѣлоруссія) и Сидоренко (Україна), 17-го іюня 1919 г., отвергала авторитетъ общерусского правительства по отношенію къ перечисленнымъ республикамъ и добивалась отъ конференціи признанія ихъ независимости.

Наконецъ, въ особой декларациіи представителей кавказскихъ республикъ, поданной 20 іюня, отъ имени Азербайджана, Грузіи и Горской республики (Арmenія въ этихъ шагахъ участія не принимала), кавказскія делегаціи принимали къ свѣдѣнію возвѣщеній великими державами порядокъ улаженія «окраиннаго» вопроса и, одновременно, подтверждали конференціи свою вѣрность занятой ими позиціи независимости и полнаго отдѣленія отъ Россіи.

Однако, въ результатѣ неудачъ, постигшихъ бѣлое движение подъ водительствомъ Колчака и, позже, Деникина, намѣтившаяся было позднею весною 1919 г. программа разрѣшенія русско-окраиннаго вопроса, столь важная для выясненія архитектурнаго «ансамбля» новой Европы, осталось безъ осуществленія.

ГЛАВА XXIII.

ГРУЗІЯ И ДОБРОСОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

61.

Какъ ни интересно было такое созерцаніе будущихъ возможностей — съ академическихъ высотъ Парижской конференціи, у насъ, въ теченіе всего 1919 года была острая забота совершенно практическаго характера: какъ уберечь Грузію и Закавказье отъ вторженія туда войскъ Добровольческой армії?

Армія эта, въ періодъ связанный съ именемъ генерала Деникина, по справедливости считалась однимъ изъ главныхъ — осенью 1919 года она была главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ новомосковскимъ (совѣтскимъ) государствомъ. Армія эта во многомъ зависѣла отъ союзниковъ, снабжавшихъ ее всяkimъ добромъ. Благодаря этой связи съ державами, а особенно съ Англіей, державшей въ первой половинѣ 1919 года свои отряды въ Баку, Тифлісѣ, Батумѣ, имѣлась, казалось-бы, возможность обеспечить какой нибудь modus vivendi между «бѣлыми», направлявшими свое оружіе на сѣверъ, и закавказскими республиками, заслоненными отъ нихъ кавказскимъ хребтомъ и находившимися подъ наблюдениемъ тѣхъ-же англичанъ, меценатовъ деникинской армії. Однако, опредѣленный modus vivendi никогда не былъ установленъ; и добровольческая армія, подчиняясь какъ-бы внутреннему закону своего бытія и предназначенія, стихійно влеклась къ тому, чтобы (безъ всякой надобности для прямой своей задачи) какъ нибудь, «короткимъ ударомъ» опрокинуть Грузію и Азербайджанъ, независимости которыхъ она, конечно, не признавала.*)

*) 25 сент. 1918 г. въ совѣщаніи представителей Грузинской республики, Кубанского правительства и Добровольческой Арміи генералъ Алексѣевъ сказалъ безъ обиняковъ: «Я считаю необходимымъ заявить, что Добровольческая Армія никакихъ по-

Я не собираюсь, конечно, воспроизводить здесь даже главнейшихъ фактовъ изъ исторіи этой запутанной, затяжной и во многихъ отношеніяхъ, нелѣпой распри. Скажу лишь, что сопротивленіе домогательствамъ добровольцевъ оказалось довольно энергичнымъ. И настойчивость, съ какою вниманіе парижской конференціи, печати и общественнаго мнѣнія Европы привлекалось къ этому конфликту, конечно, не увеличивала симпатій къ объединителямъ Россіи. Думаю, впрочемъ, что всѣ признаютъ теперь ошибочность вообще кавказской политики генерала Деникина.

Но если добровольческой арміи свойственно было стремиться къ внезапному захвату Грузіи и Азербайджана — въ расчетѣ, что Европа преклонится передъ совершившимся фактъмъ, то и грузинское правительство допускало ошибки, которыхъ легко было избѣжать. Здесь я имѣю въ виду особенно вступленіе въ Сочинскій округъ и захватъ Туапсе (лѣтомъ 1918 года). Для чего это дѣлалось? Чтобы «заработать» лишнюю территорію? Этотъ путь вель неизбѣжно къ спору не только съ Добровольческой арміей и вообще съ русскими группами, возлагавшими на нее надежды, но и съ Кубанскими автономистами, дружба которыхъ для грузинъ особенно цѣнна; а также и съ горцами, которые — другой вопросъ съ какими шансами! — тоже притязали на эту землю. Словомъ, не только въ Туапсе, но и въ Сочи грузинамъ нечего было дѣлать. Резолюціи различныхъ мѣстныхъ организаций о «временному при соединеніи къ Грузіи» ничего въ этомъ отношеніи не измѣняли. Вопросъ оставался чисто политическимъ: присоединеніе Сочинского Округа къ Грузіи создавало новую плоскость тренія — а ихъ и безъ того было достаточно.* Зарвавшись, куда не слѣдуетъ (въ бытность грузинскимъ премьеромъ Н. Рамишвили), потомъ уже считали, вѣроятно, неудобнымъ, для престижа демократической республики, уходить изъ Сочи. Въ концѣ сентября 1918 года, для улаженія этого непріятнаго дѣла съ Добровольческой Арміей (еще при жизни генерала

ползовавшій на самостоятельность Грузіи не дѣлаетъ и признаетъ ее въ полной мѣрѣ, и пусть знаетъ она, что съ этой стороны она вполнѣ обеспечена». *Документы и материалы*, стр. 391. Этотъ завѣтъ былъ впослѣдствіи основательно забытъ.

*) Нѣкоторые указывали на значеніе Сочинского округа для грузинской колонизаціи. Такая тяга туда, дѣйствительно, наблюдалась. Но, повторяю: въ положеніи Грузіи слѣдовало избѣгать осложненій, не вызываемыхъ необходимостью.

Алексѣева) и Кубанскимъ правительствомъ (предсѣдатель — Бычъ), выѣзжалъ въ Екатеринодаръ представитель Грузіи Е. Гегечкори, вмѣстѣ съ генераломъ Мазніевымъ: имъ пришлось защищать въ корнѣ неправильное дѣло («Сочи временно должно оставаться за Грузіей»).*)

Вопросъ остался тогда неразрѣшеннымъ. Позже, уже при англичанахъ, дѣло дошло до столкновеній. Послѣ разныхъ перипетій Грузія заняла границу (въ Сочинскомъ округѣ) по р. Мехадырь, т. е. сохраняла обладаніе Гагринскимъ округомъ. Генераль-же Деникинъ требовалъ очищенія грузинами и этого округа (лишь въ 1905 году отнесенного къ Кубанской области изъ состава Сухумской) т. е. куска Абхазіи, входившей теперь въ составъ Грузіи. Англійское командованіе, установивъ демаркаціонную линію, которой не должны были переходить войска генерала Деникина, требовало (11 іюня 1919 г.) отхода грузинъ за р. Бзыбь. «Неисполненіе этого условія, писалъ по этому поводу генераль Кори грузинскому правительству, повлечетъ за собою прекращеніе доброго расположенія Великобританіи (къ Грузіи) и поставитъ правительство Е. В. въ невозможность противодѣйствовать генералу Деникину въ случаѣ его продвиженія къ югу за эту черту». На это приглашеніе грузинское правительство отвѣтило проектомъ временной нейтрализаціи Гагринского округа, съ выставленіемъ по Мехадыри и Бзыби (заключавшихъ спорное пространство) союзныхъ пикетовъ — впредь до разрѣшенія вопроса о границѣ Парижской конференціей (опять «Конференціей»!)

Необходимость занятія болѣе выгодной для обороны границы по Мехадыри (въ то же время не выходившей изъ рамокъ разумныхъ территоріальныхъ домогательствъ Грузіи) оправдывалась несомнѣнно угрозой всему Закавказью со стороны добровольческихъ войскъ въ этотъ моментъ. Только что передъ тѣмъ ими занять былъ Петровскъ и Дербентъ, раздавлена Горская республика на С. Кавказѣ и начато продвиженіе по терраторіи Азербайджана.

Установленіемъ демаркаціонной черты британское коман-

*) Очень интересные во многихъ отношеніяхъ отчеты о совѣшаніяхъ по этому и другимъ вопросамъ, происходившихъ 25 и 26 сентября 1918 г. см. въ «Документахъ и материалахъ». Кстати, въ одномъ изъ этихъ засѣданій В. Шульгинъ упрекалъ Гегечкори за его оппозиціонную работу въ 3-ей Госуд. Думѣ, забывая, что низлагалъ-то Николая II все-же не Гегечкори, а онъ, Шульгинъ.

дованіе пыталось положить предѣль этому проникновенію въ Закавказье добровольцевъ и стремленію ихъ обойти съ фланговъ естественную границу — кавказскій хребетъ. При всемъ значеніи и авторитетности этого распоряженія союзной военной власти, Грузія и Азербайджанъ приняли, повидимому, и собственные оборонительныя мѣры. Въ частности между нимъ былъ заключенъ военно — оборонительный союзъ (16 июня 1919 г.).

Возбужденіе во всей Грузіи въ виду грозившей опасности было чрезвычайное: проявлялось оно самымъ бурнымъ образомъ въ печати, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ резолюціяхъ и прочемъ.

Я напоминаю о всѣхъ этихъ фактахъ лишь чтобы указать, что, слѣдя въ этомъ отношеніи всенародному импульсу, грузинская делегація дѣлала все-что могла, чтобы убѣдить европейскія правительства, или точнѣе Верховный Совѣтъ, въ необходимости умѣрить добровольческое стремленіе въ предѣлы Закавказья.

Въ коллективномъ заявлениі трехъ кавказскихъ республикъ отъ 20-го июня 1919 г. (уже упоминавшемся по другому поводу: см. стр. 195) говорилось особо (п. 6) о помѣхахъ, чинимыхъ дѣлу внутренняго устроенія этихъ республикъ и возвращенію къ нормальнымъ условіямъ жизни, благодаря военнымъ поискамъ и угрозѣ со стороны арміи генерала Деникина.

Заявляя свой протестъ по поводу агресивныхъ дѣйствій и угрозъ добровольцевъ, делегаціи Грузіи, Азербайджана и Горской республики просили Верховный Совѣтъ «предписать арміи добровольцевъ, которая содержится и поощряется Союзниками вовсе не для борьбы съ кавказскими народами, очистить захваченные территории и уважать права кавказскихъ республикъ».

Изъ числа непосредственныхъ шаговъ, предпринятыхъ съ тою же цѣлью, упомяну лишь о посѣщеніи нами въ американской делегаціи извѣстнаго совѣтника президента Вильсона полковника Хаузъ (House), который именно къ этому ходатайству (приудержать добровольцевъ) отнесся съ полнымъ сочувствіемъ.

62.

Демаркаціонная линія, нарушеніе которой возбранялось ген. Деникину союзнымъ командованіемъ, была самымъ ося-

зательнымъ указаниемъ на существование военно-политического контроля Верховного Совета на Кавказѣ въ эту эпоху.

Какъ уже упомянуто, грузинское правительство не увело своихъ частей за р. Бзыбь, какъ слѣдовало-бы, по буквѣ англійскаго т. е. союзного предложенія. Но это было, въ сущности, лишь небольшимъ отступленіемъ отъ указанной генераломъ Кори демаркаціонной линіи. Что касается добровольцевъ, они продолжали сидѣть въ Дербентѣ, т. е. далеко южнѣе демаркаціонной линіи, подходившей къ Каспійскому морю въ пяти километрахъ ниже Петровска. Въ началѣ іюля 1919 генералъ Деникинъ увѣдомилъ правительство Азербайджана, что, если послѣднее не откроетъ противъ него военныхъ дѣйствій, то добровольческія войска не перейдутъ границы Дагестана, т. е. рѣки Самуръ; и несмотря на переписку Азербайджана съ англійскимъ командованіемъ по поводу явнаго нарушенія іюньской демаркаціонной линіи, новая линія — по Самуру — была впослѣдствіи признана формально.

Тогда-же, т. е. при увѣдомленіи о намѣреніи своемъ не переходить на Каспійскомъ побережью Самура, генералъ Деникинъ заявилъ, что считаетъ Азѣрбайджанъ частью Россіи, но будетъ признавать его независимость — впредь до разсмотрѣнія вопроса... Всероссійскимъ Учредительнымъ собраниемъ.*.) Конечно, это не совпадало съ намѣреніями Верховного Совета, какъ они выразились въ предъявленныхъ имъ условіяхъ признанія Колчаковскаго правительства, но нѣкоторый шагъ впередъ, заключался въ отказѣ отъ непосредственныхъ дѣйствій.

Позже, съ развитиемъ военныхъ операций генерала Деникина противъ совѣтскихъ войскъ, въ отношеніяхъ его съ закавказскими республиками замѣтно стало нѣкоторое успокойненіе, чему способствовалъ также пріѣздъ въ Тифлисъ британского главноуполномоченнаго Оливера Уордропъ и, по-видимому, миссія генерала Баратова въ Баку и Тифлисѣ.

Въ срединѣ 1919 года, въ разгарѣ парижской конференціи, мы, какъ изложено выше, достигли уже нѣкоторыхъ результатовъ — мы могли расчитывать на поддержку державъ въ дѣлѣ обезпечения если не полной независимости, во всякомъ случаѣ — самой широкой автономіи.

*.) Это былъ путь еще болѣе далекій чѣмъ: «парижская конференція разрѣшила».

Осуществись объединение России тѣми силами, которые шли съ Колчакомъ и Деникинымъ, тогда обеспеченіе автономіи окраинъ, съ помощью великихъ союзныхъ державъ было бы, вѣроятно, крайнимъ предѣломъ достижимаго и возможнаго. Только допустила-ли бы окрѣпшая и объединенная Россия въ этомъ вопросѣ контроль державъ, при всей своей отъ нихъ зависимости? Безплодно было бы гадать, но полагаю — на основаніи напр. разговоровъ съ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ генерала Деникина, проф. К. Н. Соколовымъ, прѣхавшимъ въ Парижъ въ іюль 1919 года (вмѣстѣ съ главнымъ делегатомъ генераломъ Драгомировымъ) — что если правительство Деникина и не возражало въ принципѣ противъ такихъ вещей какъ автономія или федерація («лишь-бы въ рамкахъ Россійской державы и съ соизволеніемъ всероссійскаго Учредительнаго Собранія»), все же главная его надежда заключалась въ арміи («Европа демобилизуетъ — мы мобилизуемъ») и «соотношениіи силъ», — которое позволитъ Россіи рѣшать всѣ вопросы по своему.

Я получилъ впечатлѣніе, что въ предвкушеніи этого поворота событий, правительство ген. Деникина недооцѣнивало всѣхъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ величинъ, входящихъ въ составъ грузинскаго и вообще кавказскихъ и другихъ окраинныхъ вопросовъ.

Вообще же обостреніе этой распри, и всѣ угрозы и непріятности, чинившіяся Грузіи (блокада!) и Азербайджану со стороны Добровольческой арміи, представлялись мнѣ политической ошибкой, проистекавшей въ существѣ изъ нежеланія отказаться отъ старого взгляда на подневольное положеніе окраинъ и вникнуть въ измѣненія, внесенные въ этотъ вопросъ революціей.

Такъ какъ со стороны, въ частности, Грузіи предпріятіемъ генерала Деникина не грозило, очевидно, никакой опасности, и такъ какъ попытка *неззначай* овладѣть этой страной въ 1919 году могла кончиться непріятно для Добровольческой Арміи (хотя-бы благодаря зависимости ея отъ европейскихъ правительствъ, къ которымъ и представители Грузіи имѣли доступъ), то мнѣ и представлялось, что возможно было-бы сторонамъ (т. е. закавказскимъ республикамъ и Добровольческой арміи) обходиться вообще безъ столкновеній и излишнихъ треній. Я даже находилъ, что слѣдовало воспользоваться прѣздомъ деникинской делегаціи въ Парижъ и обсудить во-

прось об установлениі чисто фактическаго сосѣдства между Грузіей и ея сосѣдомъ на сѣверѣ (сообразно позиціи нейтралитета). Но грузинская делегація этой мысли не раздѣляла, полагая, что такіе разговоры съ представителями «реакціонныхъ силъ» не къ лицу грузинской демократіи. Но еще и нѣсколько раньше въ виду оглашенія условій возможнаго признанія правительства Колчака*) мною былъ поставленъ вопросъ о томъ, чтобы заблаговременно выяснить дѣйствительное отношеніе русскихъ круговъ къ вопросу о двустороннемъ опредѣленіи нашихъ взаимоотношеній съ Россіей. «Лучше сдѣлать это теперь, говорилъ я, когда правительство адмирала Колчака аморфно, чѣмъ позже, когда оно усилится. Если у Колчака — Деникина есть будущее, мы только выиграемъ, взявъ починъ переговоровъ; если у нихъ будущаго нѣтъ, мы ничего не проиграемъ, зондируя почву. По отношеніи къ Конференціи мы свое положеніе лишь укрѣпимъ, такъ какъ будемъ держаться ею-же возвѣщеныхъ принциповъ. Ссылаясь на очевидность волеизъявленія Грузіи о независимости (Учредительное Собрание), мы попытаемся объясниться дружески» и т. д.

Съ этимъ, однако, не согласился Церетели и другіе. Церетели находилъ, что «дѣйствуя такъ, мы бы такъ-сказать признали Колчака, укрѣпили его (sic) и разошлись бы съ оцѣнкою всеевропейской демократіи».

Практическаго значенія это разногласіе тогда, къ счастью, не получило. Но оно показало мнѣ фатальное нежеланіе нашихъ с.-д. при все ихъ политической опытности, считаться серьезно съ дѣйствительными факторами положенія, т. е. прежде всего съ Россіей (въ 1919 г. это Деникинъ и Колчакъ; въ 1920 — совѣты; меньшевицкой Россіи не предвидѣлось!).

Независимость Грузіи требовала разнообразныхъ и гибкихъ приемовъ защиты. Худшій-же ея способъ заключался въ томъ, чтобы избѣгать серьезныхъ переговоровъ сегодня съ «блѣдыми», завтра съ «красными» (изъ за нелюбви къ этимъ окраскамъ) — не умѣть ладить съ западными «имперіалистами» — способными однако облегчить переговоры съ Россіей, — и въ то же время возлагать упованія на «всеевропейскую демократію», болѣе или менѣе легендарную.

*) По какому-то капризу исторіи именно послѣ этого военное счастье отвернулось отъ Колчака. Сталъ возвышаться зато генераль Деникинъ.

Въ видѣ иллюстраціи къ главному предмету этой главы, позволяю себѣ привести разговоръ съ однимъ виднымъ русскимъ дипломатомъ, въ Парижѣ въ октябрѣ 1919 года (когда успѣхъ генерала Деникина казался особенно прочнымъ).

Рѣчь шла о процессѣ возстановленія Россіи. «Теперь, говорилъ мой собесѣдникъ, 90 шансовъ изъ ста, если не всѣ сто, что возстановленіе Россіи съ юга закончится успѣшно. («осторожнѣе будешь считать шансовъ 30.» замѣтилъ я).

— Украинскій вопросъ какъ то исчезаетъ — самостійность сходитъ на нетъ. Умѣренные тяготѣютъ тамъ къ Деникину. О Бѣлоруссіи можно не говорить... Граница съ Польшею? Это вопросъ будущаго. Пока какъ нибудь обойдемся. Соберется Россія съ силами, и будетъ видно. Независимость Финляндіи будетъ нами признана, надѣюсь, теперь-же. Что касается балтійскихъ государствъ, то хотя многіе тамъ дѣйствуютъ такъ какъ если бы Россія окончательно сгинула, но и тамъ вѣдь имѣются люди, знающіе дѣйствительную Россію. Бесарабія? Мы допускаемъ плебисцитъ въ южной части. Румынскую точку зрѣнія мы все-же провалили здѣсь, въ Парижѣ... «Ну а въ Грузіи, допустили-ли бы вы плебисцитъ?» «Я лично не вижу основаній къ обратному». «Это очень интересно».

Я высказалъ, что возстановленіе державы Россійской не будетъ единымъ актомъ, а скорѣе процессомъ длительнымъ и сложнымъ; что настоящей, русской Россіи надлежитъ еще найти свое соціальное равновѣсіе, свое национально-этническое единство (цѣлыхъ три Руси!) и соответствующую этому яльному и очень глубокому расщепленію политическую форму; что во всемъ этомъ «окраинныя» республики, въ частности Грузія, не желаютъ, не могутъ и не должны участвовать.

Затѣмъ коснулись желательности и возможности неформального, официального обмѣна мнѣній между нами (новыми республиками) и ими на тему о добрососѣдскомъ сосуществованіи. Но этого не пришлось осуществить: бѣлое движение пошло быстро на ущербъ.

ГЛАВА XXIV.

АНГЛІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И КАВКАЗОМЪ.

Взаимоотношения между Грузіей и русскими «реставраторами съ юга» тѣсно переплетаются съ вопросомъ о роли Англіи во всѣхъ этихъ дѣлахъ — юга Россіи и Кавказа.

Англія, какъ извѣстно, довольно энергично поддерживала предпріятіе генерала Деникина. Какъ, собственно, эта противосовѣтская линія («Черчилевская») совмѣщалась съ линіей: Принципо — миссія Баллита въ Москвѣ*) — возрожденіе идеи «Принципо» въ ноябрѣ 1919 г. которая приведетъ, въ 1920 году г. Красина въ Лондонъ и вызоветъ заключеніе англо-русскоаго соглашенія въ 1921 г. — тема эта очень интересна, но нась здѣсь не касается.

Намъ зато существенно имѣть въ виду другую «бифуркацію» англійской политики, довольно понятную, если не забывать объ огромномъ разнообразіи традицій, интересовъ и стремленій, объемлемыхъ словомъ: «Британская Имперія».

Помощь добровольцамъ въ борьбѣ съ большевиками диктовалась глубокими и довольно общими побужденіями западныхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи; поддержка новыхъ окраинныхъ республикъ могла, въ свою очередь, отвѣтить нѣкоторымъ серьезнымъ интересамъ или ходячимъ понятіямъ.

Но Великобританія не только выступала, вмѣстѣ съ другими державами, какъ-бы арбитромъ въ вопросѣ о б. окраинахъ Россіи. Въ силу условій, въ которыхъ закончилась въ ноябрѣ 1918 г. война, она въ лицѣ своихъ миссій и, благодаря оккупационнымъ отрядамъ, дѣлалась важнымъ факторомъ и мѣст-

*) Mr. Bullitt ъездилъ въ Москву (съ вѣдома англичанъ и американцевъ) въ мартѣ 1919 г. для развѣдки относительно условій мира съ московскимъ правительствомъ.

**) Объ этой двойственности см. еще выше, въ § 60.

наго значенія, способнымъ вліять весьма существенно на *фактическое положеніе*, какъ оно сложилось къ концу 1918 г., хотя бы на томъ же Кавказѣ.

Отъ этого «фактора» *каждая* изъ сторонъ, напр. въ грузино-добропольской распрѣ ожидала поддержки; и въ поддержкѣ, оказываемой другой сторонѣ, видѣла нарушеніе данныхъ обѣщаній. Одни возмущались, напр., тѣмъ что «поощряютъ окраины, содѣйствуютъ расчлененію Россіи, союзной Россіи» и т. п.; а другіе съ сокрушеніемъ находили, что «поощряютъ русскую реакцію въ Россіи, вопреки волѣ демократіи, а здѣсь, въ Грузіи, поддерживаютъ враговъ самоопредѣлившейся народности» и пр.

Англійскіе генералы, пріѣхавшіе на Кавказъ, очутились поэтому между двухъ огней; не легко приспособляясь къ политическимъ манерамъ молодыхъ демократій революціоннаго происхожденія, они нерѣдко впадали въ ошибки, допуская «перелеты» и «недолеты»; въ общемъ же дѣйствовали сообразно упомянутой выше двойственности или, лучше сказать, двоякости англійской политики на Кавказѣ.

На первыхъ порахъ положеніе было особенно непріятнымъ. Въ концѣ ноября 1918 г., послѣ прибытія англичанъ въ Баку опубликована была, напримѣръ, прокламація командующаго союзными войсками, генерала Томсона, гдѣ говорилось: «сімъ доводится до свѣдѣнія населенія Кавказа, что цѣлью посылки союзныхъ войскъ на Кавказъ является возвращеніе общественной безопасности на этой *rossijskoy territorii*, расположенной между Чернымъ и Каспійскимъ морями» и т. д.

Указаніе, что Кавказъ расположенъ «между Чернымъ и Каспійскимъ морями», возраженій, конечно, не вызывало. Но въ обозначеніи этой территории, какъ «*rossijskoy*» усмотрѣли зловѣщее предзнаменованіе того, что «насъ хотятъ отдать Россіи». А «мы» считали себя независимыми, суверенными государствами. И затѣмъ, гдѣ же тутъ право на самоопредѣленіе, президентъ Вильсонъ, «война за право мелкихъ народовъ» на существованіе и пр.?

Въ Грузіи упомянутая прокламація не могла быть опубликована. Правительство Жорданіа заявило прибывшей въ Тифлісъ британской миссіи, что для поддержанія общественного порядка въ Грузіи нѣтъ необходимости въ присылкѣ англійскихъ войскъ, такъ какъ порядокъ достаточно охраняетъ грузинскимъ правительствомъ — что соответствовало дѣй-

ствительности. Но, какъ впрочемъ уже было указано раньше (стр. 166), легко было найти болѣе подходящее объясненіе прибытію въ разные пункты Закавказья англійскихъ частей. А послѣ формального изъявленія симпатій великобританскаго правительства дѣлу независимости Грузіи (см. выше стр. 163-4), развитіе грузино-британскихъ отношеній вообще облегчалось. Англичане тогда же стали признавать грузинское правительство фактически (задолго до т. наз. «фактическаго признанія»). И, въ бытность свою въ Тифлісѣ, въ маѣ 1919 г., генералъ Милнъ, командующій союзными силами въ районѣ Чернаго моря, повторно привѣтствовалъ «отъ имени союзниковъ» Н. Жорданіа, какъ главу грузинского правительства.

Полноты взаимнаго пониманія все же не было.

Возможно, что англійскіе генералы на Кавказѣ чувствовали себя, соціально и политически, все же ближе къ русскимъ генераламъ юга Россіи. А эти не забывали всякой разъ напоминать имъ о *rossijskoy territorii* между двумя морями. Съ другой стороны, то что англійскіе генералы говорили и особенно то, какъ они говорили, могло иногда вовсе и не выражать дѣйствительныхъ намѣреній англійскаго правительства. Въ разнообразныхъ заявленіяхъ ихъ грузинамъ порою трудно было и разобраться. Они предпочли разсуждать упрощенно Ген. Деникинъ угрожаетъ Грузіи, а Англія поддерживаетъ ген. Деникина: слѣдовательно, «британскій имперіализмъ» есть союзникъ «всероссійской реакціи». И въ бурномъ отвращеніи отъ «всероссійской реакціи», проникались недовѣріемъ и къ «британскому имперіализму».

Грузинское правительство, стремясь ограждать свое достоинство (что конечно, было очень похвально!) и свой авторитетъ въ глазахъ народа, вообще слишкомъ прямолинейно налагало на свой суверенитетъ, на свою независимость, обращая менѣе вниманія на необходимыя международныя предпосылки этой независимости. А демагогически руководимое, общественное мнѣніе и улицы, придавая уже и вовсе топорное выраженіе даваемымъ лозунгамъ, не разъ открыто возставали противъ союза «британскаго имперіализма и всероссійской реакціи».

Что по отношенію къ Добровольческой арміи и противъ Добровольческой арміи, Англія играла въ Грузіи (въ 1919 г.) ту-же роль, что Германія въ 1918 г. по отношенію къ Турціи — недостаточно при этомъ сознавалось молодой республикой.

И кажется не будет ошибкою сказать, что въ 1919 г. грузинская демократія, въ «дѣтской рѣзвости» уже «колебала треножникъ» болѣе сложныхъ дипломатическихъ расчетовъ, а ея правительство, быть можетъ, уже нарушало заповѣдь: «не плюй въ колодецъ, пригодится воды напиться».

64.

Давленіе Добровольческой Арміи на Грузію вызвало единодушный кличъ: «долой русскую реакцію въ Закавказье!», который неизбѣжно сопровождался другимъ: «долой Западныхъ имперіалистовъ!» Естественнымъ союзникомъ Грузіи въ этомъ движениі былъ, очевидно, международный соціализмъ, съ которымъ грузинское с.-д. правительство имѣло прочныя личныя связи. Европейскіе соціалисты не отказали, конечно, своимъ грузинскимъ друзьямъ въ (словесной) поддержкѣ ихъ противъ «русской реакціи», но заодно выступали и противъ «Западныхъ имперіалистовъ», т. е. противъ Англіи*).

На международный соціализмъ возлагались однако въ Грузіи и болѣе общія надежды. Думали, что этимъ путемъ облегчится и укрѣпленіе ея независимости.

Спрашивается: могъ ли Интернаціональ быть полезенъ въ дѣлѣ признанія независимости Грузіи и въ созданіи условій, эту независимость обезпечивающихъ?

Въ эпоху Парижской конференціи не нужны были ни изысканія, ни размышленія, чтобы видѣть, что пользы отъ Интернаціонала въ этомъ дѣлѣ не могло быть, потому что вліяніе его на правительства великихъ державъ побѣдительницъ было чрезвычайно невелико. Версальскій договоръ тому доказательствомъ.

Съ «безполезностью» можно-бы примириться — лишь-бы не было «вреда». Къ сожалѣнію, бывалъ и вредъ. Я не говорю, конечно, о разныхъ мелкихъ эпизодахъ, скорѣе комическихъ, вродѣ, получившаго огласку въ печати**) и совершенно не-нужнаго (для дѣла Грузіи) заявленія «грузинского министра Чхенкели» на Люцернскай конференціи въ февралѣ 1919 года о томъ, что «мы отняли у помѣщиковъ землю безъ вознагражденія — поэтому независимость наша должна быть признана».

*) См. сборникъ: *La Géorgie indépendante*. Ed. du Parti Soc. Dém. de Géorgie. Женева 1919.

**) См. *Echo de Paris*, февр. 1919.

Можетъ быть, для соц.-дем. партіи очень важно было сказать въ своемъ кругу: «вы не думайте — у насъ вѣдь тоже... безъ вознагражденія». Какъ способъ отстаиванія независимости Грузіи передъ Клемансо, Вильсономъ и Ллойдъ-Джоржемъ это, какъ будто... слабовато.

Но возьмемъ болѣе важную вещь — резолюцію о признаніи независимости Грузіи, принятую, по просьбѣ Церетели, на Амстердамскомъ съездѣ 28-го апрѣля 1919 г.

Она рѣшительно подтверждаетъ независимость Грузіи, но требуетъ полной независимости, которая «исключала бы опеку со стороны одной или нѣсколькихъ державъ и всякой иностранной контроль ея демократическихъ учрежденій»*). Это означало, что Интернаціональ высказывался противъ всякой системы, которая обеспечивала бы Грузіи сотрудничество какой-либо великой державы въ видѣ мандата (на срокъ) — что, въ извѣстной мѣрѣ, неизбѣжно заключало бы въ себѣ элементъ опеки. Между тѣмъ, очень скоро грузинскому правительству (да и самому Церетели) пришлось проситься подъ «мандатъ» (см. ниже). Здѣсь была, слѣдовательно, уже не одна «безполезность»: здѣсь былъ и вредъ, преимущественно, моральный.

Во всѣхъ вопросахъ имѣвшихъ важное практическое значеніе для будущности Грузіи «Интернаціональ» или примыкавшія къ нему вліятельныя рабочія организаціи фатально и неизбѣжно становился и долженъ быть становиться на путь, противоположный государственнымъ интересамъ Грузіи: такъ будетъ въ вопросѣ объ «интервенції» (вообще), въ вопросѣ о снабженіи оружиемъ для замозащиты, въ вопросѣ о «скорѣйшемъ уводѣ (англійскихъ) войскъ» изъ Грузіи.

Наконецъ, когда, позже, обострится противоположеніе 2-го и 3-го Интернаціоналовъ, чрезмѣрная связанность грузинского правительства со 2-ымъ Интернаціоналомъ сдѣлаетъ Грузію мишенью, а затѣмъ и добычею — 3-го Интернаціонала. Но до этого еще далеко.

Дѣло независимости Грузіи окажется крѣпче, чѣмъ... черепъ пустынника въ баснѣ, и не смотря на увѣсистые булыжники бросаемые время отъ времени медвѣдемъ — Интернаціоналомъ, всегда въ наилучшихъ намѣреніяхъ, независимость Грузіи будетъ признана европейскими державами.

*) Текстъ этой резолюціи можно найти въ томъ же сборикѣ «La Géorgie indépendante».

ГЛАВА XXV.

ТРИ СОСЬДА.

65.

Въ общихъ выступленіяхъ — кавказскихъ и другихъ «окраинныхъ» делегацій (выше п. 60) Арменія не участвовала. Непосредственной угрозѣ съ сѣвера республика эта пока не подвергалась; выступать-же совмѣстно, особенно съ Азербайджаномъ, противъ Добровольческой арміи, вовсе не соотвѣтствовало ея видамъ: въ близорукомъ расчетѣ она могла, пожалуй, ждать себѣ даже подмоги отъ тѣхъ, отъ кого сестѣди ея ждали лишь разрушенія и смуты. Къ тому-же Арменія надѣялась именно теперь на осуществленіе своихъ долголѣтнихъ надеждъ въ Турціи, съ помощью великихъ союзныхъ державъ, и впутываться въ такой моментъ въ раздоры своихъ сестѣдей съ другимъ «протеже» тѣхъ-же великихъ державъ — ген. Деникинымъ ее, очевидно, не прельщало.*)

Напротивъ, Азербайджанъ опасался вторженія съ сѣвера такъ же или еще больше чѣмъ Грузія. Это конечно, приводило къ политическому сближенію этихъ двухъ республикъ, вообще естественному, объяснимому многими причинами, мотивами и интересами, а въ 1919 г. тѣмъ легче осуществимому, что съ пораженіемъ турокъ и уходомъ ихъ изъ Азербайджана послѣдній возвращался къ своей кавказской орбите.

16 июня 1919 г. былъ заключенъ въ Тифлісѣ между двумя сестѣдними республиками союзный договоръ, по силѣ которого онъ обязывалась (ст. 1) «отражать совмѣстно, всѣми сво-

*.) Представителемъ эриванского правительства при Добровольческой Арміи былъ б. членъ З-ей Государственной Думы Сагателянъ.

ими вооруженными силами и всъми, имѣющимися у нихъ средствами, всякое нападеніе, угрожающее независимости или территориальной цѣлости одной или обѣихъ договаривающихся республикъ». Договоръ заключался на 3 года (ст. 5). Стороны обязывались разрѣшать полюбовно или посредствомъ арбитража могущія возникнуть между ними пограничные споры (ст. 4). Оговаривалось право Армениі заявить, въ двухнедѣльный срокъ, о желаніи своемъ приступить къ этому договору (ст. 10).*)

Сообщая Парижской конференціи текстъ изложенного договора, делегаціи грузинская и азербайджанская выражали надежду, что «конвенція эта, преисполненная чисто оборонительныхъ, не получитъ примѣненія въ части, касающейся предусмотрѣнныхъ въ ней совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и что Закавказье будетъ ограждено отъ всякаго нападенія изънъ, благодаря контролю союзныхъ державъ надъ операциами генерала Деникина». Вмѣстѣ съ тѣмъ обращалось вниманіе на ст. 4 соглашенія, благодаря которой открывалась возможность скорѣйшаго размежеванія территорій Грузіи и Азербайджана.**)

Столкновенія конца 1918 года не могли конечно содѣйствовать сближенію — столь желательному и такъ-жеестественному, — между Грузіей и Арменией.

Легковѣрная надежда, что Парижская конференція «все рѣшилъ и все разберетъ», и, между прочимъ, потрудится установить государственные границы въ Закавказье — ослабляла и въ Тифлісѣ, и въ Эривані, какъ, впрочемъ, и въ Баку — стимулъ къ скорѣйшему разрѣшенію, собственными усилиями, всѣхъ пограничныхъ и другихъ разногласій. Сверхъ того Армения могла (добросовѣстно заблуждаясь) считать, что положеніе ея особое; что по отношенію къ ней имѣются на державахъ — побѣдительницахъ обязательства, какихъ нѣтъ по от-

*) Договоръ былъ подписанъ, за Грузію, Гегечкори, Рамишвили, генералами Одишелидзе и Гедеванишвили; за Азербайджанъ — Лэсафаровымъ, генералами Мехмандаровымъ и Сулькевичемъ (послѣдний — мусульманинъ, родомъ изъ литовскихъ мурзъ, поступившій на службу Азербайджана).

**) Къ сожалѣнію «возможность» не означаетъ еще «осуществленія». Договоръ 16 июня оказался «непримѣненнымъ» и въ 1920 г. когда противъ Азербайджана (а, слѣдовательно, и Грузіи!) выступила уже другая сила, не находившаяся подъ контролемъ союзныхъ великихъ державъ.

ношению къ ея сосѣдямъ; что ей, слѣдовательно, «дадутъ» благопріятныя границы и т. д.

Прибавить надо еще, что 28 мая 1919 г. (въ первую годовщину провозглашенія независимости Эриванской республики) особымъ актомъ было объявлено соединеніе въ одно цѣлое армянскихъ территорій расположенныхъ въ Закавказье и въ Турецкой Армении. Такимъ образомъ, Армянская республика уже и формально выходила изъ сферы чисто кавказской политики въ полное опасностей и подводныхъ скалъ море турецкаго вопроса, куда, очевидно, ни Грузія, ни Азербайджанъ не могли вслѣдъ за нею отважиться.

По этой-же причинѣ затруднялось опять таки дѣло закавказскаго разграничения. Въ случаѣ значительного расширенія Армении за счетъ Турціи, сосѣди Армении не усматривали основанія къ одновременному расширенію ея за счетъ Азербайджана и Грузіи. И неизвѣстность того, сдѣлается ли Армения большой или останется маленькой, вызывала проволочки въ дѣлѣ размежеванія трехъ республикъ, къ ихъ общей пагубѣ.

По существу, вопросъ обѣ установлениіи границъ между Грузіей и ея сосѣдями не могъ считаться слишкомъ труднымъ для разрѣшенія, или-же недостаточно изученнымъ. И не было, конечно, недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ самыхъ либеральныхъ заявленіяхъ! Требовалось, однако, другое: упорство, большой кропотливый трудъ и терпѣніе, словомъ, серьезная воля. Ея не было обнаружено. Въ 1919 году ничего не мѣшало, напротивъ, все благопріятствовало, напр. разграничению Грузіи съ Азербайджаномъ. Ничего однако не было сдѣлано. Съ Арменіей достигнуть соглашенія было труднѣе. Но и здѣсь, при настойчивости, можно было, вѣроятно, добиться установлениія разумной и справедливой границы, конечно при условіи отказа Грузіи отъ мысли обѣ обеспеченіи ей «стратегической границы».* — и отказа Арменіи отъ такихъ несерьезныхъ идей, какъ напр. «вознагражденіе Азербайджана за уступку армянами грузинамъ трети (грузинского) Борчалинского уѣзда другими частями... грузинской-же тер-

*.) Удобныхъ для обороны границъ Грузія должна была желать не противъ Армениі, а совместно съ Арменией и Азербайджаномъ. Впрочемъ, обсужденіе этого вопроса завело-бы меня далеко.

риторії.*). Да и чрезмѣрное настаиваніе на этническомъ принципѣ (по отношенію къ грузинскимъ территоріямъ; это значило: гдѣ армяне поселились хотя бы въ XIX вѣкѣ, тамъ — Арmenія) было опаснѣе всего для самихъ же армянъ: недалеко уѣхали-бы они на этомъ конѣ въ Турціи! Очень скоро шаткость ихъ предположенія, что союзники — побѣдители о нихъ особенно позаботятся, должна была обнаружиться. И чрезвычайная ихъ заинтересованность въ сохраненіи добра го мира съ Грузіей, единственной изъ сопѣднихъ территорій, не занятой кровью «рѣзни» и «избѣній», — не могла-бы не дѣйствовать умѣряюще на армянскихъ главарей. Словомъ, и здѣсь, если не ошибаюсь, можно было, уже въ 1919 г., добиться разграничения, которое и тогда, и раньше многими мыслилось на основѣ уступки въ пользу Арmenіи пресловутой южной части Борчалинского уѣзда и отказа ея отъ притязаній на столь-же пресловутый уѣздъ Ахалкалакскій.

66.

Но что съ армянской стороны замѣчалась крайняя несговорчивость, въ этомъ я могъ убѣдиться въ Парижѣ, присутствуя при опытѣ разрѣшенія армяно-грузинского пограничного спора соціалистическими средствами.

Въ началѣ мая 1919 г. бюро Интернаціонала (ставшаго позже 2-ымъ Интернаціоналомъ) рассматривало жалобу или, скорѣе, доносъ Микаэля Варандяна**) на правительство Грузіи которое-де угнетаетъ армянъ, занимается «имперіализмомъ» и завѣдомо нарушаетъ принципы, принятые передъ тѣмъ соціалистической конференціей въ Бернѣ***). Въ виду этой жалобы, бюро привлекло къ отвѣту обѣ стороны. Оно выслушало однихъ и другихъ; послѣ чего въ грузинской делегаціи про-

*) См. въ сборникѣ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній*. 1918 годъ. Тифлісъ. 1919. Стр. 11.

**) Извѣстный армянскій дѣятель и патріотъ, много вращавшійся въ европейскихъ соціалистическихъ кругахъ. Позже — представитель Арmenіи въ Римѣ.

***) На этой конференціи Чхенкели подписалъ резолюцію, по смыслу которой, при разграничении въ спорныхъ мѣстностяхъ, никакія соображенія экономическая, историческая, военная и т. д. не могутъ быть приводимы. Все решается этническимъ началомъ и голосованіемъ населения. По буквѣ этого постановленія разъ армяне возбуждаютъ споръ, напр., обѣ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлісской губ., гдѣ армяне (выходцы изъ Турецкой Арmenіи) составляютъ большинство, и, следовательно, «этническая» моти-

исходило совещание с армянами (10-го Мая), на которомъ, однако, къ соглашению не пришли. Былъ здѣсь Агаронянъ — котораго я оставилъ въ Константинополѣ, Оганджанянъ — котораго я оставилъ еще раньше въ Берлинѣ, Варандянъ и др. Всѣ трое могли бы съ честью фигурировать на какомъ-либо ассиро-авилонскомъ барельефѣ.

Ихъ взглядъ былъ очень простъ: они выражали лишь недоумѣніе по поводу того, что грузины, соціаль-демократы вообще дерзаютъ притязать на земли, гдѣ грузинъ вовсе нѣтъ и никогда не было.

На слѣдующій день пренія происходили передъ «судьями», каковыми являлись: А. Гендерсонъ, Р. Макдональдъ*), еще одинъ именитый соціалистъ-англичанинъ, К. Гюисманъ, Ренодель, Ж. Лонгэ**)

Пренія эти были не изъ краткихъ и не безъ страстности. Армяне повторяли свое — о насилияхъ, чинимыхъ грузинами, о захватѣ ими спорныхъ провинцій съ помощью германскихъ штыковъ и т. д. Церетели угостилъ ихъ ссылкой на вѣроломное нападеніе армянъ въ декабрѣ. Словомъ, разговоръ былъ «добрососѣдскій».

Затѣмъ, внесено было, съ грузинской стороны, предложеніе армянамъ о томъ, чтобы немедленно была избрана арбитражная комиссія, которая, на основѣ бернскихъ постановленій, занялась бы разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ и разногласій, связанныхъ съ плебисцитомъ въ спорныхъ областяхъ; и чтобы, одновременно, обѣ delegaciіи, грузинская и армянская, увѣдомили объ этомъ соглашенніи Парижскую конференцію.

Мысль эта, видимо понравилась «судьямъ» (предсѣда-

вировка имѣется на лицо, то остается лишь организовать плебисцитъ, и дѣло рѣшено. Если при этомъ нарушены жизненные интересы сосѣда — тѣмъ хуже для него. Конечно, эта процедура была-бы убийственной прежде всего для самихъ армянъ — какъ въ Турціи, такъ и въ разныхъ районахъ Закавказья гдѣ армяне смѣшаны съ мусульманами. Но въ рамкахъ армяно-грузинского спора обѣ уѣздахъ Борчалинскомъ и Ахалкалакскомъ такая процедура являлась-бы для армянъ выигрышной.

*) Нынѣ (1924) — М-ръ Внутр. Дѣлъ и Премьеръ Великобританіи.

**) Бюро Интернационала пользовалось въ эти дни для своихъ занятій вообще гостепріимствомъ грузинской delegaciіи. Минъ такъ и не удалось тогда выяснить, кто кому покровительствовалъ, Интернациональ-ли Грузіи, или Грузія Интернационалу? Послѣднему плохо приходилось въ 1919 г.

тельствовал Гендерсонъ, съ большою флегмою, и не безъ нѣкотораго недоумѣнія передъ картиною «южныхъ страстей» — изъ за пустяковъ). Гюисманъ, привыкшій къ дракамъ фландинцевъ и валлонцевъ, формулировалъ, наконецъ, на основѣ грузинскаго предложенія, пункты, склоняя армянъ къ ихъ принятію. Трудно было возражать; но они внезпнно заговорили о привлечениіи къ трибуналу виновниковъ армяно-грузинскаго столкновенія и потребовали принятія, сверхъ пунктовъ формулированныхъ Гюисманомъ, еще одного: обѣ удаленіи грузинскихъ войскъ и администраціи изъ спорныхъ районовъ передъ плебисцитомъ. Мы-же, вмѣстѣ съ Гюисманомъ, полагали, что этотъ и другіе подобные вопросы должны быть, именно, предоставлены усмотрѣнію арбитражной комиссіи.

Однако упорство армянъ (особенно Варандяна) было таково, что Гюисманъ прямо упрекнулъ ихъ въ нежеланіи договориться.

Такъ ничего изъ этой попытки не получилось. Но любопытно было видѣть игру сталкивающихся національныхъ страстей, здоровыхъ, можетъ быть, и очень простыхъ, подъ ярлыками интернационализма и соціализма.*)

*) Въ общемъ, между Грузіей и Арменіей отношенія въ 1919-20 г. установились сносными (хотя господствовавшія въ этихъ странахъ партии, грузинскіе с.-д. и армянскіе дашиаки не очень жаловали другъ друга). Послѣ несостоявшейся конференціи ноября 1918 года (см. выше стр. 167), грузинское правительство созывало конференцію для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ кавказскихъ республикъ еще въ маѣ 1919 г. Программа ея была превосходна, но работѣ помѣшала угроза Закавказью со стороны Добровольческой арміи. Позже, въ августѣ 1919 года, въ виду кровавыхъ столкновеній между армянами и мусульманами, занятія конференціи, по почину грузинскаго правительства, возобновились.

ГЛАВА XXVI.

ВЪ ПОИСКАХЪ МАНДАТАРИЯ.

67.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ Парижской конференціи былъ вопросъ о мандатахъ.

Положеніе о Лигѣ Наций упоминаетъ болѣе специально о мандатахъ двоякаго характера: взятіе въ управлѣніе бывшихъ германскихъ владѣній въ колоніяхъ; и сотрудничество — опека по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, входившимъ въ составъ подлежащей полному расчлененію Оттоманской Имперіи. Но эти категоріи, согласно тексту ст. 22 *The Covenant of the League of Nations* являются частными, хотя и наиболѣе важными приложеніями болѣе общей программы международной политики, выраженной такъ:

«По отношенію къ колоніямъ и территоріямъ, которые вслѣдствіе войны перестали находиться подъ суверенитетомъ государствъ, ранѣе ими управлявшихъ, и которые населены народами, не способными еще существовать самостотельно*) въ тягостныхъ условіяхъ современного мира (*under the strenuous conditions of the modern world*), должно примѣняться то начало, что благоденствіе и развитіе такихъ народовъ образуютъ священную задачу цивилизациіи, и что гарантіи осуществленія этой задачи должны быть включены въ настоящее положеніе.

*) «To stand by themselves»; французскій текстъ гласить нѣсколько иначе: «non encore capables de se diriger eux-mêmes».

Лучший способ практического выполнения этого начала заключается в томъ, чтобы опеканіе такихъ народовъ довѣрялось передовымъ націямъ, которые благодаря своимъ средствамъ, опытности или географическому положенію, могутъ наилучшимъ образомъ взять на себя эту отвѣтственность, и которые согласны принять ее; и чтобы опека эта осуществлялась ими въ качествѣ мандатарievъ отъ имени Лиги.

Характеръ мандата долженъ различаться сообразно степени развитія народа, географическому положенію территории, экономическимъ условіямъ и другимъ подобнымъ обстоятельствамъ»...

Такова была официальная доктрина, усвоенная конференціей по вопросу о мандатахъ. Она проистекала изъ благороднаго (если считать слова серьезными!) предположенія, что передовыя (побѣдоносныя, богатыя, сильныя!) націи распредѣлять между собою трудъ по скорѣйшему пріобщенію однихъ народовъ — къ благамъ хорошей администраціи (колоніальные, «черные» мандаты), другихъ — къ благамъ независимаго, свободного, культурнаго существованія («белые» мандаты).

Закавказья близко касался, конечно, мандатъ въ Арmenіi. Даже если бы мандатъ этотъ коснулся одной только Турецкой Арmenіi, появленіе тамъ, въ качествѣ мандатарія, одной изъ великихъ державъ имѣло бы большое значеніе для сосѣднихъ республикъ. Тѣмъ болѣе въ случаѣ — казавшагося тогда неизбѣжнымъ — соединенія турецкой Арmenіi съ Эриванскою республикою, т. е. съ бывшею русскою Арmenіeю, которое и вовсе ввело-бы мандатарія въ кругъ кавказской политики.

О глубокой заинтересованности Грузіи въ этомъ вопросѣ будетъ сказано дальше. Теперь-же умѣстно указать, что несмотря на болѣе специальное ограничение сферы возможныхъ мандатовъ бывшими германскими колоніями и частями б. Ottomanской Имперіи (Арmenія, Палестина, Месопотамія) на дѣлѣ, въ эпоху Парижской конференціи, возникала рѣчь о мандатахъ и въль указанныхъ выше двухъ категорій, какъ это, впрочемъ, и соотвѣтствовало общей идеѣ этого учрежденія. Имѣю въ виду именно Закавказье. Однако, прежде чѣмъ освѣтить эту сторону дѣла, надо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Грузія, или точнѣе, грузинское правительство смотрѣло на этотъ вопросъ. Это тѣмъ болѣе важно знать, что безъ опре-

дѣленной инициативы со стороны грузинского правительства вопросъ о мандатѣ, конечно, не могъ-быть и поставленъ въ Парижъ.

Официальный взглядъ выраженъ былъ, очевидно, въ актѣ независимости Грузіи 26 мая 1918 г., единогласно утвержденномъ ея Учредительнымъ Собраниемъ 19 марта 1919 г. Здѣсь говорилось опредѣленно о независимости и суверенитетѣ. Общественное мнѣніе въ Грузіи только такъ и понимало вопросъ. Однако тѣ, кто взяли на себя отвѣтственность за веденіе дѣлъ Грузіи, не могли, конечно, ограничиваться такимъ формальнымъ лозунгомъ. Надо было вѣдь не только создать самостоятельный государственный порядокъ внутри Грузіи, но еще добиться согласія Россіи на совершившійся выходъ Грузіи изъ состава Имперіи и позаботиться, на первыхъ порахъ, пока страна получить прочную организацію, о той поддержкѣ извѣнѣ, которая подкрѣпляла бы независимость,

Въ 1918 г. сдѣлана была попытка разрѣшить именно эти задачи съ помощью Германіи. Какъ показалъ опытъ, правильно было обѣ эти задачи связать: кто можетъ и желаетъ помочь дѣлу независимости Грузіи, тотъ, прежде всего, долженъ помочь ей получить признаніе со стороны Россіи. И если ему по силамъ послѣднее, посильнѣ будетъ и первое.

Въ 1919 году, при довольно распространенной вѣрѣ въ Парижскую конференцію, Вильсоновы начали и т. д., могло казаться, что все дѣло лишь въ полученіи формального признания; и что остальное приложится. Такъ, повидимому, и смотрѣли въ Грузіи. Но это было, конечно, неправильно. Надо было заблаговременно думать о чьей-либо помощи, въ предвидѣніи неизбѣжнаго стремленія Россіи (бѣлой или красной) возстановить свое положеніе на Кавказѣ. Безъ посторонней помощи ни одно новое государство не могло бы построиться «въ тяжелыхъ условіяхъ современного міра»*): а въ началѣ 1919 г. «самоопредѣлившіеся народы» всѣ безъ исключенія пользовались такой помощью, хотя формы ея иногда и маскировались.

Сама Россія не могла бы обойтись безъ помощи болѣе богатыхъ и удачливыхъ націй: не естественно ли было добиваться не только признания, но и дѣятельной поддержки,

*.) Глубокий и многообразный смыслъ этого меланхолического амѣчанія (см. стр. 215) не для всѣхъ оказался яснымъ.

огражденія у этой высшей инстанціи, у державъ устроительницъ Европы?

Надлежало вообще держаться — я лично держался — того взгляда, что страна, занимающая географическое положеніе Грузіи (между Россіей и Турцией) и не имѣвшая до революціи государственной организаціи (какъ напр. Финляндія), обязательно нуждается сверхъ формального признанія, въ болѣе опредѣленной, болѣе специальной поддержкѣ какой-нибудь великой державы. Побѣжденная Германія уже не могла выполнить этой задачи. Могъ-ли кто-нибудь ее замѣнить?

Разумѣется, ни Чхеидзе, ни Церетели не могли ставить вопросъ такъ. Противоположеніе имперіализмовъ — пролетаріату, революціонной демократіи, оставалось для нихъ въ силѣ. Они были крѣпко связаны путами этихъ формулъ и передъ своими европейскими товарищами, и передъ «граствой» въ Грузіи, воспитанной именно на этихъ безпомощныхъ и упрощенныхъ формулахъ. Они были, поэтому, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, мало подходящими лицами, какъ разъ для работы по обезпеченію Грузіи дѣятельной поддержки какой-либо великой державы; а если почему либо — хотя бы, напримѣръ, по природному ихъ благородству, которое вдругъ взяло бы верхъ надъ заученой фразой — они стали бы на путь прямого «соглашательства» съ «имперіализмомъ» — они неизмѣнно оказывались въ двойственномъ, фальшивомъ положеніи.

Вопросъ о «мандатѣ» грузинская делегація впервые обсуждала при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Меморандумъ нашъ съ ходатайствомъ о признаніи независимости Грузіи былъ представленъ конференціи. Делегаты (преимущественно Чхеидзе) посыпали по списку «персонажей», и визиты эти имѣли явно характеръ обязательной и скучной формальности. Не занимая официального положенія въ делегації*), но являясь на дѣлѣ ея сотрудникомъ (мною только-что былъ составленъ напр. основной, вышеупомянутый меморандумъ, представленный отъ имени Грузіи Парижской конференціи), я, конечно, желалъ знать, въ чёмъ, собственно, заключаются планы и мысли грузинскихъ полномочныхъ. Въ виду этого, 23 марта (1919 г.) Чхеидзе пригласилъ меня въ частное совѣщеніе делегаціи, гдѣ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній.

*) Позже, въ маѣ 1919 г. я былъ «кооптированъ» въ ея составъ.

Ав. Необходимо выяснить главный вопросъ. Чего мы здѣсь добиваемся? формального признанія независимости и «принятія въ семью цивилизованныхъ націй», подобно такимъ новымъ государствамъ, какъ Чехія, Югославія? или же мы нуждаемся въ посторонней помощи на первыхъ порахъ и будемъ ждать ее отъ «мандатарія»? — Повидимому, всѣ согласны съ тѣмъ, что своими силами Грузія не можетъ обеспечить себя въ ближайшее время отъ всѣхъ внѣшнихъ напастей. А разъ нужна поддержка какой-либо великой державы, то нѣть основанія отворачиваться отъ института «мандата», тѣмъ болѣе, что мандатъ осуществляется по порученію и подъ наблюденіемъ Лиги Націй, т. е. высшей инстанціи, — онъ ограничивается опредѣленнымъ срокомъ — содержаніе же его можетъ быть предварительно нами обусловлено прямыми переговорами съ мандатаріемъ. *По существу, этотъ «мандатъ» могъ бы соотствовать нашей прошлогодней схемѣ грузино-германскихъ взаимоотношеній.* Но конечно, инициатива въ этомъ дѣлѣ должна исходить отъ насъ и т. д.

Слѣдовало изложеніе практической программы, вытекающей изъ изложеннаго.

И. Церетели. Мы стоимъ на точкѣ зреінія независимости. Нашъ народъ такъ свыкся съ этой мыслью, что трудно преподнести ему что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ начинать съ мандата или протектората едва-ли слѣдуетъ. Будемъ просить о признаніи нашей независимости — а, потомъ, взвѣшивъ все, договоримся, скажемъ, съ Англіей. Спросимъ ее, что она думаетъ дѣлать съ войсками, расположенными у насъ, будемъ просить ее не уводить ихъ.

Чхеидзе. Дипломатія — трудное дѣло вообще, а сейчасъ и вовсе головоломное. Взять, напримѣръ, этотъ «мандатъ»: совмѣстима или нѣть съ нимъ независимость? и т. д.

Конечно, много сомнѣній возникало въ связи съ этими терминами «мандатъ» и «Лига Націй», но я все-же находилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и, особенно, въ странѣ, доказавшей способность къ политическому самоуправлению, «мандатъ» можетъ, лучше чѣмъ гдѣ-либо, соотвѣтствовать своему назначению: быть временною помощью новому государству, въ периодъ его организаціи.

«Не забывайте главнаго, прибавлялъ я: намъ нельзя опаздывать и выжидать — нужно заблаговременно обеспечить Грузію отъ неожиданностей.»

68.

Въ общемъ, наши главные делегаты, какъ оказалось, вовсе не были принципиальными противниками «мандата». Но они желали выжидать. А пока что, амстердамская резолюція 28 апрѣля 1919 года, «проведенная» тамъ Церетели, съ присущимъ ему искусствомъ, высказывалась очень недвусмысленно противъ всякоаг ограниченія «полной независимости» Грузіи какимъ-бы то ни было контролемъ или «опекою» со стороны европейскихъ державъ (см. выше). Возможно, что такая позиція была необходима для личнаго положенія грузинскихъ соціалистическихъ лидеровъ въ Интернаціоналѣ. Дѣлу Грузіи здесь оказывалась плохая услуга.

Двусмыленность этой позиціи обнаружилась очень скоро — когда угроза со стороны Добровольческой арміи далъ грузинскому правительству въ Тифлісѣ и его полномочнымъ въ Парижѣ наглядный урокъ того, что одной «независимости» недостаточно для самообороны, и что поддержка какой-либо изъ «имперіалистическихъ» державъ не такъ уже безразлична.

Выше уже изложено, какъ въ самой Грузіи успѣли испортиться отношенія съ англичанами (главными «имперіалистами»). Грузинскій фронтъ противъ Деникина понимался, какъ «соціалистической»; а глава грузинского правительства не рѣшался проститься съ краснымъ знаменемъ, развѣвавшимся надъ дворцомъ въ Тифлісѣ, какъ ребенокъ не желаетъ разстаться съ любимою игрушкою. Все это были показанія, мало благопріятныя для сближенія съ какою-либо великою державою!

А вотъ, потребность въ такомъ сближеніи чувствовалась теперь остро. Однако, когда Церетели, сопровождаемый, на этотъ разъ, по его просьбѣ, мною, заговорилъ въ британской делегаціи о желательности установленія болѣе тѣсныхъ связей между «демократической республикой» и «британскимъ имперіализмомъ», отвѣтъ получился болѣе чѣмъ уклончивый. Пришлось даже выслушать отъ лица, за чьей подписью мы получили, въ декабрѣ 1919 г., выраженіе симпатій Грузіи, признаніе, что «симпатіи были», но теперь ихъ... «меньше». (Разговоръ съ сэромъ Луисъ Маллетъ, 26 іюня 1919 года).

Было-бы впрочемъ, ошибочно въ этомъ «охлажденіи» британского правительства видѣть только послѣдствіе «несо-

отвѣтствующаго», враждебнаго «западному имперіализму» настроенія въ самой Грузіи. Были и болѣе общія причины отказа Великобританіи отъ активной политики въ Грузіи (и вообще въ Закавказье), въ 1919 г., а именно: затруднительность дѣятельного отстаиванія независимости Закавказскихъ республикъ (въ смыслѣ окончательного отдѣленія ихъ отъ Россіи) — одновременно съ политикой возстановленія единства Россіи, переобремененность британскаго льва всякихъ родовъ заботами и отвѣтственностью, — наконецъ, необходимость экономій, на которыхъ общественное мнѣніе Англіи настаивало очень повелительно съ момента окончанія войны.*)

Да и вообще, создание англійской позиціи въ Закавказье, согласованной съ его независимыми республиками, хоть и могло представить большой интересъ для Британской Имперіи — съ разныхъ точекъ зрѣнія не имѣло для нея жизненнаго значенія.

Этого достаточно, чтобы объяснить, почему идея британскаго мандата не могла имѣть практическаго успѣха въ серединѣ 1919 года.

69.

Между тѣмъ, грузинское правительство, встревоженное извѣстіями о предстоявшемъ уходѣ изъ Закавказья англичанъ, и не желая оставаться въ пріятномъ *tête-à-tête* съ добровольцами, бытъ бы вовсе не прочь отъ замѣны англичанъ какими нибудь другими «имперіалистами». Въ Закавказье на смѣну англичанамъ просились итальянцы, и о предстоящемъ прибытіи итальянскихъ войскъ было даже объявлено официально. Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже утверждать, что водвореніе Италіи, въ качествѣ мандатарія, на Закавказскомъ перешейкѣ, и было-бы въ то время (1919 г.) самою практическою, согласованною съ очень разнообразными условіями и интересами, формою... британскаго мандата въ Грузіи и Азербайджанѣ!

Италія обдѣлена сырьемъ, и «поиски сырья» были однимъ изъ главныхъ мотивовъ итальянской вѣшней политики въ послѣдніе годы. Съ итальянской стороны выдвигалась даже идея международного «перераспредѣленія сырья», какъ одна изъ задачъ Лиги Наций. При такомъ умонаочертаніи, естественно подсказывалась мысль о привлечениіи итальянцевъ къ

*). Ограничившись, съ лѣта 1919 г., оккупацией одного Батума въ Закавказье, Англія достаточно обеспечивала себя этимъ на случай, если-бы позже она снова рѣшила принять болѣе близкое участіе въ политикѣ закавказскихъ республикъ.

разработкѣ природныхъ богатствъ Кавказа. Особенный интересъ обнаруживался при этомъ къ каменному углю — главной заботѣ Италии.

Я здѣсь ничего не скажу о томъ, въ какой связи «кавказская орієнтація» Италіи находилась съ европейской политикой дѣлежа и компенсацій, неизбѣжной въ условіяхъ 1919 года. Заинтересованность Италіи казалась настолько серьезной, что одно время, намѣтилось и обратное теченіе — именно итальянская орієнтація грузинскаго правительства. Обнаружилась она съ остротой, но мимолетно.

Интересъ къ «природнымъ богатствамъ» Грузіи, итальянцы обнаружили при первыхъ же встрѣчахъ съ предсѣдателемъ грузинской делегаціи въ Парижѣ, Чхеидзе. «Какъ у васъ насчетъ кам. угля?» былъ главный вопросъ, поставленный бывшему предсѣдателю С. С. Р. Д. итальянскимъ полномочнымъ делегатомъ въ Парижѣ, маркизомъ Salvago Raggi, а также маркизомъ della Torretta (тогда делегатомъ-совѣтникомъ) — еще въ мартѣ 1919 года. Скоро послѣ того, изъ англійскихъ источниковъ стало извѣстно, что англійскія войска предположено замѣнить въ Закавказіи итальянскими. Въ концѣ апрѣля выѣхала въ Тифлісъ итальянская миссія, изъ военныхъ и не военныхъ, предводимая полковникомъ Габба. По этому поводу маркизъ делла Торетта объяснялъ грузинскимъ делегатамъ (2 мая), что миссія отправляется для ознакомленія съ ресурсами страны и въ видахъ установлениія промышленныхъ и вообще экономическихъ связей. «Возможно — прибавлялъ онъ что англійскія войска будутъ выведены изъ Грузіи и замѣнены итальянскими: въ этомъ случаѣ итальянцы, конечно, не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Грузіи, и само ихъ присутствіе тамъ будетъ обставлено тѣми-же условіями, какъ пребываніе англичанъ. Признанію же независимости Грузіи на конференціи, Италія всемѣрно будетъ содѣйствовать». Это официальное заявленіе подтвердило свѣдѣнія, полученные нами раньше.

10-го мая, предсѣдатель правительства Грузіи (Жорданіа) получилъ отъ генерала Томсона (начальника британскихъ войскъ въ Закавказіи) увѣдомленіе о предстоящемъ уходѣ этихъ войскъ и о замѣнѣ ихъ итальянскими. О томъ же было объявлено въ Баку.*)

*.) Какъ мнѣ говорили тогда въ американской делегаціи, на конференціи эта замѣна однихъ другими была условлена соглашеніемъ однихъ лишь Англіи съ Италіей.

Дѣло принимало нешуточный оборотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время «деникинская угроза» становилась все болѣе острой.

Уже въ началѣ іюня, полковникъ Габба былъ вызванъ въ Парижъ изъ Тифлиса. Итальянскому правительству приходилось серьезно рѣшать весьма отвѣтственный вопросъ: посыпать или не посыпать свои войска въ Закавказье? А это было равнозначуще вопросу объ итальянскомъ мандатѣ — въ частности, въ Грузіи.

Идейное его обоснованіе было бы дѣломъ несложнымъ. Помочь молодымъ націямъ, ставшимъ самостоятельными, укрѣпить эту самостоятельность — не отвѣчало-ли благороднѣйшимъ традиціямъ объединенной Италии, завѣтамъ Гарibalды и т. д.?

Ни съ грузинской, ни съ итальянской стороны не было недостатка въ заявленіяхъ этого рода. Матеріальная подкладка тоже была ясна: Италія получала доступъ къ нужному ей сырью и топливу, и расходы ея по экспедиції обеспечивались-бы концессіями вполнѣ.

Однако надлежало принимать въ разсчетъ, казавшееся близкимъ, возстановленіе Россіи. Хронологически «быть или не быть» итальянского мандата совпадало какъ разъ съ выясненіемъ политики Конференціи въ русскомъ вопросѣ (условія признанія правительства Колчака) и съ конфліктомъ между Добровольческой арміею и Кавказскими республиками.

Программа конференціи въ русскомъ вопросѣ, въ сущности, не исключала ни посылки итальянскихъ войскъ (взамѣнъ англійскихъ) въ Грузію и Азербайджанъ, ни даже итальянского «мандата». Но «тактическая» возможность столкновенія на этой почвѣ съ Добровольческою арміею, все-же оставалась. Вопросъ, значитъ, сводился — какъ всегда въ такихъ случаяхъ — къ оцѣнкѣ рисковъ.

Сторонники итальянского мандата находили, что одного присутствія союзныхъ войскъ было-бы достаточно, чтобы обеспечить Грузію и Азербайджанъ отъ всякихъ посягательствъ извѣнѣ и связывали большія надежды съ посылкой итальянцевъ въ Закавказье, оккупация котораго была бы временною — впредь до общаго «замиренія» и до организаціи мѣстныхъ силъ. Излагая съ большой послѣдовательностью эту точку зрѣнія, хорошо освѣдомленный публицистъ Д. Андрулли писалъ въ *«Corriere della Sera»* — что единственное, чѣмъ Италія

не можетъ и не должна быть на Кавказѣ — это жандармомъ въ пользу гипотетической русской «федерациі» адмирала Колчака.

Скептики-же находили, что Италія недостаточно богата капиталами, чтобы браться за развитіе производительныхъ силь, хотя бы одной Грузіи и, что осуществленіе здѣсь мандата приведеть къ столкновенію съ русскимъ имперіализмомъ и т. д.

Этотъ взглядъ былъ выраженъ выпукло г. Энрико Целли въ миланскомъ «Secolo».

Какъ известно, вопросъ объ итальянскомъ мандатѣ былъ разрѣшенъ правительствомъ Нитти отрицательно.*.) Здѣсь сыграла роль преувеличенная оцѣнка «бѣлогвардейскихъ» движений въ Россіи, но большое значеніе имѣло и весьма сильная въ это время въ Италіи тяга къ скорѣйшей демобилизациі. Вообще Италія 1919-20 г.г. была въ состояніи слишкомъ дрябломъ и расшатанномъ, чтобы «рискнуть» на мандатъ въ Грузіи. Возможно, что Италія Муссолини — рискнула-бы.

Прибытіе итальянской миссіи въ Грузію въ 1919 г. и пребываніе ея тамъ, имѣло, однако, нѣкоторое значеніе и въ дѣловомъ отношеніи — итальянцы первые послѣ войны устроили пароходное сообщеніе съ Европою, открыли банкъ, дѣятельно торговали и пр. — и въ политическомъ. Въ дѣлѣ признанія грузинской республики державами Европы, сочувствіе Италіи оказалось, конечно, полезнымъ, и оно было подготовлено исподволь въ 1919 году.

*.) Итальянская военная миссія въ Тифлісѣ опубликовала официальное сообщеніе о неприбытии итальянскихъ войскъ 5 августа 1919 г. — Въ своей известной книжкѣ *Europa senza pace* самъ Нитти ставить именно себѣ въ заслугу рѣшеніе отказаться отъ экспедиціи въ Грузію, принятое имъ, какъ только онъ сталъ во главѣ итальянского правительства (въ іюнѣ 1919 г.). Въ этотъ моментъ уже готовъ былъ, по его словамъ, къ отправленію цѣлый корпусъ (12-ый), въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и альпійскихъ частей. Отказомъ отъ этой экспедиціи Нитти навлекъ-де на себя много вражды, но зато спасъ Италію отъ ужасной авантюры и отъ неминуемаго столкновенія съ московскимъ правительствомъ. Гдѣ собственно и какъ произошло-бы это столкновеніе съ совѣтскими войсками — лѣтомъ 1919 г. — Нитти не объясняеть. Это и не существенно для его тезы. Есть въ его версіи и другія несообразности. См. *L'Europe sans paix*. Стр. 186-188.

ГЛАВА XXVII. АМЕРИКАНСКИЙ МИРАЖЪ.

70.

Совершенно особое значение имѣль для Грузіи вопросъ объ американскомъ мандатѣ въ Армени. Въ пользу этого предпріятія велась огромная пропаганда; осуществленіе его казалось одно время неизбѣжнымъ; надлежало поэтому и намъ озабочиться выясненіемъ возможнаго отношенія американцевъ къ Грузіи и вообще къ кавказскимъ республикамъ. Въ бесѣдахъ съ экспертами американской делегаціи (май-іюнь 1919 г.), вопросъ этотъ обсуждался мною довольно подробно.

Путь въ Арменію, куда теперь направилось не мало американцевъ, лежалъ черезъ Грузію; въ Тифлісѣ и другихъ мѣстахъ С. Штаты имѣли консульскихъ представителей; благодаря этимъ агентамъ, а также дѣятелямъ филантропическихъ организацій, американская делегація въ Парижѣ была хорошо освѣдомлена о всемъ, что происходило въ Закавказье.

Американцы быстро оцѣнили связь вопроса о независимости Грузіи съ осуществленіемъ американского мандата въ Армени.

«Итакъ, вы желаете полной¹ независимости, сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ американскихъ экспертовъ: «а вотъ, вашъ министръ финансовъ прямо заявилъ нашимъ, въ Тифлісѣ, что безъ посторонней помощи вамъ не обойтись... Неужели признаніе вашей независимости можетъ дать вамъ средства, которыхъ у васъ нѣтъ?»

«Да, намъ нужна помощь въ финансовой и другихъ отрасляхъ. Признаніе независимости не дастъ намъ, конечно, сразу богатства; но если, одновременно, Грузіи будетъ обеспечена дѣйствительная помощь, возможно будетъ дать толчекъ разработкѣ природныхъ богатствъ. А это дастъ затѣмъ и средства.

Въ какую форму эта помощь отольется — вопросъ другой» — «Мандатъ, что ли? Вѣдь вы не противъ извѣстнаго контроля?» «Нѣть! такой мандатъ — какъ напримѣръ: срочное полномочіе оказать намъ содѣйствіе въ организаціи финансовъ — вполнѣ совмѣстимъ съ независимостью».

Особенно, конечно, касались необходимости поддержать Грузію *политически*, какъ одного изъ условій успѣшности работы Америки въ Арmenіи.

Въ заключеніе этихъ разговоровъ, пришли къ такому выводу: *«если* положеніе о Лигѣ Націй получить ратификацію Соединенныхъ Штатовъ С. А*) и *если* Америка приметъ на себя мандатъ въ Арmenіи — то не исключается возможность взятія на себя Соединенными Штатами извѣстныхъ обязательствъ и въ Грузіи.

Послѣ такой подготовки состоялось свиданіе грузинскихъ делегатовъ съ полковникомъ House (11 іюня 1919 года), и хотя отъ главной темы мы вынуждены были тогда отвлечься въ сторону «тактической» угрозы — деникинского «нашествія» (см. выше стр. 199), все-же вопросъ объ американскомъ мандатѣ былъ поднятъ въ этомъ свиданіи съ главнымъ соратникомъ президента Вильсона**).

Вопросъ ставился условно: «разъ Америка займется Арmenіей, пусть за-одно поможетъ и Грузіи». Дальше этого мы, очевидно, не могли идти. Но сдѣлать этотъ шагъ было необходимо: приходилось считаться съ возможнымъ выступленіемъ С. Штатовъ на Востокѣ въ роли насадителя мира и порядка, для воспитанія народовъ въ духѣ свободы и дѣловитости.

Осуществивъ американскій мандатъ въ Арmenіи, Грузія, по необходимости, въ качествѣ главнаго пути, ведущаго въ Арmenію, сдѣлалась-бы также предметомъ вниманія С. Шта-

*) Версальскій договоръ 28 іюня 1919 года, органической частью котораго являлось Положеніе о Лигѣ Націй, внесено было на разсмотрѣніе Сената С. Ш. 10 іюля 1919. Всѣмъ памятна историческая борьба за принятие или отверженіе трактата, развернувшаяся тогда въ Америкѣ и разбившая, вмѣстѣ съ жизнью президента Вильсона, столько надеждъ въ Европѣ и Азии. Окончательно Версальскій договоръ былъ отвергнутъ Сенатомъ 20 марта 1920 г.

**) Незадолго передъ тѣмъ (28-го мая) делегаты Азербайджана и Горской республики были приняты президентомъ Вильсономъ.

това*). Облегчилось бы международное признание ея независимости, упрочилось бы вообще ея положение и она могла бы перейти от чрезвычайного политического брожения къ болѣе плодотворной экономической работе (это можно сказать о всѣхъ странахъ, которые бы вошли въ этомъ случаѣ въ сферу вліянія американской предпримчивости). Созданіе независимой отъ Турціи армянской полосы въ Восточной Anatolii влекло бы за собою прекращеніе непосредственного сосѣдства Грузіи съ Турцией и давало бы первой возможность болѣе прочно связать свои мусульманскія провинціи съ христіанскими. Съ постепеннымъ-же замиреніемъ «двуединой» Арmenіи, можно было ожидать возвращенія обратно во-свои армянскихъ бѣженцевъ, въ большомъ количествѣ находившихъ убѣжище въ Грузіи и грозившихъ искусственно увеличить и безъ того весьма многочисленные ряды армянского меньшинства въ Грузіи и т. д.

Къ сожалѣнію идея армянского мандата въ Арmenіи встрѣтила многочисленныя помѣхи. Правда, Арmenія получила помощь филантропического характера въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Верховнымъ совѣтомъ державъ былъ отправленъ въ качествѣ особаго комиссара (съ очень широкими и неопределеными полномочіями) американский полковникъ Хаскель, который оказывалъ, именемъ союзниковъ, особое официальное содѣйствіе всѣмъ лицамъ и организаціямъ, работавшимъ въ Арmenіи. Главнымъ образомъ ему, кажется, пришлось быть высокопоставленнымъ «толкачамъ» вагоновъ съ мукою, сгущеннымъ молокомъ и другимъ добромъ, отправляемымъ изъ Батума въ Арmenію.

«Сгущенное молоко вмѣсто... мандата» — такъ, кажется, можно выразить вкратце результатъ американскихъ замысловъ и связанныхъ съ ними надеждъ въ области армянского вопроса!**)

Упомяну здѣсь-же, что единственная официальная бумага, полученная въ 1919 году грузинскою делегацію отъ Верховнаго совѣта парижской конференціи, за подписью Клемансо,

*) При этомъ, американская помощь Грузіи мыслилась исключительно въ видѣ дипломатической поддержки и финансового содѣйствія. Для обеспеченія порядка въ Грузіи личной помощи, конечно, не требовалось. Въ совершенно другихъ краскахъ рисовался американский мандатъ въ Арmenіи.

**) Конечно, незабываемой заслугой американцевъ является призрѣніе и воспитаніе десятковъ тысяч армянскихъ сиротъ.

касалась именно вопроса о транзите грузовъ черезъ Грузію въ Арmenію, и вызвана она была жалобами на помѣхи, якобы чинимыя этому транзиту.

Въ ноябрѣ 1919 года, полковникъ Хаскель пріѣзжалъ на время изъ Тифлиса въ Парижъ, для «доклада конференціи» о закавказскихъ дѣлахъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя заявленія этого комиссара, слышанныя отъ него (5 ноября). Злободневными онъ признавалъ въ это время вопросы объ экономическихъ затрудненіяхъ Закавказья, о «деникинской» опасности», о возстаніи въ Дагестанѣ. «Необходимо, прежде всего, оживить торговыя сношенія: для этого надо организовать подвозъ сырья къ портамъ и т. д. Условія политическія въ Грузіи хороши. Большевизма нѣтъ. Порядокъ поддерживается. У меня съ грузинскимъ правительствомъ самая лучшая отношенія. Нѣкоторые американские миссионеры любятъ говорить объ однихъ армянахъ... мы-же, члены военныхъ миссій, относимся съ равной симпатіей ко всѣмъ народамъ Закавказья.

... Я убѣдился въ томъ, что Грузія дѣйствительно желаетъ быть независимою. Но она не противъ того, чтобы имѣть помощь какого-либо хорошаго правительства — напр. англійскаго или американскаго. Лѣтъ черезъ 25-30, Грузія, конечно, можетъ установить какую-нибудь связь съ Россіей.

... Возьметъ ли Америка на себя мандатъ или нѣтъ, этого я не знаю: это дѣло дипломатовъ. Моя обязанность — разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, помочь народамъ Кавказа».

71.

Въ виду приближенія времени, когда С. Штаты должны были, наконецъ, рѣшить столь отвѣтственный вопросъ о мандатѣ въ Арmenіи, президентъ Вильсонъ рѣшилъ снарядить специальнуя экспедицію для «осмотра на мѣстѣ» Арmenіи и прилегающихъ странъ и для составленія отчета о «политическихъ, военныхъ, географическихъ, административныхъ, экономическихъ и другихъ соображеніяхъ, связанныхъ съ возможными американскими интересами и отвѣтственностью въ этой странѣ» (термины президентской инструкціи).

Во главѣ экспедиціи (изъ 14 однихъ старшихъ чиновъ) специалистовъ по разнымъ отраслямъ администраціи и экономики, былъ поставленъ генералъ Джемсъ Г. Харбордъ (б. на-

чальникъ штаба генерала Першинга). Съ быстротою и стремительностью, которая должны были поражать страны «сонного, дряхлого Востока», миссія эта пересѣкла Анатолію отъ Константинополя до Аданы, посѣтила Киликію, съверную Сирію, а затѣмъ, на автомобиляхъ, проѣхала черезъ Діарбекиръ, Харпуть, Сивасъ, Эрзинджанъ, Эрзерумъ и Карсъ — въ Эривань, посѣтила Тифлісъ, Баку и Батумъ. Сверхъ этого главнаго маршрута были и дополнительные. Вездѣ опрашивались правительства, группы, организаціи всѣхъ попутныхъ народовъ и государствъ. 30 дней длился этотъ необычайный осмотръ отсталыхъ странъ, дожидавшихся мецената-мандатарія. Плодомъ удивительной экскурсіи явился отчетъ генерала Харборда, составленный имъ на обратномъ пути въ Америку, на борту корабля «Марта Вашингтонъ» и подписанный 16 октября 1919г.

Мы не встрѣтились съ генераломъ Харбордомъ въ Парижѣ (передъ его выѣздомъ) по совершенно случайнымъ причинамъ; но члены его миссіи заходили къ намъ за справками. Въ Тифлісѣ эти американцы были приняты подобающимъ образомъ, и о мастерствѣ грузинъ по части торжественныхъ банкетовъ и застольного пѣнія генералъ Харбордъ особо упоминаль позже въ американской печати. Онъ-же осыпалъ самыми лестными комплиментами специально къ нему приставленного грузинскимъ правительствомъ чичероне — Є. Гамбашидзе.

... Но конечно, важнѣе всего этого упомянутый уже выше отчетъ и его выводы.*). Отчетъ представляетъ значительный интересъ. Въ немъ много явныхъ ошибокъ и недоразумѣній,

*). Основной отчетъ ген. Харборда, подъ заглавіемъ: «Условія Ближняго Востока» (*Conditions in the Near East. Report of the American Military Mission to Armenia. by Maj. Gen. James G. Harbord. U. S. Army*). былъ опубликованъ въ качествѣ документа Сенатомъ С. Ш. въ 1920 г., въ Вашингтонѣ. Остались, если не ошибаюсь, до сихъ поръ неопубликованными 11 приложенийъ, составленныхъ отдельными специалистами и трактующихъ: 1) политические факторы и проблемы, 2) правительства въ Турціи и въ Закавказье, 3) Государственные и частные финансы въ Турціи и въ Закавказье, 4) Торговля и промышленность тамъ-же, 5) Общественное здравіе и санитарія, 6) Населеніе; промысловыя и другія качества; образъ жизни. 7) Климатъ, природныя богатства, животноводство, земледѣліе; 8) Географія, горное дѣло и границы; 9) Печать въ Турціи и Закавказье; 10) военная задача мандатарія; 11) транспортъ и сообщенія въ Малой Азіи и въ Закавказье. 12-ое приложеніе — библиографія.

но, въ общемъ, это довольно безпристрастная оцѣнка сынами могущественной, богатой, образованной, дѣльной и дѣлческой Республики — ряда бѣдныхъ, отсталыхъ, разоренныхъ войной, переворотами и дурнымъ управлениемъ странъ.

Американская миссія встрѣтилась въ Сивасѣ съ Мустафой-Кемалемъ и другими дѣятелями турецкаго национального движения, которое тогда — въ сентябрѣ 1919 года — только начиналось. О Мустафѣ-Кемалѣ мало кто зналъ въ Европѣ. Эта встрѣча имѣла большое значеніе для формированія заключеній ген. Харборда.

... Однако, я вынужденъ ограничиться лишь главными выводами американцевъ, относящимися къ нашимъ республикамъ. Правительства всѣхъ трехъ республикъ рассматриваются какъ совершенно неудовлетворительныя — съ западной точки зрењія. Въ частности, въ Грузіи отмѣчается «вліяніе большевизма» — «красное знамя революціи, развѣвающееся надъ национальнымъ»; конфискація земель у собственниковъ безъ вознагражденія — и продажа ея за деньги крестьянамъ. Азербайджану недостаетъ образованныхъ людей для управлія, Арmenія — въ развалинахъ.

Впрочемъ оцѣнки эти, надо сказать, довольно условны, и черные краски здѣсь сгущены больше, чѣмъ въ извѣстныхъ мнѣ, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ сужденіяхъ другихъ иностранцевъ въ 1918-21 г.г.

Политическое направленіе трехъ странъ опредѣляется такъ: Грузія настаиваетъ на самостоятельности; русская Арmenія, вѣроятно, голосовала бы за мандатъ Россіи*); Азербайджанъ влечется къ Турціи и недовѣряетъ христіанамъ — но образованная часть понимаетъ необходимость внѣшняго его контроля и т. д.

Словомъ, всѣмъ нуженъ мандатарій, но необходимо, чтобы это былъ одинъ мандатъ для всего Закавказья.

По главному-же вопросу — о турецкой Арmenіи — выводы генерала Харборда чрезвычайно мрачны. Можно иногда подумать, что его специально послали съ цѣлью опороченія

*.) Харбордъ забываетъ прибавить, что если бы Россія (какъ онъ ее понимаетъ) существовала въ 1919 г., ему самому не пришлось бы увидѣть Арmenію.

мандата въ Арmenії. Онъ утверждаетъ (хоть это и не ново) — что въ проектированной Арmenії турки были въ большинствѣ еще до насильственныхъ выселеній, и останутся въ большинствѣ, если даже вернуть обратно всѣхъ бѣженцевъ. Армянинъ не умѣеть ладить съ сосѣдями. Харбордъ превозноситъ хорошия качества армянъ; но прибавляетъ, что напр. американские миссіонеры предпочитаютъ турокъ армянамъ.

Главный-же выводъ генерала Харборда заключается въ томъ, что достичнуть положительныхъ результатовъ на Ближнемъ Востокѣ можно лишь, объединивъ въ рукахъ одной державы мандатъ, объемлющий все Закавказье, всю турецкую Арmenію, вообще Малую Азію, Константинополь и Румелію — словомъ, всю Турцію и Закавказье!

Этотъ планъ вполнѣ отвѣчалъ нашей идеѣ («если Арmenія, то и Грузія»); но онъ доводилъ идею «сопутствующихъ» мандатовъ до крайнихъ предѣловъ... почти до абсурда (съ точки зрењія установленныхъ взглядовъ на интересы великихъ державъ на Востокѣ).

Самый планъ осуществленія мандата изложенъ у ген. Харборда довольно интересно. Заканчиваетъ же онъ представлениемъ доводовъ за принятіе С. Штатами мандата (14 пунктовъ) и противъ его принятія (13 пунктовъ).

Чрезвычайно широкая постановка вопроса обрекала вопросъ объ армянскомъ мандатѣ на провалъ; да и въ С. Штатахъ уже давно обнаруживалось настроение враждебное планамъ и затѣямъ президента Вильсона. Это было чрезвычайно печально — и для Арmenіи, и для ея сосѣдей. Дѣло было испорчено съ самаго начала — ни съ чѣмъ не сообразной схемой Арmenіи, включающей Эриванскую республику, цѣлыхъ семь турецкихъ вилайетовъ и Киликію. Разъ исходить отсюда — то неизбѣжнѣй былъ выводъ ген. Харборда о включеніи въ мандатъ за-одно всей Турціи. Но вѣдь можно было исходить (и слѣдовало) изъ болѣе скромной программы — Эриванская Арmenія и части смежныхъ вилайетовъ!

... Впрочемъ, заключенія генерала Харборда держались пока въ секрѣтѣ. Вопросъ о мандатѣ ставился теперь въ прямую зависимость отъ болѣе общихъ вопросовъ — о ратификації Америкою Версальскаго мира, о принятіи ею «Лиги Націй». Путь обѣщалъ быть долгимъ.

Но еще 20 ноября 1919 года, незадолго до отбытія амери-

канской делегациі изъ Парижа*), одинъ изъ чиновъ ея увѣрялъ меня, что отзывы ген. Харборда о Грузіи самые благопріятные, что если С. Штаты возьмутъ мандатъ въ Армани, они займутся и Закавказьемъ и т. д.

Незадолго передъ тѣмъ, буквально то-же самое говорилъ мнѣ предсѣдатель армянской делегациі Агаронянъ. «Главное, по его мнѣнию, — установить поскорѣе контроль армянского правительства, хотя бы надъ Ваномъ и Алашкертскою долиною — дабы положить основаніе объединенной Арmenіи. Наша миссія, отправленная въ Америку была принятa комитетомъ Сената С. Ш. въ самый день прибытія ея въ Вашингтонъ. Со всѣхъ сторонъ она получила завѣренія въ томъ, что судьба Арmenіи будетъ во всякомъ случаѣ обеспечена. Харбордъ и Хаскель высказывались въ этомъ же смыслѣ. Национальное движение Мустафы-Кемала до извѣстной степени bluff и т. д.

Надо признаться, что самый осторожный человѣкъ могъ повѣрить въ дѣйствительность американскихъ завѣреній. Но удивительно-ли, что съ этимъ «мандатомъ» вышло напослѣдокъ столь прискорбное недоразумѣніе, когда «недоразумѣніемъ» оказался въ Вашингтонѣ и Версальскій договоръ, и въ частности, положеніе о Лигѣ Народовъ, и проектъ англо-американской гарантіи неприкосновенности Франціи?

А главное: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣсть». Солнце и не взошло.

Къ концу 1919 года вопросъ о материальной и политической поддержкѣ закавказскихъ республикъ путемъ мандата осуществляемаго какою-либо великою державою, уже утратилъ значеніе непосредственной, практической возможности: слишкомъ много препятствій мѣшало осуществленію этой мысли. Нерѣшительная политика Великобританіи и Италии — въ виду казавшагося возможнымъ возстановленія Россіи, какъ «союзной державы», а также въ виду внутреннихъ затрудненій самихъ будущихъ «мандатарievъ»; несогласован-

*) Незамѣтное, будничное отбытие! Что осталось отъ неописуемыхъ, всенародныхъ триумфовъ президента Вильсона конца 1918-начала 1919 г. г., въ Парижѣ, Лондонѣ и пр., которыхъ и я, съ миллионами современниковъ, былъ свидѣтелемъ!

ность, разнорѣчія въ дѣйствіяхъ закавказскихъ республикъ; новизна, неожиданность вопроса, неподготовленность къ нему европейскихъ правительствъ, чрезвычайная обремененость Европы болѣе знакомыми, болѣе важными и не менѣе затруднительными задачами; наконецъ, длительная «канитель» съ американскимъ мандатомъ, все тормозившая и ничего не давашая — вотъ причины, дѣлавшія невозможнымъ въ 1919 г. международное разрѣшеніе закавказскихъ вопросовъ.

ГЛАВА XXVIII.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА (1919).

72.

Какъ видно изъ изложенного, вопросъ о способахъ упроченія независимыхъ закавказскихъ республикъ и о согласованіи ихъ независимости съ общими теченіями европейской и азиатской политики побѣдителей, все-же занималъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, вниманіе Англіи, Италіи, С. Штатовъ.

Что касается *Франціи*, она , въ общемъ, болѣе твердо и болѣе опредѣленно стояла на почвѣ необходимости скорѣйшаго возстановленія Россіи (путемъ пораженія совѣтской власти «бѣлыми»). Эта доктрина заставляла Францію смотрѣть съ большимъ скептицизмомъ и опаскою на новыя республики. Грузинская делегація въ Парижѣ довольно прилежно работала въ разнообразныхъ политическихъ кругахъ, чтобы преодолѣть предразсудки, казавшіяся непоколебимыми. Нельзя сказать, чтобы успѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи былъ великъ; это видно изъ нижеслѣдующаго эпизода.

Различныя перипетіи практическаго вопроса объ усиленіи товарообмѣна между Франціей и Закавказьемъ (этимъ дѣломъ грузинская и азербайджанская*) делегаціи занимались въ Парижѣ совмѣстно) потребовали выясненія официального взгляда французскаго правительства на двѣ союзныя республики. По разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ можно не упоминать, способомъ для выясненія этого взгляда былъ избранъ письменный вопросъ, поставленный министру иностранныхъ дѣлъ виднымъ депутатомъ (нынѣ — сенаторъ) *de-Монзи*.

*) Членами ея сверхъ предсѣдателя Топчибашева, являлись: Гаджинскій (въ 1919 г.), Мехтіевъ, Шейхъ-уль-Исламъ-Заде, Гаджибековъ, Магерамовъ.

Отвѣтъ г. Пишона, появившійся въ *Journal Officiel* 6-го сентября 1919 г., заключался въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ (соответственно заданнымъ вопросамъ):

1. Кавказскія республики не признаны юридически французскимъ правительствомъ;

2. Французское правительство не признало этихъ республикъ фактически. Положеніе на Кавказѣ довольно смутно и неустойчиво. Такъ, существованіе Закавказской республики представляется въ настоящее время шаткимъ. Что касается Грузіи, она находится въ борьбѣ съ русскими и армянами;

3. Французское правительство не переставало свидѣтельствовать величайшую симпатію кавказскому населенію, сообразно традиціямъ и интересамъ Франціи въ этихъ странахъ. Делегаціямъ различныхъ кавказскихъ народовъ было разрѣшено прибыть въ Парижъ. Французское правительство продолжаетъ имѣть представителя въ Баку, Батумѣ и въ Тифлісѣ. Въ послѣднемъ пребываетъ равнымъ образомъ военная миссія, посланная до того, какъ началось сепаратистское движение.

Наконецъ, въ п. 4-омъ говорится о готовности правительства Республики содѣйствовать товарообмену между Франціей и кавказскими странами.

Въ отвѣтѣ Пишона, интереснѣе всего было указаніе на то, что французская военная миссія была послана въ Тифлісъ еще до «сепаратизма» — подразумѣвалось, въ отличіе отъ миссій англійской, итальянской и другихъ, отправленныхъ туда, дѣйствительно, послѣ провозглашенія независимости закавказскихъ республикъ. Этотъ оттѣнокъ имѣлъ свое значеніе въ виду тогдашней русской политики Франціи, вовсе не поощрявшей «сепаратизмъ».

Грузинская делегація отвѣтила на эти разъясненія французского министра особымъ письмомъ, въ которомъ, прежде всего указывалось, что «Закавказской республики», положеніе которой по мнѣнію г. Пишона, столь «прекарно», вообще въ природѣ не существуетъ (еще 26 мая 1918 г.); что «несмотря на нѣкоторая разногласія между Грузіей и Арменией, страны эти не находятся въ борьбѣ (!); что, какъ всегда, Грузія служить убѣжищемъ для армянъ, преслѣдуемыхъ въ другихъ мѣстахъ, и черезъ Грузію Армения сообщается съ Европой; что среди сосѣдей Армениіи нѣтъ во всякомъ случаѣ націи, съ которой армяне находились бы въ столь благопріятныхъ отношеніяхъ, какъ съ грузинами».

Характеристика «смутности и неустойчивости» не могла быть, по нашему мнѣнію, одинаково простираема на страны

Съвернаго Кавказа, бывшія тогда театромъ либо гражданской войны, либо завоевательныхъ стремлений Добровольческой арміи, и на закавказскія республики. Ссылаясь далѣе на факты, подтверждавшіе постепенное устройство государственной жизни Грузіи и на условія, въ которыхъ въ дѣйствительности протекалъ начавшійся уже тогда товарообмѣнъ съ Франціей, мы указывали, какое отрицательное вліяніе могло имѣть на французскую предпримчивость отношеніе къ Грузіи французского правительства, нежеланіе его признать ее ни фактически, ни юридически. Въ заключеніе выражалась все-же уверенность, что «не будетъ отказано въ признаніи демократіи, доказавшей свою устойчивость въ самыхъ трудныхъ условіяхъ».

Ближайшее будущее показало, что мы не заблуждались.

73.

Многообразная работа грузинской делегаціи въ Парижѣ имѣла свое значеніе для пропаганды вопроса о Грузіи и Кавказѣ передъ сложной и многоликой аудиторіей «кулуаровъ» Конференціи; трудами всѣхъ вообще окраинныхъ делегацій создавался противовѣсь недопускавшему никакихъ послабленій централизму русской неофиціальной дипломатіи. Рѣшающее значеніе все-же принадлежало фактамъ; а послѣдніе все громче возвѣщали неудачу военно-государственныхъ предпріятій Колчака и Деникина. Съ другой-же стороны, множились свидѣтельства разнообразныхъ наблюдателей объ устойчивости и жизнеспособности грузинского государства.

Къ концу лѣта 1919 года англійскихъ войскъ уже не оставалось въ Закавказье, за исключеніемъ Батума. Представители англійского командованія разстались съ грузинскимъ правительствомъ весьма дружескимъ образомъ; а пріѣздъ въ Тифлисъ, въ качествѣ великобританскаго главнаго комиссара Оливера Уордропа (нынѣ сэръ О. У.) отразился очень благопріятно на взаимоотношеніяхъ Англіи и закавказскихъ республикъ. Уже самое назначеніе на эту должность человека, столь популярнаго въ Грузіи, а въ то же время завѣдомаго друга Россіи, говорило и о вниманіи Англіи къ общественному мнѣнію въ Грузіи и сопредѣльныхъ странахъ, и о стремлениі я къ возможному уменьшенію треній съ Россіей. Встрѣча, устроенная О. Уордропу въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ августа 1919 г., показала, съ какой чуткостью отнеслись въ Грузіи къ этому назначенію.

Большое значение имѣло, нѣсколько позже, соглашеніе между Арmenіей и Азербайджаномъ, которымъ дѣлалась попытка положить предѣлъ острому конфликту между ними изъ за границъ. Многое было сдѣлано британскимъ комиссаромъ и, специально, американскимъ полковникомъ Рей въ пользу этого соглашенія, подписанного 17-го ноября 1919 г. Хатисяномъ и Усубековымъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори. Закавказскія республики стояли тутъ на единственно правильномъ пути; спрашивалось лишь, найдется ли у ихъ правительствъ достаточно твердости, изобрѣтательности и... трудоспособности, чтобы добиться неотложно необходимыхъ вещей: территоріального разграничения и установленія на дѣлѣ доброго сосѣдства между тремя республиками, какъ преддверія къ согласованію ихъ политическихъ стремленій и къ экономическому ихъ союзу: безъ этого у нихъ не могло быть будущности.

Но въ концѣ 1919 г. всѣ предзнаменованія были благопріятны, и не признавать дальнѣе фактическаго — фактическимъ становилось невозможнымъ. Какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что возстановленіе Россійской Имперіи посредствомъ русскихъ военныхъ экспедицій, поддержаныхъ западными державами, потерпѣло неудачу, не могло не послѣдовать фактическаго признанія закавказскихъ республикъ, которое задерживалось именно вслѣдствіе ожидавшагося возстановленія россійского единства. Съ отпаденіемъ этого задерживающаго условія, «признаніе» вытекало естественно, почти автоматически изъ всей совокупности дѣйствительныхъ фактовъ, интересовъ дня и настойчивости нашихъ стремленій.

ГЛАВА XXIX.

«ФАКТИЧЕСКОЕ» ПРИЗНАНИЕ.

74.

«Скоро-ли конференція положить конецъ нашему томлению? Сейчасъ 20-е ноября (1919) — полное побѣдоносное движение российскихъ большевиковъ на Д-армію. Ихъ побѣда уже предрѣшаетъ на долгіе годы гражданскую войну не только въ Россіи, но несомнѣнно они огнемъ и мечомъ будутъ насаждать «совѣты» по всему земному шару, а прежде всего, конечно, вторгнутся къ намъ... Итакъ, намъ грозить завоеваніе большевиковъ. — Если-же фортуна повернетъ свое кровавое лицо къ ген. Деникину, и ему удастся «покорить подъ нозы» свои коммунизмъ, то также несомнѣнно, что онъ направить свой побѣдоносный мечъ на нась и покорить нась силою, сколько бы союзники ни вліяли на него! Вотъ мы и не понимаемъ: чего хочетъ конференція?».

Такъ писалъ мнѣ въ частномъ письмѣ вдумчивый наблюдатель, благородный и даровитый, безвременно погибшій въ 1923 г. кн. Константинъ Абхази.*)

Въ самомъ дѣлѣ: чего собственно желала конференція?

*) Племянникъ главнаго въ XIX стол. выразителя национального сознанія Грузіи, кн. Ильи Чавчавадзе (1837-1907), Конст. Абхази, членъ Государственного Совѣта по выборамъ, съ честью и достоинствомъ завершилъ въ 1917 г. рядъ предводителей дворянства восточной Грузіи, столѣтіемъ слишкомъ раньше начатый княземъ Гарсеваномъ Чавчавадзе (до 1801 г. — министромъ царей грузинскихъ при Россійскомъ дворѣ). — Въ маѣ 1923 г., обвиненный по дѣлу о подготовкѣ вооруженного восстания противъ Совѣтовъ, палъ, въ числѣ 15 другихъ доблестныхъ воиновъ и патріотовъ, смертью храбрыхъ.

Въ концѣ 1919 года дѣло освобождения Россіи отъ владычества коммунистовъ вооруженными силами «бѣлыхъ» было уже почти проиграно. Попытка генерала Юденича овладѣть Петроградомъ только что окончилась полной неудачею; адмиралъ Колчакъ былъ отброшенъ въ самую глубь Сибири. Военное счастье отвернулось и отъ генерала Деникина, войска которого оттеснялись все далѣе къ югу.

Правда, еще 18 декабря Ллойдъ-Джорджъ, говоря о русскихъ дѣлахъ, допускалъ теоретическую возможность нового поворота фортуны, благопріятнаго для южныхъ войскъ. Онъ, однако, напоминалъ при этомъ Палатѣ Общинъ, что «въ настоящее время нѣтъ ни одного правительства, могущаго говорить отъ имени всей Россіи».

Многое, дѣйствительно, измѣнилось съ того времени, какъ обсуждались условія признанія Европою правительства адмирала Колчака, какъ правительства Россіи!

Быстрое теченіе событий помѣшало, съ другой стороны, и осуществленію новой попытки созвать конференцію всѣхъ фактическихъ правительствъ б. Россіи, которая намѣтилась было, робкимъ намекомъ, въ ноябрѣ 1919 года.*)

«Политика невмѣшательства» таково было официальное обозначеніе программы, усвоенной союзниками по русскому вопросу — на совѣщаніи премьеровъ въ Лондонѣ, въ декабрѣ 1919 г.

Дополненіемъ-же ея служила система «проволочного загражденія», т. е. допущеніе, въ принципѣ, ломоши, со стороны державъ, тѣмъ окраиннымъ государствамъ, которые пожелаютъ и способны обороняться отъ нападенія совѣтскихъ войскъ. Стали болѣе ясно различать двѣ вещи: внутреннюю гражданскую войну въ самой Россіи (война бѣлыхъ и красныхъ) — въ которую рѣшено было не вмѣшиваться; и самооборону новыхъ республикъ, возникшихъ послѣ войны и национально нерусскихъ — отъ завоевательныхъ стремленій совѣтской власти.

Было-бы, однако тщетно, искать вслѣдь за тѣмъ послѣдовательности и опредѣленности въ политикѣ союзниковъ. Великія державы, разочарованные неудачами русскихъ генераловъ и обремененныемъ множествомъ другихъ заботъ, не знали въ точности, какъ поступить. Еще не теряли надежды какъ

*) Ср. рѣчъ Ллойдъ-Джорджа на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра, 8 ноября, и вызванные ею толки.

нибудь согласовать дѣйствія генерала Деникина и окраинныхъ государствъ. Командировка на югъ Россіи, въ качествѣ британского комиссара, члена парламента Макиндеря должна была, повидимому, этому помочь. Но правительство генерала Деникина по прежнему не мирилось съ независимостью окраинъ. Если оно и высказалось (17 декабря 1919 г.) за начатіе съ ними переговоровъ, то лишь съ каждымъ «новообразованіемъ» въ отдѣльности, и не допуская при этомъ участія представителей иностранныхъ державъ (См. The Times, 22. XII.)

.... Дѣла Добровольческой арміи ухудшались непрерывно. Въ началѣ января 1920 года Совѣтское правительство обратилось къ Грузіи (и Азербайджану) съ формальнымъ предложениемъ заключить военную конвенцію о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ добровольцевъ. Е. Гегечкори отвѣтилъ (12 января) ссылкою на невозможность для Грузіи принять участіе въ гражданской войнѣ, раздиравшей Россію.

Такъ скрещивалось стремленіе красной Россіи отвлечь къ себѣ отъ Европы симпатіи закавказскихъ республикъ — и забота Европы объ упроченіи шатавшагося «блѣаго» фронта на югѣ Россіи.

Что Грузія и Азербайджанъ не станутъ бороться вмѣсть съ ген. Деникинымъ за него — это сомнѣній не вызывало.*.) Но себя-то эти республики будутъ-ли оборонять отъ большевиковъ? Теперь уже выдвигался именно этотъ вопросъ, далеко не мѣстнаго лишь значенія.

Съ занятіемъ красными войсками Закаспійской области и успѣхами ихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Закавказью грозить вторженіе совѣтскихъ силъ, которымъ открылся-бы оттуда путь въ Персію и т. д.. Вся Передняя Азія пришла-бы въ этомъ случаѣ въ броженіе. Напротивъ, подкрѣпивъ закавказскія республики, давъ имъ средства обороны противъ совѣтского наступленія, можно оградить отъ опасности и сосѣднія страны на югѣ.

Грузія и Азербайджанъ привлекаютъ на мгновеніе общее вниманіе. Чего доброго, эти республики, прикрытыя Кавказомъ, окажутъ сопротивленіе, столь для всѣхъ полезное и желательное. Но онъ... какъ-же это? вѣдь еще и не признаны! Признаніе ихъ пожалуй, ободрить, поощрить! Оно и практи-

*) Еще въ декабрѣ 1919 г. успѣль вновь разгорѣться конфликтъ между добровольцами и Грузіей, на этотъ разъ по поводу захвата первыми судовъ подъ грузинскимъ флагомъ.

чески необходимо: какъ помогать правительствамъ непризнаннымъ? Кромѣ того признаніе ихъ — *de facto* — будетъ, въ сущности, именно признаніемъ того, что дѣйствительно есть...

Кто станетъ теперь возражать противъ такого признанія? Доктринеры единства и нераздѣльности Россіи? Ихъ авторитетъ сильно поколебленъ послѣ всего, что произошло съ 1917 г.

12 января 1920 года Верховнымъ Совѣтомъ великихъ союзныхъ державъ было постановлено признать правительства Грузіи и Азербайджана правительствами *de facto*. Я получилъ сообщеніе объ этомъ на слѣдующее-же утро, частнымъ образомъ, отъ одного изъ членовъ великобританской delegaciї.*). Письменнаго офиціального увѣдомленія мы тогда не получили. Но немножко позже, 15 января, делегаты Грузіи и Азербайджана были приглашены по телефону на Орсейскую набережную, къ г-ну Камбону. Происходило все это, надо сказать, въ порядкѣ весьма спѣшномъ и крайне безформенномъ. Въ сущности, мы и не знали въ точности, для чего нась вызываютъ.

Итакъ, ровно годъ послѣ первого посѣщенія этого мѣста (когда «непризнанность» почувствовалась довольно опредѣленно, см. выше, стр. 179), пришлось явиться сюда-же, въ этотъ разъ вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, и делегатами Азербайджана: Топчибашевымъ и Магерамовымъ, чтобы выслушать отъ имени конференціи сообщеніе о состоявшемся признаніи.

Г-нъ Жюль Камбонъ принялъ насъ не безъ торжественности, имѣя на право отъ себя г. Филиппа Керръ (слышавшаго однимъ изъ главныхъ вдохновителей Ллойдъ-Джорджа), а на лѣво — маркиза де-ла Торрета.

Привѣтствуя делегатовъ закавказскихъ республикъ, г. Камбонъ заявилъ, что постановленіемъ Верховнаго Совѣта правительства республикъ Грузіи и Азербайджана признаны независимыми *de facto*. Отнынѣ конференція имѣетъ возможность вступить въ правильныя сношенія съ делегаціями этихъ

*.) Извѣстіе о состоявшемся признаніи *de facto* было передано въ Тифлісъ съ чрезвычайной скоростью. Уже 12 января г. О. Уордропъ увѣдомилъ грузинское правительство отъ имени лорда Керзона, что по почину послѣдняго въ Верховный Совѣтъ внесено предложеніе о признаніи *de facto* республикъ Грузіи и Азербайджана, и что предложеніе это встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ Франціи и Италіи.

республикъ, а делегациі, съ своей стороны,... могутъ представить конференціи необходимые материалы, ноты и пр.*.) Въ заключеніе г. Камбонъ предложилъ г. г. делегатамъ высказать особыя замѣчанія, если таковыя имѣются.

Церетели выразилъ благодарность делегацій Верховному Совѣту за послѣдовавшее всемилостивѣйшее признаніе, а также надежду, что державы окажутъ закавказскимъ республикамъ необходимую имъ поддержку, политическую и финансовую. Въ частности, Грузія очень нуждается въ продовольственной помощи, въ виду продолжительной оторванности отъ внѣшняго міра.

Топчибашевъ обращаетъ вниманіе на первую попытку создания республики на мусульманской почвѣ, осуществленную въ Азербайджанѣ, и отмѣчаетъ демократизмъ его учрежденій, а также предоставление избирательного права женщинамъ.

Послѣ этого нѣсколько замѣчаній было представлено мною. Главное изъ нихъ относилось къ необходимости болѣе точнаго выясненія смысла того акта признанія, о которомъ намъ только что сообщилъ г. Камбонъ, отъ имени Верховнаго Совѣта. «Признаніе правительства *de facto*» очевидно означаетъ не одно лишь признаніе грузинскаго и азербайджанскаго правительства — фактическими правительствами; нѣть, признаніе это относится къ самимъ государственнымъ организаціямъ, т. е. къ новымъ республикамъ, чьими органами упомянутыя правительства являются. Иными словами, Верховнымъ Совѣтомъ признаны *de facto* новая независимая государства, новая республики, чьи территории раньше входили и больше не входятъ въ составъ Россійской Имперіи. А отсюда вытекаетъ фактическое признаніе всего того, всѣхъ тѣхъ органическихъ мѣропріятій, которыми осуществляется и при посредствѣ которыхъ упрочивается независимая государственность Грузіи и Азербайджана.

Отвѣчая на мое замѣчаніе, г. Камбонъ высказалъ, поясняя свою первоначальную декларацію о «признаніи правительства *de facto*», что мое толкованіе акта Верховнаго Совѣта правильно; что, дѣйствительно, признаніе имѣеть въ виду новыя республики, независимое существованіе которыхъ признано отнынѣ *de facto* великими державами.

*.) Мы однако уже весь 1919 годъ занимались такимъ «представлениемъ нотъ, материаловъ» и т. п. Такъ что признаваемая за нами теперь прерогатива мало чѣмъ насть обогащала!

Выдвинуть значение состоявшегося признания, какъ признанія государственной независимости Грузіи и Азербайджана — было тѣмъ болѣе необходимо, что эта сторона дѣла — благодаря злободневному тогда страху передъ проникновеніемъ воинствующаго коммунизма въ страны передней Азіи — оставалась въ тѣни.

Остальная часть нашего свиданія съ представителями Верховнаго Совѣта была посвящена вопросамъ и отвѣтамъ (элементарнѣйшаго свойства, относительно обороноспособности закавказскихъ республикъ). Главнымъ вопрошателемъ явился г. Ф. Керръ.

75.

Теперь всѣ какъ-то внезапно почуяли, что надо помочь Грузіи и Азербайджану не стать легкою добычею наступавшихъ съ сѣвера и грозившихъ съ востока (изъ за Каспія) большевиковъ.

Степенный Т е м р писалъ 14-го января 1920 года., «Невозможно, чтобы союзники допустили разрушение посредствомъ нападенія или путемъ большевицкихъ заговоровъ — фактической независимости, уже два года какъ пріобрѣтеною народами, живущими вокругъ Россіи въ собственномъ смыслѣ. Это приложимо не только къ національностямъ балтійскимъ. Начало это относится также къ народамъ кавказскимъ, чья позиція чрезвычайно важна и чрезвычайно открыта въ моментъ, когда замѣчается устремленіе большевиковъ въ сторону Турціи, Персіи и Индіи. Съ отрадою узнаемъ мы, что верховный совѣтъ призналъ фактическую независимость Арmenіи*), Грузіи и Азербайджана»...

На слѣдующій день (15-го января) офиціозно сообщено было въ Лондонѣ о тревожномъ положеніи на Востокѣ, вслѣдствіе военныхъ приготовленій большевиковъ въ Туркестанѣ и упроченія ихъ въ Закаспійской области. Особенно угрожаемыми признавались закавказскія республики; и правительства, и населеніе враждебны тамъ большевикамъ, но вооруженные ихъ силы недостаточны-де для отраженія нашествія.

Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно вызваны были изъ Лондона и выѣхали въ Парижъ (гдѣ Верховный Совѣтъ имѣлъ очередную сессію) британскій военный министръ Черчиль, фельдмаршалъ сэръ Генри Вильсонъ, первый лордъ адмирал-

*) На дѣлѣ, признаніе Арmenіи произошло немного позже, 18 января 1920.

тейства У. Лангъ и адмираль лордъ Битти. На слѣдующій день вся англійская и французская печать отражала вызванныя этими сообщеніями переполохъ и тревогу.

«Не лишено въ этой связи значенія, отмѣчалъ The Times (16 января), сообщаемое нами сегодня признаніе союзниками *de facto* республикъ Грузіи и Азербайджана. Батумъ, на Черномъ морѣ, единственное мѣсто въ Закавказье, где имѣются британскія войска, есть портъ Грузіи, а Баку, на Каспійскомъ морѣ, есть портъ и столица Азербайджана» и т. д.

Вслѣдъ за этимъ заговорили о предстоящей отправкѣ на Кавказъ союзныхъ войскъ (называли до 200.000!), вообще о серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ военного характера. А еще позже, столь-же неожиданно, забили отбой: тревога и угроза были признаны преувеличенными, о посылкѣ арміи уже не говорили, и все вошло въ обычную колею.

Позволю себѣ сообщить нѣсколько подробностей этой исторіи — шумихи, многимъ еще памятной и столь показательной для нашего неуравновѣшенного времени, когда нервозность и верхоглядство способны порою проникать въ руководящіе круги самыхъ здоровыхъ и прочныхъ державъ.

Ненапрасно въ наши дни такъ часто припоминается мизантропическое замѣчаніе старого канцлера Оксенштѣрна: *nescis, mi fili, quantilla prudentia homines regantur* или, въ вольномъ переводе; не вѣдаешь, сынъ мой, какъ неумно правятъ людьми.*)

Въ субботу 17-го января утромъ, насть пригласили на совѣщаніе къ фельдмаршалу сэру Г. Вильсону**), въ гостиницу Клариджъ, что на Елисейскихъ поляхъ. Азербайджанская делегація имѣла тамъ-же свое комфортабельное мѣстопребыванія.

Въ совѣщаніи, сверхъ фельдмаршала, присутствовалъ адмираль Битти, а отъ англійского министерства иностранныхъ дѣлъ — г. Робертъ Ванситартъ. Было еще нѣсколько штабныхъ офицеровъ арміи и флота.

Предметомъ продолжительного обсужденія было выясненіе

*) Или: *quam prava sapientia regit mundus*. О. — знаменитый соратникъ Густава - Адольфа.

**) Этотъ генераль, признаваемый однимъ изъ крупнейшихъ военныхъ дѣятелей Британской имперіи, вышелъ позже въ отставку, сдѣлался членомъ Парламента и палъ отъ руки политического убийцы въ 1922 г.

ніє матеріальної помочі, какая модла-бы понадобиться Грузії и Азербайджану на случай наступлення совєтськихъ войскъ.

О посылкѣ союзныхъ войскъ на Кавказъ не говорилось; не упоминалось и о какихъ либо иныхъ дѣйствіяхъ Грузії и Азербайджана, кроме чисто оборонительныхъ. Выдвигалась (съ нашей стороны) важность помочи продовольственной.

Мы старались освѣтить и общее политическое положеніе на Кавказѣ — вѣроятно эти разъясненія представляли большій интересъ для нашихъ собесѣдниковъ, чѣмъ чисто военные данные, которыя, навѣрное, имъ были извѣстны гораздо лучше, чѣмъ намъ.

Въ политическомъ отношеніи, мы придавали значеніе союзному единенію трехъ республикъ и высказались за необходимость, въ виду этого, немедленного признанія державами независимости Армянской республики. Въ сущности, мы исходили изъ плана тѣснаго союза трехъ закавказскихъ республикъ, при непремѣнномъ условіи оказанія имъ дѣйствительной матеріальной помочи великими державами. Мы выражали даже надежду на возможность, при такомъ единствѣ фронта, извѣстнаго соглашенія съ Совѣтскою Россіей и признавали такое соглашеніе единственную альтернативою другого, т. е. «интервенціонного» рѣшенія вопроса (посылки въ Закавказье крупныхъ европейскихъ силъ).

На вопросъ адмирала Битти, можетъ-ли Азербайджанъ организовать дѣло своей военно-морской обороны (на Каспійскомъ побережью) безъ посторонней помочи — отвѣтъ Топчибашева гласилъ: нѣть, не можетъ.

19 января насть опять позвали на Орсейскую набережную, на этотъ разъ въ пленарное засѣданіе Верховнаго Совѣта. Предсѣдательствовалъ Клемансо — это были послѣдніе дни пребыванія его у власти. Вокругъ, все знакомыя (по «иллюстраціямъ») лица удачниковъ «Великой» войны и великихъ неудачниковъ мира: Ллойдъ-Джорджъ, лордъ Керзонъ, Черчиль, Жюль Камбонъ, Нитти, Фошъ, Битти, сэръ Генри Вильсонъ и многіе другіе.

Маршалъ, фельдмаршалъ и «первый морской лордъ» сидятъ за особымъ столомъ, за нами. Какое количество орудійныхъ жерлъ, штыковъ, сабель, торпедъ и пр. у насть въ тылу? спрашиваю я сосѣда.

Делегатовъ «молодыхъ республикъ»*) помѣстили прямо противъ предсѣдателя. Чхеидзе и Церетели могли теперь лицезрѣть вершавшій дѣла Европы «Интернаціональ» великихъ державъ, нѣсколько отличный отъ благостнаго «Интернаціонала» ихъ грузино-русскихъ мечтаний!

Старый кельтъ, съ такимъ талантомъ и огнемъ олицетворявший многочисленныя поколѣнія пожилыхъ коренастыхъ французовъ, видѣвшихъ въ войнѣ 1914-1918 г. г. лишь эпилогъ войны 1870-71 г. г., произнесъ нѣсколько словъ привѣтствія.....

Рѣчь шла о томъ-же: каковы силы кавказскихъ республикъ и какая имъ нужна помощь дабы подкрѣпить ихъ оборону въ случаѣ нападенія. «Военные» объясненія давались Церетели отъ Грузіи, Магерамовымъ отъ Азербайджана. За компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ не поручусь. Но вопросы ставились несложные.

Засѣданіе это не представляло — пока мы въ немъ присутствовали — ни малѣйшаго интереса. Снова заявлено было о необходимости скорѣйшаго признанія независимости Армениі; больше чѣмъ слѣдовало испрашивались помощь Кубани и горцамъ и т. д. Никакихъ предложеній военно-политического характера представителямъ Грузіи и Азербайджана не было сдѣлано.

Между тѣмъ, въ печати еще упорнѣе заговорили объ обширномъ десантѣ союзниковъ на Кавказѣ, о привлечениіи тамошнихъ республикъ къ участію въ священной войнѣ противъ соvѣтскихъ войскъ и т. д. Делегаціи Грузіи и Азербайджана вынуждены были даже выступать съ печатнымъ опроверженіемъ этихъ слуховъ (см. Тетр., 31 января 1920 г.).

Впрочемъ, очень скоро послѣ того, какъ столь внезапно поднять былъ весь этотъ шумъ вокругъ вопроса о новой экспедиціи на востокъ, англійскимъ газетамъ сообщено было офиціозно, что никакихъ войскъ не предполагается отправлять въ Закавказье (27 января). Шумъ оказался изъ за пустяковъ.

Весь переполохъ (поднимая его, не желали-ли приугнуть Москву?) былъ вызванъ, кажется, стремлениемъ однихъ англійскихъ дѣятелей (сторонниковъ «военного рѣшенія») затормозить попытки другихъ, англійскихъ-же дѣятелей перейти на стезю мирнаго соглашенія съ совѣтскимъ правительствомъ.

*) Отъ Грузіи это были Чхеидзе, Церетели и я. Отъ Азербайджана — Топчибашевъ и Магерамовъ.

«Соглашатели» одолѣли «военную партію». И тѣ, и другіе интересовались, однако, преимущественно русскимъ вопросомъ, относясь не безъ скептицизма къ закавказскимъ республикамъ. Но о послѣднихъ пришлось все-же заговорить — ничего не подѣлаешь съ географіей! Зато немногіе, понимавшіе дѣйствительное значеніе ихъ независимости для болѣе прочнаго устроенія дѣлъ Ближняго Востока, получили теперь возможность, пользуясь благопріятной «тактической» обстановкою, добиться, наконецъ, отъ Верховнаго Совѣта признанія независимости de facto Грузіи, Азербайджана и б. русской Арменіи.*). Лордъ Керзонъ **) былъ въ этомъ дѣлѣ призваннымъ инициаторомъ; а осуществленіе его облегчалось, конечно, и отпаденіемъ главной задержки: надежды на скорое возстановленіе единой Россіи — справа. Къ тому-же въ Италіи незадолго передъ тѣмъ парламентъ высказался въ пользу вступленія въ сошенія со всѣми фактическими правительствами б. Россіи; и даже Франція, вмѣстѣ съ другими, допускала въ данную минуту значеніе признанія, какъ способа нравственного и политического укрѣпленія новыхъ республикъ, не признавшихъ у себя власти Совѣтовъ.

Это признаніе de facto было, несомнѣнно, важнымъ событиемъ и въ исторіи государственного сознанія народовъ Грузіи и сосѣднихъ ей республикъ, и въ исторіи европейской политики по вопросу о русскомъ единству. Въ ученіе обѣ этомъ единствѣ событиями вносились еще одна поправка, отвѣчавшая новому положенію вещей, справедливости и — практическимъ интересамъ державъ.

76.

Въ тѣхъ русскихъ кругахъ, гдѣ будущей Россіи не могли представлять себѣ иначе какъ въ видѣ единаго централизованаго государства «какъ встарь», признаніе независимости закавказскихъ республикъ было встрѣчено, конечно, неодобрительно, недружелюбно.

*.) Что при этомъ Грузія и Азербайджанъ получили признаніе раньше чѣмъ Арменія — было лишь кажущимся парадоксомъ исторіи.

**) Онъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ послѣ Бальфура, 24 октября 1919 г., при послѣдней перестройкѣ кабинета Ллойдъ-Джорджа.

Однако, главному поборнику этихъ идей генералу Деникину все-же приходилось считаться съ постановлениемъ великихъ державъ (сыграли, кажется, нѣкоторую роль и совѣты англійского комиссара).

На казачьей конференціи состоявшейся въ Екатеринодарѣ (въ концѣ января 1920 г.), генералъ заявилъ, что онъ ратуетъ, прежде всего, за Единую Россію; но что имъ сдѣланы союзникамъ заявленія относительно окраинныхъ народностей, въ смыслѣ, во-первыхъ, признанія независимости *de facto* окраинныхъ правительствъ, находящихся въ борьбѣ съ большевиками, а во-вторыхъ, опредѣленія будущихъ взаимоотношеній между окраинными народами и Россіей посредствомъ трактата, заключаемаго ими съ всероссійскимъ правительствомъ, причемъ союзныя великия державы могутъ дѣйствовать въ качествѣ посредницъ.*)

Сравнительно съ декабрьскимъ заявлениемъ, гдѣ, правда, уже допускалось двустороннее, договорное установление взаимоотношений между Россіей и окраинами, но еще отверглась посредническая дѣятельность западныхъ державъ (см. выше, стр. 240), это серьезный шагъ впередъ, въ духѣ предположеній Парижской конференціи конца мая 1919 г. (т. наз. условія признанія правительства адмирала Колчака; см. выше гл. XXII).

Однако, генераломъ Деникинымъ тутъ-же сдѣлана была оговорка, лишавшая вышеизложенную мысль его всякой ясности. «Въ виду того, заявляетъ онъ, что позиція, занятая конференціей 14 января, по отношенію къ Азербайджану и Грузіи, дала послѣднимъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о признаніи независимости этихъ новыхъ организмовъ, я заявилъ протестъ, но сегодня я получилъ официальное разъясненіе, что державы признали *самостоятельность правительства de facto*, но не независимость окраинныхъ государствъ, именно въ смыслѣ моего предложенія. Это не нетерпимость — это есть охрана высшихъ интересовъ русского государства, и возраженіе это вовсе не исключаетъ возможностей дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній на этой основе».*^{**})

Актомъ 12 января правительства Грузіи и Азербайджана

*) The New Russia, N 4. 1920. I, 157.

**) См. The Times, Feb. 17, 1920. Ср. The New Russia. v. I, 126-7.

были признаны de facto именно въ смыслѣ признанія фактической государственной независимости этихъ новыхъ республикъ.

Когда одинъ изъ грузинскихъ делегатовъ, 15 января, просилъ г. Жюля Камбонъ точнѣе изложить постановленіе конференціи и подтвердить, что рѣчь идетъ именно о независимости новыхъ республикъ отъ Россіи, то дѣлалось это, конечно, въ предвидѣніи попыткѣ такого «разъясненія», которымъ умалялось-бы значеніе признанія. Предосторожность, какъ оказалось, была вовсе не лишней.

Японское правительство не замедлило присоединиться къ постановленію Верховнаго Совѣта 12 января*); о *неприсоединеніи* Соединенныхъ Штатовъ къ этому акту генераль Деникинъ, къ великому его утѣшенню, была извѣщенъ состоявшимъ при Добровольческой арміи американскимъ адмираломъ Mc Cully 6 февраля 1920 г.

Это расхожденіе «великой заатлантической республики» съ четырьмя руководящими державами Старого свѣта было лишь новымъ и огорчительнымъ указаниемъ на отсутствіе единой политики у «большихъ». Практическаго значенія оно не имѣло.

11-го февраля 1920 «представитель Главнокомандующаго армій Южной Россіи при союзномъ командованіи въ Закавказье» полковникъ Денъ увѣдомилъ Е. П. Гегечкори въ Тифлісѣ, что «Главнокомандующей... генераль Деникинъ, признаетъ фактическое существованіе правительства Грузіи, Азербайджана и Арменіи». Къ сожалѣнію, признаніе это (очевидная уступка «союзному командованію») послѣдовало въ такой моментъ и въ такихъ условіяхъ, которые неизбѣжно уменьшили и моральную его цѣнность, и его политическое значеніе: Добровольческая Армія была уже наканунѣ полнаго крушения.

*) Грузинская делегація въ Парижѣ получила извѣщеніе объ этомъ отъ секретаріата Конференціи 7-го февраля 1920.

ГЛАВА XXX. ВЕРХОВНЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Февраль - Мартъ 1920)

77.

Агонія Добровольческой арміи длилась до весны 1920 года; успехи совѣтской власти были непрерывны и довольно прочны — хоть и не столь молниеносны, какъ это рисовалось Парижу и Лондону въ срединѣ января. (см. выше) Главнѣйшие кабинеты Европы имѣли нѣкоторый досугъ, чтобы лучше (чѣмъ въ декабрѣ 1919 г.) формулировать новую политику въ русскомъ вопросѣ, вытекавшую изъ неудачи прямого или косвенного вмѣшательства въ русскія дѣла и поддержки бѣлыхъ армій.

Характеръ этой новой «союзной» политики выясняется въ сообщеніи, опубликованномъ въ Лондонѣ 24 февраля 1920 года (во время очередной сессии Верховнаго Совѣта). Здѣсь говорилось о невозможности для союзниковъ завязать дипломатическія сношенія съ Совѣтскимъ правительствомъ, пока оно не прекратить террора и т. д.; о готовности ихъ, въ то же время, всячески содѣствовать торговлѣ между Россіей и Европой. Къ Совѣту Лиги Націй обращалось приглашеніе взять въ свои руки дѣло безпредвѣдѣнной развѣдки дѣйствительныхъ условій жизни въ Россіи — путемъ посылки туда особой комиссіи.*)

Окраиннымъ государствамъ, чья независимость была признана державами, давался совѣтъ воздерживаться отъ агрессивной политики по отношенію къ Совѣтской Россіи; тѣмъ-же изъ нихъ, кто находился съ послѣдней въ состояніи войны, указывалось, что союзные правительства не могутъ рекомендо-

*) Мысль эта, какъ известно, не осуществилась.

вать имъ продолженіе этой войны (имъ подсказывали: «заключайте миръ!»).

Въ случаѣ же нападенія Совѣтской Россіи на окраинныя республики въ ихъ законныхъ границахъ, союзники окажутъ послѣднимъ всевозможную поддержку.*.) Т. е. подъ цветами надеждъ на признаніе (если и т. д.) и Ллойдъ-Джорджевскаго торгового соглашательства сверкало, по-прежнему, «проволочное загражденіе»,

Все это носило чисто декларативный характеръ. Однако, недвусмысленно заявлялось, что въ извѣстныхъ условіяхъ (определѣленіе которыхъ было важно особенно ввиду русско-польскихъ отношеній начала 1920 г.) каждое изъ признанныхъ окраинныхъ государствъ можетъ обеспечить себѣ дѣйствительную помощь въ организаціи своей обороны. Практически добиться такой помощи можно было, конечно, лишь на основѣ опредѣленныхъ взаимоотношеній между получающимъ помощь «окраиннымъ» правительствомъ и державою, отъ которой помощь получается. Иначе и быть не могло. Вѣдь политические мотивы такой заботливости (о невторженіи большевиковъ) могли быть разнообразны. Въ Бухарестѣ и Варшавѣ могли, напримѣръ, съ твердостью разсчитывать на поддержку Франціи, такъ какъ Польша и Румынія являлись важными для нея частями новаго международного порядка Европы; помощь, полученная въ 1919-20 г. г. отъ Англіи въ дѣлѣ самозащиты отъ совѣтскихъ войскъ доблестными балтійскими республиками еще лучше подтверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за общими схематическими выраженіями вышеприведенного меморандума 24 февраля, подразумѣвалась — или ожидалась — сложная неустанная, на взаимномъ довѣріи основанная работа соотвѣтствующихъ правительствъ и великихъ державъ, имъ благопріятствующихъ.**)

*) Меморандумъ этотъ, подъ заглавіемъ *Союзная политика въ Россіи. Заключенія принятые Верховнымъ Совѣтомъ 24 февраля 1920 г.*, быть тогда же оглашены въ палатахъ парламента.

**) Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности приводить въ этой книгѣ параллели и аналогіи изъ исторіи упроченія балтійскихъ народовъ. Многое можно было бы сказать въ объясненіе того, почему, съ начала 1921 г., участіе Грузіи оказалось столь отличной отъ судьбы Эстоніи и Латвіи. Хорошій общій обзоръ двухъ этихъ окраинныхъ «карьеръ» см. напр. въ статьяхъ бар. А. Мейендорфа въ новыхъ томахъ Британской Энциклопедіи (1922 г.).

Возможно-ли было другимъ путемъ обезопасить себя на случай нападенія такого опаснаго, относительно сильнаго и, конечно, искуснаго противника, какъ совѣтская власть въ Москвѣ?

Уже обстоятельства, сопровождавшія признаніе de facto трехъ закавказскихъ республикъ показали, что онѣ могли расчитывать на дѣятельную помощь одной лишь Англіи; но что дружное сотрудничество этихъ республикъ, само признаніе которыхъ было можно сказать «групповымъ», являлось необходимымъ условіемъ такой помощи; и что благопріятная закавказскимъ государствамъ, активная политика вовсе не была единодушною программою всего англійского правительства, а скорѣе соотвѣтствовала одному лишь изъ теченій, представленныхъ въ коалиціонномъ кабинетѣ Ллойдъ-Джорджа.

Фактъ однако былъ налицо: стремленія закавказскихъ республикъ къ упроченію независимости встрѣчали поддержку, упроченіе и расширение которой зависила главнымъ образомъ отъ самихъ этихъ республикъ. Инициатива же Англіи въ дѣлѣ установленія торговыхъ связей съ совѣтской Россіей обѣщала облегчить въ будущемъ посредническую дѣятельность первой также и по установленію мирнаго сосѣдства между закавказскими республиками и Россіей.

Такая дѣятельность (она явилась-бы въ 1920 г. своеобразнымъ продолженіемъ *mutatis mutandis* — германской политики 1918 года и англійской же политики «демаркаціонной линіи» 1919 года!) была-бы, конечно, слишкомъ затруднена въ обстановкѣ 1920 г. безъ опредѣленной базы въ Закавказье; и необходимая база имѣлась — въ Батумѣ, состоявшемъ (формально съ 17 октября 1919 г.) подъ британской оккупацией. Въ концѣ 1919 года возвѣщено было предположеніе, объ уводѣ британскихъ войскъ изъ Батума (заявленіе Ллойдъ-Джорджа въ Палатѣ Общинъ 18 декабря 1919 г.) Въ февраль-же 1920 послѣ нѣкоторыхъ колебаній*) и повидимому въ связи

*) 10-го февраля новое заявленіе Ллойдъ Джорджа о «быстрой эвакуації»; 13 февраля полуофиціальное сообщеніе объ эвакуації; 18-го февраля объясненіе, въ Палатѣ Общинъ, первого лорда адмиралтейства: «эвакуація началась, но не закончена»; 22 февраля тревожная телеграмма въ The Times изъ Константинополя, о несвоевременности ухода изъ Батума, какъ разъ въ моментъ когда между Грузіей, Арменіей и Азербайджаномъ начинаютъ налаживаться отношенія и т. д.; 23-го февраля — сообщеніе объ отмѣнѣ эвакуації.

съ намѣнной 24 февраля политикой огражденія б. окраинъ Россіи отъ нашествія, а также, вѣроятно, не безъ мысли о предстоявшемъ (какъ тогда думали) разрѣшеніи восточного вопроса, эвакуація британскаго гарнизона была отмѣнена. (23 февраля 1920 г.) Англичане остались въ Батумѣ*).

78.

Къ такъ называемому «разрѣшенію русскаго вопроса» конференція такъ и не подошла. Всякая надежда на его постановку въ скоромъ времени утрачивалась.

Зато становился на очередь другой большой вопросъ- первостепенного значенія именно для закавказскихъ республикъ: вопросъ о мирѣ съ Турцией, объ «устроеніи» Ближняго Востока. Эта тема въ еще большей мѣрѣ приводила вниманіе великихъ державъ къ нашимъ республикамъ, какъ пограничнымъ въ данномъ случаѣ не съ Россіей, а съ б. Турецкою Имперіею.

*) Исторія Батума (съ областью) въ эпоху занятія его англичанами (съ ноября 1918 г. по іюль 1920 г.) представляетъ значительный интересъ и заслуживала бы монографическаго изслѣдованія. Грузинское правительство стремилось къ скорѣйшему возсоединенію Батума съ Грузіей; русскіе тому противодѣствовали, доказывая, что Батумъ — твореніе Россіи (какъ будто Грузія не была частью и пайщицей *той* Россіи!). Англичане слишкомъ, по мнѣнию грузинъ, благопріятствовали русскимъ, въ ущербъ Грузіи; недостаточно оберегали права Россіи, по мнѣнию русскихъ и т. д. Въ грузинской политической жизни кличка: да здравствуетъ грузинский Батумъ! особенно послѣ пораженія добровольцевъ сдѣлалась «всенароднымъ», и правительство, раздразнивъ въ этомъ отношеніи «улицу», потомъ само же отъ нея зависѣло (такъ было, впрочемъ, и по многимъ другимъ вопросамъ).

За злободневной борьбою и шумомъ, и несмотря на разнообразные недостатки англійского управлѣнія, достаточно-ли ясно и твердо понимало грузинское правительство, что сохраненіе англійской базы въ Батумѣ, диктовалось, въ грузинскихъ интересахъ, элементарной предусмотрительностью и заботливостью? Въ этомъ можно сомнѣваться. Соблазнъ скорѣйшаго объединенія подъ своей властью всѣхъ частей Грузіи, а особенно столи важнаго для нея Батума, оказался сильнѣе, чѣмъ способность заглядывать въ будущее — даже ближайшее.

Политика по батумскому вопросу грузинскаго правительства говорившаго, въ деликатной формѣ, англичанамъ, («имперіалистамъ»; «выѣшией силѣ»): «вонъ изъ Батума», подкрѣпляла и въ Англіи сторонниковъ скорѣйшаго оставленія Батума.

На конференции Верховного Совета в Лондоне (февраль-март 1920 г.) вопрос этот изучался тщательно. Делегации трех республик перенеслись на это время из Парижа в Лондон.

Армения с трепетом ждала решения своей судьбы. Но и Грузия с Азербайджаном были глубоко заинтересованы в подготовке мира с Турцией вообще, а особенно в выработке статута для Армении, так как нельзя было при этом избежнуть и вопроса о взаимных границах закавказских республик. Впрочем, из дальнейшего изложения будет видно, что при подготовке мирного трактата с Турцией (будущего Севрского договора) великое государство коснулось, правда, косвенно, и Грузии: делегация наша приложила к тому немало стараний, так как было чрезвычайно важно, чтобы международное разрешение ея вопроса т. е. формальное признание Грузии состоялось хотя бы в связи с вопросом восточным.

Для выяснения границ будущей Армении организована была при конференции особая комиссия, в составе представителей Англии, Франции, Италии и Японии.*)

В числе предметов ея изучения был важный вопрос об обеспечении Армении выхода к морю, т. е. именно к Черному морю.**)

Армянская делегация находила, что выход этот должен быть предоставлен Армении, в предлах Трапезундского

*) Из участников ея назову г. г. Ванситарт (Англия) и Каммерера (Франция), также полковника британской службы Грибинь (начальника ближневосточного отдела в разведочном департаменте главного штаба). Полковник Шардинь, бывший в составе французской военной миссии на Кавказе еще при Вел. Кн. Николае Николаевиче и вернувшийся в Тифлис в конце 1918 г., равным образом, был вызван в Лондон, в качестве свидетеля лица.

**) Вопрос о выходе в Средиземное море (Александрия) ставился теперь совершенно иначе, так как предусматривалась возможность французского мандата в Киликии (которая, вообще, исключалась из границ будущей Армении). Незадолго перед тем, в Киликии произошло избиение армян. По этому поводу сам председатель армянской делегации Агаронян заявил (корреспонденту Рейтера), что единственный способ обезвредить Турцию и отдать ее от остальной Азии заключается в том, чтобы Киликия была поручена Франции, как мандатарю, и чтобы сфера мандата простиралась вплоть до границ Великой Армении. См. The Times, 23-го февраля 1920 г.

вилайета, съ отнесеніемъ къ ея составу малоазіатскаго побережья отъ Тиреболи (что западнѣе Трапезунда) до Хопы (т. е. почти до самой б. русско-турецкой границы 1914 года). Въ будущую Арmenію включался-бы при этомъ весь почти Лазистанскій санджакъ, на который Грузія заявляла свои права передъ Парижской конференціей еще въ самомъ началѣ 1919 г. (когда греками выдвинутъ былъ проектъ созданія особой Понтійской республики) и нѣсколько позже, въ основномъ представленномъ конференціи меморандумъ.

25-го февраля мы были приглашены въ вышеупомянутую коаїссію, для объясненій по вопросамъ о Лазистанѣ и о Батумской области.

Необходимо пояснить, что притязаніе Грузіи на санджакъ Лазистанъ (Трапезундскаго вилайета) и части санджака Байбуртъ (Эрзрумскаго вилайета), отвѣчая опредѣленнымъ даннымъ исторіи и этнографіи, а также распространеннымъ въ грузинскомъ обществѣ взглядамъ, являлось съ самаго начала вполнѣ условнымъ, въ томъ смыслѣ, что ставилось оно въ зависимость отъ прекращенія турецкой власти въ восточной Анатоліи и отъ созданія новой Арmenіи. Разъ нѣкоторыя территоріи бывшей турецкой Имперіи подлежали перераспределенію, по началамъ справедливости и цѣлесообразности, и колѣ скоро проводилась граница между Грузіею и Арменіею въ предѣлахъ мусульманскихъ провинцій въ бассейнѣ Чороха и у Чернаго моря, то естественно было требовать присоединенія именно къ Грузіи Лазистанскаго санджака, являющагося прямымъ, продолженіемъ батумскаго побережья — съ населеніемъ, хотя и сильно отуреченнымъ, но по крови и языку близкимъ Грузіи (особенно, Мингреліи). Также естественно было просить исправленія границы по среднему Чороху, отнесеніемъ ее нѣсколько къ западу отъ Испира. Вмѣстѣ съ требованіемъ для Грузіи западныхъ округовъ б. Карской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) планъ этотъ, въ случаѣ осуществленія, означалъ бы для Грузіи возсоединеніе съ нею всѣхъ частей такъ наз. мусульманской или турецкой Грузіи.

Предсѣдательствовавшій въ комиссіи г. Каммереръ, признавая достаточно убѣдительными изложенные мною въ ея засѣданіи доводы, отмѣтилъ, однако, что лазами вовсе не заявлялось желаніе присоединиться къ Грузіи, и что, напр., въ 1928 г. турки овладѣли Батумомъ именно съ помощью лазовъ (г. К. сослался здѣсь на свидѣтельство другого участника засѣданія, полковника Шардиньи). Отвѣтъ мой сводился

къ тому, что пока въ этихъ краяхъ шла историческая борьба между Россійскою и Оттоманскими Имперіями, симпатіи не только лазовъ, но можетъ быть и мусульманъ б. русской Грузіи принадлежали ихъ единовѣрцамъ. Теперь, когда величія державы рѣшили создать независимую Арменію, и власть Турциі въ этой части ея прежнихъ владѣній не будетъ сохранена, вопросъ ставится о томъ, куда лазовъ справедливѣе отнести, и куда они сами предпочтутъ отойти: къ независимой Грузіи или къ Арменіи? Поставить такъ вопросъ — значитъ уже и рѣшить его!

Однако, съ наибольшимъ интересомъ комиссія отнеслась къ вопросу о Батумѣ. «Конференція», говорилъ г. Каммереръ, твердо держится того начала, что ни одно новое государство не должно быть лишено свободного подступа къ морю. Создавая независимую Арменію, надлежитъ безусловно обеспечить ей выходъ къ Черному морю. Съ другой стороны, необходимо считаться съ важностью Батума для транзита въ торговль западныхъ государствъ съ Персією. Батумъ-же есть вывозной портъ для нефтяныхъ продуктовъ Баку и т. д. Вопросъ о Батумѣ долженъ быть разрѣшенъ соотвѣтственно всѣмъ этимъ разнообразнымъ интересамъ».

Взглядъ Грузіи на Батумъ и Батумскую область, какъ неотъемлемую часть грузинской территории и готовность, въ то же время, Грузіи дать всѣ необходимыя гарантіи для обеспеченія въ Батумѣ интересовъ соѣдніхъ республикъ и нуждъ международной транзитной торговли — были подробно мною изложены передъ комиссіею. Г.г. Каммереръ и Ванситартъ особенно останавливались на смѣшанномъ характерѣ населения г. Батума, на отсутствіи тамъ грузинского большинства и пр. Присутствовавшій въ засѣданіи вмѣстѣ со мною Чхеидзе, близко знающій Батумъ, далъ тутъ-же, по моей просьбѣ, справку по этому предмету.

Легко было видѣть, что представители Англіи и Франціі относились съ сомнѣніемъ къ возможности признанія верховенства Грузіи надъ Батумомъ; и что позиція эта связывалась у нихъ, между прочимъ, съ заботою объ обеспеченіи Арменіи свободного выхода къ морю. Что выходъ этотъ мыслился въ видѣ армянской желѣзной дороги Карсъ - Артвинъ-Батумъ, объ этомъ въ засѣданіи 25 февраля собственно не упоминалось.

1-го марта мы обратились къ В. Совѣту съ нотой, въ которой, во 1-ыхъ, требовали присоединенія Батумской области

къ Грузіи, во 2-ыхъ, выражали готовность заключить съ съсѣдними республиками соглашеніе, которымъ будуть обеспечены не только достаточныя гарантіи Азербайджану и Армениі (заинтересованнымъ въ свободѣ ихъ торговли черезъ Батумъ*) но также и свободу международнаго транзита; а въ 3-ихъ подтверждали, заявленное 25-го февраля въ комиссіи убѣжденіе въ необходимости исправленія въ пользу Грузіи, границы, посредствомъ отнесенія къ Грузіи санджака Лазистанъ, а также нѣкоторыхъ мѣстностей по Чороху; и, наконецъ, отмѣчали, что вопросъ объ упомянутомъ исправленіи границы возбуждается нами въ связи съ установлениемъ для Армениі выхода въ Черное море, въ предѣлахъ Трапезудскаго вилайета.

Словомъ, мы не только указывали порядокъ разрѣшенія вопроса о Батумѣ — путемъ, прежде всего, соглашенія между тремя закавказскими республиками, на основѣ признанія Батума и его области частью Грузіи — но и связывали вопросъ объ армяно-грузинскомъ размежеваніи съ выходомъ Армениі къ Черному морю.

79.

Верховный совѣтъ, внявъ мнѣнію своей комиссіи, одобрилъ совершенно другой планъ примиренія различныхъ, связанныхъ съ Батумомъ интересовъ.

Предполагалось: организовать Батумъ въ видѣ не только порто-франко, но и вольнаго города, въ составѣ собственно Батума и нѣкоторой (небольшой) прилегающей территории; остающуюся часть Батумской области распределить между Грузіей и Арменией; а именно, къ первой — присоединить сѣверную и восточную часть области, второй-же отдать, на югъ, районъ Артвина. Дальнѣйшее же армяно-грузинское размежеваніе — признать дѣломъ самихъ этихъ республикъ. Лазистанъ будетъ автономною единицею, подъ суверенитетомъ Армениі. Устанавливается свободный транзитъ черезъ Закавказье. Батумъ займетъ смѣшаннымъ отрядомъ (англо-франко-итальянскимъ). Тамъ будетъ мѣстопребываніе международнаго комиссара (назначаемаго, повидимому, Лигой Наций).

На разрѣшеніе въ приведенномъ смыслѣ собственно вопроса о Батумѣ (вольный городъ) повліяла, какъ мнѣ сооб-

*) Позже (въ Парижѣ и Сен-Ремо) для разрѣшенія вообще закавказскаго вопроса Англіей былъ предложенъ именно этотъ путь — соглашенія трехъ республикъ.

щалъ тогда мой освѣдомитель, обширность морскихъ интересовъ, русскихъ и международныхъ, въ этомъ порту.

Легко объяснялось и дробленіе на три части Батумской области: въ этомъ случаѣ оказывалось возможнымъ проектировать трассу будущей желѣзной дороги Карсъ-Батумъ (армянскій выходъ въ Черное море!), минуя территорію Грузіи, ибо въ предѣлахъ б. Батумской области, трасса эта проходила бы сначала по армянской «гретии» (въ районѣ Артвина), а. затѣмъ подходила-бы къ Батуму уже по территоріи вольного города (т. е. въ районѣ устья Чороха).

На варіантѣ-же Карсъ-Артвинъ-Батумъ остановились въ виду того что направлениe Эрзерумъ-Ризе, на основаніи прежнихъ изысканій, казалось, будто-бы, неосуществимымъ,

Главное достоинство этой схемы, помимо утѣшительности уже самого факта, что Верховный Судъ удосужился, наконецъ, заняться этими вопросами, — заключалось съ моей точки зрѣнія въ созданіи дѣйствительнаго международнаго контроля въ Батумѣ и, дѣйствительной, международной заинтересованности въ Закавказскихъ дѣлахъ. Покровительство Лиги Націй, практически, обеспечивало-бы Закавказью дѣятельную поддержку державъ, сочувствующихъ независимости нашихъ республикъ; въ то-же время, этотъ важный результатъ достигался бы въ формѣ, устраниющей подозрѣнія въ своеокорыстіи какой-либо отдельной великой державы.

Съ другой стороны, не говоря уже о явной искусственности такого рѣшенія, какъ «Лазистанъ подъ сюзеренитетомъ Арmenіi», можно было опасаться, что предположенное дробленіе Батумской области, уступка Арmenіi лѣваго берега Чороха съ г. Артвиномъ, въ связи съ отдѣленіемъ Батума отъ Грузіи и предоставленіемъ Арmenіi власти надъ новыми группами мусульманского населенія, затруднитъ упроченіе дружескихъ отношеній между Арmenіей и ея союзьями.

Безъ прочнаго-же и твердаго соглашенія трехъ республикъ и по вопросамъ ихъ разграничения, и относительно Батума, нельзя было питать ни малѣйшихъ надеждъ на разрѣшеніе Закавказскаго кризиса или на помощь какой-либо великой державы!

Надлежало, слѣдовательно, подумать о томъ какъ благія цѣли, поставленныя Верховнымъ Совѣтомъ, осуществить болѣе подходящими средствами.

Не слѣдовало забывать и о главномъ: о томъ, вслѣдствіе

чего Верховный Совѣтъ, въ сущности и удѣлилъ теперь въ Лондонѣ свое вниманіе Закавказскимъ республикамъ, а именно о тѣсной связи «нашихъ» вопросовъ съ дѣломъ мира на Востокѣ, съ созданіемъ независимой Армениі: для дѣйствительного осуществленія программы мира съ Турцией, представлялось крайне важнымъ, укрѣпить въ политическомъ и военномъ смыслѣ, Закавказскія республики, упрочить ихъ взаимныя связи. Только въ этомъ случаѣ возможно было созданіе «средостѣнія» между совѣтской Россіей и Турцией Мустафы-Кемаля; только при этомъ условіи, связь Европы съ Арменией могла быть обеспечена, а Батумъ могъ стать опорнымъ пунктомъ для давленія на Анатолію — съ востока.

Въ виду такихъ соображеній, грузинская делегація обратилась, по моему предложенію, къ Верховному Совѣту съ новою нотою, по вопросу о Батумѣ (16-го марта), пункты которой позволю себѣ здѣсь привести:

1. Батумская область, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго, съ большинствомъ населенія грузинъ-мусульманъ, должна быть присоединена къ территоріи грузинской республики.

2. Расчлененіе Батумской области, съ отнесеніемъ какой-либо ея части къ составу другого государства, а не Грузіи, не преминеть вызвать глубочайшее разногласіе и обострить взаимоотношенія между сосѣдями народами въ Закавказіи.

3. Если будетъ доказано, что, въ силу условій географическихъ, топографическихъ или иныхъ, выходъ къ морю Армениі долженъ непремѣнно заимствовать часть территоріи, которую грузинскій народъ считаетъ своимъ национальнымъ достояніемъ и которой онъ на этомъ основаніи домогается, — права грузинскаго народа должны быть приняты въ уваженіе. Вышеупомянутый выходъ къ морю т. е. примыканіе желѣзныхъ дорогъ Армениі къ предполагаемому выходу ея на Черное море можетъ быть организовано на основаніи специальныхъ соглашеній, безъ ущерба для суверенитета Грузіи надъ относящимися сюда территоріями.

4. Созданіе въ Батумѣ автономной республики, включающей также часть Батумской области, неизбѣжно повлечетъ за собой еще большее усложненіе и безъ того достаточно сложныхъ взаимоотношеній между закавказскими государствами. Это рѣшеніе, причиняя разочарование грузинскому народу, у которого оно отнимаетъ владѣніе его лучшимъ портомъ, вовсе не является необходимымъ ни съ точки зрѣнія торговыхъ и экономическихъ потребностей сопредѣльныхъ Грузіи странъ, ни для надобностей транзита товаровъ въ международной торговлѣ, особенно съ Персіей, ибо все эти интересы, значеніе которыхъ грузинскимъ правительствомъ оцѣнивается въ полной мѣрѣ, могутъ быть удовлетворены, и необходимыя гарантіи могутъ быть обеспечены путемъ специальныхъ соглашеній, заключенныхъ между заинтересованными сторонами непосредственно либо же при содѣйствіи Верховнаго Совѣта или Лиги Націй.

Устроенный на этихъ началахъ, Батумскій портъ сдѣлался бы, подъ суверенитетомъ Грузіи, дѣйствительно общимъ выходомъ (*débouché*) трехъ закавказскихъ республикъ, а въ то-же время и складочнымъ мѣстомъ для международной торговли, — притомъ, безъ искусственного отдѣленія этого города отъ его *Hinterland'a* и безъ нарушенія правъ Грузіи на Батумъ.

5. Грузинское правительство поддерживаетъ свои притязанія... на два округа Карской области: Ардаганскій и Ольтинскій.

6. Возможно, что по соображеніямъ общей политики и дабы обеспечить приведеніе въ дѣйствіе мирныхъ договоровъ, великия державы сочтутъ соотвѣтственнымъ располагать, въ батумскомъ порту, военную и морскую базою. Для этой цѣли, необходимыя удобства должны быть обеспечены великимъ державамъ, и наиболѣе простымъ путемъ къ тому является заключеніе необходимыхъ соглашеній и конвенцій съ Грузіей.

Полагаю, что вышеприведенные выдержки достаточно ясно освѣщають официально выраженные взгляды грузинской delegacií по вопросу о Батумѣ и о желѣзнодорожномъ сообщеніи Армениі съ Чернымъ моремъ. Эти вопросы дѣлались теперь пробнымъ камнемъ закавказской политики въ «международномъ масштабѣ».

80.

Грузинская делегація обнаружила ініціативу, и выдвигая соглашеніе трехъ сосѣднихъ республикъ, какъ основаніе для обеспеченія за Батумомъ его функції общаго выхода въ море, и доказывая полную возможность обеспеченія Армениі желѣзнодорожной связи съ Чернымъ моремъ черезъ Батумъ — но безъ дробленія Батумской области, и съ признаніемъ въ ней грузинскаго суверенитета.

Эти темы и явились, какъ мы увидимъ, стержнемъ, вокругъ котораго вращались переговоры между Закавказскими республиками, съ одной стороны, и англійскимъ правительствомъ въ эпоху окончательной выработки проекта Северскаго договора.

Теперь коснусь вкратце взаимоотношеній между делегаціями трехъ республикъ въ Лондонѣ (въ мартѣ 1920 г.), по поводу, поставленныхъ тамъ вопросовъ: это тѣмъ болѣе необходимо, что именно тогда начался правильный обмѣнъ мнѣній, завершеніе котораго произошло уже въ Сан-Ремо (въ концѣ апрѣля 1920 г.)

Достигнуть какой-нибудь согласованности въ работѣ

трехъ делегаций было необычайно трудно, въ виду коренного расхождения въ политическихъ задачахъ, прежде всего, между Арменией и Азербайджаномъ. Здѣсь дѣло не въ однихъ пограничныхъ спорахъ, какъ-бы они ни были сложны. Гораздо важнѣе былъ антагонизмъ коренной, безповоротный, въ значительной мѣрѣ даже подсознательный, лежащий въ основаніи многосложной и длительной борьбы, разныя проявленія которой, на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій надлежитъ разматривать въ ихъ общей связи. Избенія армянъ въ Турціи; армяно-татарская «рѣзня» (подъ сѣнью двуглаваго орла!) — бывшая, по существу, «малой войной» между народами, неорганизованными государственно; роль армянъ въ міровой войнѣ (на сторонѣ союзниковъ) и кровавая реакція противъ нихъ въ Турціи; армяно-турецкія, а также армяно-татарскія репрессаліи и контрь-репрессаліи — на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи, въ Закавказье, въ различныхъ сочетаніяхъ съ поворстами военного счастья, съ измѣненіями политического режима и т. д. — все это элементы одной драмы: борьбы армянского народа за существованіе на своей землѣ и за созданіе тамъ своего государства — и борьбы турокъ за сохраненіе завоеванного и за расширение сферы своего владычества въ сторону родственныхъ по населенію прикаспійскихъ территорій.

Послѣ побѣды союзниковъ, съ конца 1918 года армяне опять, какъ въ 1914 г. — поставили ставку всей своей будущности на *политическое разрушение* Турціи (см. выше гл. XIX.). Въ началѣ 1920 года имъ многое приходилось уже сбивть въ своихъ требованіяхъ. Но надежда не только на созданіе сильной, обширной Армении, но и на существенное стреноженіе Турціи сохранялась. Въ приведенныхъ уже выше (стр. 254) заявленіяхъ представителя армянской делегации *Аветиса Агароняна*, рядомъ съ сокрушеніемъ по поводу того, что рѣшено не выгонять турокъ изъ Константинополя, утверждалось, что ихъ нельзя оставлять ни въ Киликии, ни въ другихъ районахъ, где есть христіане. Цѣль «младотурокъ» — уничтожить Армению и приблизить Турцію къ границѣ Азербайджана. Поэтому, обязательно включить въ Арmenію Эрзинджанъ и Эрзерумъ и не допустить турокъ занять горную область Карабага, откуда они легко могутъ спуститься въ Эривань.

Азербайджанцы не оставались въ долгу. Отстаивая свои прямые интересы, они не забывали защищать отъ армянскихъ домагательствъ и Турцію. Таковъ, въ сущности, былъ дѣйствительный смыслъ ихъ стремленія связать и отождествить съ

Азербайджаномъ всѣ вообще мусульманскіе элементы Закавказья. Въ 1919 г. у нихъ мелькнула, можетъ быть, мысль получить «согласно пунктамъ Вильсона», т.е. путемъ мусульманского самоопределѣнія то, что Турція получила въ 1918 г. отъ большевиковъ, и что утратила въ концѣ того же года. Въ представленномъ Парижской конференціи меморандумѣ Азербайджанъ включалъ въ свои предѣлы всѣ мусульманскія провинціи Закавказья, не исключая Батумской области! Конечно, заявляя эти требованія, Азербайджанъ думалъ не только о себѣ.

Замыселъ этотъ не могъ быть осуществленъ такъ просто; и практически его нельзя было отстаивать въ 1919 году.

Но азербайджанская делегація (въ Лондонѣ въ февралѣ-мартѣ 1920 г.), не высказываясь теперь въ принципѣ противъ прирѣзки къ Арmenіи нѣкоторыхъ турецкихъ территорій, находила, напримѣръ, несправедливымъ и нежелательнымъ (съ точки зрењія интересовъ мусульманского населенія) включеніе въ составъ Арmenіи какихъ-либо частей Батумской или Карской области. Это обнаружилось, при совмѣстномъ обсужденіи делегаціями Грузіи и Азербайджана проекта заявленія на имя Верховнаго Совѣта, которымъ, по мысли грузинской делегаціи, предполагалось довести до свѣдѣнія послѣдняго, что обѣ союзныя республики признаютъ нецѣлесообразнымъ дробленіе Батумской области, что Азербайджанъ не возражаетъ противъ включенія ея, съ Батумомъ, въ составъ Грузіи, а Грузія, со своей стороны, полностью обеспечиваетъ интересы Азербайджана въ Батумѣ (какъ выходѣ въ море).

Заявленіе это, которому грузинская делегація придавала большое значеніе при отстаиваніи правъ Грузіи на Батумъ, не могло быть сдѣлано, ибо делегація Азербайджана настаивала на предъявленіи одновременно требованія о присоединеніи къ Грузіи всей Карской области*). Мы-же, очевидно, затруднялись заявить такое требованіе, ибо въ основномъ меморандумѣ (1919) домагались двухъ лишь, изъ четырехъ, округовъ Карской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) — неговоря уже о недопустимости его для насть по существу.

Также безрезультатна была попытка вообще двинуться впередъ въ дѣлѣ разграничения трехъ республикъ, сдѣланная

*) Съ точки зрењія азербайджанцевъ, разъ это провинція не могла быть турецкой, предпочтительнѣе было включеніе ея въ составъ Грузіи, а не Арmenіи.

(въ Лондонѣ, въ концѣ марта 1920 г.) въ виду постановки армянского вопроса на конференціи. Возвращаясь къ старой темѣ о необходимости скорѣйшаго разграничения между сосѣдями, Агаронянъ высказалъ намъ какъ-то предложеніе о томъ, чтобы дѣло разграничения (въ виду явной невозможности достигнуть результатовъ на мѣстѣ) было пернесено въ Европу и возложено здѣсь на наши delegacii. Мысль эта, несомнѣнно, заслуживала вниманія. Мы обсудили ее тщательно съ Богословомъ-Нубаромъ-пашею и другими армянскими делегатами, а также съ азербайджанцами. Армяне, въ разговорѣ съ нами, проводили теперь рѣзкую грань между Грузіей (съ которойю разногласія легко устранимы!) и Азербайджаномъ (требованія котораго совершенно несовмѣстимы съ армянскими!). Они считали, что въ виду опубликованныхъ незадолго передъ тѣмъ свѣдѣній о заключеніи, будто-бы, между Турцией и Азербайджаномъ, тайной военной конвенціи*), они не могутъ довѣрять послѣднему. Они не придавали, поэтому, ни малѣйшаго значенія подписанному въ ноябрѣ 1919 г. въ Тифлісѣ соглашенію о порядкѣ разрѣшенія взаимныхъ споровъ между тремя республиками (см. выше стр. 237). Азербайджанцы-же находили, что стремленіе армянъ перенести все дѣло разграничения въ Европу объясняется ихъ увѣренностью въ благопріятномъ къ нимъ именно настроеніи конференціи; что здѣсь, въ большихъ центрахъ они, армяне, сильнѣе насыщены средствами и связями и численностью — между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи вопросовъ тамъ на мѣстахъ, неправильность, преувеличенностъ ихъ утвержденій всегда легко обнаруживается. Поэтому и азербайджанцы, и грузины должны настаивать на разрѣшеніи споровъ собственными силами республикъ въ самомъ Закавказье, а не въ Лондонѣ или Парижѣ.

Въ виду нежеланія армянъ обсудить этотъ вопросъ непосредственно съ азербайджанцами, грузинская делегація старалась устранить разногласіе, предложивъ отправить отъ имени трехъ delegacii телеграммы въ Тифлісъ, Баку и Эривань съ приглашеніемъ правительствъ къ немедленному созыву конференцій по разграничению, учрежденію арбитражныхъ комиссій и пр. и съ предложеніемъ, въ случаѣ неудачи этой процедуры или признанія ея неосуществимой, передачи дѣла делегаціямъ. Текстъ телеграммы былъ одобренъ армянами;

*) См. данные по этому вопросу въ The Times, 20 марта 1920 г.

азербайджанцы, не возражая по существу, полагали, что каждой делегации должна быть предоставлена свобода въ выборѣ формы и способа изложенія мысли объ «ускоренномъ разграничениі». Задуманный шагъ, поэтому, и не состоялся.

Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудносоями приходилось сталкиваться во взаимоотношеніяхъ между делегациами. Трудности эти не были, однако, неустранимы, что видно будеть изъ дальнѣйшаго.

ГЛАВА XXXI.

ЗАКАВКАЗСКІЯ РЕСПУБЛИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ САНЪ-РЕМО.

(апрѣль 1920 года.)

81.

13-го апрѣля 1920 г., предсѣдатель грузинской делегаціи былъ приглашенъ на совѣщаніе къ г. Роберту Ванситтарть, въ Campbell's Hotel. Я отправился туда вмѣстѣ съ Чхеидзе. Оказалось, что такое-же приглашеніе получено было делегаціями азербайджанскою и армянскою, такъ что въ свиданіи этомъ съ представителемъ великобританского правительства вмѣстѣ съ нами присутствовали: Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ, Богосъ-Нубаръ и Аветисъ Агаронянъ.

Р. Ванситтарть обратился къ намъ со слѣдующимъ заявлениемъ: «Я еще въ Лондонѣ искалъ васъ, но вы уже успѣли уѣхать; тогда я вызвался для исполненія возложенной на меня задачи отправиться въ Парижъ, чтобы встрѣтиться здѣсь съ вами и поговорить частнымъ образомъ, по дружески, о нѣкоторыхъ вашихъ общихъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ, какъ лицу, хорошо знающему ваши страны и желающему вамъ добра, быть съ вами откровеннымъ».

Въ кругахъ Верховнаго Совѣта многіе держатся взгляда, что никакой будущности у Закавказскихъ республикъ нѣть, ибо онѣ не способны къ какой-бы то ни было солидарности и истощаются во взаимныхъ распряхъ... Многое, дѣйствительно подтверждаетъ такую оцѣнку. Намъ, напримѣръ, известно, что по вопросу о будущности Батума три закавказскія республики имѣютъ совершенно различные воззрѣнія. Много и другихъ спорныхъ вопросовъ.

Недавно, познакомившись съ меморандумомъ г. Топчибашева, поданнымъ въ Лондонѣ, я подумалъ, что тамъ есть

идей, достойная государственного человѣка, а именно, идея совмѣстнаго контроля Закавказскихъ республикъ надъ спорными территоріями»...

Послѣднее сообщеніе Ванситтарта вызвало распросы и обмѣнъ замѣчаній: оказалось, что мысль Топчибашева была не такъ понята. Но это было лишь минутное отвлеченіе въ сторону.

Воспользовавшись ссылкою г. Ванситтарта на Батумъ, какъ на яблоко, будто-бы, раздора между сосѣдями, я немедленно заявилъ, что такое пониманіе не точно: ни азербайджанцы, ни армяне не отрицаютъ правъ Грузіи на Батумъ и на батумскую область. «Увѣренъ, прибавилъ я, что ни предсѣдатель азербайджанской delegaciї, ни г.г. армянскіе delegаты, здѣсь присутствующіе, не откажутся признать правильности этого утвержденія».

И Топчибашевъ, и Агаронянъ, и Б.-Нубарь подтвердили безъ обиняковъ, что, дѣйствительно, права Грузіи на Батумъ, съ областью, ими не оспариваются. Это ихъ заявленіе — котораго мы не могли добиться въ Лондонѣ — послужило прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

«Болѣе яркія иллюстраціи непримиразности, болѣе выдающіеся примѣры «яблокъ раздора», можно-бы, продолжалъ я, обнаружить въ другихъ районахъ Закавказья; но даже для самыхъ острыхъ территоріальныхъ споровъ намѣчаются пути къ разрѣшенію! Что же касается Батума, то здѣсь *признаніе суверенитета Грузіи, при условіи прочнаго обезпеченія интересовъ сосѣдей въ батумскомъ порту, является формулой для всѣхъ приемлемой и могущей служить основаніемъ для соглашенія*».*)

Завязался обмѣнъ мнѣній на эти темы, и съ общаго согласія рѣшено было немедленно заняться выдвинутыми мною вопросами о 1) Батумѣ и батумской области, въ связи съ экономическими интересами республикъ Закавказья и 2) о способахъ разрѣшенія территоріальныхъ споровъ между этими республиками. Дѣло происходило во вторникъ: условлено было собраться тамъ-же у г. Ванситтарта, въ четвергъ утромъ, (т. е. 15 апрѣля) съ готовымъ уже результатомъ.

Прощаясь съ г. В., я говорилъ ему объ элементахъ согла-

*.) Какъ замѣтилъ тогда попутно г. Ванситтарть, на признаніе суверенитета Грузіи въ Батумѣ — очень мало шансовъ.

сія, готовыхъ скристаллизоваться на Кавказѣ—какъ онъ самъ могъ то видѣть — о необходимости помочь этому процессу — о томъ, какъ благодарна и какъ интересна его лично рѣчь въ этомъ дѣлѣ.

Немедленно приступлено было къ обсужденію обоихъ вышеизложенныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ трехъ delegacij (преимущественно у насъ). Съ самаго начала возникли затрудненія при выясненіи тѣхъ гарантій, которыя должны быть предоставлены въ Батумѣ сосѣдямъ Грузіи, особенно Армени. Въ виду этого, мы перешли ко второму вопросу (объ арбитражѣ), съ тою, однако, оговоркою, что ни порядокъ, ни тѣсная внутренняя связь вопросовъ этимъ не измѣняются и не нарушаются.

Основою обсужденія служили какъ по первому, такъ и по второму предмету составленные мною проекты. Проектъ о порядке разрѣшенія территоріальныхъ споровъ путемъ арбитража подвергся систематическому обсужденію; разногласія удалось здѣсь, наконецъ, преодолѣть, и соглашеніе было достигнуто.

Что же касается вопроса о Батумѣ, то несмотря на перенесеніе условленного свиданія съ великобританскимъ делегатомъ, съ четверга на пятницу (16 апрѣля, день отѣзда англійской delegacii въ С. Ремо), delegacii наши не успѣли ни обсудить полностью мой проектъ, ни сгладить возникшія противорѣчія.

Принято было вступленіе, § о признаніи суверенитета Грузіи надъ батумской областю, § о признаніи этого суверенитета надъ Батумомъ при условіи обезпеченія интересовъ Армени и Азербайджана. Формулировка-же этихъ гарантій вызвала разногласія. Во-первыхъ, мы по существу не могли согласиться съ нѣкоторыми изъ требованій, изложенныхъ по этому вопросу отъ имени армянъ Габріель-эфенди *Нарадумгіаномъ** въ пяти пунктахъ (а именно, съ представлениемъ Армени части батумскаго порта, и съ признаніемъ этой части, а также полосы отчужденія армянской желѣзнодорожной

* Многоопытный турецкій зеконискусникъ, редакторъ известного собрания трактатовъ, заключенныхъ Оттоманской Имперіею, онъ до войны 1914-18 г. занималъ высшіе посты въ турецкой администраціи. Былъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

вѣти къ Батуму — экстерриториальными). Во вторыхъ, мы съ самаго начала указывали на предпочтительность соглашения принципиального, декларативнаго, съ тѣмъ, чтобы техническія подробности были обсужденены позже, при заключеніи, на основѣ принятыхъ началь, специальныхъ, соглашеній и конвенцій. Я придавалъ этому особое значеніе, вслѣдствіе спѣшности и срочности нашихъ переговоровъ, цѣль которыхъ вѣдь заключалась въ немедленной демонстраціи передъ Верховнымъ Совѣтомъ нашего согласія. Вдбавокъ, обсужденіе сколько-нибудь специальныхъ вопросовъ крайне затруднялось и тяжеловѣсностью нашей процедуры (въ обсужденіяхъ участвовали всѣ члены трехъ delegacij, откуда многолюдность, разноязычность, сумбурность!) и недостаткомъ времени, и неопытностью въ дѣлахъ большинства участниковъ.

Такъ какъ указанное выше разногласіе и къ пятницѣ (16 апрѣля) оказалось неустранимымъ, то, при свиданіи нашемъ въ этотъ день съ г. Ванситартомъ, мы поставили его въ извѣстность о достигнутомъ уже соглашении (относительно порядка разрѣшенія территориальныхъ споровъ) и о разногласіи нашемъ — по вопросу о «гарантіяхъ» въ Батумѣ. Богословъ Нубаръ первымъ изложилъ вопросъ, какъ онъ рисовался съ армянской точки зрѣнія, затѣмъ мною подробно освѣщено было положеніе переговоровъ и указано на достигнутое уже принципиальное согласіе трехъ delegacij и по вопросу объ отнесеніи Батума съ областью къ Грузіи, и по общему вопросу о гарантіяхъ для сосѣдей — а также выдвигалась необходимость дать всему нашему соглашенію, въ настоящій моментъ, именно общий, декларативный, не техническій характеръ.

Представитель великобританскаго правительства выразилъ радость по поводу состоявшагося соглашения объ обязательномъ арбитражѣ и еще разъ напомнилъ намъ, что всякое доказательство способности нашей къ компромиссамъ и взаимнымъ уступкамъ даетъ друзьямъ нашимъ въ Верховномъ Совѣтѣ возможность отстаивать интересы нашей независимости. «Неужели вамъ не ясно, говорилъ онъ, что, напримѣръ, доставка вамъ оружія и военныхъ припасовъ*) затормазилась именно изъ-за вашихъ несогласій; изъ-за опасенія, что оружіе это послужитъ вамъ въ вашихъ взаимныхъ распряхъ? Наоборотъ, соглашеніе между вами принесетъ вамъ много плодовъ.

*) Обѣщанная еще въ январѣ 1920 г.

Грузинамъ, особенно, надлежить показать примѣръ уступчивости и либерализма при обезпеченіи насущныхъ интересовъ сосѣдей, такъ какъ безъ этого не можетъ быть осуществлено стремленіе ихъ къ суверенитету надъ Батумомъ и его областью».

Въ отвѣтъ на это заявленіе, я прочелъ, составленную мною для грузинской делегаціи, ею одобренную, схему соглашенія по вопросу о Батумѣ, и г. Ванситартъ нашелъ ее именно тѣмъ, что требовалось; онъ настойчиво совѣтовалъ намъ притти къ соглашенію на этой именно основѣ. По его мнѣнію, нѣтъ дѣйствительно никакой надобности въ болѣе точномъ опредѣленіи правъ, которыя должны быть предоставлены Армениѣ въ Батумѣ, ибо вопросы этого порядка будутъ разрѣшены къ выгодѣ и удобству всѣхъ закавказскихъ республикъ тѣмъ режимомъ «свободного порта», который во всякомъ случаѣ, рѣшено примѣнить къ Батуму. Отъ себя лично уполномоченный лорда Керзона прибавилъ совѣтъ: возбудить передъ Лигою Націй вопросъ о созданіи въ Батумѣ должности портоваго инспектора (назначаемаго Лигою), наблюдающаго за правильнымъ примѣненіемъ международныхъ порядковъ въ порту, а также установить обязательный арбитражъ для всѣхъ случаевъ разногласій при осуществленіи нашего соглашенія.*)

А главное, г. Ванситартъ предупредилъ насъ о возможности обсужденія касающихся насъ вопросовъ Верховнымъ Совѣтомъ въ первомъ же его засѣданіи въ С. Ремо и просилъ, чтобы соглашеніе наше, скрѣпленное надлежащими подписями, было получено великобританскю делегацію въ С. Ремо не позже вторника, т. е. 20-го апрѣля. Слѣдующая наша встрѣча должна была состояться уже въ С. Ремо.

Въ тотъ-же день (т. е. 16 апрѣля) делегаты встрѣтились снова, въ этотъ разъ у Богось-Нубарь-паши, на Avenue Prѣsident Wilson.**) Мы занялись сначала окончательнымъ редактированіемъ соглашенія объ арбитражѣ и закончили эту работу. Затѣмъ перешли къ проекту соглашенія о Батумѣ. Б. Нубарь-паша записалъ его тутъ-же подъ мою диктовку: въ виду крайней спѣшности работы, у меня даже не имѣлось копіи этого проекта, въ который теперь вошли статьи о международномъ инспекторѣ, объ арбитражѣ, а также о допущеніи,

*.) Идеи эти высказывались нами еще раньше.

**) Здѣсь были: Б. Нубарь, Агаронянъ, Чхеидзѣ, Топчибашевъ, Нарадунгіанъ и я.

въ принципѣ, особой железнодорожной связи Батума съ армянскою рельсовою системою. Послѣднее соотвѣтствовало не только требованіямъ армянъ, но и нашимъ собственнымъ заявленіямъ въ Лондонѣ (см. стр. 259).

Разногласіе съ армянами обнаружилось, однако, уже по поводу ст. 1-ой, гласившей о поддержкѣ армянами и азербайджанцами идеи суверенитета Грузіи надъ «Батумской областью, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго». Ссылаясь на то, что они всегда разумѣли подъ «Батумской областью», подлежащей передачѣ Грузіи, территорію до р. Чороха (Нубарь-паша, дѣйствительно, высказывался какъ-то въ этомъ смыслѣ), армяне заявили, что, признавая суверенитетъ Грузіи въ Батумѣ и его области, они должны будуть сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что границею между Арменіею и Грузіею должна служить р. Чорохъ. Съ нашей стороны заявлено было о недопустимости для настѣ и разговора объ уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха. Всѣ старанія устранить это разногласіе оказались, въ этомъ засѣданіи, безуспѣшными. Становилось очевиднымъ, что соглашеніе наше не можетъ быть выработано до Санъ-Ремо, куда мы обѣщали привезти его готовымъ и подписаннымъ!

На слѣдующій день (17-го апрѣля), я старался склонить грузинскую делегацію къ признанію армянской оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха, при всей ея досадности и неумѣстности, обстоятельствомъ, не препятствующимъ дальнѣйшему разсмотрѣнію нашего проекта. Оговорка эта — поясняль я — не означаетъ признанія нами правъ Арmenіи на часть батумской территоріи. Напротивъ, армяне вносятъ ее именно потому что двѣ другія делегаціи одинаково относятъ къ Грузіи и правый и лѣвый берегъ Чороха. Наконецъ, подписывая соглашеніе, мы одновременно объяснимъ Верховному Совѣту, что настаиваемъ на присоединеніи всей области къ Грузіи (какъ объ этомъ, впрочемъ, нами заявлялось уже въ Лондонѣ). Практическое значеніе вопросъ получилъ-бы при выясненіи армяно-грузинской границы у Чернаго моря — и разрѣшился бы путемъ арбитража.

Однако, члены грузинской делегаціи находили, что армянская «оговорка» можетъ создать впечатлѣніе, будто мы, такъ или иначе, не противимся уступкѣ Арmenіи лѣваго берега Чороха (въ Батумской области)! Разубѣдить ихъ въ этомъ заблужденіи не было ни малѣйшей возможности! Пришлось

поэтому сдѣлать имъ другое предложеніе, а именно: чтобы въ текстѣ соглашенія выраженіе «Батумская область въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго» было замѣнено словами «территорія, прилегающая къ Батуму». Въ этомъ случаѣ (казалось мнѣ) армянамъ не будетъ нужды въ ихъ «оговоркѣ», имѣвшей, кстати, опору въ февральскомъ предположеніи (см. выше) Верховнаго Совѣта (въ Лондонѣ) — о расчлененіи Батумской области и присоединеніи къ Арmenіи какъ разъ лѣваго берега Чороха!

Это предложеніе делегаціей было одобрено. Но продолжить обсужденіе проекта, дабы притти еще въ Парижъ къ соглашенію — политическое значеніе и срочность котораго многими изъ настъ недостаточно понимались — оказалось уже невозможнымъ: делегаціи закавказскихъ республикъ должны были выбираться изъ Парижа въ С. Ремо.

82.

Переговоры между тремя делегаціями, при участіи г-на Ванситтарта, возобновились въ С.Ремо, куда мы пріѣхали вѣчеромъ во вторникъ 20-го апрѣля. Изъ официальныхъ сообщеній мы освѣдомились, что Верховный Совѣтъ въ это время уже занимался, между прочимъ, и вопросомъ о Батумѣ.

Совѣщаніе делегацій съ представителемъ англійскаго правительства было назначено на вечеръ 21-го апрѣля. Днемъ мы продолжали препирательство относительно армянскій оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха. Сдѣлана была попытка избѣгнуть разногласія посредствомъ отказа отъ точнаго описанія территоріального состава Батумской области (ср. выше). Мы указывали армянамъ на неожиданность и необоснованность ихъ новаго территоріального требованія. Несмотря на ихъ возраженія, виднѣ было, однако, что на требованіи этомъ они не будутъ особенно настаивать, и что центръ вниманія ихъ лежитъ теперь въ вопросѣ о гарантіяхъ желѣзнодорожнаго выхода для Арmenіи къ Батуму (черезъ Батумскую область). Въ этомъ засѣданіи Чхеидзе, неожиданно для меня, началъ отстаивать такую формулировку этихъ гарантій, которая подразумѣвала бы организацію выхода Арmenіи къ Черному морю въ видѣ простого пользованія уже существующей линіей Карсъ-(Эривань)-Тифлісь-Батумъ, т. е. безъ сооруженія особой желѣзной дороги изъ Арmenіи къ Батуму черезъ нижній Чорохъ. Съ этимъ армяніе оче-

видно не могли примириться; а внутри грузинской делегациі мною указывалось, что въ принципѣ, сооруженіе особаго рельсовоаго пути для соединенія Арmenіи съ Чернымъ моремъ уже допущено было нами въ Лондонѣ (ср. выше стр. 259) и не опроверглось въ позднѣйшихъ свиданіяхъ съ армянами въ Парижѣ*). А главное—особый *свой* выходъ къ морю быль уже обѣщанъ Арmenіи В. Совѣтомъ!

Совѣщеніе съ г. Ванситтартомъ состоялось поздно вечеромъ, въ Royal Hotel, у г. Богосъ - Нубара. Ванситтарть повторилъ кое-что изъ сказанного имъ въ Парижѣ и сообщилъ, что, какъ онъ того ожидалъ и какъ онъ нась о томъ предупреждалъ, Верховный Совѣтъ съ самаго же начала занялся вопросами, касающимися нашихъ республикъ. Вопреки обѣщанія, мы не доставили ему ко вторнику (20 апр.) текста подписаныхъ соглашеній. Онъ будетъ говорить совершенно откровенно. Если соглашеніе между закавказскими республиками не послѣдуетъ теперь-же, когда Верховный Совѣтъ его ожидаетъ, то за послѣдствія будемъ отвѣтчиать мы сами. Наша согласованная дружная дѣятельность необходима особенно въ данный моментъ, когда намъ угрожаетъ опасность съ сѣвера. Каждая минута дорога: пройдетъ немного времени, и Верховному Совѣту будетъ уже не до нась!

«Правда,— продолжалъ г. Ванситтарть, я не имѣю самъ полномочія решать вопросы: но полагаю, что пользуюсь довѣріемъ моихъ начальниковъ, и что мнѣніе мое для нихъ не безразлично. И вотъ, если теперь здѣсь-же не осуществится то, о чёмъ я стараюсь, мнѣ придется признать свое бессиліе и просить объ освобожденіи меня отъ возложенной на меня задачи. Я-же умою руки и отойду въ сторону...

Вамъ извѣстно вѣроятно, что въ свое время Верховный Совѣтъ одобрилъ планъ такого разрѣшенія Батумскаго вопроса, по которому Батумъ съ некоторою зоною подлежалъ нейтрализаціи, часть области отходила къ Арmenіи, и лишь остальная треть присоединялась къ Грузіи. Я лично этотъ планъ находилъ несправедливымъ, неправильнымъ; и если теперь окажется возможнымъ примирить суверенитетъ Грузіи надъ всей областью и городомъ съ интересами сосѣдей Грузіи, то я берусь привлечь вниманіе Верховнаго Совѣта къ этому ново-

*) Не говоря о томъ, что сооруженіе линіи Карсъ-Батумъ представлялось и вообще во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ и по отношенію къ Арmenіи — справедливымъ.

му плану. Я надѣюсь, что планъ этотъ получить одобрение. Грузія особенно въ этомъ заинтересована, ибо она въ этомъ случаѣ особенно много выиграетъ...

Я скажу прямо: я не способенъ понять, я рѣшительно отказываюсь понять, почему до сихъ поръ еще нѣтъ между вами соглашенія по вопросу столь простому, столь очевидному! Въ чёмъ дѣло? почему не желаете вы прийти къ компромиссу, когда результаты его должны быть для васъ столь цѣнны и благопріятны? Еще одинъ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ съ такимъ совѣтомъ — вѣрьте, что онъ продиктованъ дружбой!»

Мы обѣщали... «приложить старанія» къ тому, чтобы соглашеніе состоялось — и разошлись.

22-го апрѣля грузинская делегація одобрила мой проектъ основныхъ положеній о пресловутой желѣзнодорожной связи Армениі съ Батумомъ (вопросъ этотъ, какъ указано выше, получалъ теперь особое значеніе). На случай-же, еслибы проектъ этотъ вызвалъ затрудненія, заготовлена была мною и совершенно краткая, чисто принципіальная формулировка относительно этой дороги.

Общее засѣданіе трехъ делегацій собралось затѣмъ, у азербайджанцевъ, и приступило къ обсужденію предложенного текста, по которому даны были всѣ нужные разъясненія. Армяне теперь уже не требовали «лѣваго берега Чороха» — помимо неосновательности этого притязанія, они видѣли, что идея «дробленія» батумской области уже успѣла уянуть и едва-ли будетъ кѣмъ-либо поддержана въ Верховномъ Совѣтѣ — съ грузинской-же стороны допущено было, на этотъ разъ безъ обиняковъ, сооруженіе Арменію желѣзной дороги къ Батуму, въ долинѣ Чороха. Препирательство сосредоточилось на вопросѣ о «суверенитетѣ» въ полосѣ отчужденія. Послѣ данныхъ объясненій, что рѣчь идетъ о юрисдикціи гражданской и уголовной, о полиціи и т. д., армяне согласились, наконецъ, — послѣ продолжительныхъ преній — на сохраненіе суверенитета Грузіи въ полосѣ отчужденія. Соответствующая поправка была внесена г. Нарадунгіаномъ, въ предлагавшуюся ими формулировку.

Съ тѣмъ большими упорствомъ требовали они прямого указанія въ текстѣ, что право собственности на желѣзную дорогу, на полотно, принадлежности и т. д., предоставляется Армениі. Споръ осложнился еще въ виду заявленного армянами требованія, чтобы право сооруженія желѣзной дороги въ

льготныхъ условіяхъ, на грузинской территории, простиралось также на отвѣтленіе въ сторону того пункта на Лазистанскомъ побережки (вѣроятно, Риэ), гдѣ Армения будетъ имѣть свой собственный портъ. Это требование вызвало реплику, что переговоры велись о соединеніи Армении съ Батумомъ, что рѣчь шла объ одномъ выходѣ въ море, а не о двухъ и т. д. Чхеидзе заявилъ категорически, что изложенное въ представленномъ нами проектѣ есть максимумъ того, на что Грузія можетъ идти. Соглашеніе не состоялось.

Вечеромъ того-же дня (т. е. 22-го апрѣля) мы опять встрѣтились съ г. Ванситартомъ и изложили ему наши разногласія. Онъ былъ въ полномъ отчаяніи и отказывался вообще понять образъ дѣйствій делегацій. Неужели-же онъ не видѣть, какъ онъ сами себѣ вредятъ? Почему грузины не соглашаются прінести небольшую жертву, разъ они такъ много выигрываютъ — сравнительно съ первоначальнымъ планомъ В. Совѣта обѣ устройствъ Батума? «Правда, Грузія должна будетъ согласиться на примѣненіе къ Батуму режима свободнаго порта — который, кстати, полностью обеспечить интересы Азербайджана въ Батумѣ; вѣрьте мнѣ, что регламентъ этотъ будетъ для всѣхъ пріемлемъ!» — г. Ванситартъ тутъ-же познакомилъ насъ съ положеніемъ о портахъ международнаго значенія, вошедшемъ затѣмъ въ Северскій договоръ*). — «Остается вопросъ о желѣзной дорогѣ. У васъ два текста, грузинскій и армянскій: пусть армяне скажутъ, съ чѣмъ они не согласны въ грузинскомъ текстѣ, и наоборотъ. Постараемся эти тексты согласовать». Что могло быть проще и разумнѣе этого предложенія? Оно, конечно, не было принято. Господа делегаты предпочли возобновить никому не нужные пренія, тянущіяся далеко за полночь — о терминахъ и предметахъ, многимъ изъ нихъ недостаточно ясныхъ.

Стремясь извлечь делегаціи изъ трясины, въ которой онъ безнадежно увязли — при отсутствіи между ними сколько-нибудь существенного разногласія, я предложилъ, въ качествѣ основы обсужденія, совершенно несложный текстъ, заключавшій слѣдующее поясненіе пункта о гарантіяхъ, представляемыхъ сосѣдямъ Грузіи въ Батумѣ (въ остальномъ, пунктъ этотъ споровъ не вызывалъ):

«При семъ подразумѣвается, что вышеупомянутыя гарантіи обнимаютъ также сооруженіе, заботами армянского пра-

*) Ст. 335-345.

вительства, безъ ущерба для суверенитета Грузіи, желѣзной дороги, соединяющей армянскую рельсовую сѣть съ Батумомъ, по грузинской территории, въ предѣлахъ Батумской области».

Г. Ванситтарть настоятельно рекомендовалъ предсѣдателямъ делегаций (г. г. Агароняну и Чхеидзе — разногласіе было между ними) прийти къ соглашению на этомъ текстѣ. Въ виду же обнаруженныхъ раньше разногласій и въ поискахъ цѣлебного средства противъ грядущихъ пререканій, рѣшено было, съ общаго согласія, дополнить предложенный текстъ указаніемъ на обязательное обращеніе къ Лигѣ Наций въ случаяхъ споровъ и разногласій относительно желѣзной дороги*).

Теперь армяне просили лишь о томъ, чтобы въ текстѣ упомянуто было о принадлежности имъ желѣзной дороги въ полную собственность. Только при этомъ условіи соглашались они на сохраненіе въ текстѣ ссылки на суверенитетъ Грузіи. Хотя указаніе на «полную собственность» (*en toute propriété*) ничѣмъ не увеличивало объема правъ и безъ того предоставляемыхъ Арменіи, и, слѣдовательно, безъ этого указанія легко можно было обойтись, однако, разъ армяне настаивали на этой поправкѣ, не было — такъ казалось мнѣ — ни малѣйшаго основанія отказывать армянской делегаціи въ прибавленіи этихъ словъ («на правѣ полной собственности») къ предложеному мною тексту. Однако, Н. Чхеидзе (полномочнымъ лицомъ былъ онъ одинъ) объявилъ, что въ предложенномъ текстѣ онъ не допускаетъ ни малѣйшаго измѣненія.

Послѣ этого, великобританскій представитель заявилъ, что отнынѣ усилія его исчерпаны, онъ умываетъ руки и отходитъ отъ этого дѣла.

Совѣщеніе это закончилось поздно ночью. Какъ ни печально было мнѣ видѣть и признать теперь тщету и безплод-

*) Съ этой цѣлью былъ тутъ же составленъ и вѣбми одобренъ слѣдующій пунктъ: «въ случаѣ, если между двумя правительстваами не послѣдуетъ соглашенія относительно трассы желѣзной дороги или условій ея эксплуатации, вопросы эти будутъ разрѣшены на мѣстѣ комиссию по назначению Лиги Наций. Равнымъ образомъ всякий споръ, могущій возникнуть по поводу примѣненія или истолкованія настоящаго соглашенія во всемъ его объемѣ, подлежитъ разрѣшенію арбитражной комиссіи, назначаемой Лигою Наций».

ность всѣхъ моихъ многообразныхъ и неустанныхъ усилий*), какъ ни ясно представилась мнѣ вся безповоротность и жуткость допущенной тогда нашими делегаціями ошибки, нельзя было не зарисовать мысленно трагикомической заключительной сцены этихъ — рѣдкихъ по безтолковости — переговоровъ, въ которыхъ мнимые профессиональные «политики» неспособные, однако, оцѣнить именно политическое значеніе момента, путались, безнадежно и бесплодно, въ препирательствахъ о словахъ и выраженіяхъ, не понимая дѣйствительнаго ихъ значенія.

Въ центрѣ этой сцены г. Ванситартъ, повторяющій жестъ Понтія Пилата, съ лицомъ, выражющимъ недоумѣніе, утомленіе и скуку, при видѣ этой дюжины господъ въ смокингахъ, изъ за трехъ — совершенно лишнихъ, но и безвредныхъ словъ — *en toute proportion* — неспособныхъ согласиться по вопросу — по существу котораго у нихъ уже давно нѣтъ разногласій! Рядомъ съ нимъ Чхеидзѣ, съ закинутой назадъ головой, съ глазами выходящими изъ орбитъ, и лицомъ, налитымъ кровью — разъяренный не вполнѣ для него уловимымъ мельканіемъ французскихъ текстовъ, формулы — потерявшій всякое хладнокровіе и спержанность, въ позѣ захолустнаго шляхтича, срывающаго важное рѣшеніе Сейма! Противъ него Агаронянъ: онъ несокрушимо добивается своей «полной собственности», и всѣ тѣни Араката сгущаются на его лицѣ. Въ углу комнаты Нубарь-паша, въ полномъ изнеможеніи, съ выраженіемъ безысходнаго отчаянія на лицѣ: у него подкашиваются, отъ усталости, ноги и ему некуда отступить, некуда спастись отъ вулканическаго натиска Іосифа Гобечіа, грузинскаго делегата (с.-р.) — объясняющаго знатному египтянину значеніе народной воли въ дѣлахъ международныхъ. Глаза Гобечіа извергаютъ молніи, а полуусѣдая шевелюра его вся устремилась вверхъ и въ стороны. — Азербайджанцы, чинные и безмолвные, лицезрѣютъ съ выдержанкою настоящихъ мусульманъ эту бурю. Цѣлый рядъ масокъ, по различному выражавшихъ непониманіе происходящаго, дополняетъ сцену.

Въ субботу, 24-го апрѣля, делегаціи Грузіи, Арmenіи и Азербайджана приглашены были въ Hotel Royal къ г. Вансит-

*) Нелѣпѣ всего было то, что въ С.-Ремо грузинская делегація отвергла какъ разъ то, что, отъ имени Грузіи, отстаивалось и испрашивалось систематически съ конца 1918 г. въ Лондонѣ и Парижѣ.

тарту. Свиданіе состоялось въ 10½ часовъ вечера. Присутствующіе выслушали слѣдующее заявленіе британскаго представителя:

«Я прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы между вами состоялось соглашеніе, чтобы объ этомъ можно было своевременно дожинить Верховному Совѣту. Мои дружескіе совѣты не имѣли успѣха, и мнѣ даже пришлось, умывъ руки, отойти въ сторону. Въ настоящее время, какъ это мнѣ ни тѣгостно, я вынужденъ заявить, отъ имени лорда Керзона, дружбу котораго къ вашимъ странамъ вы знаете, и который такъ содѣйствовалъ въ январѣ вашему признанію *de facto*, что соглашеніе относительно предоставленія въ полную собственность Армении желѣзной дороги черезъ Батумскую область, съ отвѣтствиемъ къ западу, должно быть, по его убѣждению, подписано; и что если это не будетъ сдѣлано нынѣ-же, то за послѣдствія должны будите отвѣтать вы сами. Язываю въ данномъ случаѣ къ грузинской делегації.

То, что я вамъ выскаживаю, является взглядомъ британского правительства, но я думаю, что на его точку зрѣнія станетъ и Верховный Совѣтъ. Теперь я вѣсъ покидаю, а оставшее зависить отъ васъ самихъ».

Условились собраться на слѣдующее утро, по предложенію Богось-Нубара, въ помѣщеніи азербайджанской делегації.

Общее собраніе это назначенное на 11 час. въ воскресенье 25 апрѣля, пришлось отложить до 4-хъ часовъ. Утромъ-же мы совѣщались съ азербайджанцами. До «общаго собранія», въ засѣданіи грузинской делегації, мною была сдѣлана послѣдняя попытка убѣдить Чхейдзе въ необходимости подписать соглашеніе съ армянами, ради огражденія интересовъ Грузіи. Несмотря на всѣ примѣненные мною, съ крайней энергией, средства морального давленія, Чхейдзе окончательно рѣшился не измѣнять ни юты въ принятомъ нами текстѣ, и ждать дальнѣйшихъ инструкцій изъ Тифлиса. Въ пагубномъ упорствѣ своемъ, Чхейдзе былъ поддержанъ всѣми остальными членами грузинской делегації*).

Вслѣдъ за-тѣмъ состоялось послѣднее свиданіе трехъ делегацій въ С. Ремо. Оно протекло въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ. Чхейдзе заявилъ о готовности немедленно подписать соглашеніе на принятыхъ имъ раньше основаніяхъ, по пун-

*) Т. е. д-ромъ Гварджаладзе, Гобечіа и генераломъ Одишелидзе.

ктамъ же вызывавшимъ разногласіе («полная собственность» и «отъѣтвленіе къ западу») требовалъ, чтобы ему дали возможность снести съ грузинскимъ правительствомъ, отправивъ, напримѣръ, кого-либо изъ членовъ делегаціи въ Тифлісъ. Все это не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ какъ политическая задача «момента» заключалась не въ томъ, что и какъ говорится въ соглашеніи о желѣзной дорогѣ (вдобавокъ, совершенно проблематической!), а въ обнаружениіи передъ Верховнымъ Советомъ солидарности Закавказскихъ республикъ — и именно теперь, а не когда Чхеидзе получить изъ Тифліса отвѣтъ на свои недоумѣнныіе вопросы!*)

Словомъ, соглашеніе не могло быть подписано, и все, что затѣмъ говорилось въ этомъ совѣщаніи, не могло измѣнить этого обстоятельства. Армяне, увѣренные тогда еще въ окончательномъ расчлененіи Турціи (на бумагѣ оно, несомнѣнно, подготавлялось), и безъ огорченія видѣвшіе, какъ Чхеидзе (интернационалистъ! соціалистъ! демократъ!) создавалъ Грузіи репутацію несговорчивости и узколобія, не понимали, однако, что неподписаніе ожидавшагося соглашенія неминуемо влекло за собой охлажденіе, незainteresованность Англіи въ дѣлахъ Закавказья, а слѣдовательно и Арменіи.

Нарадунгіанъ продолжалъ отвлеченну критику «допотпнаго» понятія суверенитета, на которомъ напрасно настаиваетъ грузинская делегація. Я отвѣтилъ ему, что армянская делегація, не остается въ долгу, со своею не менѣе допотпною «полною собственностью». Онъ говорилъ, впрочемъ, объ искреннемъ своемъ огорченіи въ виду несостоявшагося

*) Въ теченіе всего этого времени я старался склонить Н. Чхеидзе къ большей уступчивости, убѣждая его въ томъ, что разъ нами уже изъявлено согласіе на сооруженіе Арменіей желѣзной дороги, въ опредѣленныхъ условіяхъ и съ международной санкціей, то споръ о «собственности» утрачиваетъ значеніе.

Въ пятницу, 23 апрѣля, мы представили, совмѣстно съ азербайджанской делегаціей, Верховному Совету письменное изложеніе всего хода нашихъ переговоровъ, дабы видна была наша готовность сдѣлать все въ дѣлѣ «выхода къ морю». Разумѣется, такой, чисто бумажный шагъ не могъ имѣть ни малѣйшаго практическаго значенія. Въ частныхъ нашихъ бесѣдахъ въ грузинской делегаціи мои соображенія о рискѣ, которому подвергается наше дѣло чрезмѣрной несговорчивостью, о рискѣ тѣмъ менѣе допустимомъ, что разногласіе съ армянами теперь *совершенно пустячное* — сталкивались съ беспомощною тезою Чхеидзе (что скажетъ грузинское правительство? что скажетъ населеніе Батумской области? не найдутъ ли они, что ихъ «продали армянамъ»?).

соглашения, тѣмъ болѣе, что у него, говорилъ онъ, былъ въ карманѣ готовый уже проектъ союзного договора между Арменией и ея двумя сосѣдями.

Богость-Нубаръ счелъ нужнымъ заявить, что теперь имъ придется вернуться къ прежнему требованію лѣваго берега Чороха. («На что онъ вамъ? этотъ берегъ скалистъ, каменистъ — замѣтилъ я строителю Геліополиса»).

Чхеидзе объявилъ, что какъ ни великъ авторитетъ лорда Керзона, Верховнаго Совѣта и т. д., но намъ приходится считаться съ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, съ желаніями мѣстнаго населенія и т. д. Эта несчастная ссылка дала поводъ Топчибашеву заговорить о необходимости для Грузіи прислушиваться къ мнѣнію мусульманскаго населенія Батумской области, представленному тамошнимъ меджлисомъ. (Агаронянъ: «Это совершенная новость для нась»).

Поэтъ Аршакъ Чобанянъ приглашалъ всѣхъ насы къ дружбѣ, солидарности и добруму сосѣдству, не взирая на нынѣшнее разногласіе, не взирая ни на что.

Гобечіа, съ обычною пламенностю, говорилъ о шаткости, гадательности постановленій Верховнаго Совѣта, о стихійности народныхъ движений и первенствующемъ значеніи именно народной воли. (Агаронянъ: «зачѣмъ вы не считались съ народной волей въ Лори, въ Ахалкалакі?»).

Было очевидно, что переговоры наши исчерпались. Ни одно изъ приготовленныхъ мною двухъ соглашений (о Батумѣ и желѣзной дорогѣ; о разрѣшеніи территоріальныхъ споровъ) не было подписано.

«Чхеидзе боится взять на себя отвѣтственность, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Надо эти чувства уважать» — сказалъ мнѣ частнымъ образомъ Нарадунгіанъ, очень снискодительно оцѣнивая немоющія б. предсѣдателя Совѣта Р. и С. депутатовъ. Засѣданіе закончилось, мы пожали другъ другу руки и разошлись вполнѣ дружелюбно.

Въ понедѣльникъ, 26 апрѣля (это былъ послѣдній день конференціи въ Санъ-Ремо), пріѣхалъ изъ Рима товарищъ министра иностраннѣхъ дѣлъ Грузіи К. Сабахтарашвили, который возвращался теперь въ Тифлісъ и заѣхалъ въ Санъ-Ремо для полученія свѣдѣній о результатахъ нашихъ переговоровъ. Я тщетно старался внушить этому молодому человѣку тревогу, вызванную во мнѣ происшедшими. Впрочемъ, онъ

немедленно уѣхалъ, съ тѣмъ чтобы продолжать свой путь обратно въ Грузію, вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, укрѣпившимъ въ это время связи грузинскаго пролетаріата съ итальянскимъ и также отправлявшимся на время въ Тифлісъ.

Что касается кавказскаго перешейка, дѣло Москвы и Ангоры было выиграно.

83.

Такимъ образомъ, безуспѣшной оказалась эта первая и, въ сущности, единственная попытка державъ Западной Европы серьезно поставить на очередь вопросъ о государственной и международной будущности Закавказскихъ республикъ и разрѣшить его на основѣ ихъ независимости.

Попытаемся изложить въ связномъ видѣ основанія на мѣтившейся было тогда политики.

Мысль о необходимости укрѣпленія закавказскихъ государственныхъ новообразованій, выдвинутая, какъ мы видѣли, въ январѣ 1920 года, лишь теперь, въ С. Ремо, получала болѣе обдуманную, оязательную форму..

Помощь Грузіи, Азербайджану и Арmenіи, особенно для обеспеченія ихъ обороноспособности, на случай нападенія извнѣ, можетъ быть оказана лишь въ случаѣ прочнаго мира и солидарности между ними: таково коренное положеніе, выдвигаемое «имперіалистическимъ» Западомъ; и положеніе это остается неизмѣннымъ, идетъ ли рѣчь о фронтѣ Закавказья, обращенномъ къ югу (такъ было въ январѣ 1920 г. въ Парижѣ см. выше гл. XXIX), или же, какъ теперь въ С. Ремо, получаетъ очередное (въ глазахъ державъ, подготавливающихъ условія мира съ Турцией) значеніе фронтъ Закавказья, обращенный на юго-западъ, въ сторону Anatolіi.

Но и здѣсь, какъ и раньше, имѣется въ виду лишь укрѣпленіе существующаго.

Вопросъ о границахъ Арmenіи съ Турцией остается пока открытымъ. Тѣмъ больше вниманія привлекаютъ взаимоотношенія между Арmenіей и сосѣдними республиками въ Закавказии; съ чѣмъ связаны, однако, и международные интересы болѣе общаго значенія.

Арmenія не можетъ быть отрѣзана отъ моря. Доступъ къ нему она должна имѣть, на первыхъ порахъ, въ Батумѣ; и

порть этот — естественная принадлежность Грузіи, въ то же время столь важный и для Азербайджана, дѣлается какъ-бы символомъ единенія трехъ республикъ. Это не все. Батумъ — отправной пунктъ свободного транзита изъ Европы въ Персію и обратно. Ему предстоитъ огромная политическая и коммерческая будущность. Здѣсь именно будетъ соединительное звено этой части Ближняго Востока съ державами Запада; и международные интересы, связанные съ Батумомъ, могутъ и должны быть ограждаемы при посредствѣ Лиги Націй.

Армяно-турецкая граница скоро будетъ установлена: дѣломъ, преимущественно, самихъ армянъ съ помощью Запада будетъ прочное занятіе тѣхъ территорій, которыхъ имъ будутъ уступлены. Но и это — какъ выходъ Арmenіи къ морю — возможно лишь при условіи мирныхъ, дружественныхъ взаимоотношений въ самомъ Закавказіи.

Въ моментъ развязки турецкаго вопроса, близкій Стамбулу и Ангорѣ, Азербайджанъ получаетъ особое значение. Именно его сближеніе съ Арmenіей и Грузіей — въ тройственномъ соглашеніи — закрѣпляло-бы «западную» ориентацію Азербайджана и обеспечивало-бы тыль Арmenіи при предстоящемъ выясненіи армяно-турецкой границы. «Западничество»-же Азербайджана было бы равнозначуще въ данныхъ условіяхъ его вѣрности и т. наз. *кавказской* ориентаціи (выраженной уже раньше договоромъ съ Грузіей 16 іюня 1919 г.) — въ противоположность совѣтско-турецкимъ соблазнамъ.

Конечно, положеніе, сложившееся на Кавказѣ, послѣ фактическаго признанія трехъ республикъ (въ началѣ 1920 г.), не могло быть охранено или укрѣплено безъ установлениія извѣстнаго мирнаго ихъ сосѣдства съ россійскимъ совѣтскимъ государствомъ. Задача эта — полная рисковъ и трудностей — не должна была считаться абсолютно невыполнимой при оцѣнкѣ положенія въ апрѣлѣ 1920 г. Россіи приходилось тогда готовиться къ огромному напряженію въ борьбѣ за свою западную границу, при одновременной угрозѣ со стороны силь ген. Врангеля на югѣ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время она стала на путь переговоровъ съ Англіей о возобновленіи торговыхъ съ ней сношеній — послѣдніяго московское правительство добивалось, по разнымъ основаніямъ, чрезвычайно настойчиво. Все это и, вдобавокъ, отличное отъ Франціи и болѣе благопріятное Россіи отношеніе къ русско-польскому «спору славянъ между собой» — создавало именно

англійському правительству возможность, въ случаѣ осуществленія политики С. Ремо, оказать дипломатическое содѣйствіе къ установлению какого-либо т o d u s v i v e n d i между закавказскими республиками и Совѣтской Россіей.

Наличность-же въ Батумѣ фактической англійской базы несомнѣнно усиливала эту возможность. А предложенными разрѣшеніемъ батумскаго вопроса достигалась-бы, въ принципѣ, возможность такого сотрудничества между западнымъ факторомъ и закавказскими республиками, при которомъ только и можно было вообще надѣяться на сохраненіе ими и на дальнѣйшее упроченіе ихъ независимости.

Однако, для этого отъ нихъ потребовалось-бы напряженіе всѣхъ ихъ силъ и, прежде всего, опредѣленная согласованность ихъ политики. Обнаруживъ-же въ С. Ремо — въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ — неспособность къ такой согласованности, закавказскія республики сами отказались отъ того, что естественно вытекало изъ усилій ихъ, начиная съ 1918 года.

ГЛАВА XXXII.

УХОДЪ ЕВРОПЫ И ВОЗВРАЩЕНІЕ РОССІИ.

84.

Не успѣли закавказскія делегаціи вернуться изъ С. Ремо въ Парижъ, какъ получилось извѣстіе о паденіи азербайджанскаго правительства, провозглашеніи совѣтскаго строя въ Баку и вступленіи туда красныхъ войскъ. Произошло это 28 апрѣля 1920 г. Равновѣсіе вліяній, сложившееся на Кавказѣ съ конца 1918 года въ пользу «европейской ориентациі», кореннымъ образомъ рушилось. Спекулируя на вялость великихъ державъ и на раздоры между тремя республиками, Совѣтская Россія рѣшительнымъ ударомъ — и, повидимому, безъ кровопролитія — заняла одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Закавказья (и вообще Ближняго Востока), обходя съ праваго фланга кавказскій барьеръ, подъ прикрытиемъ котораго только и могла строиться независимая государственная жизнь трехъ республикъ.

Захватъ Баку особенно облегчился той беззавѣтной яростью, съ какою, какъ разъ весною 1920 г., армяне и татары столкнулись изъ-за своихъ территоріальныхъ споровъ (въ Карабагѣ) — а также многочисленностью бакинскаго промышленного пролетариата — и географическимъ положеніемъ нефтяной столицы на Каспійскомъ морѣ. Однако, эти обстоятельства имѣли, кажется, все-же меныше значенія, чѣмъ то массовое сочувствіе Азербайджана Турціи, которое было, въ общемъ, много сильнѣе и жизненнѣе его «европейской ориентациі». Азербайджанъ сталъ какъ-бы живой связью между тѣми, кого исторія довольно неожиданно дѣлала теперЬ союзниками: между Россіей и Турціей.

Это не преувеличеніе: въ 1920 году, туркофильство Азербайджана — въ противоположность 1918 году — приняло форму... руссофильства: оно облегчило совѣтской власти захватъ Баку!

Въ предстоявшемъ Турціи испытаниі — вѣдь она, эта Турція «большого народного собранія» бросала теперь вызовъ всѣмъ великимъ державамъ Запада — приходилось подчинять надежды завтрашняго дня злобѣ нынѣшняго и жертвовать близкими, но пока малосильными родичами ради далекихъ и случайныхъ, но дѣйственныхъ союзниковъ! Впрочемъ, «далекіе» дѣлались теперь близкими: занятіе Баку было вѣдь первымъ шагомъ къ установленію вновь непосредственного сосѣдства Россіи съ Турціей, взаимно другъ друга подкрѣплявшихъ въ борьбѣ съ Западомъ.

Политикъ кавказского средостѣнія или «буферного новообразованія» угрожалъ конецъ. Захватъ Баку, самъ по себѣ, еще этого конца не означалъ. Первоначальное положеніе, вѣроятно, могло бы быть возстановлено, если-бы закавказскія республики были способны къ солидарной политикѣ, и если-бы громкія фразы различныхъ деклараций, соглашеній и пр. не прикрывали отсутствія прозорливости, твердости и патріотизма!

Грузино-азербайджанскій военный союзный договоръ оказался простымъ «клочкомъ бумаги». Соглашеніе армяно-азербайджанское конца 1919 г. о миролюбивомъ разграниченніи — тоже и т. д.

Въ сущности паденіе Баку и прискорбная развязка нашихъ переговоровъ въ С. Ремо были очевидными — и почти одновременными — доказательствами полнаго несоответствія между лозунгомъ независимости, казалось-бы общимъ для трехъ закавказскихъ республикъ, и дѣйствительною политикою ихъ правительствъ. И пока Арmenія продолжала уповать на своихъ сердобольныхъ заступниковъ по сю и по ту сторону Атлантики, а Грузія убѣждала себя и другихъ въ безуокоризненности своего демократизма, Совѣтская Имперія заняла въ Баку выгоднѣйшее «исходное положеніе» для овладѣнія всѣмъ Закавказьемъ и, обогатившись нефтью, чрезвычайно себя усилила въ «коммерческихъ» переговорахъ съ Англіей, 1920 г.

Послѣ С. Ремо, передъ грузинской делегацией не возникло уже сколько-нибудь сложныхъ задачъ. У меня лично не оставалось къ ея дальнѣйшимъ работамъ ни малѣйшаго интереса, и я собирался возвращаться, наконецъ, въ Тифлісъ. Но какъ разъ въ это время я былъ назначенъ членомъ особой экономической миссіи грузинской республики, по задачамъ которой я и работалъ, съ начала мая по ноябрь 1920 года, въ

Лондонъ, Римъ и Парижъ. Во главѣ этой миссіи стоялъ министръ финансовъ Грузіи К. Канделаки, а въ составѣ ея былъ и государственный контролеръ Ф. Гогичайшвили — люди, украшенные многими добродѣтелями, напр. скромностью и трудолюбіемъ, рѣдкими на верхахъ грузинской бюрократіи.

Экономическая миссія эта выполнила свою задачу довольно успѣшно. Главное, ей удалось заключить заемъ въ Лондонъ, во многихъ отношеніяхъ интересный. Итальянскому капиталу, лихорадочно искавшему тогда собственного топлива, представлена была концессія на разработку Ткварчельского каменноугольного мѣсторожденія, на черноморскомъ побережкѣ Сухумской области*). Съ французскою группою капиталистовъ былъ заключенъ договоръ о планомѣрномъ сотрудничествѣ въ развитіи шелководства въ Грузіи и сбытѣ коконовъ во Франціи и т. д.

Впрочемъ, говорить о дѣятельности этой миссіи не входить здѣсь въ мою задачу. мнѣ вообще остается теперь упомянуть лишь о нѣсколькихъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ независимости Грузіи, фактахъ политического, а не экономического порядка.

Довольно скоро послѣ извѣстій о захватѣ Баку, выяснилось что весь Азербайджанъ «усвоилъ» совѣтскую форму правленія. Грузинское правительство стало на путь «непротивленія злу». 30 апрѣля 1920 г. предсѣдатель грузинского правительства Жорданіа разъяснялъ въ рѣчи Учредительному Собранию, что... «если самъ народъ (т. е. азербайджанцы) сочувствуетъ вторженію иностранной силы въ свою страну, то выступленіе противъ этой силы было-бы съ нашей стороны нарушеніемъ правъ этого народа (sic) и привело-бы, одновременно, къ гибели войскъ, которыхъ мы бы туда отправили**). Читавшіе «Кандид» вспомнили, конечно, по этому поводу, доктора Панглосса!

Нѣсколько позже получились свѣдѣнія о столкновеніяхъ на грузино-азербайджанской границѣ, о переговорахъ Грузіи съ совѣтскимъ Азербайджаномъ и Россіей.

*) По странному совпаденію споръ о горныхъ правахъ въ Ткварчельской дачѣ (весьма сложный) былъ послѣднимъ дѣломъ, возложеннымъ на меня какъ сенатора-докладчика Правительствующимъ Сенатомъ въ 1917 г.

**) См. текстъ этой рѣчи въ книгѣ Paul Gentizon. La Résurrection Géorgienne. P. 1921, приложение 4-ое. Книга составлена изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Le Temps» авторомъ, специально посланнымъ въ 1920 г. въ Грузію.

Необходимость вообще скорѣйшаго соглашенія съ московскимъ правительствомъ, сомнѣній, конечно, не вызывала. Къ «соглашательству» клонились, какъ мы видѣли выше (стр. 251) и совѣты великихъ державъ. Англія, болѣе всѣхъ была въ 1920 году, благопріятна установленію между бывшими окраинами Россіи и Москвою основаннаго на компромиссѣ мирнаго съѣдѣства. Съ своей стороны, грузинская delegaciа, еще въ Лондонѣ, въ мартѣ 1920 г., просила содѣйствія англійскаго правительства такому компромиссу.

Но дѣло это, очевидно, касалось, прежде всего, тифлісскаго правительства. Найдетъ-ли оно съ московскими диктаторами общій языкъ? Если главарямъ грузинской соціаль-демократіи трудно было сговориться съ Деникинымъ, или съ англійскими генералами, то вѣдь съ большевиками многое ихъ сближало идеино — не говоря уже о личномъ знакомствѣ съ бывшими соратниками.

Признаться, въ С. Ремо мнѣ иногда казалось, что позиція, занятая тогда Чхеидзе (недопустимая и нелѣпая съ точки зрѣнія политики, которая велась въ Европѣ отъ имени и въ интересахъ независимой Грузіи, начиная съ 1918 г.), могла имѣть основаніемъ секретную, мнѣ не сообщенную, инструкцію изъ Тифліса, связанную именно съ какимъ-нибудь планомъ грузино-русскаго соглашенія. Этого, въ дѣйствительности, совершенно не было. Но не подлежитъ сомнѣнію, что коль скоро, послѣ С. Ремо, не могло быть уже рѣчи о планомърной европейской поддержкѣ, оставался, еще путь непосредственнаго соглашенія съ Россіей и Турцией. Путь трудный, сомнѣтельный — но неизбѣжный. Обязанностью грузинскаго правительства было сдѣлать по этому пути всѣ необходимыя шаги.

... Я не знаю въ точности закулисной стороны грузино-русскихъ переговоровъ, приведшихъ къ заключенію — уже 7-го мая 1920 г. (въ Москвѣ) договора Грузіи съ Совѣтской Россіей, а нѣсколько позже (16 іюня 1920 г.), договора между Грузіей и Совѣтскимъ Азербайджаномъ. Но, ознакомившись съ ижъ текстами, приходилось поражаться тому, съ какой легкостью и стремительностью грузинское правительство признало совершившійся въ Баку государственный переворотъ и, съдовательно, отказалось отъ идей грузино-азербайджанскаго договора 1919 года, и съ какой поспѣшностью пригла-

сило Совѣтскую власть въ суды своихъ разногласій о границахъ съ Совѣтскимъ Азербайджаномъ*).

Однако, самымъ показательнымъ постановленіемъ грузино-русского договора является то, въ силу которого Грузія обязалась «принять мѣры къ удаленію съ территоріи ея, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ статьею IV настоящаго договора, всякихъ войскъ и воинскихъ отрядовъ, не принадлежащихъ къ національнымъ войскамъ Грузіи» (п. 5-ый ст V); къ запрещенію имъ отнынѣ пребыванія въ Грузіи (п. 6), а отдѣльнымъ, входящимъ въ ихъ составъ лицамъ — вступленія въ грузинскія войска, въ какомъ бы то ни было качествѣ — между прочимъ и добровольцами (п. 7-ой ст. V).

Грузія брала на себя, такимъ образомъ, прямое обязательство содѣйствовать прекращенію англійской оккупации въ Батумѣ и Батумской области и заранѣе отказывалась отъ мысли о чьей либо помощи въ устройствѣ ея вооруженныхъ силъ. Это было открытое признаніе политического преобладанія и вліянія московскаго правительства и, практически, отказъ отъ «европейской ориентациіи». Чѣмъ объяснить такой поворотъ? Соціалистическими чувствами грузинскаго правительства, бравшими верхъ надъ тяготѣніемъ къ «западно-европейскимъ демократіямъ» съ ихъ «имперіалистическими» правительствами? Можетъ быть. По крайней мѣрѣ, глава грузинскаго правительства въ своей телеграммѣ московскимъ комиссарамъ, по случаю подписанія договора 7-го мая, говорилъ что-то о *совмѣстной работе по «насажденію соціализма»*. Или, можетъ быть, въ ожиданіи разгрома Польши, лѣтомъ 1920 г., красными войсками, а затѣмъ вступленія послѣднихъ въ «буржуазную» Европу, заранѣе готовили себѣ подходящую позицію?

Во всякомъ случаѣ, между робостью, обнаруженною Чхеидзе въ С. Ремо, — отказомъ его отъ практическаго завершенія двухлѣтнихъ почти усилій грузинской политики въ Европѣ — и основной тенденціей грузино-русского договора 7-го мая 1920 года, оказалось какое-то внутреннее соотвѣтствіе. Точнѣе говоря, договоромъ этимъ уже исключалась возможность даль-

*) Текстъ грузино-русского трактата 1920 г. см. въ официальномъ сборникеъ договоровъ, заключенныхъ совѣтскими правительствами. Французскій переводъ этого договора, а также соглашенія 1-1 ноября 1920 г., о транзитѣ и торговлѣ между Грузіей и (совѣтскими) Россіей и Азербайджаномъ были изданы особою брошюрою въ Парижѣ въ 1922 г.

нѣйшихъ попытокъ къ осуществленію программы, намѣченной какъ мнѣ лично думалось, въ соотвѣтствіи съ интересами Грузіи и желаніями ея правительства, и главными чертами, которой были: союзъ трехъ закавказскихъ республикъ, укрѣпленіе ихъ — съ цѣлью обороны — при помощи западныхъ великихъ державъ, «интернаціонализациѣ» Батума съ сохраненіемъ тамъ, временно, союзныхъ войскъ.

85.

Теперь, послѣ крушенія идеи закавказского блока и ввиду проникновенія совѣтскихъ войскъ за Кавказскій хребетъ, вопросъ о сохраненіи союзного (т. е. британскаго) гарнизона въ Батумѣ получилъ скорое рѣшеніе. Никто не собирался теперь вступать въ военное столкновеніе съ Совѣтами изъ-за независимости закавказскихъ республикъ. И, такъ какъ республики эти не обнаруживали вкуса къ согласованной, твердой самооборонѣ общими силами противъ грозившей опасности, и въ С. Ремо кавказская политика лорда Керзона понесла пораженіе, то дальнѣйшее пребываніе англійскихъ войскъ въ Батумѣ и Батумской области оказывалось излишнимъ: войска эти были оттуда выведены; причемъ благодаря нетерпѣливому рвению, съ которымъ грузинское правительство старалось поскорѣе получить въ свои руки Батумъ съ областью, сильно облегчалась для Англіи задача — уйти съ честью изъ Батума. Уходъ этотъ уже не казался очищеніемъ занятой имперіалистической позиціи подъ чьимъ-либо давленіемъ, но лишь передачею временно занятаго собственнику, по принадлежности. Это былъ по формѣ вполнѣ элегантный выходъ изъ положенія. На оставленіи Батума настаивали, вдобавокъ, въ Лондонѣ всѣ сторонники экономіи, радовавшіеся прекращенію еще одной оккупациіи; и мѣру эту одобряли всѣ вообще противники активной англійской политики въ Закавказье (т. е. противники Керзона и сторонники Ллойдъ Джоржа). Переворотъ въ Азербайджанѣ, въ свою очередь, благопріятствовалъ такому рѣшенію, которое и имѣлось въ виду уже въ началѣ мая 1920 г.

11 іюня намъ (членамъ груз. экономической миссіи) было сообщено конфиденціально въ Лондонѣ о принятомъ англійскимъ правительствомъ рѣшеніи покинуть Батумъ и передать всю Батумскую область грузинскому правительству. Для формальностей этой передачи, а также для разрѣшенія иѣ-

которыхъ важныхъ «попутныхъ» вопросовъ (напр. эвакуація въ Крымъ изъ Батума «деникинцевъ») въ Грузію посыпался полковникъ Стоксъ, новый великобританскій комиссаръ; съ нимъ вмѣстѣ, по просьбѣ англійского правительства, отправлялся Д. Гамбашидзе.

Присоединеніемъ Батумской области давалось большое нравственное и политическое удовлетвореніе Грузіи. Но одновременно это былъ, если угодно, даръ данайцевъ.

Не ослабить - ли занятіе Батумской области Грузію на восточной ее границѣ, открытой вторженію? Справится-ли она съ давленіемъ турецкаго націонализма, который несомнѣнно сдерживался присутствіемъ англичанъ въ Батумѣ? Вотъ какія сомнѣнія возникали невольно, и вотъ почему этотъ уходъ Европы изъ Закавказья, естественное послѣдствіе нашихъ несогласій въ С. Ремо, ускоренный послѣдними событиями, мнѣ рѣшительно не нравился. По соображеніямъ, которыхъ не стану здѣсь повторять, я считалъ, что надо было очень дорожить... «англійскимъ населеніемъ» Батума.*)

...Эти сомнѣнія и тревоги не могли быть, конечно, устранины сообщеніемъ о томъ, какъ (4 іюля 1920 г.) грузинскія войска вступили съ триумфомъ въ оставленный британскимъ гарнизономъ Батумъ, какъ грузинскій флагъ былъ поднятъ на его фортахъ.**) и т. д.

«Философія» событий была очень несложна: Грузія оставалась одинокой на глухомъ перекресткѣ Европы и Азіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Советской Россіи и Турціи: эти два тараана готовились окончательно разбить кавказское средостѣніе.

Теперь нѣсколько словъ о Севрскомъ договорѣ, этомъ злополучнѣйшемъ порожденіи колективной великодержавной мысли Западной Европы.

*) Въ 1922 году англійскій Чанакъ, задержавшій на полномъ разбѣгѣ побѣдоносную армію Мустафы-Кемаля у воротъ почти Константинополя, подтвердилъ мнѣ правильность моей оцѣнки въ 1920 г. батумскаго вопроса и пребыванія тамъ англичанъ.

**) Англійскія войска отбыли изъ Батума 10-го іюля. Прощальный банкетъ удался на славу.—Въ подписанномъ при передачѣ Батума протоколѣ, грузинское правительство изъявило согласіе на сооруженіе желѣзной дороги Карсъ-Батумъ, что впрочемъ, не имѣло уже ни малѣйшаго значенія.

Предъявленный уполномоченнымъ турецкаго Султана 9 мая подписанный въ Севрѣ 10 августа 1920 г., договоръ этотъ не только создавалъ независимую Армению, но также впервые вводилъ въ международное право Европы, въ качествѣ формально признаваемыхъ величинъ, Грузію и Азербайджанъ.

Ст. 92 проекта предусматриваетъ порядокъ определенія границъ между Арменіей и соѣдними съ ней Азербайджаномъ и Грузіей. Границы должны быть приняты по обоюдному соглашенію. Если оно не послѣдуетъ къ тому моменту, когда установлена будетъ граница Арменіи съ Турцией, *) въ этомъ случаѣ пограничная черта между Арменіей и Грузіей, а также Азербайджаномъ, будетъ определена главными союзными державами (т. е. Англіей, Франціей и Италіей), которымъ равнымъ образомъ озабочатся проведеніемъ ея на мѣстѣ.

Батумъ провозглашался портомъ международного значенія, открытымъ для свободной торговли и для флаговъ всѣхъ государствъ, участниковъ Лиги Націй. Режимъ свободнаго порта, подъ высшимъ наблюденіемъ Лиги, описываемый въ Севрскомъ договорѣ (ст. 335-346), прилагается къ Батуму такъ же какъ къ Константинополю, Гайдаръ-пашѣ, Смирнѣ, Александреттѣ, Хайфѣ, Басрѣ, Трапезунду. Впрочемъ, относительно Батума дѣлается оговорка объ «условіяхъ, имѣющихъ быть установленными впослѣдствіи» (ст. 335).

Вопросъ о суверенитетѣ остается открытымъ (ib). Редакція ст. 351 («свободный доступъ къ Черному морю черезъ портъ Батумъ предоставленъ Грузіи, Азербайджану и Персіи, а равно и Арменіи») отражаетъ еще лондонскія идеи (февраля-марта 1920 г.), отдѣлявшія Батумъ отъ Грузіи. Такой же «отсталой» является ст. 352, говорящая о выходѣ Арменіи къ Трапезунду. Во всемъ этомъ много недомолвокъ и неясностей, ключь къ которымъ лежитъ въ безуспѣшности нашихъ переговоровъ въ С. Ремо**).

*) Согласно ст. 89, на президента С. Штатовъ Америки возлагалось рѣшеніе вопроса о границѣ между Турцией и Арmenіей, въ вилайетахъ Эрзерумскомъ, Трапезундскомъ, Vanскомъ и Битліссскомъ. Президентъ Вильсонъ исполнилъ это порученіе 22-го ноября 1920 г.

**) Если-бы проектъ соглашенія закавказскихъ республикъ былъ подписанъ, онъ явился-бы, по существу, именно дополненіемъ нѣсколькихъ статей Севрскаго договора.

10-го августа 1920 г. Аветисъ Агаронянъ, отъ имени Армении, подписалъ Севрскій договоръ, которымъ освящалось, наконецъ, существование независимаго армянскаго государства. Какой несомнѣримый шагъ впередъ, сравнительно съ пресловутой ст. 61 Берлинскаго трактата 1878 г.! Къ сожалѣнію, успѣхъ чисто бумажный и чисто словесный; и не даромъ имя Севра такъ тѣсно связано съ хрупкостью его фарфоровыхъ издѣлій!

Къ 10-му августа 1920 года отвѣтственные правители и уполномоченные представители Армении и Грузіи уже сдѣлали все, что могли, чтобы со стороны Закавказья обеспечить торжество русско-турецкой оппозиціи Севрскому договору. Ни въ С. Ремо, ни въ Тифлісѣ, ни въ Эривани, не говоря уже о Баку, не обнаружено было ни способности къ единенію, которое требовалось для создания закавказскаго блока — ни даже сознанія его необходимости, хотя-бы какъ одного изъ практическихъ условій осуществленія Севрскаго договора. Зато Турція и Россія сумѣли согласовать свою работу настолько, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ закавказскаго «фронт» ничего не осталось. Несогласія и слабость великихъ державъ, поведеніе Греціи, окончательный отказъ С. Штатовъ отъ поддержки Армении привели затѣмъ (въ 1920-3 г.г.) къ такимъ перемѣнамъ на Б. Востокѣ, которые были равнозначущи полному крушению хрупкаго севрскаго созданія.

86.

Передачу Батумской области въ распоряженіе грузинскаго правительства въ Грузіи сочли большими его успѣхомъ. Видѣли въ этомъ побѣду демократіи надъ имперіализмомъ и т. д.

Осенью 1920 года, когда Совѣтская Россія, вмѣстѣ съ Турцией, уже являлась рѣшающимъ факторомъ въ кавказскихъ дѣлахъ, а великія державы Запада, главнымъ образомъ, Англія уже отказались здѣсь отъ дѣятельной политики, т. е. когда не отъ Лондона и не отъ Парижа, а отъ Москвы и отъ Ангоры зависѣла война или миръ въ Закавказье и будущность Закавказскихъ республикъ, грузинское правительство, игнорируя Москву и Ангору, сосредоточило на Западѣ главныя свои усиления. Три ministra (Гегечкори, Гогичайшили, Канделаки), предсѣдатель Учредительного Собрания (Чхенідзе), особый чрезвычайный и универсальный уполномоченный (Це-

ретели) — подвизались въ столицахъ Западныхъ державъ, въ то время, когда конъюнктура, обративъ было на мгновеніе къ Грузіи свой благожелательный ликъ, повернулась къ ней спиной. Создавалось демонстративное впечатлѣніе близости къ великимъ державамъ, которой на дѣлѣ вовсе не было, и давалась пища притворнымъ опасеніямъ Москвы относительно «базы для европейскаго вмѣшательства» — что не соотвѣтствовало дѣйствительности.

Эта фальшивая дипломатическая позиція (вовсе не соображенія съ обстановкою) дополнялась еще несчастнымъ и несвоевременнымъ вовлечениемъ Грузіи какъ соціалъ-демократической, будто-бы, республики, въ распрю с.-д. и коммунистического Интернаціоналовъ.

Грузія, нѣкогда «удѣль Божьей Матери», дѣлалась теперь удѣломъ 2-го Интернаціонала. Въ сентябрѣ 1920 г. «осмотръ на мѣстѣ» Грузіи дѣятелями послѣдняго (Р. Макдональдъ, Вандервельде, г-жа Э. Сноуденъ, Ренодель, Каутскій, Гюисманъ и др.) получилъ значеніе какой-то идеиной демонстраціи, направленной противъ 3-го т. е. коммунистического Интернаціонала. Эта прогулка видныхъ европейскихъ соціалистовъ, — въ ихъ числѣ трехъ статсъ-дамъ 2-го Интернаціонала (г-жъ Каутской, Вандервельде, Сноуденъ), съ любопытствомъ лорнировавшихъ «этую милую, живописную Грузію» — встрѣченныхъ въ Грузіи съ официальными почестями, къ которымъ они не были столь привычны у себя на родинѣ, имѣла большое значеніе для внѣдренія въ ихъ умахъ идеи независимой Грузіи, какъ демократического «оазиса.*). Для упроченія же этой независимости in the strenuous conditions of our time «въ трудныхъ условіяхъ нашего времени», экскурсія эта никакого значенія, конечно, не могла имѣть: она даже вызвала или усилила, крайне некстати, иллюзіи относительно «поддержки Западной демократіи», окончательно сбивая съ толку народъ, которому остался, конечно, непонятнымъ дѣйствительный смыслъ ухода англичанъ изъ Батума; какъ непонятнымъ было для него сравнительное значеніе, для независимости Грузіи, въ 1920 году, «Верховнаго Совѣта великихъ союзныхъ державъ» и «амстердамскаго Интернаціонала». Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, т. е. по части непониманія, пастыри были единодушны съ паствою.

... Между тѣмъ по союзству съ Грузіей, совѣтская власть

*.) Памятникомъ этой поѣздки является изданная въ 1921 году въ Парижѣ книга: «L'Internationale socialiste et la Géorgie».

не только укрепилась прочно въ Азербайджанѣ (лѣтомъ 1920 г. въ виду русско-польской войны и присутствія въ Батумѣ англичанъ, большевики произвели давленіе въ направлении Персіи, а не къ Черному морю), но и подготавляла капитуляцію Арменіи — предложеніемъ ей помочи въ ея стѣсненномъ положеніи и политикою «коридора» для примыканія къ Турціи черезъ Карабагъ.

Но и въ самомъ Тифлісѣ подготовительная работа со-вѣтской миссіи была въ полномъ ходу: помимо агитации и идеиной борьбы коммунизма съ соціаль-демократіей, исподволь производилось наблюденіе и «внутреннее освѣщеніе», старыми средствами и опытными спеціалистами.

Тѣмъ временемъ, пребывавшіе въ Европѣ грузинскіе сановники совѣщались о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить заграничное представительство Грузіи (парижская делегація подлежала упраздненію съ конца октября 1920 года). Министръ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори, оставивъ эти дѣла на попеченіи совершенно случайныхъ людей, терялъ время на дальнѣйшее, по стопамъ делегаціи, «хожденіе по дѣлу» о юридическомъ признаніи Грузіи. Имѣлъ онъ въ Лондонѣ разговоры и относительно Батума — но съ апрѣля 1920 года вопросъ этотъ потерялъ уже практическое значеніе; о немъ еще говорили — такъ какъ «заведено» было соотвѣтствующее «дѣло».

Вопросъ же о формальномъ признаніи Грузіи катился теперь по торной дорогѣ, вслѣдъ за вопросомъ о признаніи балтійскихъ республикъ.

Русско-польскій кризисъ завершился пораженіемъ Россіи — послѣ того какъ она была, казалось, на волосокъ отъ побѣды.

Сбросить войска генерала Врангеля въ море становилось теперь для совѣтской власти главной задачей: это былъ послѣдній «фронтъ» въ Европейской Россіи..

Англія окончательно избрала стезю разговоровъ о возобновленіи торговли съ Россіей и готовилась предоставить послѣдней свободу дѣйствій въ республикахъ Закавказья. Она уступила Франціи и заботу о подкрѣплении Польши противъ удара совѣтскихъ войскъ, и разочарованія, связанныя съ неудачами генерала Врангеля, и, вообще патронирваніе, въ той или другой формѣ, противниковъ совѣтской власти.

Но ни положеніе, ни интересы Франціи не позволяли ей и думать объ активной политикѣ въ Закавказье. Противовѣса давленію Совѣтской имперіи здѣсь уже нельзя было ожидать: и Арmenія, и Грузія отнынѣ обречены.

ГЛАВА XXXIII.

ЛИГА НАЦІЙ ИЛИ «ОСТАВЬТЕ ВСЪ НАДЕЖДЫ».

87.

Къ началу ноября 1920 года политическая делегація Грузіи при мирной конференціи, а также особая экономическая миссія прекратили существование: послѣдняя — ввиду завершенія своихъ работъ, а первая — вслѣдствіе рѣшенія грузинскаго правительства замѣнить ее единоличнымъ представителемъ. Обязанности послѣдняго временно исполнялись министромъ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори — впредь до прибытія въ Парижъ специальнаго назначенного лица.

Теперь на моемъ попеченіи оставалось лишь дѣло о вступленіи Грузіи въ Лигу Націй, первое *общее собраніе* которой созывалось 15-го ноября 1920 г. Программа трудовъ его включала также разсмотрѣніе ходатайствъ о принятіи въ составъ Лиги ряда государствъ, не бывшихъ ея членами*).

Перваго Общаго Собранія Лиги Націй всъ ждали съ большимъ любопытствомъ, хотя чувства и мысли по поводу этого новаго дѣла далеко не были отчетливы и единообразны. Отсутствіе Соединенныхъ Штатовъ въ предпріятіи, считавшемъ

*) Въ силу учредительного акта Лиги (имъ начинаются всѣ трактаты, подписанные вокругъ Парижа въ 1919 г. — начиная съ Версальскаго) въ составъ Лиги входять, во-первыхъ, основные члены, поименованные въ приложении къ акту (числомъ — 32; это — союзники, побѣдившіе въ войнѣ 1914-18 г. г. и подписавшіе Версальскій договоръ); во-вторыхъ, государства, приглашенныя приступить въ опредѣленный срокъ къ акту Лиги (поименованныя въ томъ-же приложениі) — и воспользовавшіяся этимъ правомъ (это — 13 государствъ оставшихся нейтральными въ войнѣ). Для остальныхъ государствъ, доминионовъ или колоній установленъ особый порядокъ избрания Общимъ Собраниемъ Лиги (двумя третями голосовъ).

ся дѣтищемъ президента Вильсона, производило странное, почти комическое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ Россіи, Германіи и Турціи, оно лишало эту группировку нужного ей вселенскаго характера.

Однако, понятень интересъ къ Лигѣ Наций, обнаруженный молодыми государствами, возникшими на территории Россіи. Какъ было имъ не обратить въ эту сторону своихъ робкихъ надеждъ?

Не то чтобы относились съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ знаменитой ст. 10 акта Лиги, столь, казалось-бы, успокоительной для всѣхъ слабыхъ государствъ, ставшихъ ея членами и имѣющихъ слишкомъ могущественныхъ и жадныхъ сосѣдей: «члены Лиги обязуются уважать и отстаивать противъ всякоаго нападенія извнѣ территоріальную цѣлость и нынѣшнюю государственную независимость всѣхъ членовъ Лиги. Въ случаѣ нападенія, угрозы или опасности нападенія, Совѣтъ соображаетъ мѣры обеспечивающія исполненіе этого обязательства».

По условіямъ устройства Лиги и вслѣдствіе политическихъ взаимоотношеній въ Европѣ, статья эта, столь значительная по своему содержанію, съ самаго-же начала общала гораздо больше чѣмъ Лига могла въ дѣйствительности дать. Къ концу 1920 года это выяснилось въ достаточной мѣрѣ.

Однако, и теоретическая возможность извѣстной поддержки со стороны Лиги Наций, и принципіальная цѣнность столь обширнаго международнаго единенія, и значеніе его какъ средства пріобрѣтенія и расширенія связей, важныхъ для молодыхъ государствъ; и перспектива сотрудничества съ другими націями въ иныхъ немаловажныхъ отрасляхъ государственной жизни — привлекали къ Лигѣ государственный новообразованія, возникшія на окраинахъ Россіи. Главнымъ же непосредственнымъ мотивомъ ихъ стремленія въ члены Лиги было, конечно, желаніе упрочить этимъ путемъ международное свое положеніе, ускорить формальное признаніе своей независимости европейскими державами, привлечь къ ней вниманіе всѣхъ государствъ, всей обширной «семьи» независимыхъ націй.

Первая сессія общаго Собранія Лиги Наций представляла выдающійся интересъ по обилію и разнообразію встрѣтившихся тогда въ Женевѣ государственныхъ дѣятелей и по окружавшей ее атмосферѣ, въ которой смѣшивались восторженныя

ожиданія однихъ, благожелательный скептицизмъ другихъ и расчтливая осторожность третьихъ.

Впрочемъ, я не намѣренъ набрасывать здѣсь картины этого исторического «общаго собранія» за жизнью котораго мы, представители непризнанныхъ еще новообразованій, имѣли возможность слѣдить въ подробностяхъ. Не буду говорить и о томъ, какъ подготовлена была, путемъ переговоровъ съ секретариатомъ Лиги, постановка вопроса о Грузіи въ этой первой ея сессіи. Ограничусь изложеніемъ «внѣшней исторіи» предмета, на основаніи моего-же донесенія грузинскому правительству, отъ 20 декабря 1920 г.*).

Для разсмотрѣнія всѣхъ заявленныхъ кандидатуръ въ члены Лиги, была образована при общемъ Собраниі особая комиссія (5-ая) изъ 36 лицъ, подъ предсѣдательствомъ делегата Чили Don Aptonio Hippelius. Вопросъ о Грузіи (а также Арменіи, Азербайджанѣ, Украинѣ и Коста-Рика) былъ переданъ въ 3-ю подкомиссію, предсѣдателемъ которой былъ Фритьофъ Нансенъ, а членами: проф. Тома Іонеску (Румынія), Э. Д. Милленъ (Австралія), Э. де Паласіосъ (Іспанія), Н. Политисъ (Греція), Спалайковичъ (Югославія) и Тсанъ-Тсай-Фу (Китай).

На подкомиссію было возложено: изучить (для доклада Лигѣ) каждую кандидатуру съ точки зрѣнія слѣдующихъ вопросовъ:

а) формальная правильность ходатайства о принятіи въ Лигу;

б) правительство, возбудившее ходатайство, признано-ли *de jure* или *de facto*, и какими именно государствами;

с) является-ли кандидатъ націей съ устойчивымъ правителстvомъ и съ опредѣленными границами? Поверхность и населеніе;

*.) Меморандумъ, представленный за подписью Гегечкори и моей Лигѣ Націй въ связи съ кандидатурою Грузіи, вмѣстѣ съ дополненіями къ нему (куда вошли: основной меморандумъ грузинской делегаціи, сообщенный Парижской конференціей въ 1919 г., записка для Верховнаго Совѣта въ Спа и другіе документы) напечатанъ въ сборникѣ, изданномъ въ Лондонѣ, подъ заглавиемъ: *Documents présentés par le Gouvernement de la République de Géorgie à la première Assemblée de la S. des N. etc. Londres.* Такое-же изданіе на англійскомъ языке.

d) управляется ли государство свободно,
e) каково его отношение, согласно актамъ и декларациимъ: 1) къ своимъ международнымъ обязательствамъ и 2) къ возможнымъ постановленіямъ Лиги о вооруженіяхъ.

25-го ноября мы съ кн. М. А. Сумбатовымъ давали объясненія этой подкомиссіи. Здѣсь г. Политисъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Греціи въ правительстве Венизелоса, какъ разъ въ этомъ моментъ падавшемъ) пожаловался на нарушеніе грузинскимъ правительствомъ правъ иностранныхъ подданныхъ въ области табачной промышленности и торговли. Въ виду имѣлись при этомъ сухумскіе табаководы и купцы-греки. Особаго значенія обстоятельство это не имѣло.

Докладъ подкомиссіи оказался благопріятнымъ кандидатурѣ Грузіи. Правительство ея было признано устойчивымъ и т. д. Отмѣчено было лишь отсутствіе окончательныхъ границъ съ Азербайджаномъ и Арменіей.

Въ пленарномъ засѣданіи комиссіи (2-го декабря), несмотря на усиленія Нансена и другихъ, заключеніе, благопріятное принятію Грузіи въ Лигу, не получило большинства. По предложенію Фишера (Великобританія) рѣшено было вопросъ о Грузіи разсмотрѣть совмѣстно съ вопросомъ о другихъ государствахъ изъ состава б. Россійской Имперіи. Въ виду этого на 1-ую подкомиссію (предсѣдатель — Пулле, Бельгія) возложено было: подыскать формулу, специально подходящую къ положенію Грузіи и трехъ балтійскихъ республикъ; отсрочить пріемъ этихъ государствъ въ Лигу, но въ то же время не отталкивать ихъ и привлечь нынѣ-же къ практическому сотрудничеству съ нею.

Формула эта была принята 5-ю комиссіею въ слѣдующемъ окончательномъ видѣ:

«Комиссія рекомендуетъ Собранию сообщить правительству Грузіи:

a) что ходатайство его было разсмотрѣно благожелательно (*avec faveur — with sympathy*), но что обстоятельства (*sic*) не позволяютъ еще Собранию вынести окончательное постановленіе;

b) что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ рѣшеній Собрания, государство это можетъ участвовать въ техническихъ организаціяхъ Лиги общаго значенія.

Таковы основные пункты заключенія внесенного на обсужденіе Ассамблей.

Вопросъ о балтійскихъ государствахъ и Грузіи разсматривался ю въ вечернемъ засѣданіи 16-го декабря 1920 года. Утромъ того-же дня принятіе Арменіи было отвергнуто 21 голосами противъ 8 (послѣ того какъ приняты были Австрія, Болгарія, Коста-Рика, Финляндія и Люксембургъ).

Пренія, предшествовавшія баллотировкѣ четырехъ кандидатовъ — бывшихъ окраинъ Россіи — были очень горячі. Делегатъ Колумбіи *Рестрепо* оспаривалъ заключеніе комиссіи. «Государства эти, заявилъ онъ, удовлетворяютъ *всемъ требованіямъ*, предъявляемымъ къ новымъ членамъ; сама комиссія признаетъ это! Она ссылается на какія-то «обстоятельства», мѣшающія принять этихъ кандидатовъ. Но договоръ Лиги не допускаетъ непринятія изъ-за «обстоятельствъ». Непринятіе будетъ доказательствомъ слабости Лиги!».

Португалецъ *Шагасъ* требовалъ принятія и предоставленія затѣмъ каждой державѣ свободы признанія новыхъ членовъ независимыми *de jure*.

Делегатъ Персіи *Зока-ед-дауле* горячо отстаиваетъ принятіе, особенно остановливаясь на Грузіи.

По словамъ *Падеревскаго*, симпатіи Польши, конечно, въ пользу принятія этихъ кандидатовъ, но... Польша знаетъ, кому она обязана своею независимостью; она видитъ, что принятіе ихъ признается пока *прежде времененнымъ*. Поэтому, Польша вынуждена воздержаться отъ голосованія.

Въ томъ же смыслѣ высказывается делегатъ Румыніи профессоръ *Іонеску*.

Вивіани (Франція) прямо указалъ на неудобство частичнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ Россіей (!) и на затруднительность для Лиги обеспечить отъ нападеній территоріи новыхъ членовъ, согласно ст. 10 договора Лиги.*)

*) Вотъ подлинныя слова *Вивіани*: «есть въ договорѣ Лиги одна статья, о которой много говорятъ, и которая именуется ст. 10. Статья эта возлагаетъ на насть обязанность являться на помощь тѣмъ изъ нашихъ сочленовъ, кто окажется въ опасности — согласно формуламъ ст. 10 — лишь только мы о томъ освѣдомимся. И такъ какъ мы не любимъ говорить народамъ лжи, и худшая политика заключается въ томъ, чтобы поддерживать обманы въ сознаніи народовъ, чтобы внушать людямъ вѣру въ то, что имъ помогутъ, въ то время какъ имъ не помогутъ — то тѣ, кто думаютъ, что не въ состояніи нести свою помощь на край Европы, Голосовали, какъ голосовала Франція, и какъ я теперь буду голосовать — за проектъ комиссіи, т. е. за допущеніе (этихъ государствъ лишь) въ техническія организаціи». Изъ отчета 27-го пленарного засѣданія первого собранія Лиги Націй.

Брантингъ (Швеція) имѣлъ въ виду тѣ же трудности, когда онъ, высказывая глубокія симпатіи балтійскимъ государствамъ, все-же предлагалъ отложить до слѣдующаго Собрания (въ 1921 г.) ихъ принятіе.

При послѣдовавшей затѣмъ баллотировкѣ вопросъ о Грузіи, по предложенію Р. Сесиля (Южная Африка) и Нансена (Норвегія) былъ выдѣленъ.*)

За принятіе Эстоніи, Латвіи и Литвы было подано по пяти голосовъ. Противъ — 27, 24, 24. Государства эти не были приняты въ Лигу.

Послѣ этого, за допущеніе Грузіи очень горячо говорилъ Нансенъ, указавшій всю важность — не для Грузіи только, но и для Лиги — того, чтобы Грузія была поддержана. Рѣчь эта произнесена была съ большою силою, по англійски. Вслѣдъ за Нансеномъ, въ поддержку той-же мысли, выступилъ лордъ Робертъ Сесиль, обратившій особое вниманіе Собрания на важность принятія Грузіи въ Лигу съ точки зренія обязательствъ, взятыхъ на себя Лигою по отношенію къ Армніи.**)

Немедленно послѣ этихъ двухъ рѣчей слова потребовалъ Фишеръ (Великобританія), заявившій что утвержденія Нансена и Сесиля совершенно правильны, но что трудность защищать Грузіи (отъ нападенія извнѣ) остается трудностью; что соображенія Бивіани не были поколеблены, что нѣть основанія оказывать Грузіи преимущество передъ балтійскими государствами; что не слѣдуетъ увлекаться чувствами, а разсуждать какъ подобаетъ отвѣтственнымъ государственнымъ людямъ и т. д.***)

*) Съ первымъ мы имѣли случай подробно бесѣдоватъ о кавказскихъ дѣлахъ еще въ декабрѣ 1918 г. Что касается Нансена, то намъ съ М. Сумбатовымъ не трудно было привлечь къ дѣлу Грузіи симпатіи этого благороднаго дѣятеля, энергичнаго поборника человѣчности, на славу своей странѣ и къ благу всѣхъ.

**) Лига Наций какъ разъ въ это время искала способовъ посредничества между Армніей и Мустафа-Кемалемъ, войска котораго заняли Карсъ и Александрополь.

***) Приведу лишь слѣдующія слова изъ этой рѣчи англійского министра народ. просв.: «Я серьезно прошу delegatovъ этого Собрания, которымъ предстоитъ серьезное голосованіе, подумать, готовы-ли они дѣйствительно рекомендовать своимъ правительствамъ, по принадлежности, отправленіе материальной помощи этому храброму маленькому государству на окраинахъ Россіи, если часть нужды наступить для него». Въ противоположность лорду Р. Сесилю и Нансену, не видѣвшимъ для Лиги особаго риска отъ приема Грузіи, Фишеръ находилъ, что надлежитъ

При напряженномъ вниманіи всего зала, при переполненныхъ трибунахъ началось голосование. Всего голосовало: 24 государства. Требовалось для избрания 2/3, т. е. 16 голосовъ.

Подано было голосовъ за принятіе — 10, противъ — 13. Такимъ образомъ, Грузія не была избрана членомъ Лиги.*)

Въ этомъ не было ничего неожиданного — въ виду положенія, занятаго Франціей и Англіей; особенно послѣдней (что вытекало неизбѣжно изъ поворота ея политики послѣ С. Ремо, съ торжествомъ Л. Джорджа надъ Керзономъ).

Какъ объяснялъ мнѣ и Сумбатову делегатъ Кубы Агуэро, игравшій большую роль въ подготовкѣ всѣхъ вообще голосованій: «средне — и южно американскія республики могли-бы, конечно, массою своихъ голосовъ, добиться принятія въ Лигу Грузіи и балтійскихъ республикъ, какъ того требуетъ справедливость! Но вы отлично знаете, что не справедливость рѣшає эти дѣла! Американскимъ республикамъ неудобно оказываться въ противорѣчіи съ великими державами Европы по вопросу, болѣе важному для этой именно части свѣта. Пусть Англія и Франція, пусть одна Англія дасть вамъ свой голосъ: мы какъ одинъ человѣкъ, присоединимся къ ней».

Отрицательный результатъ баллотировки искренне огорчилъ всѣхъ, считавшихъ что женевская «ассамблія» націй открываетъ въ жизни народовъ новую главу. Такихъ было много среди представителей печати (особенно, англосаксонскихъ и нейтральныхъ странъ) и среди многочисленныхъ, въ кулуарахъ Собрания, сторонниковъ добропорядочности въ международныхъ отношеніяхъ.

считаться съ опасностью ея положенія. Что же касается лестныхъ для Грузіи выражений Фишера (*this gallant small State*) и Нансена (*a splendid small nation*), совпадающихъ со словами Кюльмана, приведенными на стр. 90, то репутація эта на дѣлѣ (т. е. въ началѣ 1921 г.) не была оправдана. Многое, впрочемъ, можно было-бы сказать о томъ, кѣмъ и какъ эта репутація создавалась, и кѣмъ ей нанесены удары. См. впрочемъ предисловіе.

*) Голосовали за принятіе Грузіи десять государствъ: Ю. Африка, Боливія, Колумбія, Италія, Норвегія, Парагвай, Персія, Португалія, Швейцарія и Чили. Голосовали противъ тринацать державъ: Австралія, Канада, Куба, Великобританія, Испанія, Франція, Греція, Индія, Новая Зеландія, Нидерланды, Югославія, Чехо-Словакія, Данія. Воздержалось и отсутствовало 18 государствъ; въ числѣ воздержавшихся: Бельгія, Польша, Румынія, Швеція.

Съ другой стороны, благодаря особому вниманию, какое вызвалъ вопросъ о Грузіи въ Собраниі делегатовъ 40 государствъ, за которымъ слѣдила печать всего міра многое было достигнуто въ смыслѣ пропаганды идеи независимости Грузіи. Кандидатура Грузіи въ Лигѣ Націй оказалась хорошимъ средствомъ введенія этой идеи, для большинства совершенно новой, въ политической кругозорѣ государственныхъ дѣятелей всего міра.*)

Однако, политическая мораль этой исторіи выводилась безъ всякихъ затрудненій: она, впрочемъ, прямо подсказывалась державами, господствовавшими въ женевскомъ собраніи, и сводилась къ тому, что въ случаѣ нападенія на Грузію извѣнть, ни Лига Націй, ни державы, дѣйствующія подъ ея маскою, не могутъ и не будуть ее защищать. Такъ заявила Франція, такъ заявила Англія: голосъ ихъ звучалъ убѣдительнѣе, чѣмъ призывъ представителей Норвегіи и Южной Африки.

88.

Для того, чтобы выводъ этотъ былъ особенно нагляденъ, и чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, безымянный режиссеръ всемірной исторіи устроилъ такъ, что съ засѣданіемъ первого общаго собранія Лиги Націй совпали самые тяжелые удары дѣлу независимости Армении. Войска Мустафы-Кемаля заняли Карсъ и Александрополь въ началѣ ноября 1920 г. Эриванское правительство «революціонной федераціи дашнакцутюнъ», чьимъ представителемъ подписанъ былъ Севрскій договоръ, пало; на его мѣстѣ возникло совѣтское правительство Армении, и московская власть съ энергией принялась за дѣло его примиренія съ турками, т. е. за то, чѣмъ желала заняться какъ разъ Лига Націй. Въ самомъ дѣлѣ, 22 ноября Общее Собрание, по предложенію *Вивіани*, поручило Совѣту Лиги вступить въ переговоры съ правительствами относитель-

*) Согласно принятой тогда-же т. е. 16 декабря резолюціи, Грузія и балтійскія республики получили возможность немедленнаго участія въ практическихъ организаціяхъ Лиги (каковы конференціи и комитеты: по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, по вопросамъ международной санитаріи и гигиіи; соображеній и транзита; бюро труда) — на общихъ основаніяхъ съ государствами — членами Лиги.

но возложенія на какую-либо державу посредничества, необходимаго для прекращенія военныхъ дѣйствій между Арменией и кемалистами.

Сознательно направленный въ этотъ тупикъ, филантропической порывъ Лиги оказался, конечно, безплоднымъ. А обращеніе ея ко всѣмъ правительствамъ и отвѣтные недоумѣнныи вопросы однікъ, напр. Австраліи о томъ, чего собственно отъ нея требуютъ, и какъ ей спасать Армению — или объщеніе «моральной поддержки» со стороны Сальвадора и Гондураса вносило элементъ комизма въ совершенно трагическое положеніе.

1-го декабря Совѣтъ Лиги получилъ отъ президента Вильсона телеграфное сообщеніе о невозможности, въ виду отсутствія разрѣшенія Конгресса, для С. Штатовъ оказанія помощи Армени войсками или материальными средствами. Вильсонъ предлагалъ лишь свое личное посредничество — черезъ назначенаго имъ представителя — для прекращенія военныхъ дѣйствій противъ армянъ, при условіи дипломатической и моральной поддержки великихъ державъ и указаній со стороны Совѣта Лиги относительно того, какими путями и кому должны быть адресованы его примирительные предложения. Одновременно поступили предложения добрыхъ услугъ отъ Испаніи и Бразиліи. Безнадежность этой переписки и этой процедуры ни въ комъ не вызывала сомнѣній.*)

Были, конечно, въ Женевѣ люди, серьезно желавшіе помочь Армени. Р. Сесиль считался ихъ вожакомъ. Нансенъ пытался даже поставить въ Общемъ Собрании вопросъ о посыпкѣ военной экспедиціи. Понацобилось-бы, по его словамъ, какихъ-либо 60.000 человѣкъ и столько-то фунт. стерлинговъ! Мысль эта не получила развитія; и специально избранная, по предложенію Р. Сесиля и бельгійскаго сенатора Лафонтена,

*) Въ журналѣ-дневнике первого Общаго Собрания и въ напечатанныхъ для послѣдняго документахъ можно найти всѣ телеграммы и материалы относящіеся къ исторіи плачевныхъ стараній Лиги Націй прийти на помощь Армении.

См. въ частности, Soc. des Nat. Situation en Arménie. Tel. reçus et envoyés par le Conseil. Кроме упомянутаго Journal de la première Assemblée de la S. d. N. (всего 36 N N) имѣются стенографические отчеты засѣданій.

комиссія*) не была въ состояніи указать практическаго пути для вмѣшательства въ распрю, въ которой теперь и Совѣтская Россія занимала особое положеніе.

Въ одной изъ нашихъ бѣсѣдъ съ Нансеномъ рѣчъ зашла о возможномъ отношеніи грузинскаго правительства къ вопросу о помощи Арmenіи, если таковая будетъ ей оказана. А 26-го ноября секретарь «комиссіи шести» по дѣлу Арmenіи, Луиджи Виллари (извѣстный итальянскій журналистъ) возвѣстилъ намъ на слѣдующій день визитъ англійскаго генерала сэра Фредерика Мориса**), «желающаго поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ Закавказью». Генералъ пришелъ къ намъ въ Gd Hôtel de la Paix, въ сопровожденіи Виллари, и спросилъ, отъ имени лорда Роберта Сесиля: дасть-ли грузинское правительство Лигѣ Націй возможность оказать Арmenіи помощь изъ Грузіи? будетъ-ли, такъ сказать, открыта для этой работы дверь въ Грузію?

Отвѣтъ мой гласилъ, что грузинское правительство всегда, насколько могло, приходило на помощь армянамъ въ ихъ несчастіяхъ; что и въ настоящее время Лига Націй можетъ быть увѣрена въполномъ содѣйствіи Грузіи всему, что касается гуманитарной помощи со стороны Лиги страждущему армянскому населенію (продовольствіе, бѣженцы, сироты, медицинская помощь и т. д.). Если-же рѣчъ пойдетъ о помощи *военной*, хотя-бы замаскированной, тогда Грузія должна обсудить вопросъ съ точки зренія своего положенія, какъ страны нейтральной по отношенію къ туркамъ и русскимъ.

«Что если Лига Націй обеспечить вамъ безопасность Батума отъ нападенія «кемалистовъ»? спросилъ генераль.

«Это было-бы превосходно. Но дѣло не въ одномъ Батумѣ — вопросъ сложнѣе и обширнѣе.»

*) Въ засѣданіи 22 ноября Общее Собрание Лиги приняло одновременно предложеніе г. Вивіани о возложении на Совѣтъ Лиги заботы по пріисканію державы-посредницы между Арmenіей и «кемалистами» (см. выше въ текстѣ) — и соединенное предложеніе лорда Р. Сесиля и Лафонтена объ избраніи комиссіи изъ 6 членовъ для доклада Общему Собранию о «мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для прекращенія враждебныхъ дѣйствій между Арmenіей и кемалистами». Задача этой «комиссіи шести» была слѣдовательно гораздо шире чѣмъ порученіе, возложенное на Совѣтъ. Въ составъ комиссіи вошли: лордъ Робертъ Сесиль, Нансенъ, бельгійскій сенаторъ Лафонтенъ, аргентинскій министръ Перредонъ (Риеггедон), итальянскій министръ Шанцерь и Р. Вивіани.

**) Подвизающагося и въ печати.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ сэръ Ф. Морисъ замѣтилъ, что помощь Лигѣ въ этомъ дѣлѣ облегчить Грузіи пріемъ въ составъ.

Я отвѣтилъ, что свой долгъ (въ предѣлахъ совмѣстныхъ съ безопасностью для страны) по отношенію къ страждущему сосѣду Грузія всегда выполнить, независимо отъ того, примутъ ли ее въ Лигу или нѣтъ.

Не имѣя, впрочемъ, полномочія говорить по такимъ вопросамъ, я высказалъ въ заключеніе генералу, что лучше всего они могутъ быть разрѣшены въ Лондонѣ — гдѣ какъ разъ въ эти дни происходила очередная конференція «великихъ союзниковъ», и гдѣ находился также министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори.

Какъ видно изъ этого курьезнаго разговора комиссія, избранная ассамблеей для заботы объ Арmenіи, надѣялась еще на возможность организаціи вооруженной помощи послѣдней, быть можетъ даже въ «гарибальдійскомъ» духѣ. Но безъ трехъ великихъ державъ, совѣщавшихся въ Лондонѣ, и безъ С. Штатовъ (отвѣтъ ихъ 1-го декабря равнялся отказу) Лига была бессильна; она оказалась бессильной, такъ какъ державы признали невозможнымъ вмѣшательство въ пользу Арmenіи; въ частности постановлено было отказать Арmenіи и въ пріемѣ въ члены Лиги, что было равносильно отказу въ моральной поддержкѣ и очень поразило многочисленныхъ въ Европѣ друзей Арmenіи.

По этому поводу припоминаю еще посѣщеніе, 4-го декабря, бельгійского делегата, предсѣдателя «комиссіи щести», — сенатора-соціалиста Лафонтена. Онъ взволнованно заявилъ: «армянскіе делегаты сообщили мнѣ, что грузинскія войска заняли нейтральную полосу въ Борчалинскомъ уѣздѣ и вторглись даже въ коренную Арmenію. Я — вашъ другъ, но если это — фактъ, мнѣ придется выступить противъ допущенія Грузіи въ Лигу!». Имѣя недостаточно ясное сообщеніе о занятіи грузинскими правительствомъ нейтральной полосы по соглашенію съ Арmenіей (т. е. съ ея павшимъ уже правительствомъ) я старался успокоить почтеннаго сенатора, какъ только могъ.* Вопросъ о допущеніи въ Лигу Арmenіи представлялся ему не возбуждающимъ сомнѣній. Узнавъ же отъ меня, что Франція и Англія вопросъ этотъ разрѣшаютъ от-

* Самой же этой новой «борчалинской исторіи» можно здѣсь и искаститься.

рицательно, Лафонтенъ пришелъ въ такое волненіе, что совершенно забылъ о захватѣ грузинскими войсками армянской территории: онъ негодовалъ на великія державы.

А державы эти оказались, правду сказать, въ положеніи мало соотвѣтствующемъ ихъ «великости». Главный британскій делегатъ Бальфуръ въ своей рѣчи 22-го ноября громогласно объявилъ Мустафу-Кемалю «воjakомъ организованной банды разбойниковъ» и находилъ, что «какое-ужъ туть посредничество». Словомъ, Англія вся эта исторія теперь какъ бы вовсе не касалась, Франція-же и Италія не имѣли и тѣни желанія отстаивать Севрскій договоръ, особенно въ «армянской» его части: наоборотъ.

Президентъ Вильсонъ какъ разъ теперь — 22 ноября 1920 г. — начерталъ армянотурецкую границу — въ вилайетахъ Трапезунда, Эрзрума, Битлиса и Вана; но это былъ его личный вкладъ въ политическую географію Ближняго Востока! На самомъ дѣлѣ турки сидѣли въ Карсѣ и Александрополѣ; армянскій вопросъ перемѣстился теперь въ б. русскую Арmenію, и вмѣшательство Россіи въ армянотурецкую распрю получало практическое значеніе не только въ виду наличности русскихъ войскъ по сосѣдству, въ Азербайджанѣ, но также въ виду созданныхъ политикой Севрскаго трактата симпатій между Москвою и Ангорою и оживившихся одновременно армянскихъ расчетовъ на русскую поддержку.

Итакъ, спустя ровно два года послѣ капитуляціи въ Мудросѣ, турки вернулись въ Карсъ: полное торжество Брест-Литовска надъ Севромъ!

Посредническая задача, взятая на себя Россіей — о чёмъ Чичеринъ телеграфировалъ Красину въ Лондонъ (11 ноября) — какъ разъ въ то время, когда великія державы не знали, какъ имъ быть съ Арmenіей, принесла, навѣрное, инымъ изъ этихъ державъ чувство облегченія, къ которому, быть можетъ, примѣшивалась и надежда на неминуемое будто-бы столкновеніе — хотя-бы изъ-за Карса — «совѣтскаго имперіализма» съ «национализмомъ» Мустафы-Кемаля, къ вящшей выгодѣ Севрской программы. Такая надежда не оправдалась. Но военные дѣйствія между Турцией и Арmenіей дѣйствительно прекратились (турки взяли все, на что претендовали). Эриванская-же республика вернулась въ русское политическое русло, на этотъ разъ подъ знакъ «серпа и молота». Надежда на русскую помощь оказалась столько-же тщетной, какъ

увѣренность въ исполненіи американскихъ и англо-французскихъ обѣщаній.

Таково было неизбѣжное послѣдствіе политического азарта, которымъ диктовались территоріальные требованія Армении, несоответствія поставленныхъ ею задачъ собственнымъ силамъ и фатальной ослѣпленности въ оцѣнкѣ событій и обстановки.

ГЛАВА XXXIV. ПРИЗНАНИЕ ГРУЗИИ DE JURE.

89.

Къ началу 1921 года вопросъ о формальномъ признаніи независимости б. русскихъ окраинъ, ставшихъ самостоятельными республиками — т. е. Эстоніи, Латвіи, Литвы и Грузіи, оказался достаточно созрѣвшимъ, не только въ виду устойчивости и успѣшной дѣятельности правительствъ, возникшихъ въ этихъ странахъ, но и вслѣдствіе крушения надежды на близкій конецъ совѣтскаго строя въ Россіи и на побѣду здѣсь силь, способныхъ «потребовать» обратно эти окраины, свое законное, якобы, добро.

Правительство С. Штатовъ еще раздѣляло точку зрења о необходимости огражденія нераздѣльности Россіи съ прежней прямолинейностью. Въ нотѣ, вызвавшей много толковъ и заключавшей отвѣтъ на вопросъ, поставленный американскимъ посломъ въ Римѣ (августъ 1920 г.), государственный секретарь Бэнбриджъ Колби говорилъ о необходимости, изъ чувствъ дружбы и чести, отсрочки всѣхъ рѣшеній, могущихъ имѣть для Россіи жизненное значеніе, въ частности, всего, относящагося къ территоріальному суверенитету б. россійской имперіи. Вотъ почему, по словамъ ноты, американское правительство упорно отказывается признать балтійскія государства особыми независимыми отъ Россіи націями. Исключение допускается американскимъ правительствомъ лишь въ пользу Финляндіи, этнографической Польши и Арменіи.*)

*) Въ американской нотѣ не безъ пренебреженія упоминаются «такъ называемыя республики Грузія и Азербайджанъ». По этому поводу, грузинская делегація въ меморандумѣ, представленномъ правительствамъ великихъ державъ, объясняла, что «правительство Грузіи получило свою власть изъ рукъ представительнаго Собрания, регулярно избранного всеобщимъ голосованіемъ всего населенія; всѣ публичныя свободы, въ томъ числѣ свобода

Заговоривъ объ «исключеніяхъ», американское правительство, конечно, колебало свою точку зрѣнія. Но вообще взглянь это отставалъ отъ развитія международной политики Европы и въ устахъ правительства президента Вильсона, приближавшагося къ окончанію своихъ полномочій, не имѣлъ уже былого авторитета.

Разграничение Польши и Россіи пошло вовсе не по этнической межѣ. Это новая граница — граница Рижского мира — пріобрѣтала большое значеніе какъ черта, отдѣляющая сферу Советской диктатуры и классового террора отъ странъ, прѣмлюющихъ частную собственность и представительный строй. На лѣвомъ флангѣ этой границы, группа балтійскихъ государствъ получала огромное значеніе; ее нельзя было оставлять въ неопределенномъ положеніи, хотя бы ради устойчивости вышеупомянутой черты, не говоря уже объ интересахъ связанныхъ въ германизованной нѣкогда Балтикѣ съ исполненіемъ Версальского договора, или морскихъ интересахъ въ Балтійскомъ морѣ. Вмѣстѣ съ предстоявшимъ позже (въ 1923 г.) признаніемъ власти Румыніи въ Бессарабіи — на правомъ флангѣ все той же черты, здѣсь создавался одинъ изъ немногихъ «архитектурныхъ ансамблей» новой Европы, представляющихъ известное единство мысли — и цѣнность, устойчивость которого будетъ зависѣть отъ того, чего вообще эта «новая Европа» будетъ стоить.

Съ другой стороны, ожидавшееся въ началѣ 1921 г. подписаніе русско-англійского соглашенія, побуждало торопиться съ заблаговременнымъ признаніемъ новыхъ республикъ, выдержавшихъ всѣ бури 1917-1921 г.г.

Рядомъ съ молодыми балтійскими государствами своеобразно было положеніе Грузіи. И она являлась частью возможнаго кавказскаго «ансамбля», призванного прикрывать Анатолію и Персію отъ вихрей «сарматской равнинны». Благо-

печати, обезпечены въ Грузіи; правосудіе, мѣстное самоуправление и привилегіи національныхъ меньшинствъ устроены тамъ на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ. Словомъ все, отсутствие чего ставится въ упрекъ русскому режиму Советовъ полностью осуществлено въ учрежденіяхъ Грузіи. Вездѣ въ обоихъ полушаріяхъ форма правительства и государственная система, практикуемая въ Грузіи, признаются *республиканскими*. См. сборникъ документовъ о Грузіи, представленный Лигѣ Наций въ 1920 г. *Documents etc. p. 50.*

даря нестройности большого европейского концерта, и не-налаженности концерта специально кавказского, казавшееся одно время возможнымъ, построение не осуществилось. Трудностей было много; для преодолѣнія ихъ мѣстныхъ энергій оказалось недостаточно; а «Верховный Совѣтъ союзныхъ державъ» не имѣлъ ни силъ, ни желанія созидать что-либо, или серьезно помогать такому созиданію — восточнѣе опредѣленного меридіана.

Изъ кавказскихъ республикъ, одна Грузія дотянула до дня признанія *de jure*. Горская республика не была признана и фактически. Азербайджанъ и Армения, пріобщившись къ благамъ коммунизма, помазанные совѣтскимъ елеемъ, выбыли въ 1920 году изъ строя — съ точки зрења Европы.

Грузіи, формально признанной совѣтскимъ русскимъ правительствомъ (по договору 7-го мая 1920 г.) и только что (16 ноября), заключившей съ Россіей и Азербайджаномъ договоръ о транзитѣ, открывавший послѣднимъ возможность свободной торговли въ Батумѣ, казалось, ничего не могло угрожать. Въ Женевѣ всѣ сторонники принятія Грузіи въ Лигу ссылались именно на договоръ 7-го мая и на признаніе Московскимъ правительствомъ независимости Грузіи, какъ на сильный договоръ въ пользу принятія послѣдней. Болѣе умудренные, сомнительно покачивали головой («а что, если все же нападутъ?»).

Вообще-же, необходимость скорѣйшаго признанія *de jure* четырехъ республикъ всѣми признавалась въ Женевѣ, что, въ свою очередь, содѣйствовало ускоренію этого признания.

Оно и состоялось, на очередной конференціи великихъ державъ, въ Парижѣ, 26-го января 1921 г. Эстонія и Латвія были признаны независимыми *de jure* безоговорочно. Рѣшеніе вопроса о Литвѣ (въ принципѣ — положительное) было отложено впредь до разрѣшенія Лигой Наций вопроса о Вильнѣ. Что касается Грузіи, «конференція, по словамъ официального сообщенія (появившагося въ газетахъ 27-го января) отнеслась вполнѣ благопріятно къ юридическому признанію Грузіи, если послѣдняя возбудить о томъ формально просьбу. Мнѣніе ея представителя въ Парижѣ будетъ немедленно запрошено по этому поводу».

«Если Грузія формально попросить»... Эта фраза (наивная, по замѣчанію газ. *Times*) наводила на размышенія. Вѣдь въ 1919-20 г.г. возбужденіе и повтореніе ходатайствъ о признаніи *de jure* было главнымъ занятіемъ парижской нашей делегаціи. Въ концѣ 1920 года Гегечкори продолжалъ эту работу.

27 января я нашелъ его въ помѣщеніи грузинской миссіи въ такомъ же недоумѣніи, какое испытывалъ самъ. Смутно чувствовалось, что за формальнымъ признаніемъ скрывается какая-то опасность для Грузіи — по крайней мѣрѣ въ глазахъ того или тѣхъ, чья мысль отражалась въ сообщеніи конференціи. Однако, надо было торопиться съ рѣшеніемъ вопроса: возбуждать или не возбуждать такую «формальную просьбу»? Колебаніямъ, конечно, не могло быть мѣста: непризнаніе или отсрочка признанія, никакъ не устранила-бы опасности, а формальное признаніе независимости было-бы для Грузіи, во всякомъ случаѣ, цѣннымъ достиженіемъ. Гегечкори немедленно отправилъ Верховному Совѣту «формальную просьбу», и юридическое признаніе независимости Грузіи великими державами состоялось въ тотъ-же день, т. е. 27 января 1921 г. (14 января с. с., день равноапостольной св. Нины, национальный праздникъ христіанской Грузіи), о чёмъ Гегечкори получилъ извѣщеніе за подписью предсѣдателя конференціи Аристида Бріана.

Когда, въ началѣ 1920 г., три кавказскія республики были признаны независимыми *de facto*, по предложенію лорда Керзона, съ признаніемъ этимъ связывался опредѣленный политический планъ, по разнымъ причинамъ, подробно изложенными выше, неосуществившійся. Теперь, въ моментъ формального завершенія дѣла о признаніи грузинской независимости, Ллойдъ Джорджъ (вышеизложенная оговорка: если и т. д. — рекомендована была конференціей англійскимъ премьеромъ) съ особой заботливостью готовить позицію, при которой въ случаѣ чего-либо, что онъ, очевидно, считаетъ возможнымъ, или чего онъ ожидаетъ — Грузіи можно сказать: *vous l'avez voulu, George Dandin!*

Существуетъ версія, точность которой трудно проверить, но которая освѣщаетъ и то, что упомянуто выше, и то, что произошло позже. Во время переговоровъ Красина въ Лондонѣ, ему дано было понять, что бакинская нефть — главный

товаръ, выложенный имъ на прилавокъ — безъ полнаго расположения закавказскимъ нефтепроводомъ и Батумомъ сильно обезцѣняется. Одновременно — въ противорѣчіе съ прежней политикой (лорда Керзона), но въ соотвѣтствіи съ возобладавшими политическими видами Ллойдъ Джорджа, Англія начала склоняться къ признанію своей политической не-заинтересованности въ республикахъ Закавказья. Умозаключеніе — о необходимости «исправленія» товара — сдѣлать было не трудно. За умозаключеніемъ послѣдовало и дѣйствіе, къ которому имѣлись, конечно, и другія побужденія, всѣмъ извѣстныя.

Однако, признаніемъ *de jure* увѣнчивалась и формально завершалась работа по созданію независимой Грузіи и по защитѣ ея интересовъ въ Европѣ.

90.

Грузинское правительство, получивъ, послѣ признанія, возможность устройства регулярнаго дипломатического представительства въ центрахъ Европы, поспѣшило назначить посланникомъ своимъ при главнѣйшихъ кабинетахъ Акакія Чхенкели, который къ серединѣ февраля 1921 г. былъ въ Парижѣ, а 20-го числа возлагалъ уже, съ колѣнопреклонениемъ, вѣнокъ на могилу «Неизвѣстнаго солдата» подъ триумфальной аркой..

Въ это время стали доходить телеграммы о начавшихся столкновеніяхъ съ красными отрядами, особенно на южной границѣ Грузіи. Въ послѣдніе мѣсяцы 1920 г. и позже неоднократно появлялись извѣстія о паденіи Батума, Тифлиса и т. д. — то были какъ-бы тѣни, бросаемыя впередъ близившимися уже событиями. На этотъ разъ — 20-го, 21-го февраля рѣчь шла о точныхъ фактахъ. Нѣсколько позже поступило извѣстіе о грузинскомъ успѣхѣ у Тифлиса, и, почти одновременно, — о рѣшеніи турокъ занять Артвинъ и Ардаганъ. Это было «тактическое» окруженіе Грузіи послѣ политического изолированія и подготовки изнутри.

25-го февраля 1921 года, грузинскій посланникъ, въ сопровожденіи церемоніймейстера, направился торжественно, въ парадномъ экипажѣ Елисейского дворца, эскортируемый

кавалерію, изъ помѣщенія грузинской миссіи къ резиденції президента французской республики, для врученія г. Милье-рану вѣрительныхъ грамотъ.

Я смотрѣлъ, изъ толпы передъ посольствомъ, на это обычное для Парижа и столь значительное для Грузіи зрѣлище: произносилъ мысленно свое «нынѣ отпушаешъ».. ; припоминаль — какъ двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ, посланецъ царя Вахтанга VI, князь Саба-Сулханъ Орбеліани былъ принять Людовикомъ XIV въ Версальскомъ дворцѣ и просилъ помощи для Грузіи*). Его старанія не имѣли послѣдствій: король солнце («солнце» уже почти закатившееся) былъ совершенно безсиленъ что-либо сдѣлать.

Въ тотъ-же день, 25 февраля 1921 г., совѣтскія войска вступили въ Тифлісъ, имѣя впереди одного изъ комиссаровъ-грузинъ на бѣломъ конѣ и съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ, незримо, ѿхалъ на ободранной клячѣ скелетъ въ лохмотьяхъ, съ косою разрушенія въ костлявыхъ пальцахъ.

Правительство Грузинской демократіи бѣжало въ Европу, — закончивъ національную катастрофу трехлѣтнюю свою дѣятельность въ странѣ, все ему вѣрившей и довѣрившей.

Но минуетъ память о лицахъ; пепломъ забвенія покроются ихъ ошибки.. Уже, окропленная живою водою, воскресла старая Грузія, и вновь ее умертвить можетъ лишь малодушіе собственныхъ ея дѣтей.

конецъ

*.) Это было въ маѣ 1714 года. «Комплементъ», произнесенный Орбеліани, напечатанъ въ *Nouveau Journal Asiatique*. Т. IX. Р. 1832. Тамъ-же другія данныя о его миссіи. Саба-Сулханъ — известный грузинский писатель и лексикографъ, умеръ въ Москвѣ. Превратности разныхъ «оріентаций» заставили многихъ грузинъ того времени искать убѣжища въ Россіи: теперь имъ приходится искать убѣжища отъ Россіи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

| | |
|---|----------------------------------|
| А б а ш и д з е Кита | 7 |
| А б д у л ъ - А з и съ султанъ | 137 |
| А б х а з и кн. Константинъ | 238 |
| А в г у с т ъ | VII |
| А г у э р о | 300 |
| А л е к с ъ е в ъ ген. | 196-7 |
| А л л е н б и ген. | 122 |
| А н д е р съ конс. | 63 |
| А н д р і у л л и Д. | 223 |
| А н д р о н и к о въ кн. И. М. | 35 |
| А р на в о н ъ | 179 |
| А х м е т е л и Ладо | 71 |
| А г а р о н я н ъ Аветисъ ... 134, 141, 213, 232, 254, 263, 265 сл. 275-6, 291 | |
| Б а л ь ф у р ъ А. | 159, 247, 305 |
| Б а м м а тъ Гайдаръ-бей | 40-1, 134, 137 |
| Б а п с тъ Эдмондъ | 117, 119 |
| Б а р а т о въ Н. ген. | 200 |
| Б и т т и адм. | 244-5 |
| Б р а н т и н гъ | 299 |
| Б р і а нъ Аристидъ | 310 |
| Б у ш е ф. | 84-5 |
| В а и н д е р в е л ь д е Э. | 292 |
| В а н с и т а р тъ Робертъ ... 244, 254, 256, 265 сл. 272-5 | |
| В а р а н д я нъ Микаэль | 212-214 |
| В а х т а н гъ VI царь | 312 |
| В е з е н д о н къ Отто ф. | 38, 59, 70, 72, 80 |
| В е х и бъ - паша | (37, 40, 50, 60, 63-4, 84, 94-5) |
| В и в і а н и Ренэ | 298-9, 301, 303 |
| В и л л а р и Луиджи | 303 |
| В и л ь г е л ь мъ II | 77-79, 135, 144 |
| В и л ь с о нъ през. ... 170, 181, 205, 208, 226, 228, 232, 302, 305, 308 | |
| В и л ь с о нъ сэръ Генри | 243-5 |
| В о л ь фъ Теодоръ | 88 |
| В р а н г е л ь ген. | 281, 293 |

| | |
|-----------------------------|--|
| Габба полк. | 222-3 |
| Гаджибековъ Джейхунъ | 234 |
| Гаджинскій Магометь-Гассанъ | 34, 39, 51, 54, 59, 234 |
| Гамбашидзе Вахтангъ | 63, 94 |
| Гамбашидзе Давидъ | 159, 161, 163, 177, 183, 229, 289 |
| Ганъ К. О. | 83 |
| Гарденъ Максимилианъ | 88 |
| Гвазава Георгий | 85, 92, 133, 145 |
| Гварджаладзе Константинъ | 177, 277 |
| Гегечкори Евгений | 27, 33, 85-6, 153, 164, 198, 210 237, 240, 249, 291, 293, 296, 304, 310 |
| Геллать д-ръ | 6 |
| Геловани Варламъ | 6 |
| Гендерсонъ А. | 213-214 |
| Гепнертъ д-ръ | 77, 80, 84-5, 124, 154 |
| Гепнертъ д-ръ старший | 107 |
| Гертлингъ графъ ф. | 7 |
| Гертлингъ графъ ф. | 79 |
| Гинденбургъ - фонъ | 79, 128 |
| Гинце фонъ | 111, 119 |
| Глазбергъ Н.Б. | 13 |
| Глазенаппъ фонъ | 83 |
| Гобечіа Йосифъ | 276-7 |
| Гогичайшвили Филиппъ | 285, 291 |
| Гоголашвили Йосифъ | 64 |
| Головинъ Ф. А. | 8 |
| Голушевъ | 139 |
| Григорій изъ Хандзы | 57 |
| Гунаусъ Антоніо | 296 |
| Гюисманъ К. | 213-214, 292 |
| Давидъ Строитель | IX |
| Давидъ с.-д. | 78 |
| Деникинъ ген. | 191, 195-6, 198-204, 206, 210, 220, 236 239-40, 248-9 |
| Дея полк. | 249 |
| Джавахишвили Иванъ | 4 |
| Джафаровъ Мамедъ | 7, 57, 210 |
| Джемаль-паша | 37, 50-1 |
| Джугели Валико | 29 |
| Дольчи Анджело | 143 |
| Драгомировъ ген. | 201 |
| Екатерина II | 111 |
| Енукидзе Авелъ | 10 |
| Жорданіа Ной | 28, 33, 56, 58, 61, 110, 133, 165, 167 205, 206, 222, 285 |
| Зок-а-д-даулे | 298 |
| Зурабовъ Аршакъ | 70 |
| Иззетъ-паша | 135, 139-141 |
| Ираклій II | 111 |

| | |
|--|--------------------------------|
| Іоганнесъ | 80 |
| Іонеску Тома | 296, 298 |
| Іоффе | 78, 99, 111, 123 |
| Камбонъ Жюль | 241, 242, 245, 249 |
| Камбонъ Поль | 179 |
| Каммерсръ | 179-180, 254-6 |
| Канделаки Константинъ | 285, 291 |
| Кацазунин Рубенъ | 34, 39, 62, 95 |
| Каутскій Карль | 292 |
| Квнитадзе Георгій | 59 |
| Кедіа Спиридонъ | 18, 84 |
| Керенскій А. Ф. | 6-7 |
| Керзонъ лордъ ... 241, 245, 247, 269, 279, 288, 300, 310, 311 | |
| Керръ Філіппъ | 214, 243 |
| Колби Б. | 307 |
| Колчакъ адмиралъ ... 193-5, 201-2, 223-4, 236, 239, 248 | |
| Коргановъ Гаврілъ | 58 |
| Кориген.. | 198 |
| Коркіа Александръ | 9 |
| Красинъ | 204, 305, 310 |
| Клемансо Жоржъ | 173, 208, 227, 245-6 |
| Крессъ-Ф.-Крессенштейнъ ... 79-80, 85, 109, 146 154 | |
| Кригे д-ръ I. | 78-80, 86-89, 110-1, 124 |
| Кюльманъ Р. фонъ | 77, 80-82, 89-91, 99, 109, 111 |
| Ладижъ (Lodge) сен. | 157 |
| Лафонтеん сен. | 302, 304-5 |
| Лангъ У. | 244 |
| Ледницкій А.И. | 6 |
| Лейстъ Артуръ | 60 |
| Лиманъ ф. Сандерсъ | 122 |
| Листъ ф. | 110-11 |
| Лойдъ Джорджъ ... 181, 208, 239, 241, 245, 247, 252 288, 300, 310-11 | |
| Лонгэ Жанъ | 213 |
| Лоссовъ ф. ген. ... 38, 52, 54, 56, 60, 63, 65, 70, 72, 77-80 84, 86, 89, 134-5 141 | |
| Ляцкій Е.А. | 13 |
| Людендорфъ | 79, 80, 88, 144 |
| Людовикъ XIV | 312 |
| Магерамовъ Магометъ | 234, 241, 246 |
| Мазніевъ Георгій ген. | 198 |
| Макдональдъ Рамзей | 213, 292 |
| Макиндеръ | 240 |
| Маллетъ, сэръ Луисъ | 163 220 |
| Марръ акад. | 25 |
| Мачабели Георгій кн. | 80, 83 |
| Махмутъ-паша | 138 |
| Мдивани Сисико | 168 |
| Мехмандаровъ ген. | 210 |

| | |
|-----------------------------------|--|
| Мейеровичъ | 195 |
| Мехтиевъ Миръ-Якубъ | 234 |
| Милнъ ген. | 206 |
| Мирбахъ, графъ | 52 |
| Митридатъ Евпаторъ | VIII |
| Монзи, де | 234 |
| Морисъ Ф. ген. | 303-4 |
| Муссолини | 224 |
| Мустафа Кемаль .. | 230, 232, 259, 289, 299, 301, 305 |
| Муціусъ фонъ | 119 |
| Наби-бей | 140 |
| Набоковъ В.Д. | 8 |
| Нансенъ Ф. | 296-7, 299-300, 302-3 |
| Нарадунгіанъ Габріэль Эфенди ... | 267, 273, 278-9 |
| Науманъ Ф. | 78 |
| Николадзе Николай ... | 34, 38-9, 51, 57-8, 60-1, 65, 71 80-2, 84, 86, 101, 105, 116, 123 |
| Николай II | 198 |
| Николай Никлаевичъ Вел. Кн. | 71, 165, 254 |
| Николай Михайловичъ Вел. Кн. | 81 |
| Нитти Ф. | 224, 245 |
| Нольдебар.Б.Э. | 12 |
| Норрегоръ Б. | 120 |
| Нубаръ Богось | 168-9, 175, 263, 265 сл., 276-7, 279 |
| Нурі-паша | 135 |
| Нурсетъ-бей | 41, 64 |
| Овей Э. | 117, 158 |
| Оганджанянъ Амазаспъ | 70, 123, 213 |
| Одишелидзе Илья | 58, 59, 62, 85, 92, 210 |
| Оксенштъерна гр. Аксель | 244 |
| Орбеліани С. Сулханъ | 186, 312 |
| Орханъ-бей | 40, 94 |
| Падеревскій | 298 |
| Пайеръ фонъ | 107-8 |
| Пападжановъ Михаиль | 96, 134 |
| Переверзевъ П. | 6 |
| Петре свящ. | 143 |
| Піппъ | 5 |
| Піо свящ. | 134, 145 |
| Пішонъ С. | 119, 173-4, 181, 235 |
| Политисъ Н. | 296-7 |
| Поска | 195 |
| Пулле | 297 |
| Рагги Сальваго | 222 |
| Райкрофтъ ген. | 167 |
| Рамишили Ной ... | 61, 63, 64, 65, 92, 93, 96, 167, 197, 210 |
| Расулъ-Заде Магометъ Эминъ | 34, 39, 95, 134, 136 |
| Рауфъ-бей | 142, 155 |
| Рей (Rea) полк. | 237 |
| Ренодель Пьеръ | 213, 292 |

| | |
|----------------------------|---|
| Рестропо | 298 |
| Решадъ-Хикметъ | 140, 155 |
| Розенбергъ фонъ | 77, 80, 81, 84, 85 |
| Рорбахъ П. | 85 |
| Рихиладзе Григорій | 92 |
| Сабахтарашвили Константинъ | 279 |
| Сагателянъ чл. Г. Д. | 209 |
| Сазоновъ С. Д. | 178 |
| Сафиковъ Асланъ-бекъ | 57 |
| Сесиль лордъ Робертъ | 299, 302-3 |
| Симонсъ д-ръ | 80, 82-3 |
| Сноуденъ Э. г-жа | 292 |
| Соколовъ К. Н. | 201 |
| Стокъ полк. | 289 |
| Сумбатовъ Михаилъ кн. | 153, 297, 299, 300 |
| Сургуладзе Петръ | 57-8, 68 |
| Талаатъ | 37, 114, 121, 122-4, 127, 133 |
| Таки-заде | 78 |
| Тамара | IX, 25 |
| Тевфикъ-паша | 133, 138 |
| Тиграновъ, Л. Ф. ген. | 10, 11 |
| Тигранъ, царь Армении | 34 |
| Тисса графъ | 146 |
| Томсонъ ген. | 205, 222 |
| Топчибашевъ | 135, 195, 234, 241, 242, 265 сл., 279 |
| Торрета маркизъ | 222, 241 |
| Тундутовъ кн. | 71, 77-9 |
| Уордропъ сэръ Оливеръ | 118, 158-9, 200, 236, 241 |
| Усубековъ Насибъ-бей | 57, 237 |
| Фаррухъ-Эфенди | 122 |
| Фердинандъ Болгарский | 130-1 |
| Финдлей сэръ М. К. | 117-119, 158 |
| Фишеръ | 297, 299 |
| Фошъ | 116, 245 |
| Франкенштейнъ ф. | 84 |
| Фридрихъ кронпринцъ | 79 |
| Халиль-бей | 37, 40-1, 50, 60-1, 84, 94, 96 |
| Харбордъ ген. | 228-9, 230-232 |
| Харламовъ | 7 |
| Хасмамедовъ Халиль-бекъ | 57, 135 |
| Хаскель полк. | 227-8, 232 |
| Хатисянъ Александръ | 34, 39, 51, 62, 96, 237 |
| Хаузъ (House) полк. | 199, 226 |
| Хойский Патали-ханъ | 57 |
| Хостаріа Акакій | 17, 18 |
| Целли Энрико | 224 |
| Церетели Ираклій | 32, 177, 179, 180, 183 сл. 189, 202 208, 213, 218, 219, 220, 241, 242, 246, 280, 292 |
| Церетели Михаилъ | 80, 83, 86, 153 |

| | |
|---|----------------------|
| Чавчавадзе Гарсанъ | 238 |
| Чавчавадзе Илья | 238 |
| Черкезовъ Александръ | 9 |
| Чермоевъ Абдуль-Меджидъ-бей | 40, 195 |
| Черчиль У. | 204, 243, 245 |
| Чичерины нар. ком. | 53, 305 |
| Чобаниянъ Аршакъ | 279 |
| Чхеидзе Николай ... 177, 179, 180, 183 сл. 189 195, 218-9 222, 246, 256, 265 сл. 271, 275 сл. 286-7, 291 | |
| Чхениели Акаий ... 24, 27-8, 33-5, 38, 41, 46, 49, 51 57-65, 71-2, 77, 80-1, 84, 86-7, 107, 116, 123-4, 142-4, 153, 177 207, 212, 311 | |
| Шагасъ | 298 |
| Шамиль | 137 |
| Шардини полк. | 167, 254-5 |
| Шейдеманъ | 78, 128 |
| Шейх-уль-и сламъзаде Акберъ | 234 |
| Штейнъ бар. фонъ | 84, 106-7 |
| Шуленбургъ графъ | 38, 41, 59, 62, 64-5 |
| Шульгинъ В. | 198 |
| Энверъ-паша..... | 112, 135 |
| Эрцбергеръ М. | 78 |
| Эсадъ-паша | 84 |
| Юденичъ ген. | 239 |

Исправление погрешностей.

| Стр. | Строка | Читать: | Стр. | Строка | Читать: |
|------|-----------|----------------|------|---------|----------------|
| 14 | загол. | 133 | 165 | 18 | Закавказы |
| 16 | прим. | стр. 12 | 173 | 15 | созданий |
| 21 | 2 стр. | отодвинувъ | 174 | 2 | войнъ |
| 36 | посл. ст. | своего | 178 | 1 | Парижъ, |
| — | 8 | внушительной | 195 | 2 снизу | осталась |
| — | 13 | gratissima | 197 | 9 | призываютъ |
| 40 | внизу | нефти). | 200 | 26 | впередъ |
| 42 | 4 | мѣстностяхъ | — | 35 | изложено |
| — | 20 | Эчміадзинскаго | 203 | 23 | возстановленіе |
| 45 | 4 | осмыслился | 204 | § 63 | |
| — | 10 | единственнымъ | 206 | 23 | упрощенно. |
| 50 | 8 | § 21 | 221 | 15 | зрѣнія, |
| 57 | | § 24 | 232 | 3 | Армении |
| 67 | 15 | фабрикованныхъ | — | 15 | bluff |
| 77 | заглавіе | Берлинъ | 233 | 3 | обремененность |
| 88 | 7 | власти | 236 | 8 сн. | самое |
| 90 | 22 | эти | 244 | 5 сн. | мѣстопребыва- |
| 93 | 15 | жизненнымъ | | | ние |
| 99 | 7 | стр. 89 | — | 6 | союзниками |
| — | 24 | пагубъ | 246 | 19 | испрашивалась |
| — | 5 снизу | конференціи | 255 | 11 | комиссію |
| 103 | 19 | хирѣвшей | — | 3 сн. | 1918 |
| 111 | 10 | политическія | 261 | 2 сн. | домогательствъ |
| 123 | 4 | сегодня | 263 | 6 | перенесено |
| 134 | 17 | пестрѣли | — | 2 сн. | процедуры |
| 143 | 12 | отовсюду | 267 | 3 | роѣвъ вм. рѣчь |
| 155 | 1 | совѣтской | 271 | 1 сн. | армяне |
| 158 | 5 | которымъ | 274 | 8 | максимумъ |
| 163 | 5 | всесторонне | 290 | 2 | 9 мая, |
